НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

М.М. БЕНЦИАНОВ

«КНЯЗЬЯ, БОЯРЕ И ДЕТИ БОЯРСКИЕ»

Система служебных отношений в Московском государстве в XV—XVI вв.

Выпуск 16

ЦЕНТРПОЛИГРАФ®

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В монографии рассматривается становление и развитие системы служебных отношений в Русском государстве XV–XVI веков, показан процесс постепенного формирования наиболее значимых институтов, определивших характер взаимоотношений государственной власти с массами служилых людей. Важнейшими из них были распространение обязательной службы, создание Государева двора, широкие поместные раздачи, введение окладов, а затем и появление служилых «городов». Особенностью исследования является комплексный подход, позволяющий оценить многообразие факторов, влиявших на принятие тех или иных решений, а также проследить их последствия, как для центрального правительства, так и для самих служилых людей, в длительной перспективе.

Книга рассчитана на историков и читателей, интересующихся вопросами становления и развития отечественной государственности.

- Михаил Бенцианов
  -
  - Введение
  - Глава 1. У истоков службы
  - Глава 2. Государев двор – «корпорация корпораций»
  - Глава 3. Формирование поместной системы
    -
    - Новгородский вариант. Первые поместные раздачи
    - На смоленском рубеже
      -
      - Можайский уезд
      - Вяземский уезд
      - Смоленский уезд
    - Южные окраины
      -
      - Коломенский уезд
      - Каширский уезд
  - Глава 4. Итоги развития поместной системы. Окладные нормы
  - Глава 5. Создание служилых «городов»
  - Заключение
  - Список сокращений
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132

- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176

- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220

- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264

- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308

- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352

- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396

- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440

- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484

- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528

- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532
- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572

- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576
- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616

- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620
- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660

- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664
- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680
- ○ 681
- ○ 682
- ○ 683
- ○ 684
- ○ 685
- ○ 686
- ○ 687
- ○ 688
- ○ 689
- ○ 690
- ○ 691
- ○ 692
- ○ 693
- ○ 694
- ○ 695
- ○ 696
- ○ 697
- ○ 698
- ○ 699
- ○ 700
- ○ 701
- ○ 702
- ○ 703
- ○ 704

- ○ 705
- ○ 706
- ○ 707
- ○ 708
- ○ 709
- ○ 710
- ○ 711
- ○ 712
- ○ 713
- ○ 714
- ○ 715
- ○ 716
- ○ 717
- ○ 718
- ○ 719
- ○ 720
- ○ 721
- ○ 722
- ○ 723
- ○ 724
- ○ 725
- ○ 726
- ○ 727
- ○ 728
- ○ 729
- ○ 730
- ○ 731
- ○ 732
- ○ 733
- ○ 734
- ○ 735
- ○ 736
- ○ 737
- ○ 738
- ○ 739
- ○ 740
- ○ 741
- ○ 742
- ○ 743
- ○ 744
- ○ 745
- ○ 746
- ○ 747
- ○ 748

- ○ 749
- ○ 750
- ○ 751
- ○ 752
- ○ 753
- ○ 754
- ○ 755
- ○ 756
- ○ 757
- ○ 758
- ○ 759
- ○ 760
- ○ 761
- ○ 762
- ○ 763
- ○ 764
- ○ 765
- ○ 766
- ○ 767
- ○ 768
- ○ 769
- ○ 770
- ○ 771
- ○ 772
- ○ 773
- ○ 774
- ○ 775
- ○ 776
- ○ 777
- ○ 778
- ○ 779
- ○ 780
- ○ 781
- ○ 782
- ○ 783
- ○ 784
- ○ 785
- ○ 786
- ○ 787
- ○ 788
- ○ 789
- ○ 790
- ○ 791
- ○ 792

- ○ 793
- ○ 794
- ○ 795
- ○ 796
- ○ 797
- ○ 798
- ○ 799
- ○ 800
- ○ 801
- ○ 802
- ○ 803
- ○ 804
- ○ 805
- ○ 806
- ○ 807
- ○ 808
- ○ 809
- ○ 810
- ○ 811
- ○ 812
- ○ 813
- ○ 814

Михаил Бенцианов «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв.

© Бенцианов М.М., 2019
© «Центрполиграф», 2019
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

Введение

Стремительная экспансия и расширение границ Московского государства в последние десятилетия XV в. стали полной неожиданностью для его соседей. На этой волне было успешно осуществлено присоединение Новгородской республики, Тверского княжества, Вятской земли, а также захвачены значительные массивы земель, принадлежавших прежде Великому княжеству Литовскому. В первые десятилетия XVI в. наступательное движение было продолжено аннексией Псковской земли, Рязанского княжества и, в качестве заключительного аккорда, взятием Смоленска, которые обозначили с незначительными изменениями западные рубежи России на несколько последующих столетий. Что более важно, присоединенные обширные территории в дальнейшем прочно вошли в состав государства, потеряв в течение времени характерные для них ранее особенности политического и социального положения.

Весь этот насыщенный территориальными присоединениями отрезок времени занял менее четырех десятилетий и был тем более удивителен на фоне нескольких предшествующих столетий, когда границы Северо-Восточной Руси – великого княжества Владимирского оставались в значительной степени стабильными и неизменными.

В основе наступательного «спурта» лежало коренное переустройство действующих моделей устройства государственного механизма, выработка новых ориентиров социальной политики. В первую очередь изменения затронули систему организации службы, которая стала со временем определяющим элементом, под который подстраивались другие социальные институты.

Уникальность ситуации заключалась в том, что рассматриваемый промежуток «больших реформ», включающий и активизацию экспансионистских планов московского правительства, начался в период затишья на внешних рубежах страны. Ориентировочной точкой отсчета для него стали крупномасштабные поместные раздачи в Новгородской земле 1480–1490-х гг., во время которых более 2000 детей боярских были перемещены на новозавоеванную территорию.

Правление Ивана III характеризуется значительным ослаблением татарской угрозы. После казанских походов конца 1460-х гг., инициатором которых выступала московская сторона, а затем и успешного водворения на престол в 1487 г. московского

ставленника Мухаммеда-Амина это направление военных действий не требовало приложения значительных усилий. Достаточно спокойно складывалась в это время и ситуация в «Поле». Если не считать нападения «казаков» (1468 г. – разорение волости Беспута и 1492 г. – вылазка на волость Вошань), то всего удается насчитать несколько крупных операций. В 1472 и в 1480 гг. русской армии противостояли силы хана Большой Орды Ахмата. В обоих случаях дело так и не дошло до масштабных столкновений. После бесславного ухода с берегов Угры Ахмат был убит. Вплоть до начала 1490-х гг. татарские отряды не беспокоили земли Московского государства. В 1491 г. русские полки вместе с отрядами союзных казанцев были выдвинуты в «Поле» в помощь крымскому хану Менгли-Гирею для отражения удара сыновей Ахмата. В этом случае также обошлось без кровопролития: «Сила великого князя возвратися восвояси без брани».

Не преуменьшая значения этого «фронта», где при неблагоприятном стечении обстоятельств события могли развиваться совсем в другом направлении, стоит констатировать, что здесь не возникало значимых предпосылок для наращивания оборонных мощностей. Немногочисленные для этого времени, не в пример последующим десятилетиям, татарские набеги могли отражаться силами местных ополчений.

Ко второй половине XV в. сошла на нет экспансия со стороны Великого княжества Литовского, которое не смогло даже извлечь сколько-нибудь серьезных дивидентов из затянувшейся междоусобной войны на территории своего восточного соседа. Обосновавшиеся там удельные князья московского дома не проявляли значительной активности, а заключавшиеся между ними соглашения (договор между Иванами Можайским и Серпуховско-Боровским) о совместных действиях по возвращению отобранных земель имели скорее декларативный характер.

После смерти великого князя Бориса Александровича закончился золотой век Тверского княжества. Иван III был женат на его дочери, что впоследствии сыграло свою роль в утверждении здесь московского влияния. Новый тверской князь Михаил не отличался энергичностью и заслужил нелестную оценку современников «играл в дуду, сбежал в Литву». Уже в 1470-х гг. начался массовый отъезд его бояр. Общий вектор взаимоотношений был отражен в летописном тексте о пограничных обидах: «Где межи сошлися с межами, где ни изобидять московские дети боярские, то пропало. А где тверичи изобидять, а то князь великий (Иван III. – *М. Б.*) с поношением посылает и с грозами к Тверскому. А ответом его веры не иметь, а

суде не дасть»[1]. Быстрое и безболезненное завоевание Тверского княжества в 1485 г. было естественным продолжением подобной пассивной политики.

В союзнических отношениях с Московским государством состояло также Рязанское княжество. В 1456 г. Иван Рязанский поручил своего сына Василия, а вместе с ним и управление своим княжеством Василию Темному. Позднее Василий Рязанский женился на дочери московского великого князя и не проявлял признаков своеволия. После его преждевременной смерти в 1485 г. правительницей стала сестра Ивана III Анна.

В последних двух случаях не возникало даже гипотетической возможности противостояния возрастающей мощи московских князей. Тверские и рязанские полки задолго до потери этими княжествами политической независимости регулярно принимали участие в походах московских (общерусских) ратей.

Недееспособность военно-политической организации Великого Новгорода отчетливо проявилась во время сражения под Русой в 1456 г. и, в значительно большей степени, в Шелонской битве 1471 г. В 1460–1470-х гг. для Новгородской республики жизненно важное значение имел вопрос отстаивания существующих территориальных границ, который, впрочем, не получил своего разрешения. В 1478 г. это политическое образование потеряло независимость, став частью объединенного государства.

Непокорные вятчане, наводившие ужас своими молниеносными свирепыми походами во времена Феодальной войны, после разгрома Дмитрия Шемяки утратили свое «знамя». Не являясь союзниками великокняжеской власти, они значительно умерили активность. Походы на Вятку 1457 и 1459 гг. привели к тому, что вятчане «великому князю добили челом»[2]. Они участвовали в походе на Казань 1469 г., а затем в 1471 г. в боях на Двине с новгородцами. Конфликт с устюжанами 1484 г. привел к появлению вятской рати под устюжским городком Осиновцем. Расплата за «измены» последовала в 1489 г., когда на Вятку были отправлены московские воеводы, покончившие с полунезависимым статусом этой отдаленной территории.

Не были созданы идеологические предпосылки для реваншистских или экспансионистских настроений. Дипломатическая переписка с Великим княжеством Литовским в 80-х – 90-х гг. XV в. демонстрирует скромные территориальные претензии к западному соседу. Речь пока не шла о возвращении комплекса русских земель (Киев, Полоцк, Витебск), как это будет характерно для последующих переговоров о вечном мире. Только

в 1504 г., уже по итогам победоносной для московской стороны войны, были озвучены притязания на наследие киевских князей: «Вся Русская земля, и Киев, и Смоленеск, и иные городы… из старины, от наших прародителей наша отчина»[3]. Московские князья не могли претендовать и на статус наследников Золотой Орды.

В целом рассматриваемые десятилетия были исключительно благоприятными для внутреннего развития. Границы страны не подвергались угрозам систематических опустошений со стороны соседей. Необходимость наращивания военного потенциала имела второстепенный характер и вполне могла быть отложена до лучших времен. Большая часть внушительных территориальных завоеваний третьей четверти XV в. была осуществлена имеющимися силами, в рамках традиционной системы организации воинских сил. Создание новой структуры, с введением обязательной службы и масштабными поместными раздачами, было обусловлено скорее внутренними факторами, причем военная (оборонительная) составляющая имела в них далеко не главное значение.

Служба нашла более широкое применение, цементируя новое государственное образование. Московское государство приобретало целостность за счет проведения комплексных преобразований и организации «правильной» службы с привлечением нескольких тысяч служилых людей – детей боярских. При неразвитости общественных институтов и горизонтальных связей ориентация на военно-политическую модель развития, как и во многих других исторических примерах, обеспечивала быстрый и достаточно эффективный результат.

Положение служилых людей ставило их в прямую зависимость от государственной власти. В отличие от других социальных групп, получая поместья или сохраняя вотчины под условием обязательной службы, они попадали в прямую зависимость от центрального правительства и теряли при этом определенную степень своей свободы. Эта особенность отразилась в их самообозначении при обращении к «государям всея Руси». А.А. Горский заметил, представители московской аристократии, не говоря уже о более низких по рангу лицах, уничижительно называли себя его «холопами». Выходцы же из податных слоев населения были их «сиротами»[4].

Присоединение той или иной территории и ее последующее закрепление сопровождались приемом на службу местных «служилых землевладельцев», по определению С.Б. Веселовского. Лучшие из них попадали в состав Государева двора и получали доступ к должностям в системах центрального и местного

управления. При возникающих сомнениях в благонадежности потенциальных новых детей боярских, как это было в случаях с Новгородской землей или землями, отторгнутыми от Великого княжества Литовского, в ход шли принудительные перемещения и раздачи освободившихся земель более лояльным «вассалам» из центральных уездов.

Получив в свое распоряжение несколько тысяч исполнителей различного уровня и решив вопрос их материального обеспечения, великокняжеская (затем царская) власть могла задействовать их как по прямому назначению – для ведения активной внешней политики, так и для внутреннего использования (в качестве судей, писцов, разъездчиков по земельным спорам, недельщиков, приставов, городовых приказчиков). Лица более высокого ранга, представители аристократических фамилий, входили в состав Боярской думы, занимали должности воевод, больших послов и получали в кормления наместничества в крупнейших городах страны. Использование этого кадрового ресурса дало внушительный импульс для развития. Рост делопроизводственной документации конца XV в., создание для них единообразных шаблонов (писцовые описания, посольские книги, вероятно, также дворовые списки) свидетельствуют о создании общегосударственного аппарата, получившего стимулы для дальнейшего саморазвития и вмешательства в различные стороны общественной жизни.

Обратной стороной медали стала необходимость постоянного контроля службы. Запущенный механизм должен был исправно функционировать. Сбои в его работе грозили нарушить, а временами и действительно нарушали созданный баланс между центральным правительством и местными сообществами. Проблема усугублялась тем, что благоприятные десятилетия конца XV в. уже не повторялись в последующее столетие. Ввязавшись в затяжную и разорительную войну с Великим княжеством Литовским, Московское государство ожидаемо получило обострение отношений с Казанским и Крымским ханствами. На протяжении всего XVI в. ему постоянно приходилось вести военные кампании сразу на нескольких направлениях. Далеко не все они были успешными для русской армии (сражение под Оршей). Высокими были потери среди служилых людей, быстро восполнить которые было достаточно проблематично.

В этой связи трудно переоценить значение заложенного ранее военного потенциала. Несмотря на постоянный рост численности детей боярских, их не хватало для решения текущих задач. Уменьшение земельного фонда в центральных уездах страны,

нарастание проблем, связанных с передачей статуса и должностей по наследству, резкое увеличение числа местнических столкновений между воеводами, несоответствие между номинальными окладами и фактическими размерами имеющихся земельных наделов и, как следствие, снижение боеспособности армии – эти проблемы имели жизненно важное значение. Очень быстро вопрос полноценного выполнения своих обязанностей массой рядовых служилых людей стал головной болью для центральной власти. От его решения зависели вопросы текущего управления, не говоря уже о перспективах будущего развития.

Необходимо понимать, что не существовало какого-то единого шаблона, который мог быть взят за основу при создании и дальнейшем совершенствовании различных аспектов службы. Все изменения были обусловлены текущими потребностями, их введение осуществлялось методом проб и ошибок, без учета будущих последствий того или иного решения. Процесс постепенного доведения действующей организационной структуры до кондиций, устраивающих московское правительство в долговременной перспективе, занял длительное время. Его окончание условно можно связать с организацией самоуправления служилых «городов» в 1570-х гг., хотя и после этого вопрос о том, как бы службу «устроити», продолжал сохранять значение в жизни страны.

Глава 1. У истоков службы

Традиционная система службы в княжествах Северо-Восточной Руси XIII–XIV вв. развивалась по модели, сходной для многих европейских стран. В ее основе находились две основных составляющих: немногочисленные княжеские дворы и территориальные ополчения, включавшие в себя широкие слои населения, в том числе и представителей боярства. Первые упоминания о княжеских дворах (малых дружинах) относятся к последней трети XII в. Их появление было отражением общего процесса феодализации и трансформацией распространенных в более раннее время княжеских дружин[5]. Получая кормления, а позднее и вотчины, в разных частях того или иного княжества, дружинники лишь эпизодически находились в непосредственном окружении князя. Распространение получили городовые дружины, которые нередко проявляли себя как самостоятельные участники политических процессов. В междоусобном противостоянии Юрьевичей и Ростиславичей «дружина Ростовская и переяславци» поддерживали Ярополка Ростиславича, в то время как владимирцы – князей Михаила и Всеволода Юрьевичей[6].

Двор составлял непосредственное окружение князя и выступал вместе с ним в походы, участвуя в разделе военной добычи[7]. В составе двора находились бояре, занимавшие места в княжеском совете и присутствовавшие на судебных разбирательствах. Численно преобладала «молодшая дружина»: отроки, пасынки, детские, мечники, получившие в конце XII в. общее имя – дворяне (позднее слуги). Эти дворяне, «милостники», в том числе, возможно, и лично несвободные, тесным образом были связаны с княжеской властью. Они не только сопровождали князей в походах, но и выполняли различные судебно-административные поручения на подвластных им территориях. С течением времени дворяне вслед за боярами стали получать в награду за службу кормления и земельные пожалования, превратившись в одну из категорий феодалов-землевладельцев. С середины XIII в. вместо термина «дворяне» в источниках начинают фигурировать слуги (меньшие бояре), которые, в свою очередь, с середины XV в. стали обозначаться как дети боярские[8]. Существенной трансформации подвергся со временем и термин «боя рин», который стал употребляться сразу в нескольких смыслах: как крупный «вассал», член совета одного из князей (митрополита), и одновременно как землевладелец-вотчинник, иногда не слишком высокого ранга. В последнем

случае «бояре» далеко не всегда были связаны с княжескими дворами[9].

Дальнейшее развитие института службы проходило в условиях распада прежнего единства Владимиро-Суздальской земли и вторжения монголо-татарских войск. Сразу следует оговориться, что при анализе эволюции служебных отношений приходится опираться по большей части на комплекс источников, отражающих внутреннюю жизнь территорий, находившихся в сфере влияния московских князей. Принципы социальной структуры в других землях и княжествах Северо-Восточной Руси могли иметь свои особенности. Именно московская модель, однако, стала основой для дальнейшей эволюции служебной организации в рамках будущего единого государства.

В.Б. Кобрин и А.Л. Юрганов высказали предположение о том, что в результате похода хана Бату 1237 г. и серии последовавших за ним набегов с исторической арены исчезло значительное число представителей боярства. Это предположение было поддержано В.Д. Назаровым. Результатом стало замедление процесса феодализации и появление на княжеской службе большого числа лиц более низкого социального происхождения, «привыкших к повиновению и готовых быть слугами, а не боевыми товарищами князей». Тезис об истреблении «старого» боярства был подвергнут критике, хотя и не опровергнут целиком, А.В. Кузьминым, показавшим преемственную связь ряда боярских фамилий с лицами, жившими в домонгольский период[10].

Изменения имели скорее не количественный, а качественный характер. Большинство историков, изучающих развитие русской государственности в XIV–XV вв., констатируют слабое развитие здесь феодальных отношений. Первые упоминания о боярских землях относятся еще к XII в. Даже принимая во внимание медленный ход процесса феодализации в Северо-Восточной Руси, результаты кажутся обескураживающими: еще в середине XV в. вотчины бояр и детей боярских (слуг вольных) были редкими вкраплениями на фоне многочисленных черных и дворцовых волостей. Небольшое количество дошедших от этого времени актов свидетельствует о слабом развитии института собственности. И даже в этих случаях, как справедливо отметил С.Б. Веселовский, степень феодализации была не слишком глубокой. Бояре занимались «хищнической эксплуатацией природных богатств», не стремились налаживать хозяйственный быт на принадлежащих им землях. Большую роль в качестве имущества играли холопы, число которых даже у сравнительно небольших вотчинников могло исчисляться несколькими десятками[11].

Складывается ощущение, что процесс феодализации, передача земель крестьянских общин в ведение феодалов, был искусственно ограничен, а сама княжеская (великокняжеская) власть была не слишком заинтересована в резком увеличении числа своих «вассалов». В различных княжествах эта тенденция могла проявляться более или менее отчетливо, но в общей системе никто из князей-претендентов на владимирский престол не выделялся по своему стремлению нарастить военный потенциал за счет многочисленных пожалований. «Черные» земли крестьянских общин долгое время находились в стороне от раздач. Более того, для обустройства собственного хозяйства московские князья сами зачастую приобретали земли у своих бояр.

Татарское влияние не ограничилось физическим уничтожением военно-служилой знати и массовым разорением населения Северо-Восточной Руси. Правители Золотой Орды имели успешный опыт эксплуатации покоренных земледельческих народов и не ограничились одними набегами. Повсеместное распространение получила система данничества, которая коренным образом изменила векторы и приоритеты развития служебных отношений. Судя по сохранившимся текстам княжеских завещаний, суммы «выхода» были отнюдь не символическими и ложились тяжким бременем на экономику. При отсутствии месторождений драгоценных металлов в конце XIV в. одно только Московское княжество выплачивало 1000 рублей; великое княжество Владимирское, включая московские земли, – уже 5000 рублей. Нижний Новгород платил 1500 рублей, и после его присоединения к Москве общая сумма «выхода» увеличилась до 7000 рублей. Самостоятельно собирали дань великие княжества Тверское, Рязанское и Ярославское[12].

Со второй половины XIII в. сбор дани выполнялся самими князьями. Для них подобная роль открывала новые перспективы. Обязанность выплачивать дань разделила территорию Северо-Восточной Руси на две неравноценные группы. Княжества, отличавшиеся выгодным расположением на торговых путях и развитым административным аппаратом, сравнительно легко могли отправлять татарский «выход» в полном объеме. Другие испытывали очевидные проблемы, которые усугублялись по мере возрастания задолженности. В случае задержки или даже неуплаты дани нерадивый князь мог поплатиться жизнью или потерять ярлык на свое княжество, которое попадало в сферу влияния более удачливых соперников. История с «кашинским долгом» едва не привела к захвату этого княжества московскими князьями. Многочисленные «посулы» и подарки татарским

вельможам позволяли без битв и крови расширять политическое влияние, а при случае приобретать права на задолжавшие или выморочные княжества[13].

Сбор дани в чужих княжествах сопровождался откровенными вымогательствами. О поведении москвичей в Ростове красочно рассказывает житие Сергия Радонежского: «Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отъяся от них власть, и княжение, и имение, и честь, и слава, и вся прочая потягну к Москве… возложиста велику нужю на град да и на вся живущая в нем, и гонение много умножися. И не мало их от ростовец москвичем имениа своа с нуждею отдаваху». Бесцеремонные московские бояре Мина и Василий Кочева буквально «выбивали» из ростовцев причитающиеся суммы. Результатом стало не только ослабление Ростовского княжества, но и переселение многих ростовцев на московские земли[14]. Не только москвичи проявляли такие злоупотребления. Михаила Тверского на суде у хана Узбека обвиняли в том, что он отсылал в Орду значительно меньше того, что в действительности собирали его сборщики на территории великого княжества[15]. Формально сохраняя атрибуты княжеской власти, князья из «слабых» княжеств постепенно теряли влияние и переходили на положение «служебников». Соперничество между различными княжествами Северо-Восточной Руси приобрело за счет этого ярко выраженный экономический характер.

Необходимое для «выхода» серебро можно было получать за счет продажи имеющихся ресурсов на внешние рынки. В условиях неразвитой экономики большая часть нагрузки в этом случае ложилась на крестьянские хозяйства. Их следовало оберегать, следить за сохранением в них нужного количества людей и, естественно, передавать в руки частных владельцев только в исключительных случаях.

Прежде всего, это правило затрагивало «вассалов» соседних князей. В договоре Дмитрия Донского и Владимира Храброго 1389 г. было сказано: «А сел ти (Владимиру Храброму. – *М. Б.*) не купити ни в моем уделе, ни в великом княженьи, ни твоим детем, ни твоим бояром. А хто будет покупил земли данные, служние или черных людей, по отца моего животе, по князя великого по Иванове, а те, хто возможет выкупити, ине выкупят, а не взмогут выкупити, ине потянут к черным людем. А хто не всхочет тянути, ине ся с земль сступят, а земли черным людем даром. Так же и мне, и моим детем, и моим бояром сел не купити в твоем уделе. А хто будет покупил, а то потому же»[16]. Как видно, стороны обязались взаимно не расширять свои владения и владения своих бояр, за счет покупки «земль данных». Аналогичные ограничения,

вероятно, имели и внутреннее хождение. В близком по смыслу пункте уставной грамоты митрополиту Киприану рассматривалась судьба митрополичьей домовной вотчины города Луховца: «А бояром и слугам князя великого и ***митрополичьим*** земль луховских не купити; а который будет покупил тем лести вон, а серебро свое взяти». Бояре на службе у митрополитов, не говоря уже о великокняжеских боярах, не могли покупать луховские податные земли. Запрет не рассматривался как ущемление их прав. Позднее приобретение «черных» земель производилось в случае княжеского пожалования, оформлявшегося особыми грамотами[17].

Запрет приобретать «черные» земли был обусловлен существованием определенного набора привилегий, распространявшегося на «боярские» земли. Деление земель на «черные» и «боярские» присутствовало в древнейших писцовых книгах. Подобное противопоставление свидетельствовало об особом статусе «белого» (свободного от податей и повинностей) боярского землевладения. «Боярские» земли свободно передавались по наследству, продавались и отдавались в качестве вкладов в монастыри, сохраняя свой статус[18]. Сохранившиеся источники говорят о значительных преимуществах, которыми пользовались бояре и слуги вольные при выплате дани. Их земли, скорее всего, были полностью освобождены от ее уплаты. В этом убеждает реакция летописца на действия тверского князя, который «нача братанича своего князя Всеволода Александровича обидети и бояр его, и слуг его ***тягостию данною оскорбляти***». В исключительных случаях предполагалось собирать дань с бояр и в договоре Дмитрия Донского и Владимира Храброго 1389 г.: «***Коли ми*** (Дмитрию Донскому. – *М. Б.*) ***будет и дань взяти*** на своих боярех на больших и на путных, тогда ти взяти на своих так же по кормлению и по путем да дати ти мне»[19].

Древнейшая жалованная грамота, выданная Дмитрием Донским новоторжцу Микуле Смолину с детьми «по деде своего грамоте», предусматривала полное освобождение от дани: «Не надобе им потянути с новоторжьцы ни в которую дань, ни в ординское серебро, ни его сиротам»[20].

Княжеская власть была заинтересована в поддержании сложившегося статус-кво: уменьшение количества «черных» земель вело к снижению собираемости дани. Расширение фонда «боярских» земель без ущемления ее фискальных интересов было возможно за счет новых роспашей и организации на них хозяйства с одновременным переманиванием людей из соседних территорий. Формуляры жалованных грамот XIV–XV вв. показывают, что князья прилагали для этого существенные

усилия, предоставляя «инокняжцам» финансовые льготы. При выезде кого-либо из бояр им предпочитали отдавать «в отчину» различные охотничьи угодья и пустоши, непригодные для хозяйственного использования, хотя в этом случае не могло обойтись и без исключений. С.З. Чернов проанализировал складывание боярского землевладения в Радонеже и пришел к выводу, что во время правления Владимира Храброго здесь не было крупных вотчин-пожалований. Владения местных землевладельцев собирались частями. Лишь средняя по размерам вотчина Кучецких напоминала княжеское пожалование. Справедливо было отмечено, что указанная особенность объяснялась заботой удельных князей о сохранении черных земель[21]. По мнению исследователя, комплекс вотчинных земель, фиксируемый актами XV столетия, сложился не ранее середины XIV в. До этого времени основным средством обеспечения боярства были не земельные пожалования, а «дары многие», раздаваемые в форме передачи путей и различных кормлений[22].

Существовала, безусловно, и обратная тенденция. Несмотря на наличие или отсутствие татарской поддержки, не стоило пренебрегать и кадровым усилением собственных дворов. Родословные росписи фиксируют большое число примеров выездов «честных мужей», основателей известных впоследствии боярских и дворянских родов, на службу к основным участникам политической борьбы XIV–XV вв. – великим князьям Московским, Тверским, Рязанским. Меньше известно подобных примеров, относящихся к другим княжествам Северо-Восточной Руси. Знатных и влиятельных бояр, обладавших собственными отрядами «челяди», приходилось удерживать на своей службе, в том числе за счет передачи им некогда «черных» сел и деревень[23]. Несомненно, появление новых лиц вызывало отрицательное отношение со стороны сложившегося круга боярской знати. Подобные выезды вели к дроблению кормлений и нарушали сложившуюся иерархию. При этом неизвестны примеры сколько-нибудь явного и откровенного сопротивления «старых» бояр наплыву «чужаков», число которых при московском дворе постоянно возрастало на протяжении XIV в.[24]

Важным вопросом в этой связи является определение границ консолидации боярства как социальной прослойки, а соответственно, их возможность защищать свои интересы перед лицом княжеской власти. В отсутствие регламентирующих документов широкое распространение получило мнение о бытовании среди бояр удельного времени традиций родовой общности. Начало ему было положено еще в дореволюционной

историографии. С.М. Соловьев говорил о преобладании родового принципа: «В глубине жизни народной коренилось начало родовое; изгонится оно из одной сферы – с большею силою и упругостию обнаружится в другой»[25]. Наиболее яркое и обстоятельное исследование процесса складывания круга боярских родов и фамилий, сформировавших прослойку нетитулованной аристократии, принадлежит С.Б. Веселовскому. По его мнению, «не лица, не семьи, а роды составляли основные ячейки, из которых складывался класс». Изучение истории боярства удельного времени строилось им через призму изучения «важнейших боярских родов». А.А. Зимин продолжил линию С.Б. Веселовского, говоря об основанных на родовом принципе «старомосковских традициях», которые определяли порядок получения думных чинов. Именно они были сдерживающим фактором «при назначении тех или иных лиц в число боярских советников»[26].

Мнение о доминирующем значении родового начала и родовой общности в среде боярства XIV–XV вв. подспудно сохраняется в трудах современных российских историков, а признание приоритетного значения в политической борьбе родовых (клановых) связей имеет широкое распространение в зарубежной исторической науке. Основой для него является перенесение сложившихся к середине XVI в. местнических традиций на реалии более раннего времени[27].

Именно род выдвигался в качестве исходной единицы, объединяющей различные фамилии при составлении родословных книг. Положение в системе родового старшинства определяло местнический и служебный статус и отражалось на карьерном продвижении. Распространенным для середины XVI–XVII вв. было стремление служилых людей сохранить и увеличить размеры наделов в родовых вотчинах. Естественным кажется желание историков удревнить эти традиции, находя их истоки в отношениях более раннего времени. Бытование в течение нескольких столетий родовых отношений среди владетельных князей Рюриковичей Северо-Восточной Руси, рассматривавших доставшиеся им княжества как коллективное достояние, является достоверным фактом (княжеские «дольницы», совместное управление столицей княжества и т. д.)[28].

Забывается, что первые родословные росписи, фиксирующие представителей боярских фамилий, появляются лишь в 90-х гг. XV в. Их структура отличалась неразвитостью, а охват членов перечисляемых родов был далеко не исчерпывающим. А.А. Зимин высказал ряд критических замечаний о раннем возникновении местнических отношений, показав их изначально служилый, а не

родословный характер[29]. Понятие родового землевладения применительно к боярским фамилиям отличалось высокой степенью условности. Долгое время представители боярских родов с легкостью расставались с наследственными владениями: продавали, меняли, отдавали в приданое и делали вклады в монастыри, без учета возможных интересов своих однородцев[30]. Последние выступали в актах XV в., скорее, в качестве пассивных свидетелей, соседей-землевладельцев. Родственные связи, за редкими исключениями, проявлялись на уровне одного-двух колен (семейные связи) и редко осознавались при более отдаленном родстве.

Положение князей и бояр в удельное время существенно отличалось. В последнем случае не существовало значимых политических и экономических предпосылок для поддержания традиций родового единства. При разделе того или иного княжества в руки наследников переходили не только земли, но и сами бояре, которым приходилось служить при дворах князей-соперников, часто откровенных врагов. Во время Феодальной войны многие фамилии имели представителей при дворах различных князей. Показателен случай с Филимоновыми. Я. Жест был боярином и дворецким у Юрия Звенигородского, а его сын М. Русалка и дядя Семен Филимонович с детьми после ослепления Василия Темного в 1446 г. решительно поддержали свергнутого великого князя. Среди Морозовых верным сторонником Василия II выступил также Василий Шея, в то время как его брат Игнатий «держал» от Дмитрия Шемяки Галич[31]. Морозовы-Филимоновы были не единственным родом, политические пристрастия членов которого разошлись в это время. Судьба разбросала по разные стороны также потомков Акинфа Великого. Дмитрию Шемяке служили сыновья А. Остея Роман Безногий и Тимофей. Их двоюродный брат Ф.М. Челяднин и троюродный – Ю.Р. Каменский сохранили верность Василию Темному. В.И. Чешиха Замытский «засветился» на службе у Ивана Можайского. Далеко не всегда линия противостояния в этой затянувшейся Смуте проходила между отдельными боярскими родами, как считал С.Б. Веселовский[32].

Не исключено, что за несколько десятилетий Феодальной войны боярскими семьями были опробованы разные стратегии выживания, которые могли предусматривать одновременную службу их представителей разным князьям. При ужесточении борьбы такая позиция не всегда гарантировала конечный успех. Конфискации подверглись вотчины братьев Добрынских и И.Д. Всеволожа. Их потомки, несмотря на высокое положение, занимаемое их родственниками в окружении великого князя

(Образцовы-Симские и Заболоцкие, соответственно), были навсегда вытеснены из боярской среды[33].

Процесс дифференциации внутри боярских родов не всегда был связан с коллизиями политической борьбы. Значение имели и другие факторы: способность к несению службы, финансовое положение, благорасположение князя-сюзерена. Некоторые фамилии добивались высокого положения на службе. Их менее удачливые родственники деградировали до уровня рядовых детей боярских. Княжеская власть занимала в этом вопросе позицию молчаливого наблюдателя, не препятствуя выделению «отбросов» и проявляя равнодушие к их судьбам. Характерен пример бояр Ворониных, пострадавших от запустения, вызванного исчезновением дмитровского удела и моровыми поветриями. Один из сыновей переславского вотчинника И.И. Воронина «дался в холопи при отце при своем до мору княгине Офросинье, а держал от нее волость Куней». Трое его сыновей опустились еще ниже, став боярскими холопами. Четвертый сын «в попех». Последний сын И.И. Воронина получил место монастырского дьяка[34].

В подобных ситуациях однородцы не спешили прийти на помощь, часто предпочитая «открещиваться» от не удачливых родственников. В родословной Вельяминовых сохранился краткий перечень потомков казненного Дмитрием Донским Ивана Васильевича, сына тысяцкого: «И отъ Ивана дети опалы для въ своемъ роду и въ счете не стояли». В.А. Кучкин справедливо полагал, что к этому роду принадлежали переславские вотчинники Вельяминовы, имена которых отсутствовали в родословцах. Они, несмотря на предполагаемое родство с боярами Воронцовыми, затерялись в массе рядовых служилых людей[35].

Естественные тенденции боярства к замкнутости и ограниченности состава, позволявшие распределять доходные должности и кормления среди узкого круга лиц, в случае великокняжеского двора размывалась притоком новых лиц и фамилий, многие из которых сумели оттеснить «старых» слуг. Этот процесс не был закончен в XIV в. и продолжался в последующие столетия. Вряд ли допустимо предположить наследственный характер статуса боярина. После Феодальной войны в ряды боярства вошли худородные сподвижники Василия Темного, такие как, например, Ф.В. Басенок. Позднее число бояр пополнили «сурожане» Ховрины (В.Г. Ховрин – «гость да болярин» великого князя), породнившиеся через князя Ю. Патрикеева с семьей великого князя[36].

Стоит подробно остановиться на пресловутом праве

боярского отъезда. Часто высказывалось мнение о том, что оно выступало в качестве средства воздействия на княжескую власть, терявшую свой престиж после подобного поведения своих «вассалов»[37]. Сущность боярского отъезда заключалась в праве бояр и слуг вольных переходить без ограничений из одного княжеского двора в другой, не теряя при этом вотчин в прежних княжествах. Формальное значение право боярского перехода сохраняло еще в первой трети XVI в. Из русско-литовских посольских книг известно, что московское правительство неоднократно прикрывало им свои действия. В ответ на запрос о судьбе незадолго до того захваченного королевского дворянина И. Ботвиньева последовал ответ: «А он слуга вольной, приехал к нам служити, а и наперед того к нам вольные люди ездили, а и ныне к нам приехал вольной же слуга». Память о свободных переходах сохранялась в кругах московской аристократии еще в середине XVI в. Ее отголоски можно обнаружить в переписке Ивана IV и князя А.М. Курбского[38].

Касаясь вопроса о праве вольного отъезда, С.Б. Веселовский считал, что начиная с середины XIV в. боярские переходы были скорее исключением, чем правилом и должны были сопровождаться церемонией формального отказа в присутствии самого князя и нескольких его бояр, по аналогии с процедурами крестьянских переходов. Это мнение было поддержано Х. Рюссом[39]. В упомянутом примере с И. Ботвиньевым ни одна из сторон, однако, не апеллировала к процедуре формального отказа, которая явно не была соблюдена. Судя по межкняжеским договорным грамотам, в XIV в. практика боярского отъезда носила будничный характер. В договоре Дмитрия Донского и Владимира Храброго 1367 г. предусматривалась возможность свободного отъезда бояр от одного князя к другому без отказа: «А который боярин поедет ис кормления от тобе ли ко мне, от мене ли к тобе, а службы не отслужив, тому дати кормление по исправе, а любо служба отслужити ему». Видно, что отъезды бояр происходили даже во время выполнения ими службы, без применения штрафных санкций, хотя подобная практика могла объясняться тесными союзническими отношениями между двумя двоюродными братьями[40].

Родословные источники дают неоднократные примеры боярских отъездов[41]. Рязанец И. Бунко известен тем, что в 1446 г. пытался предупредить Василия Темного об измене Дмитрия Шемяки и Ивана Можайского и «не ят ему веры, понеже бо тот Бунко за мало преже того отъехал к князю Дмитрею (Шемяке. – *М. Б.*)». Случай отъезда одного из бояр от самого Василия к Борису Тверскому упоминается в житии Мартемиана

Белозерского[42]. Отъезжали от Ивана Ивановича Московского в 1356 г. в Рязань «большие бояре Московстии». Спустя некоторое время, несмотря на то что они уже должны были связать себя гипотетической клятвой верности с новым сюзереном, великий князь «перезва к себе паки дву бояринов своих, иже отъехали были от него на Рязань, Михайло и зять его Василей Васильевич»[43]. Примечателен пример рязанцев Сунбуловых. Их предок Семен Федорович Ковыла Вислый выехал из Литвы в Москву. Около 1371 г. он уже оказался на службе у Олега Рязанского. Его сын Семен служил Василию Темному, а внук Яков – Федору Ольговичу Рязанскому[44].

В летописном известии 1392 г. сохранилось описание взятия Нижнего Новгорода войсками москвичей и хана Тохтамыша. Благодаря вероломству местных бояр городские ворота были открыты. Когда же Борис Нижегородский напомнил им о клятве верности «господие мои и братиа и малая дружина, попомните крестное целование, еже есте целовали ко мне, и не выдайте мене врагом моим», то получил исчерпывающий ответ от В. Румянца, «старейшего» боярина: «Господине, княже, не надейся на нас, уже бо есмы отныне не твои, и несть есмя с тобою, но на тя есмы». Этот пример в историографии часто рассматривается как свидетельство боярского отказа. Стоит отметить не только формальный характер процедуры, но и прямое клятвопреступление нижегородских бояр, которые рассматривали свой долг исключительно с прагматичной точки зрения[45].

В.Д. Назаров справедливо отмечал, что во второй половине XIII–XIV в. в пределах Владимирского великого княжения существовало более десятка великих и самостоятельных княжеств, к которым можно было добавить княжества Смоленское, Рязанское, черниговские уделы и Великое княжество Литовское, что создавало многоадресность военной службы и выбора сеньора. Случаи отъездов бояр долгое время не встречали явного сопротивления со стороны княжеской власти. Традиционная формула: «А боярам и слугам волным воля» (позднее боярам и детям боярским) – встречается в договорах как внутри московского княжеского дома, так и в договорах московских правителей с тверскими, рязанскими, суздальско-нижегородскими и литовскими князьями[46].

Спустя полвека, в разгар Феодальной войны, ситуация изменилась кардинально. В послании епископов к Дмитрию Шемяке 1448 г. красочно описываются действия этого князя: «Которые бояре и дети боярьские от тобе били челом брату твоему старейшему великому князю служити, а села их, домы их в твоей отчине, и ты через то докончанье и через крестное

целованье тех еси бояр и детей боярских пограбил, села их и домы их еси у них поотъимал»[47]. Еще ранее, в 1433 г., передавая великое княжество Василию Темному, Юрий Звенигородский добился в качестве компенсации передачи Бежецкого Верха своему младшему сыну Дмитрию Красному. Заключенное соглашение определяло судьбу бежецких бояр: «А у кого будут в Бежыцьском Версе грамоты жалованные отца твоего, великого князя, или твои у бояр… и в тех грамотах волен яз, князь Юрий Дмитриевич кого как хочу жаловати». Бежецкие землевладельцы должны были доказать лояльность новому князю или потерять привилегированное положение своих земель. Некоторые из московских бояр, владевших вотчинами в Бежецком Верхе, после заключения этого договора решили не искушать свою судьбу, перейдя на новую службу[48]. Во избежание подобного «произвола» боярам приходилось соотносить выбор «сюзерена» с территориальным расположением своих земель.

Не менее жестко действовал сам Василий Темный. Уже упоминался переход одного из великокняжеских бояр на службу к Борису Тверскому. Впоследствии он вернулся на московскую службу (при содействии Мартемиана Белозерского), однако был схвачен и посажен в темницу. Виднейший боярин И.Д. Всеволож был ослеплен за переход на сторону Юрия Звенигородского, а его вотчины конфискованы. В руки великокняжеской власти перешли некоторые земли М.Ф. Сабурова и И.Ф. Старкова, проявивших «шатость», не говоря уже о вотчинах изменника Н.К. Добрынского[49].

Позднее в завещании Ивана III специально оговаривалась судьба ярославских землевладельцев: «А бояром и детем боярским ярославским с своими вотчинами и с куплями от моего сына от Василья не отъехати никому никуде. А кто отъедет, и земли их сыну моему, а служат ему, и он у них в их земли не вступается, ни у их жон, ни у их детей»[50]. Часть территории ярославского княжества по этому документу досталась Дмитрию Углицкому, к которому на службу могли отъехать упомянутые ярославские вотчинники. Еще ранее утвердилось правило потери «отчин» служилыми князьями в случае перемены ими места службы.

Поручные грамоты, известные с конца XV в., прямо запрещали отъезд виднейших представителей московской аристократии, причем в этом случае применялась более резкая и уничижительная характеристика: «Не отъехати ему, ***ни збежати*** и до живота никуде ни х кому». Для менее значимых лиц верность обеспечивалась введением практики обязательного крестоцелования. Наглядно эта практика была озвучена в деле о

побеге последнего рязанского великого князя 1521 г. Все местные бояре вспоминали клятву, данную ими наместнику И. Хабару Образцову, «что нам служити государю князю великому вправду, бес хитрости»[51].

Спокойное отношение к боярским переходам объяснялось сохранением князьями всей полноты суверенитета на земли отъехавших бояр и слуг вольных. Их вотчины продолжали «судом и данию тянути по земле и по воде». Конечно, совершенно по-другому обстояло дело в случае прямой измены и последующего бегства. Однако подобные крайние случаи действительно были распространены редко.

Общая тенденция увеличения численности княжеских дворов, связанная с развитием процесса феодализации, получила ряд искусственных ограничений в межкняжеских докончаниях. В уже цитируемом договоре между сыновьями Ивана Калиты специально был оговорен круг лиц, входивших в категорию слуг вольных: «А вольным слугам воля, кто в кормлении бывал при нашем отци и при нас». Это соглашение четко ограничивало число претендентов на статус слуг вольных, утверждая принцип «старины», и запрещало распространять привилегии этой категории на новых лиц[52].

Зафиксированные здесь нормы находят подтверждение в более поздних родословных. В росписи Кикиных подчеркивалось, что один из их предков «был в доводках и в кормлениях великих». Кормления были прерогативой членов княжеских дворов. Получение кормлений определяло их привилегированный статус, создавая необходимые прецеденты для службы потомков. С.З. Чернов на примере складывания вотчин Бяконтовых в волости Бели показал, что бояре-кормленщики приобретали права вотчинников на волостные земли на подведомственной им территории. Кормления, таким образом, превращались в одну из форм трансформации общинных земель в привилегированные «боярщины»[53].

Служба была гранью, отделившей бояр и слуг вольных от остальных категорий землевладельцев. В этом отношении княжеская власть обладала весомыми рычагами влияния, признавая или не признавая привилегированный статус того или иного лица. Договор сыновей Ивана Калиты специально рассматривал судьбу А. Хвоста Босоволкова: «А что Олексе Петрович вшел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею к собе его не приимати, ни его детии… волен в нем князь великий, и в его жене, и в его детех. А тобе… к собе его не приимати же в бояре». Этот договор обрекал А.П. Хвоста на деградацию, не признавая за ним и его сыновьями права на

привилегии бояр. Позднее, правда, Семен Гордый в одностороннем порядке нарушил достигнутую договоренность. В 1347 г. А.П. Хвост ездил с посольством в Тверь за невестой для великого князя. Во время правления Ивана Красного он был московским тысяцким[54].

В Северо-Восточной Руси XIV – первой половины XV в. существовали непривилегированные вотчинники. Повесть о Луке Колочском, можайском крестьянине, разбогатевшем после находки чудодейственной иконы и купившем себе земли, показывает, что подобная практика могла иметь место. Пример Никиты Камчатого, поставившего церковь на волостной земле и получавшего в качестве вкладов небольшие участки крестьянских земель, превратившиеся со временем в среднюю по размерам вотчину, подтверждает справедливость этого предположения. Среди землевладельцев были также купцы. Селами владел сурожанин Некомат. Значительные вотчины в Подмосковье принадлежали позднее и другим купцам-сурожанам[55].

Часть непривилегированных вотчинников составили бывшие члены распущенных княжеских дворов, не нашедшие по тем или иным причинам себе нового места службы. Количество независимых княжеств уменьшалось на протяжении всего XIV в. как по причине исчезновения отдельных княжеских династий, так и в связи с активной политикой московских князей. Далеко не всем бывшим боярам и слугам вольным удавалось удачно устроить свою судьбу. Заметное беспокойство о будущем своих людей проявляла великая княгиня Софья Витовтовна. В своем завещании она обращалась с просьбой к сыну Василию Темному: «А которые мои бояре, и дети боярские, и слуги и тех (Василий Темный. – *М. Б.*) жалует и блюдет как своих, а яз о том челом бью». Сам он в своем завещании переадресовал вопрос о землевладельцах Ростовского и Романовского уездов, переходивших в удел его жены Марии Ярославовны, в ее ведение: «А которые дети боярьские служат моей княгине, и слуги ее, и вси ее люди… и кому буду яз, князь великий, тем давал свои села, или моя княгиня им давала свои села, или за кем будет их вотчина или купля, и в тех в своих людех во всих волна моя княгиня, и в тех селех»[56].

Процедура выбора на службу проявилась в новоприсоединенном Ярославском княжестве. В 1462/63 г. князь И.В. Стрига Оболенский (Иоанн Агафонович Сущей) оценивал местных землевладельцев. В ходе проведения поземельного описания некоторые местные землевладельцы лишились своих земель «у кого село добро, ин отнял, а у кого деревня добра, ин отнял да отписал на великого князя». Трудно сказать, насколько

буквально можно воспринимать это известие в части конфискации вотчин местных землевладельцев. Возможно, эти земли были возвращены позднее на правах великокняжеского пожалования. Некоторые отобранные ярославцы были собраны в Москве, где они получили жалованные грамоты[57].

В исторической литературе неоднократно обращалось внимание на пример И. Глядящего. В 50-х гг. XV в. он обратился с челобитьем о принятии его в службу к великой княгине Софье Витовтовне, бабке Ивана III. Взамен он отдавал свое родовое сельцо Глядячее в Муромском уезде. Случаи закладничества (коммендации) были хорошо известны в Северо-Восточной Руси. Обычно подобная процедура заканчивалась похолоплением. В данном случае великий князь принял И. Глядящего на службу и пожаловал его же вотчиной. Как великокняжеский слуга, он был освобожден от уплаты дани. Так же на государеву службу поступил и суздальский вотчинник А. Краснослепов[58].

Оставшиеся «за бортом» службы землевладельцы теряли привилегированный статус. В более поздних жалованных грамотах постоянно встречалась формулировка: «Не надобе тянути ни к сотцкому, ни к дворскому, ни в какие проторы, ни в разметы», которая когда-то имела вполне реальное значение. Выданная в 1424 г. грамота костромскому вотчиннику И. Кафтыреву говорила о существовавшей практике выплаты дани: «А отсидят (крестьяне. – *М. Б.*) свои уроки, и ни потянут з боярскими сиротами к черным людям в дань мою по силе»[59].

Непривилегированные категории населения были лишены права боярского перехода. В их случае в силу вступало ограничение, зафиксированное в духовной грамоте Владимира Храброго: «А кто будет по дворским слуг, тех дети мои промежи собя не приимают, ни от сотников. А кто тех выидет из уделов детеи моих, и княгини моеи, ин земли лишен, а земли их сыну моему, чеи будет удел». Существовали запреты, вероятно, также фискального характера, на прием на службу сурожан, суконников, «городских людей» и тех, «хто ходил с воеводами московскими». Особенности договорных грамот не дают возможности проследить состав последней категории. Сама формулировка отличалась расплывчатостью и могла дублировать предыдущие ограничения[60].

При существовавших запретах, которые явно не всегда исполнялись в полной мере, расширение княжеских дворов было возможно за счет притока новых лиц извне. Далеко не случайно многие дворянские роды выводили свое происхождение от различных «честных мужей», выехавших на службу в Северо-Восточную Русь. В основе этих легенд часто присутствовали

достоверные факты. Ряды московского (и тверского) боярства пополнялись также за счет потомков княжеских родов, терявших свои княжества[61].

Следствием замкнутости и ограниченности службы было сохранение роли территориальных ополчений. Часто они действовали отдельно от княжеской власти. В 1245 г. рати тверская и дмитровская отражали литовский набег. Аналогичная ситуация сложилась в 1284 г., когда «воеваша Литва Олешну… и совокупися на них Тверичи, Москвичи, Волочане, Новоторжьцы, Дмитровцы, Зубчане, Ржевичи»[62]. В отражении набегов объединились ополчения из различных княжеств и земель Северо-Восточной Руси. После перехода под власть Москвы новых территорий местные ополчения сохранили свое значение. Нередко они выступали как своеобразные союзники московских князей. После удачного похода 1376 г. на «Болгары» побежденные вынуждены были заплатить князьям-союзникам Дмитрию Донскому и Дмитрию Нижегородскому по 1000 рублей, а сопровождавшим их «воеводам и ратем» – отдельно еще 3000 рублей[63].

Роль территориальных ополчений в военной организации XIV – начала XV в. прослеживается на примере волоцкой рати. В 1358 г. волоцкая и можайская рати отбили у литовцев город Ржеву. В 1367 г. во время войны с Тверским княжеством «рать московская и волочане извоевали Тферскыи волости». Спустя несколько лет, в 1369/70 г. «москвичи и волочане воевали Смоленскую волость». В 1386 г. волоцкая рать участвовала в походе на Великий Новгород. Спустя год Дмитрий Донской отправил «волоцкую силу» для поддержки нижегородских князей. В 1400/01 г. волоцкая рать была послана на Торжок[64]. Рати могли выступать и в качестве отдельных воинских соединений. В 1411 г. в походе Юрия Звенигородского к Нижнему Новгороду участвовали князья Андрей и Василий Владимировичи, «да князи ярославские, да князи ростовские, да Костромская сила». Муромская рать во главе с воеводой Семеной Жиславичем принимала участие в междоусобице рязанских князей в 1408 г.[65]

Армия московских князей конца XIV – начала XV в. состояла из совокупности ряда территориальных ополчений. Наиболее полное перечисление этих ратей сохранилось в описании похода Дмитрия Донского на Великий Новгород в 1386 г.: московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переславская, владимирская, юрьевская, муромская, мещерская, стародубская, суздальская, городецкая, нижегородская, костромская, углицкая, ростовская, ярославская, моложская, галицкая, бежецкая,

белозерская, вологодская, устюжская и новоторжская. Часть из них возглавлялась князьями, другие – собирались из территорий, не имевших собственных князей. Этот список в значительной мере соответствовал будущему делению территориальных служилых корпораций в рамках объединенного государства[66].

Социальный состав ратей был разнообразен. В общем ряду не выделялись устюжская и вологодская рати, которые представляли земли, где феодальное землевладение было в указанный период слабо развито. Военное значение эти рати сохраняли и в следующем столетии. Устюжский летописный свод подробно повествует о военных кампаниях с участием устюжан. В 1462 г. они вместе с вологжанами и галичанами были посланы в поход на «черемису». В дальнейшем устюжане принимали участие в походах на Казань, Югорскую землю. Участвовали они в двинской кампании, а в 1489 г. сыграли важную роль в завоевании Вятки. Этими направлениями не ограничивалась их служба. В 1503 г. «князь великии послал рать устюжан, двинян стеретчи Иванегорода от немцев»[67]. Некоторые примеры подтверждают предположение об участии в «ратях» других территорий широких слоев населения. В 1433 г. в наспех собранном войске Василия Темного, выступившем против Юрия Звенигородского, находились московские купцы. В казанском походе 1469 г. среди москвичей, «кои пригожи по их силе», были сурожане, суконники и купчие люди. Пешая рать сражалась в войсках Дмитрия Шемяки во время сражения под Галичем в 1450 г.: «А пешую рать мало не всю избиша». В 1442 г. в битве с царевичем Мустафой у Рязани участвовала «пешаа рать многа… с ослопы, и с топоры, и с рогатинами»[68]. Последние случаи являются менее показательными. В защите городов участвовали все слои населения.

Присутствовали в составе «ратей» также бояре и слуги вольные, земли которых «тянули» к тому или иному городскому центру. Территориальный принцип «из старины» оговаривался в уставной грамоте митрополиту Киприану: «А кто будет бояр или слуг не служивал Алексею митрополиту, а приказался ново митрополиту, а те пойдут под моим воеводою великого князя, ***где который живет ин под тем воеводой и есть***». Возможным отголоском того же правила являлся один из пунктов договора Дмитрия Донского и Владимира Храброго 1389 г.: «А коли ми (Дмитрию Донскому. – *М. Б.*) будет послать на рать своих воевод, а твоих бояр, хто имет жити в моем уделе, а тем поехать с моим воеводою, а моим потому же с твоим воеводою»[69].

Сохранение роли территориальных ополчений объясняло высокое значение должности тысяцкого. Тысяцкие стояли во

главе децинарной системы (на более низших уровнях ее действующими лицами были сотники, пятидесяцкие и десяцкие), известной со времен Киевской Руси и охватывающей все сельское и городское податное население. Список подобных десятков хранился в архиве московских тысяцких Протасьевичей-Вельяминовых. Хорошо известны были связи тех же Вельяминовых с купцами. В.В. Вельяминову Дмитрий Донской приказал «блюсти» купца Евсевку, переселявшегося из Торжка в Кострому. Позднее с И.В. Вельяминовым в Тверь бежал сурожанин Некомат[70].

В руках тысяцких сосредотачивалась большие объемы военной и хозяйственно-административной власти. В отсутствие самих князей именно тысяцкие возглавляли все воинские силы и осуществляли административное управление делами того или иного княжества[71]. В договоре сыновей Ивана Калиты тысяцкий упоминался вслед за самими князьями: «А что ся учинит просторожа от мене, или от вас, или от моего тысяцкого… исправа ны учинити». В Москве должность тысяцких на протяжении нескольких поколений передавалась внутри семьи Вельяминовых. Вельяминовы значительно возвышались над остальными боярами московского княжества. В XIV в. они были связаны с правящей династией узами кровного родства. Василий Вельяминов считался «дядей» Семена Гордого. Его внук Микула был женат на свояченице Дмитрия Донского Марии, дочери Дмитрия Суздальского. В Тверском княжестве тысяцкими были представители Половых-Шетневых[72].

Сосредоточение больших объемов власти в руках тысяцких вступало в противоречие с самодержавными устремлениями потомков Ивана Калиты. Сразу после смерти В.В. Вельяминова в 1375 г. эта должность была ликвидирована. Вместо тысяцких в более поздних договорах фигурировали воеводы московские. Прерогатива их назначения находилась в руках великих князей, которые настаивали на формулировке: «А Московская рать ходит с моим воеводою как и преже сего»[73].

В других территориальных ополчениях, представлявших прежде независимые княжества, также существовали свои воеводы. Связь между воеводами и ратями прослеживается из летописного сообщения 1348 г. о походе на Смоленск: «Князь великий (Семен Гордый. – *М. Б.*) посла брата своего князя Ивана да князя Костянтина Ростовского да Ивана Акинфовича, а с ними воеводы и рати многи»[74].

В памятниках Куликовского цикла эти воеводы обозначались как «воеводы местные» («посла по все князи Руские, и по все воеводы местные», «вой 100 000 и сто опроче князей Руских и

воевод местных»). Среди них были коломенский воевода Н.В. Вельяминов, владимирский и юрьевский – Т.В. Волуй, костромской – И.Р. Квашня, переславский – Андрей Серкизович. Существование «вое вод» подтверждается другими источниками. В грамотах конца XIV в. для их обозначения использовался термин «воеводы из городов». В договоре великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Храбрым предусматривалась возможность их использования в походах: «А коли ми (Владимиру Храброму. – *М. Б.*) послати своих воевод ис которых городов»[75].

Целостность территориальных ополчений нарушалась во время походов с участием московских князей. В этом случае бояре и слуги вольные вливались в состав их дворов и переставали подчиняться воеводам в соответствии с правилом: «А которые бояре твои живут в наших уделех, и в великом княженьи, а те бояре с тобою… А хто живет наших бояр в твоей очине и в уделе, а тым по тому же». Рати под началом воевод собирались в этом случае отдельно от князей и их бояр. Именно так комплектовалось войско в 1407 г. при подготовке похода на Витовта[76].

На эти должности назначались представители московского боярства. Среди них были уже упомянутые воеводы Куликовской битвы. В 1375 г. воеводой в Костроме был А.Ф. Плещей. Коломенским воеводой в 1408 г. был И.С. Жеребцов[77]. А.Ф. Плещей был одновременно костромским наместником и воеводой («воевода же бе у них той же и наместник»). Сближение наместников и воевод было не случайным. Постепенно именно наместники стали осуществлять руководство территориальными ополчениями. Вероятно, одним из последних городовых воевод на великокняжеской службе был можайский воевода И. Бортенев, упоминавшийся в одном из судных дел конца XV в. Его назначение на этот пост можно связать с недавним присоединением Можайска, входившего прежде в удел Андрея Углицкого. В удельных княжествах такие воеводы сохранялись до начала XVI в. В одной из жалованных грамот Федора Волоцкого в 1500 г. упоминались воеводы ржевский (отдельно от ржевского наместника) и Осташковой слободы. В уделе Юрия Дмитровского действовал дворский и воевода (sic!) Б.Я. Тверитинов[78].

Показательна деградация в положении «воевод». Воевода Осташковой слободы мог распоряжаться всего несколькими десятками людей, явно не слишком высокого социального ранга. Как напоминание о прошлом в конце XV – начале XVI в. некоторые представители аристократии в посольских книгах гордо именовались воеводами: князь И.Ю. Патрикеев и князь В.Д. Холмский – воеводы московские («наивышший» воевода), Я.З.

Кошкин – воевода коломенский, Г.Ф. Давыдов – ярославский[79].

Использование ресурсов территориальных ополчений возмещало малочисленность княжеских дворов и создавало предпосылки для широкого вовлечения их наиболее боеспособных элементов к службе на постоянной основе.

Подобная организация воинских сил имела серьезные недостатки. В составе территориальных ополчений находились бояре и слуги вольные, служившие разным князьям. Нарастание противоречий между ними неизбежно приводило к разрушению единства ополчений и невозможности использовать их как полноценные боевые единицы. Уже с конца XIV в. утвердился принцип экстерриториальности: «А кто которому князю служит, где бы ни жил, тому с тем князем и ехати, кому служит». В дальнейшем это требование неизменно повторялось во всех межкняжеских договорах. В наиболее полном виде оно было сформулировано в договоре Василия Темного с Василием Серпуховским: «А которые, господине, бояре и дети боярские служат тобе, великому князю, или твоей братье, а живут в моем уделе, и те, господине, ходят с тобою, с великим князем, и с вашими воеводами. А, которые, господине, бояре и дети боярские живут в твоей вотчине, в великом княжении и в твоей братьи в вотчинах, а имут служити мне, князю Василью Ярославичу, и тем ходити со мной и с моими воеводами»[80]. Даже во время «городной осады» бояре большие и путные должны были ехать на службу к своему князю.

Сами территориальные ополчения были не слишком эффективной формой организации. Их потенциал раскрывался полностью при отражении вражеских набегов. Достаточно сложно было привлекать их к дальним походам. Они отличались низким уровнем мобильности. Большие вопросы должны были возникать и к их боеспособности. Тактика войны «изгоном», получившая распространение в XV в., требовала высокой оперативности действий специальных отрядов, преданных своему князю[81].

Роль таких отрядов с 30-х гг. XV в. была возложена на княжеские дворы. По мере уменьшения значения татарской дани, дамокловым мечом нависавшей над русскими княжествами, и роли татарских войск в междоусобных столкновениях, их численность неуклонно возрастала. Двор Дмитрия Шемяки в 1433 г., владевшего Угличем и Ржевой, составлял 500 человек. Много позднее, в середине XVI в. средняя уездная корпорация детей боярских редко превышала 300–350 человек. Очевидно, что под стягом этого яростного противника Василия Темного объединились выходцы из разных территорий, в том числе за пределами отданных ему земель. Численность великокняжеского

двора, несомненно, была значительно большей, включая в себя выходцев из различных уездов. В 1446 г. возвращающегося из татарского плена Василия Темного встречало «множство двора его от всех градов». В состав дворов кроме бояр и детей боярских входили также отряды служилых князей[82]. Включение служилых князей привело к формированию традиционной тройственной структуры двора: князья, бояре, дети боярские, которая неоднократно встречалась в жалованных грамотах с 30-х гг. XV в.

Княжеские дворы образовали самостоятельные военные единицы. Великокняжеский двор впервые выступил в этом качестве в 1433 г., когда Василий Темный отправил против мятежных сыновей Юрия Звенигородского «воеводу своего князя Юрия Патрикеевича, а с ним двор свои, многие люди». Можно согласиться с мнением Ю.Г. Алексеева, считавшего причиной выделения двора неудачные действия московской рати в битве на реке Клязьме. В этой битве, произошедшей за несколько месяцев до упомянутого похода, московское ополчение не сумело противостоять натиску войск звенигородского князя («а от москвич не бысть никоеа помощи»)[83].

Первый опыт использования двора (Государева двора) на военном поприще оказался на редкость неудачным. Посланный отряд был разбит братьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой, а сам князь Юрий Патрикеевич попал в плен. Эта неудача не оказалась роковой. В 1443 г. великокняжеский двор был послан против царевича Мустафы, а в дальнейшем сыграл важнейшую роль в победе Василия Темного в Феодальной войне[84].

Сама Феодальная война в значительной степени была противостоянием великокняжеского и удельных дворов. Исследователи отмечают исключительную верность, проявленную ими в бурных событиях этой Смуты. Великокняжеский двор неоднократно выручал из беды Василия Темного. В 1433 г. после победы Юрия Звенигородского в выделенный ему коломенский удел стали стекаться «князи и бояре, и воеводы, и дети боярьские, и дворяне, от мала и до велика». В 1446 г. после ослепления великого князя в Литву бежал Ф.В. Басенок, отказавшийся присягнуть Дмитрию Шемяке. К нему присоединились дети боярские «от двора великого князя». Вскоре после этого «многие дети боярьские двора великого князя» организовали заговор «как бы князя великого выняти»[85]. Впрочем, до конца сражались и дворы удельных князей. Двор захваченного Василием Темным Дмитрия Шемяки во главе с воеводой А. Волынским в полном составе присоединился к войскам Василия Косого и продолжил борьбу с вероломным великим князем. В 1461/1462 г. дети

боярские Василия Серпуховского «и иные дворяне» пытались изгоном взять Углич и освободить своего господина[86].

Судьбы князей и находившихся у них на службе бояр и детей боярских оказались переплетены. При ужесточении взаимной борьбы поражение одного из князей влекло за собой исчезновение его двора. Это могло означать потерю привилегированного статуса для находящихся у него на службе людей. Возвышение и победа над своими соперниками, наоборот, приводили к земельным раздачам и пожалованиям. Крупные вотчины получили от Василия Темного и его матери Софьи Витовтовны сподвижники великого князя князь С.И. Оболенский, Ф.М. Челядня и Ф.В. Басенок[87].

Со временем была упорядочена и организация территориальных ополчений. Новыми действующими лицами в ней стали дети боярские. Под этим именем начинают фигурировать связанные со службой землевладельцы, в том числе не входившие в состав княжеских дворов. Разделение отчетливо проявилось в описании похода судовой рати на Казань 1469 г.: «Послал князь велики на Казанские места рать в судех… многые дети боярскые двор свои, также и от всеа земли своея дети боярскые изо всех градов своих». Подобное противопоставление прослеживается и в формулярах жалованных грамот. В грамоте, выданной в конце XV в. митрополичьим владениям, упоминались князья, бояре, дети боярские и другие «ратные люди» – «галичане» и «костромичи»[88]. Служба постепенно приобретала обязательный характер и не ограничивалась участием в локальных походах. Многие из вовлеченных в нее лиц не получили при этом привычных для бояр и слуг вольных удельного времени привилегий. Проблема вознаграждения, как часть организации служебной системы, будет решаться уже в последующие десятилетия, в реалиях единого государства.

Служба детей боярских (городовых детей боярских) основывалась на отработанных территориальных принципах. В казанском походе 1469 г., как и за столетие до того, упоминались москвичи («кои пригож по их силе»), коломенцы, муромцы, владимирцы, суздальцы, дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, ростовцы, костромичи[89]. Деление служилых людей на дворовых, входивших в состав великокняжеского или удельных дворов, и на городовых детей боярских стало основой для формирования военной структуры второй половины XV – середины XVI в.

Подводя определенные итоги, стоит согласиться с мнением Н. Коллманн о том, что боярство удельного времени с точки зрения складывания феодальных отношений классического

образца не оправдало возлагаемых на него надежд (an aristocracy manquée). Немногочисленность этой группы, ее высокая зависимость от княжеской власти, неразвитость традиций феодального землевладения не создавали прочных предпосылок для легитимизации привилегированного статуса[90]. За несколько столетий организация службы не слишком далеко ушла от шаблонов традиционной дружины, основанных на личных взаимоотношениях бояр и слуг вольных (детей боярских) со своими князьями. Ставка на княжеские дворы обозначала своеобразный «бег по кругу». При неблагоприятных условиях даннической зависимости их состав был законсервирован, а затем, по мере ее уменьшения, подвергся количественному росту. Невнимание к проблемам организации службы в более широких масштабах приводило к своеобразному вакууму: территориальные ополчения не подходили для решения масштабных задач, а выделившиеся из их состава городовые дети боярские представляли собой довольно рыхлую и неоформившуюся массу, в которой присутствовали различные по своему происхождению и возможному военному потенциалу социальные элементы. В последнем случае требовалось приложить немало усилий для их объединения и формирования на их основе боеспособных воинских подразделений, способных воплощать далеко идущие планы центрального правительства.

Глава 2. Государев двор – «корпорация корпораций»

Эволюция служебных отношений начиная со второй половины XV в. проходила в двух сообщающихся плоскостях: внутри Государева двора и примыкавших к нему дворов князей московского дома, а также внутри отдельных служилых «городов», число которых увеличивалось по мере присоединения новых земель. Расширение территории страны ставило вопрос о создании аппарата управления, его количественной и качественной трансформации. При отсутствии нужных кадров эта роль была возложена на членов двора. Государев двор по мере увеличения привычных для него функций превратился в привилегированную военно-политическую и военно-административную корпорацию, из членов которой формировался аппарат центрального правительства, включая Боярскую думу и придворное окружение великокняжеской семьи.

Подробное описание пышного и многолюдного великокняжеского двора сделал московский посол в Милане грек Юрий Траханиот (Георгий Перкамот): «Считая вместе с братьями, старшим сыном и другими, получившими дарения, имеющими от него привилегии и содержание (Иван III. – *М. Б.*) всего имеет ***около 3 тысяч лиц***, украшающих его двор»[91]. Несмотря на высокую вероятность преувеличений, которые должны были подчеркнуть значимость «Великого Герцога России», сделанный в этом рассказе акцент точно отражал сложившееся положение вещей. Государев двор в конце XV в. превратился в средоточие политической жизни, важнейший инструмент для реализации внешней и внутренней политики.

Находясь при персоне самого великого князя, члены Государева двора выполняли свои службы и получали свои назначения из одного источника. Сферы их деятельности могли существенно варьироваться. В качестве примера можно привести карьерные пути братьев Василия и Андрея Карамышевых. Несмотря на расположение их земель в границах волоцкого удела, оба они находились на службе у Ивана III[92]. В 1488 г. они ездили с дипломатическими поручениями: Василий – в Венгрию, а Андрей – в Великое княжество Литовское. Примерно в это же время В.В. Карамышев разъезжал земли в Переславском уезде. В 1491 г. он получил в кормление Пустую Ржеву. В 1492 г. братья участвовали в описании Тверской земли. Андрей описывал Новый городок и Холм, а Василий – Кашин. В 1494 г. они отметились в

церемонии приема литовских послов, возглавляя группы детей боярских. В свите великой княжны Елены они были записаны как конюшие, присутствовали также в разряде новгородского похода «миром» 1495 г. В.В. Карамышев известен как писец Вяземского уезда, а его брат – Углича. Старший из братьев упоминался в завещании Ивана III как слободчик в Малом Ярославце[93].

Основная функция Государева двора была по-прежнему связана с военной службой, где он выступал в качестве гвардии, наиболее боеспособного соединения русской армии, не смешивающегося с другими ее подразделениями. Уже упоминалось наличие в составе воинских сил в казанском походе 1469 г. двух групп детей боярских: «дети боярские двор свой» и «дети боярьские изо всех градов». Это разграничение фиксируется и в других походах. В 1496 г. Иван III отправил к Казани «многых детеи боярских двора своего и понизовых городов дети боярские, новогродцы, и муромцы, и костромичи, и иных городов мнози». Летописная запись о походе на Великий Новгород 1478 г. показывает, что дети боярские двора великого князя в походах выступали отдельными отрядами[94]. В последнем примере обращает внимание указание на обособленный характер службы традиционных для Государева двора групп: князей, бояр и детей боярских. Дети боярские двора шли вместе с князем Д.Д. Холмским. Отдельно выступали «бояре свои» и тверичи Г. и И.Н. Бороздины. Под руководством князя И.В. Оболенского находились «братия его вси Оболенские князи»[95].

Распределение детей боярских на две названные группы быстро приобрело универсальный характер, распространяясь на новоприсоединенные земли. В 1514 г. упоминаются дети боярские рязанцы, «которые нам (Василию III. – *М. Б.*) служат дворовые и городовые»[96]. Часть Рязанского княжества была присоединена только в 1503 г. после смерти князя Федора Васильевича. «Смотр» рязанцев и выделение среди них дворовых детей боярских были проведены, очевидно, сразу после этого события.

Военный потенциал Государева двора использовался в крупных кампаниях второй половины XV – начала XVI в. Нередко он выступал в походы во главе с отдельными воеводами. В 1468 г. «князь велики Иван послал на Черемису князя Семена Романовича, а с ним многых детеи боярьских, двор свои». Такая же ситуация повторилась в 1469 г., когда к Устюгу был отправлен князь Д.В. Ярославский. В 1480 г. во главе детей боярских двора великого князя в походе находился князь А.Н. Ноготь Оболенский, а в 1491 г. – князья П.Н. и И.М. Репня Оболенские. В 1514 г. отдельные воеводы возглавляли отряд дворовых детей

боярских, шедших с Тулы к Смоленску (220 человек). Разряд казанского похода 1549 г. упоминает дворовых детях боярских, собиравшихся «по списку». В походах с участием самого государя всея Руси двор выступал как его охранный полк[97].

Увеличившееся значение Государева двора приводило к включению в его состав представителей разных частей страны. Этот процесс со стороны великокняжеской власти имел вполне осознанный характер. Двор должен был обеспечивать свою высокую боеспособность. Далеко не все служилые люди могли отвечать этим требованиям. Скудость имеющихся данных не позволяет установить критерии, которыми руководствовалось московское правительство при отборе в состав Государева двора. Сообщение о проведении отбора среди бывших ярославских бояр и детей боярских 1463 г.: «А кто будет сам добр, боарин или сын боярьской, ин его самого записал» дает самые приблизительные основания для их оценки.

Проблема усугубляется отсутствием исчерпывающих источников для определения личного состава и структуры Государева двора. В полном виде списки дворовых детей боярских «Московские земли» дошли в составе Дворовой тетради 50-х гг. XVI в. и отражали реалии уже другой эпохи. Сложный, составной характер этого документа, наличие в нем большого числа архаизмов наряду с наследственным характером службы большинства представленных в нем фамилий позволяют использовать его, с известными оговорками и экивоками, для реконструкции ранних страниц истории Государева двора[98].

Плодотворным является также сопоставление Дворовой тетради с отрывками более ранних списков. Н.П. Лихачев в свое время обратил внимание на упоминание в нескольких дворянских родословных, так называемой «дворовой книги» 1536/37 г. Эта дата встречается также в некоторых списках Дворовой тетради, которая, очевидно, составлялась на его основе. Наиболее ранним отражением этого документа, видимо, был список детей боярских 1542 г., «которые в думе не живут». Сравнение списка 1542 г. с Дворовой тетрадью показывает их сходство. В обоих в одинаковом порядке были перечислены рубрики «Москва», «Переславль», «Юрьев», «Волок Ламский», «Можайск», «Вязьма», «Тверь» («двор тверской»)[99].

Распределение «городов» в них было основано на одних и тех же принципах. Над созданием списка, очевидно, работало несколько отдельных комиссий, отвечавших за свою группу уездов. Каждый «город» описывался в зависимости от места, которое он занимал в общем ряду. Нарушение закономерности было связано с изменениями структуры Государева двора:

добавлением или исчезновением некоторых рубрик. В Дворовой тетради, например, расположение в конце текста рубрик «Бежецкий Верх», «Углич», «Медынь» и «Ярославец» было обусловлено событиями, происходившими вокруг удела Юрия Васильевича, брата Ивана IV. Эти уезды были переданы ему в ведение в конце 1540-х гг., а затем вновь перешли под контроль центральной администрации[100]. Расположение в конце списка 1542 г. и, видимо, дворовой книги 1536/37 г. Калуги, Дмитрова и Старицы могло быть вызвано более поздним включением обозначенных корпораций. Все эти города в недалеком прошлом были центрами удельных княжеств. Старицкое княжество было ликвидировано в 1537 г., в 1533 г. был «поиман» Юрий Дмитровский, еще ранее – в 1518 г. умер Семен Калужский. Характерно, что их запись в списке 1542 г. была сделана в нисходящем порядке. «Калуга» была названа перед «Дмитровом», а «Дмитров» перед «Старицей». Дворовые из этих корпораций, следовательно, были приписаны к основной массе детей боярских Государева двора.

Возможно, подобным образом обстояло дело и с тверичами. «Двор тверской» – архаичное определение, был помещен непосредственно перед Калугой. Дворовая книга 1536/37 г. также содержала в себе приписки и, вероятно, сама опиралась на материалы более ранних списков дворовых детей боярских. Можно попытаться определить время создания предшествовавшего ей списка. В верхней части списка 1542 г. упоминался Волок Ламский. Этот город был центром удела Федора Волоцкого, после бездетной смерти которого в 1513 г. достался Василию III. С учетом нахождения «Калуги» в нижней части «дворовой книги» 1536/37 г. стоит предположить, что этот гипотетический источник был создан где-то во втором десятилетии XVI в., между 1513 и 1518 гг. От более раннего времени сохранилось еще две росписи дворовых со следами характерных для Государева двора элементов структуры. Это – росписи князей и детей боярских, составленные в связи с проводами в Литву великой княжны Елены и новгородским походом «миром» самого Ивана III. Обе они датируются 1495 г. и, скорее всего, также были созданы на основе какого-то более общего списка середины 1490-х гг.[101]

Если предложенная цепь умозаключений является верной, то становится понятным, что обновление подобных списков инициировалось правительством с интервалом в 15–20 лет и имело достаточно регулярный характер. Фрагментарный характер этих росписей не дает представления о численности Государева двора, равно как и о представленных в нем лицах и фамилиях.

Вопрос о принадлежности того или иного персонажа, действовавшего в конце XV – начале XVI в., к этой корпорации решается каждым отдельным исследователем исходя из его собственного понимания критериев отбора. Из-за размытости маркерных признаков далеко не всегда предпринимаемые попытки являются удачными. Особенно трудно уловить грань между представителями низших слоев Государева двора и рядовыми детьми боярскими. Выполнение последними обязанностей и служб, типичных для членов двора, могло иметь случайный характер или быть вызвано неординарными событиями.

Далеко не всегда к участию в дипломатических процедурах привлекались исключительно дворовые дети боярские. Часто в качестве гонцов и приставов при послах использовались местные служилые люди, оказавшиеся «под рукой». Нет уверенности, что судьями низшей инстанции также назначались лишь члены Государева двора. Спорным, наконец, является вопрос о кормлениях. Есть основания говорить о широком бытовании в рассматриваемый период кормленной системы, которая охватывала в некоторых случаях и рядовых детей боярских[102]. При определении статуса приходится опираться на совокупность сведений о службе самого интересующего лица, службе его ближайших родственников и потомков (учитывая преобладание наследственности статуса), наличии и размерах сделанных ему пожалований.

При отборе новых лиц в состав двора имели значение как субъективные, так и объективные факторы. Для провинциальных детей боярских эта процедура могла проходить на индивидуальном уровне, так что привилегированный статус становился достоянием лишь некоторых семей и фамилий. Часть захудалых членов старомосковских боярских родов не попала в состав Государева двора. В актах Юрьевского уезда первой половины XVI в. неоднократно упоминаются Ананьины. Все они были потомками Анании Петровича, конюшего великой княгини Марии Ярославовны, из боярского рода Федора Бяконта. Юрьевские Ананьины отсутствовали в родословной росписи и не были позднее представлены в Дворовой тетради[103]. Выпущенными в родословной росписи оказались и многие Хвостовы. В 1550-х гг. в Суздальском уезде действовали Н.Я. Хвостов и его племянник Юрий Васильев. Они происходили от не названного в родословной росписи Я.П. Хвостова. Их новгородские родственники в середине XVI в. служили среди городовых детей боярских. Потеря дворового статуса могла произойти еще у их общего предка – Алексея Юрьева Хвостова,

жившего во второй половине XV в.[104]

Среди галичан Писемских в составе Государева двора была представлена только ветвь Ивана Васильева. В 1482 г. он ездил с наказом к воеводам в Нижний Новгород, а в 1495 г. был среди детей боярских, провожавших великую княжну Елену. Его сын Андрей описывал Нерехту. В 1546 г. он был назван стряпчим. В Дворовой тетради были записаны братья Андреевы Писемские. Сопоставление актовых материалов с родословной памятью показывает, что в 1550-х гг. жили и другие Писемские, отсутствующие в этом сводном списке дворовых детей боярских[105]. Видимо, уже братья А.И. Писемского были отстранены от дворовой службы. Кроме этой ветви существовали и другие Писемские, не учтенные в родословной памяти. В Дворовой тетради по Мурому был записан С.Ф. Киселев, наследник нескольких поколений видных служилых людей. Его однофамильцы были городовыми детьми боярскими. Возможно, они вели происхождение от И.Г. Киселева, боярина Дмитрия Шемяки.

Справедливо замечание А.А. Зимина (идущее, правда, вразрез с другими его высказываниями), подкрепленное наблюдениями Г. Алефа, о значении «личных качеств и энергии служилых людей, от их взаимоотношений с великим князем». Принцип выдвижения в значительной мере основывался на «семейном», а не «родовом» праве, позволяя отмежевываться от нежелательных родственников и скрепляя брачными узами союзы наиболее удачливых семей в окружении великого князя[106].

Генеалогический состав приближенных Ивана III был далек от позднейших местнических стереотипов. Упрочили свое положение в боярской среде бывшие купцы Ховрины. В Боярскую думу вошли представители нескольких второстепенных фамилий, предки которых были неизвестны при московском дворе. Среди них были В.И. Китай Новосильцев, Г.А. Мамон и его родственник Д.И. Дмитриев (род Нетши). В ряду размножившихся потомков московских бояр невысокое положение занимали потомки Александра Елки (род Андрея Кобылы). Федор Колыч, основатель Колычевых, был известен только в качестве землевладельца. Ближайшие родственники этой фамилии – Хлуденевы, Стербеевы и Неплюевы – котировались не слишком высоко. Тем не менее И.А. Лобану Колычеву удалось достичь чина окольничего. Его старший брат Андрей был известен как воевода. Из Филимоновых, младших родственников Морозовых, происходил М.Я. Русалка, дворецкий великого князя. Новгородским дворецким был И.М. Волынский, предки которого были вытеснены из боярской среды в начале XV в.[107]

Неверным является утверждение И.Б. Михайловой, что Иван III возвышал старшие ветви боярских фамилий. Из рода Ратши среди Пушкиных ветвь Товарковых была младшей, что не помешало ее представителям занимать высокие места в придворном окружении. Челяднины, потомки последнего сына А.И. Акинфовича Михаила Челядни, значительно обошли старших родственников Остеевых и Слизневых. Поздно началось выдвижение Бутурлиных, никто из которых в конце XV в. не имел боярского чина. Захарьины-Кошкины, наиболее успешная фамилия потомков Андрея Кобылы, происходили из последней ветви этого рода. Младшая ветвь Колычевых дала своих представителей в Боярскую думу, в то время как старшая служила в верейском уделе. Третью ветвь Бяконтовичей представляли Плещеевы. Среди Добрынских Симские были «меньше» Гусевых, что не помешало им обойти последних на лестнице чинов. Близкая картина наблюдается у Заболоцких, успехи которых были связаны с потомками шестого сына Ивана Александровича Василия. Личным выдвиженцем Ивана III был Г.А. Мамон, братья которого и их сыновья не претендовали на попадание в Боярскую думу. Рядовыми вотчинниками были старшие Кутузовы[108].

Точечный характер имели великокняжеские опалы против виднейших представителей аристократии, хотя об этой стороне жизни двора трудно судить из-за скудости источников. «Поимание» братьев И. и В.Б. Тучко Морозовых в 1485 г. не поколебало положение их близких родственников Г.В. Поплевы и Д.В. Шеина[109]. После опалы князя И.Ю. Патрикеева продолжилась блистательная служба его племянника князя Д.В. Щени, а позднее и М. Голицы и А. Кураки Булгаковых[110]. Воеводские назначения также долгое время не имели местнического характера. Среди воевод фигурировали фамилии, представители которых в будущем уже не претендовали на получение «стратилатских» назначений. Такими воеводами кроме прославленного Ф.В. Басенка были Б.М. Слепой Тютчев, И.Д. Руно, С. Карамышев, А.А. Рудный Картмазов[111].

В казанском походе 1469 г. среди детей боярских (командиров отдельных отрядов) были отмечены Н.К. Бровцын, Г.М. Перхушков, А. Бурдук. Все они не принадлежали к числу выходцев из «честных» фамилий, позднее вошедших в придворное окружение. В свите великой княжны Елены в 1495 г. находился Ивашка «владычень Рязанского», который, похоже, также обладал невысоким социальным статусом. В состав двора вошел И. Спасителев – бывший «каплан белых чернцов Айгустинова закона арганный игрец». Кроме него широко были представлены греки – М. Ангелов, Ю. и Д.М. Траханиоты, Ф.Д. Ласкарь, Д. и М.И.

Ларевы, которые были приравнены к дворовым детям боярским[112].

Расширение функций Государева двора, выполнение его представителями различных административных поручений привело к появлению в нем лиц, связанных прежде с великокняжеским дворцовым хозяйством. В предшествующие десятилетия они котировались не слишком высоко. В административном аппарате использовались непригодные к военной службе лица. Дворецким был Г.В. Криворот Сорокоумов, которого «застрелили в челюсть»[113].

Получая должности наместников, волостелей, а также отдельные пути (ловчий, конюший, сокольничий и т. д.) на правах кормления, периодически выступая в качестве послов и судей, члены княжеских дворов не превращались в профессиональных администраторов-управленцев. Все их успехи и чаяния были связаны с военной службой и придворной деятельностью. Ситуация начала меняться в конце XV в., когда хорошо известные с удельного времени должности приобрели новое значение и статус, что повысило престиж их обладателей.

Среди первых казначеев и печатников не было представителей служилых фамилий. Тексты княжеских завещаний показывают, что казначеями становились несвободные слуги-министериалы. В конце XIV в. печатником Дмитрия Донского был его духовник Митяй, позднее поставленный на митрополичью кафедру. У Михаила Верейского и Юрия Дмитровского функции печатника выполняли попы[114].

В качестве контраста в конце XV в. дворецкие, казначеи и печатники фактически входили в состав Боярской думы. Все они регулярно присутствовали на заседаниях думы и время от времени выполняли типично «боярские» поручения. Казначей Д.В. Ховрин фигурировал в актах конца XV в. как судья великого князя и был «боярином введенным». В 1498 г. он присутствовал среди бояр на докладе у Дмитрия Внука. Дворецкий К.Г. Заболоцкий («боярин наш и дворецкий») в 1503 г. возглавлял «большое» посольство в Великое княжество Литовское. Среди «бояр» был записан в писцовой книге Водской пятины новгородский дворецкий И.М. Волынский. Должности дворецких, казначеев и печатников доставались личным выдвиженцам великого князя, отличавшимся высокой компетентностью в выполнении своих обязанностей[115].

Наиболее значительный характер имело проникновение в состав Государева двора дьяков. Именно они составляли аппарат Боярской думы, дворца и казны, заведовали делопроизводством, участвовали в дипломатической и придворной деятельности. Как

и казначеи, дьяки начали свое восхождение по лестнице чинов с позиции несвободных министериалов. Иван Иванович Красный в своем завещании отпускал на свободу дьяков: «Хто будет тых дьяков, что будет от мене ведали прибытки некоторыи… не надобни моим детем ни моеи княгини, дал есмь им волю». Дьяки этого времени известны лишь по личным именам и, очевидно, имели низкий социальный статус. Недостаток источников не позволяет установить социальное происхождение дьяков конца XIV – первой половины XV в. По родословной памяти Стромиловых, их предок – А. Стромилов, дьяк Василия Дмитриевича Московского, был сыном бренбольского дьякона. Перемена в положении дьяков произошла в середине XV в. Из второстепенных лиц княжеского аппарата они превратились в советников великокняжеской власти, «из полусвободного министериала в ближайшего к князю технического помощника»[116].

Ф.В. Курицын, известный политический деятель конца XV в., был назван Иосифом Волоцким «дьяком из двора великого князя». Тот же Иосиф Волоцкий, обличая Федора Волоцкого, утверждал, что «не захотел служити ему ни один боярин, ни дияк», поставив дьяков в один ряд с удельными боярами. К этому времени дьяки оформились как отдельная должностная группа. Еще в 1441/42 г. Василий Темный «дьячество отня» у Кулударя Ирежского, заподозренного в связях с Дмитрием Шемякой. Несколько позднее подьячий В. Беда, доставивший известие о смерти мятежного галицкого князя, был награжден переводом в число дьяков «оттоле бысть дьяк»[117].

Для дьяческой службы требовались компетентность и высокий профессионализм. Опытные дьяки ценились на вес золота. Во второй половине XV в. они часто меняли места своей службы без видимых для себя последствий. Ф. Дубенский в начале 1440-х гг. был дьяком Дмитрия Красного, после смерти которого перешел на службу к его брату Дмитрию Шемяке. В 1445 г. Ф. Дубенский был послан к Улуг-Мухаммеду «со всем лихом на великого князя… чтобы великому князю не выити на великое княжение». Впрочем, на службе у Дмитрия Шемяки он также надолго не задержался. Уже в 1446 г. он подписывал жалованные грамоты Ивана Можайского. Исчезновение Можайского княжества заставило его перейти на службу к самому великому князю. Вплоть до 1470-х гг. он продолжал выполнять обязанности дьяка при великокняжеском дворе. Таким же «переметом» был дьяк И.В. Кулударь Ирежский. Он последовательно служил трем господам – Василию Темному, Ивану Можайскому и Михаилу Верейскому. Позднее дьяк А.

Майко отметился на службе у Василия Темного, великой княгини Марии Ярославовны, Андрея Вологодского и самого Ивана III[118].

Близость к великокняжескому окружению, широкие возможности для карьерного роста и личного обогащения привели к тому, что эта социальная ниша начала заполняться выходцами из служилых фамилий. Некоторые из великокняжеских дьяков первой половины XV в. отличались видным происхождением. Уже упомянутый Ф. Дубенский принадлежал к известной фамилии. Крупным землевладельцем был И.В. Кулударь Ирежский. Эта тенденция была продолжена в последующие годы. Среди дьяков Ивана III находились Ф. и И. Волк. Курицыны, А. Безобразов, В. Долматов и его сын Василий Третьяк, И.Ф. Кобяк Наумов, Н. Губа и Т.С. Моклоковы, И.И. Телешов, В.И. Нефимонов, Л.А. Ярославов, которые были связаны с фамилиями, представленными в составе Государева двора. Впечатляющим был и состав дьяков удельных князей, где присутствовали представители боярских (И.Д. Ципля Монастырев, Ф. Мячков) и княжеских (князь В.И. Капля Ухтомский) фамилий[119].

Некоторые из дьяков начинали свою службу в качестве дворовых детей боярских. Можайский вотчинник и по совместительству дьяк В. Долматов играл активную и не свойственную для приказных деятелей роль в «странной» войне с Литвой. Он «держал от себя» несколько пограничных вяземских волостей. Его сын В. Третьяк, известный впоследствии дьяк, в 1492 г. был приставом у литовского посольства. В 1493 г. он входил в состав посольства к Конраду Мазовецкому, а в 1495 г. вместе с братьями участвовал в новгородском походе «миром». Н.С. Губа Моклоков в 1495 г. входил в свиту великой княжны Елены. Л.А. Ярославов в качестве ярославского «боярина» получил в 1464 г. жалованную грамоту на свои земли. М.Ф. Карачаров был «паробком» Михаила Верейского. В 1499 г. уже на великокняжеской службе он ездил с посольством к римскому папе. И.Д. Ципля Монастырев в составе верейского двора держал в кормлении Федосьин городок в Белозерской земле[120].

Затянувшаяся дискуссия о происхождении дьяков завершилась признанием преобладания среди них выходцев из «честных» фамилий. Многие дьяки принадлежали к семьям, которые не слишком высоко котировались в служебном отношении. Для них новая роль, как верно заметил А.Ю. Савосичев, обеспечивала «социальный лифт», позволяя в течение жизни одного поколения резко повысить свой статус и обеспечить высокое положение для следующих поколений. В этом отношении дьяческая служба рассматривалась как временная уступка.

Несмотря на перспективы делопроизводственной карьеры, сыновья многих дьяков служили в дальнейшем в качестве дворовых детей боярских. Эта тенденция наметилась достаточно рано. Уже во время новгородского похода «миром» 1495 г. в свите Ивана III присутствовало сразу несколько сыновей дьяков: К. и И.Я. Кочергины, Ф. и А. Леонтьевы, Я. и С. Одинцовы-Дьяконовы, В. Третьяк, Тучко, М., Ф. и Дичко В. Долматовы[121].

При отборе детей боярских в состав Государева двора могли играть роль и патрон-клиентские отношения. Близость тиуна Оладьи Шишмарева к всесильному князю И.Ю. Патрикееву, возможно, привела к выполнению его сыном Беглецом нескольких придворных поручений. В 1492 г. он был приставом у имперского посольства, а в 1494 г. входил в состав большого посольства в Великое княжество Литовское[122].

Во многих отношениях Государев двор в конце XV в. оставался личным двором великого князя, состав которого он формировал исходя из собственных пристрастий. В его составе были представлены лица, не отличавшиеся знатным происхождением и зачастую не имевшие военного или управленческого опыта. Экспериментальный характер Государева двора способствовал последующим изменениям его состава. Многие из дворовых детей боярских конца XV в., промелькнув на страницах летописей, разрядных или посольских книг, впоследствии не привлекались к выполнению придворных служб. Прагматизм московского правительства способствовал ротации. «Отбраковке» подверглось значительное число фамилий. Отсутствие в дворовых списках некоторых фамилий часто было вызвано понижением их статуса. Юшка Владыкин в 1500 г. присутствовал на свадьбе князя В.Д. Холмского. В актах Суздальского уезда он фигурировал в качестве местного «боярина». Здесь же в последующие десятилетия известны были его сыновья. В 1550-х гг. потомки Ю.Н. Владыкина действовали в том же уезде, хотя и не были заметны в служебном отношении[123].

Вне зависимости от личных симпатий и антипатий лиц, приближенных к московскому трону, и самого государя всея Руси, в первую очередь в состав Государева двора при массовом отборе попадали наиболее видные по своему происхождению, родственным связям и служебным показателям лица, пользующиеся авторитетом среди населения их уездов.

Особое внимание уделялось княжествам, недавно потерявшим свою независимость. Среди удельных князей современников Ивана III его постоянными союзниками были братья Юрий Дмитровский и Андрей Вологодский. Не проявлял

строптивости также престарелый Михаил Верейский. Присоединение их княжеств к великокняжеской территории обошлось без каких-либо эксцессов. Представители этих удельных дворов быстро нашли место в придворном окружении, где заняли достаточно видные позиции. Бывший дмитровский боярин А.И. Старков уже в 1475 г. ездил с посольством в Крым. В.Ф. Сабуров в 1478 г. был одним из воевод в новгородском походе. Наиболее успешную карь еру сделал при дворе Ивана III И.В. Ощера. В 1470–1480-х гг. он был наместником Коломны и Старой Русы, а в начале 1490-х гг. управлял Великим Новгородом. В летописном рассказе о «стоянии на Угре» его имя упоминалось среди ближайших советников. Заметными лицами в окружении Ивана III были дети дмитровских бояр С.И. Воронцов, И.В. Шадра Вельяминов (окольничий конца 1490-х гг.). Князь В.В. Ромодановский, бывший доверенный боярин Михаила Верейского, в 1490 г. ездил с посольством в Крым. Несколько раз он встречался среди воевод, а позднее достиг звания окольничего[124].

Больше проблем доставлял Андрей Углицкий. Его двор мог стать инициатором междоусобной распри, в традициях бушевавшей некогда Феодальной войны. В 1480 г. во время конфронтации братьев бояре и дети боярские этого князя «и з женами и з детми и с людьми» отправились к границам Великого княжества Литовского. Еще до ликвидации углицкого удела был инициирован переход некоторых его «вассалов». В 1487 г. наместником во взятой русской армией Казани был посажен Д.В. Шеин-Морозов. Позднее он неоднократно получал воеводские назначения. Его родственник Д.Д. Морозов, ранее наместник в удельном Звенигороде, в качестве боярина присутствовал на судах у Ивана Молодого в Переславском уезде. Уже после «поимания» Андрея Углицкого его бывший боярин М.К. Беззубцев в 1498/99 г. был одним из воевод в походе на Казань. Воеводой невысокого ранга промелькнул в разрядах И.Б. Образец Синего. На службе у Ивана III отметились и некоторые дети боярские из углицкого двора[125].

Уже цитировалось сообщение Ю. Траханиота, который рассматривал удельных бояр и детей боярских как часть великокняжеского окружения. Это сообщение иллюстрируется делом о «крамоле» В.Г. Мунта Татищева. В 1488/89 г. этот «слуга» Ивана III «пошутил» перед удельным сыном боярским И.Б. Образцом о намерении великого князя «поимати» Андрея Углицкого. В этом печально закончившемся для Мунта Татищева эпизоде (он был подвергнут торговой казни) примечательны контакты между великокняжеским и удельным детьми

боярскими. И И.Б. Образец, и Мунт Татищев находились в это время в Москве[126].

Безболезненная адаптация выходцев из удельных дворов во многом объяснялась их изменившимся положением. Несмотря на позднейшие местнические предубеждения, удельная служба давала возможность некоторым фамилиям московской аристократии «удерживаться на плаву», сохраняя свои «честь» и положение в бурных перипетиях придворной и политической борьбы. Удельные князья конца XV – первой трети XVI в., за редкими исключениями, были родными братьями «государя всея Руси». Переход на удельную службу происходил в границах одной и той же правящей семьи и не мог рассматриваться как измена. Статус же удельного боярина стоял всего на одну ступень ниже, чем звание собственно великокняжеского боярина, что способствовало в дальнейшем обратным переходам. Многие из князей Оболенских служили в конце XV в. в уделах. Андрею Углицкому служил князь В.Н. Оболенский, а Борису Волоцкому – его брат Петр. В.Н. Оболенский стал родоначальником известных впоследствии боярских фамилий Курлятевых и Хромых. Скорее всего, правы были Г. Алеф и А.А. Зимин, считавшие, что причиной подобного перехода братьев была складывающаяся родовая система наследования чинов (квоты). В углицком дворе В.Н. Оболенский стал одним из виднейших бояр, что впоследствии позволило его потомкам добиться высокого положения при Государевом дворе. Удельные дворы, таким образом, выступали в качестве своеобразных «запасных аэродромов» для представителей боярской аристократии и не таили в себе угроз «феодальных мятежей»[127].

При комплектации Государева двора не забывались и интересы боярской знати из земель, находившихся в великокняжеском ведении. На особом положении после присоединения к Москве находились тверские и рязанские бояре. В Тверской и Рязанской землях не проводились крупномасштабные конфискации и почти не практиковались «выводы». Московское правительство предпочитало проводить здесь политику сотрудничества с местной знатью, используя в своих интересах сложившиеся системы старшинства (иерархии). Статус дворовых детей боярских приобрели практически все видные фамилии из этих княжеств.

Тверские бояре начали в массовом порядке переходить на московскую службу задолго до фактической ликвидации Тверского княжества. Уже в 1476 г. двор Михаила Тверского покинула большая группа бояр. Число перебежчиков заметно возросло во время похода Ивана III на Тверь. Лишь часть тверских

бояр бежала в Литву вместе со своим господином. Недостаток источников не позволяет оценить масштабы выселений местных бояр. Некоторые из их потомков служили впоследствии по другим уездам, но их появление там могло быть вызвано дополнительными земельными пожалованиями, а не опалами. Такое развитие событий кажется весьма вероятным применительно к Бокеевым. В.С. Бокеев перешел на московскую службу в 1476 г. В 1489 г. он был воеводой в походе на Вятку. Разрядная запись 1495 г. сохранила относящуюся к нему помету «из Мурома». К этому времени он, очевидно, уже обосновался там вместе со своим братом Ильей[128]. Не проявили особой лояльности тверским князьям Собакины, получившие в конце XV в. поместья в Коломенском уезде. По Переславлю позднее служили Нагие и Коробовы, а по Костроме – Карповы. Некоторые из них определенно сохраняли за собой вотчины на территории бывшего Тверского княжества.

Уникальность дальнейшего существования Тверской земли заключалась в династических правах на нее старшего сына великого князя – Ивана Молодого, внука Бориса Тверского. Получив Тверское княжество на правах наследника, он сохранил права местной знати «у себя пожаловал в боярех учинил». Позднее Тверская земля перешла в ведение его младшего брата Василия, будущего Василия III. Особый статус способствовал консервации сложившихся в период независимости отношений. В Твери в конце XV – начале XVI в. продолжала функционировать собственная боярская дума. Кашинским наместником был «боярин» И.Б. Бороздин. В 1495 г. в свите Ивана III во время поездки в Новгород присутствовали «из Тверские земли бояре». Тверские бояре и окольничие упоминались в разрядах также в 1501 и 1509 гг. Жалованные грамоты на кормления в Тверской земле (до 1513 г.) продолжали оформляться в особой тверской канцелярии. В ее ведении находились вопросы местного управления и судопроизводства. Известно несколько грамот, выданных этой канцелярией[129].

Прекращение выдачи тверской канцелярией жалованных грамот уместно связать с роспуском местной боярской думы и включением «двора тверского» в состав Государева двора. По мнению Б.Н. Флори, проведение этих мероприятий растянулось на несколько лет. Трудно сказать, насколько повлияла на них опала князя В.Д. Холмского (1508 г.). С.Н. Попов считал его главой группы тверских князей при московском дворе, хотя он значительно больше был связан с кругами московской аристократии, чем с бывшими «тверичами». Реконструкция структуры дворовой книги 1537 г. показывает, что тверские бояре

перестали существовать как отдельная группа между 1513 и 1518 гг.[130]

В походах тверские полки часто возглавлялись представителями местного боярства. В походе 1493 г. среди воевод «изо Твери» были князья О.А. Дорогобужский, В.А. Микулинский (служилые князья Тверского княжества), И. и П.Б. Бороздины. В том же году из Твери была отправлена новая рать, где среди воевод фигурировали Д.И. Киндырев и В.Б. Бороздин. В походе 1496 г. на шведов воеводами левой руки также были С.К. Бокеев и А.И. Коробов. В этом походе полк левой руки, видимо, был полностью укомплектован тверичами. Тверичи участвовали также во взятии Казани. Среди воевод этого похода находились А.И. Коробов, П. и В.Б. Бороздины, а также С.К. Бокеев. В 1500 г. в походе на ливонских немцев участвовали «Иван да Петр оба Борисовича и с тверици»[131]. Тверские воеводы сыграли свою роль также в победе на Ведроши.

Разделение территории Тверского княжества между сыновьями Ивана III ослабило позиции местной знати, но принципиально не изменило ее положение. Б.Н. Флоря и В.Б. Кобрин отмечали разбивку тверской рубрики Дворовой тетради на две части: «Тверь» и «помещики тверские». В первой были представлены потомки старинных тверских землевладельцев. «Помещики тверские» объединяли выходцев из других уездов[132].

Рязанское боярство также отстояло свою замкнутость и обособленность, что подчас вызывало серьезные опасения. Примером может служить дело о побеге последнего рязанского великого князя Ивана Ивановича, поддержанного некоторыми местными детьми боярскими. Допросам были подвергнуты многие представители рязанской знати, которые, однако, отделались легким испугом. Практически все они в дальнейшем продолжали службу. После завершения следственного дела жалованные грамоты были выданы С. и В.Ф. Вердеревским, родственникам прежней правящей династии[133].

В 1521 г. в Рязани вместе с московским наместником И.В. Хабаром Симским находились М. Булгак и Ф. Денисьевы, И. и С.И. Коробьины, Стрекало (Иван) В. Измайлов и «княж Ивановы» (служившие Ивану Рязанскому), К., М. и В.Д. Кобяковы, Ф.И. Сунбулов. В дальнейшем выходцы из рязанского боярства продолжали нести службу на южных рубежах, неподалеку от своих вотчин. Реже рязанцы встречались на службе в других частях страны. В официальном синодике московского Успенского собора имена погибших рязанских детей боярских сопровождались характерными пометами, указывающими на их территориальную принадлежность. Группа «рязанцев» погибла в

сражении на Свияге. «Рязанцами» были поминаемые Г.И. Коробьин и Ф. Денисьев[134].

В рязанской рубрике Дворовой тетради, по аналогии с тверским боярством, присутствовали потомки служилых людей Рязанского княжества, которые занимали здесь явно доминирующие позиции. При невозможности точно установить происхождение всех зафиксированных здесь лиц можно отметить только О. Лашенского, «литвина», который был вписан сюда, не имея рязанских корней. По наблюдениям С.И. Сметаниной, имена рязанцев в Дворовой тетради были записаны по фамильному принципу, в иерархическом порядке, сложившемся еще во время независимости Рязанского княжества[135].

Принципы сотрудничества преобладали и в отношениях с другими территориальными группами. Наиболее отчетливо эта политика проявлялась на окраинах страны. В Муромском уезде, присоединенном еще в конце XIV в., выделилось несколько фамилий, претендующих на роль региональных лидеров. Среди них были Киселевы. В середине XV в. И. Киселев служил Дмитрию Шемяке и был у него наместником в Устюге, что, впрочем, не отразилось на дальнейших его родственниках. М. Киселев упоминался в «Хожении за три моря» Афанасия Никитина как нижегородский наместник. С Нижним Новгородом была связана и служба его сына, Федора, пожалуй, самого значительного представителя этой фамилии. В 1481/82 г. он описывал нижегородский ключ, а в 1503/04 г. весь Нижегородский уезд. В промежуточном 1491 г. Ф.М. Киселев выполнял обязанности пошлинника в том же Нижнем Новгороде. В 1502 г. он ездил с посольством в Крым. Затем, в 1506 г., был одним из воевод в казанском походе «с боярскими людьми», где отличился в сражении с татарами. В качестве награды за долгую службу он держал в кормлении приволжский Плес, а где-то в 1470–1480-х гг. получил жалованную грамоту на свои муромские села, позднее подтвержденную Василием III. Служба его сына Семена также проходила поблизости от его владений. В 1546 г. он был воеводой в Васильсурске, затем с 1547 по 1549 г. «стоял» в полку левой руки под Муромом, откуда и был послан в поход на казанские места. В Дворовой тетради С.Ф. Киселев был записан по Мурому[136].

В конце XV в. муромским наместником был В. Елизаров. Его родственник Б.И. Елизаров примерно в это же время держал в кормлении город Гороховец. В составе двора служили также Борисовы-Матвеевы и Осорьины. С. Осорьин ездил с грамотами к казанскому хану Магмет-Аминю, а в 1500 г. вместе с братом Терентием был гороховецким кормленщиком. В. и И.С. Осорьины

служили ключниками в Нижнем Новгороде[137]. В Галицком уезде местные вотчинники Котенины, служившие прежде Дмитрию Шемяке, не только регулярно получали жалованные грамоты на свои владения, но и отметились среди кормленщиков. В 1530 г. Третьяк Котенин «держал» Чухлому, а в конце 1530-х – половину Галича[138].

Широкое представительство местной знати в составе Государева двора конца XV в. было метко отмечено псковским летописцем, описывавшим поход 1473 г. на ливонских немцев. В помощь псковичам были посланы «воеводы и князи, дети боярские великого князя двора или ***из городов бояре***. Бе бо множество их видети… из городов: из Ростова, из Дмитрова, из Юрьева, из Мурома, из Костромы, с Коломны, ис Переяслава и из иных городов»[139]. Привлечение представителей местной знати в Государев двор способствовало преодолению обособленности каждой из земель, оказавшихся в едином государстве. Пожалуй, даже большее значение имело выполнение ими службы на окраинах, где до широкого распространения поместной системы существовал ощутимый дефицит исполнителей различного уровня. В определенном смысле центральное правительство в этом случае оказывалось заложником ситуации: самостоятельность его действий в выборе кадров имела весьма ограниченный характер.

Не стоит забывать и об особых условиях, сопровождавших переход той или иной территории под власть московских князей. В.Б. Кобрин, анализируя запреты продаж вотчин иногородцам в Твери, Микулине, Торжке, Оболенске, Белоозере и Рязани, фигурирующие в Судебнике 1550 г., пришел к выводу, что здесь шла отсылка к жалованным грамотам[140]. Жалованные грамоты выдавались также Великому Новгороду, Смоленску, вяземским «князьям и панам», вероятно, также ярославцам и представителям других земель. В них затрагивались в том числе вопросы службы. Новгородские бояре во время переговоров настаивали на требовании, чтобы «князь великий позвы Московскые отложили в Новгород, да службы бы, пожаловал, в Низовскую землю не наряжал». Это требование получило подтверждение со стороны Ивана III[141].

Служба в составе Государева двора была завязана на присутствии детей боярских, наследников местных бояр, в Москве, под рукой у великих князей, что вступало в противоречие с цитируемыми пожеланиями новгородцев. В ряде случаев для выполнения военных и управленческих обязанностей приходилось использовать имеющихся лиц из числа местных землевладельцев, предоставляя лучшим из них статус дворовых

детей боярских, хотя их основная служба и проходила вдали от столицы.

Этот процесс не стоит абсолютизировать. Политика компромисса срабатывала далеко не во всех случаях. Достаточно быстро были найдены механизмы, усиливавшие контроль над ситуацией «на местах». Действенными инструментами оказались конфискации вотчин и принудительные переселения. В первую очередь они затронули новгородцев. В официальных летописях они неоднократно обвинялись во «многих изменах». По словам автора тенденциозных «Словес избранных от святых писаний… о гордости величавых мужей новгородских», «сии людие новгородстии не первую измену показуют». Нелицеприятный взгляд на характер новгородцев был озвучен в летописном своде 1479 г.: «Таков бо бе обычай окаянных смердов изменников»[142]. «Изменные» склонности служили оправданием для проведения «выводов», которые были произведены Иваном III уже в 1476 г., затронув представителей первостатейного боярства. С большим размахом выселения продолжились после присоединения Новгорода. В конце 1480-х гг., по летописным данным, было переведено «боле седми тысящ житих людей на Москву». Реальные цифры были в несколько раз меньше. В других летописях численность новгородцев оценивалась скромнее – «голов болши тысчи» и, даже в этом случае, скорее всего, включала в себя не только землевладельцев, но и городских жителей – «житьих»[143].

Упоминание в писцовых книгах «бояр новосведеных» и «сведеных своеземцев» свидетельствует о продолжении переселений в 90-х гг. XV в. Г.М. Тучин, один из выселенных бояр (бывший посадник), подписывал договор с Ливонским орденом еще в 1493 г. Стоит подчеркнуть, что «выводы» местных землевладельцев в Новгородской земле производились без какого-либо плана. Изначально не ставилась задача полной ликвидации здесь боярского землевладения. Еще до похода 1477 г. некоторые бояре служили Ивану III. Их число увеличилось при подходе московских войск к Новгороду. Затем, когда окончательный исход противостояния не вызывал вопросов, «били челом великому князю в службу бояря Новгородстии все и дети борьскые и житии». Отдельно упоминалась грамота, которую обязались блюсти некоторые виднейшие бояре[144].

«Новгородская сила» участвовала в 1481 г. в походе «на немцы», а в 1485 г. в завоевании Тверского княжества. Среди новгородцев присутствовал круг лиц, которые могли беспрепятственно влиться в состав Государева двора. Новоторжцы Глуховы и Берновы, новгородские бояре из Новоторжского уезда,

отметились в новгородском взятии 1477 г. как союзники Ивана III. Обе фамилии были позднее представлены в рубрике «Торжок» Дворовой тетради, унаследовав свой статус с 70-х гг. XV в.[145]

Несмотря на репутацию «прирожденных изменников», некоторые новгородские бояре, будучи переселенными в «города Московской земли», смогли занять здесь видное положение. Уже во второй половине 1480-х гг. жалованные грамоты на владения в Ярославском и Костромском уездах получил П.В. Люткин. Позднее он был кормленщиком в Устюженском уезде. Среди погибших в битве на Ведроши (1500 г.) был отмечен Иван ***Александрович*** Самсонов («новогородец»). Во втором десятилетии XVI в. в качестве писца Перевитеска (Рязанская земля) отметился бывший боярин К. Фефилатьев. Должности волостелей занимали М. Доможиров (его родственник Г.М. Доможиров в 1538 г. был волостелем в Балахне, а сын ключником в Нижнем Новгороде), Я. Скомантов, Я.И. Дмитриев Исаков. Последний приходился внуком казненному после Шелонской битвы «крамолнику» Д.И. Борецкому и правнуком «прелестные жены Марфы», знаменитой Марфы-посадницы. И.З. Овинов описывал земли в Нижегородском уезде, а И. Шенкурский был отмечен в качестве воеводы у «наряда». Большое число потомков новгородских бояр было записано в Дворовой тетради по Юрьеву, Владимиру и Костроме: Самсоновы, Исаковы, Горошков, Шенкурские, Фефилатьевы, Новгородцевы, Кузьмин, Телятев, Подножкины[146]. По своему положению они ни в чем не отличались от остальных детей боярских. Одному из них – Я.И. Кузьмину принадлежало в середине XVI в. очень крупное поместье (1184 четверти). Представители этих фамилий входили в состав Государева двора, вероятно, уже в начале столетия. Идеологический пафос противостояния, таким образом, не препятствовал участию «новгородцев» при организации управления и службы. При дефиците кадров московское правительство стремилось эффективно использовать имеющиеся человеческие ресурсы.

Выселения затронули практически всех крупных и средних землевладельцев. Известно всего несколько примеров признания местных вотчинников в качестве детей боярских. А. Савелову и братьям Я. и П.Д. Луневым достались в поместья части их собственных земель. Поместье С. Лисичникова было составлено из участков других лиц[147]. Сохранили земли мелкие землевладельцы, получившие статус своеземцев, которые впоследствии были задействованы в несении службы. Место новгородских бояр и житьих заняли помещики, переселенные в Новгородскую землю из разных частей страны.

Выселению подверглись вятчане, хотя в этом случае их

социальная ниша не была занята московскими служилыми людьми. Подобным образом сложилась судьба землевладельцев пограничных Вяземского, Дорогобужского, Бельского и, вероятно, некоторых других уездов, присоединенных в ходе русско-литовских войн, лояльность которых вызывала очевидные вопросы. Были выселены также псковичи (300 семей).

При внешней привлекательности такого подхода его реализация сталкивалась с трудностями. Количество находящихся в распоряжении у центрального правительства служилых людей, не говоря уже об их качественном составе, было весьма ограничено. Часть из них была задействована на нескольких стратегически важных направлениях и не могла быть перемещена на новые места службы. Недостаток служилых людей замещался в том числе за счет испомещения бывших послужильцев. В этом случае не удавалось добиться полноценного эффекта. Новые корпорации нуждались не только в полноценных детях боярских. Требовалось создать в них дееспособную структуру, с привлечением представителей знати для выполнения функций командного состава.

Перемещения нескольких тысяч детей боярских на Северо-Запад страны (кроме Новгородской земли в Пусторжевский и Великолуцкий уезды), а также в новозавоеванные западные уезды значительно исчерпали кадровый потенциал и заставляли отложить резкие выпады в адрес представителей местной знати. Возможно, именно это обстоятельство сдерживало рост поместного землевладения в Смоленской земле, где долгое время роль постоянного воинского контингента выполняли отряды годовщиков. «Выводы» смоленских бояр растянулись на несколько десятилетий, часть из них осталась на своих местах в качестве земцев.

При увеличении численности Государева двора и роста его территориальной составляющей возможности постоянного пребывания входящих в его состав лиц в Москве были ограничены. Затруднялось и его использование в военных целях. Начиная с XVI в. двор практически перестал отправляться в походы в качестве самостоятельного военного отряда. В соответствии с новой организацией армии и правильным делением полков дворовые дети боярские все чаще несли службу вместе с другими служилыми людьми. В 1509 г. вместе с князем В.В. Шуйским находились «князи и дети боярские из двора и из городов», которые передавались князьям В.Д. Холмскому и А.В. Ростовскому, «и они себе тех людей поделят сами»[148].

Рядовые члены двора эпизодически появлялись в Москве. По свидетельству Сигизмунда Герберштейна, «государь имеет

обыкновение вызывать некоторых по очереди из их областей, чтобы они исполняли при нем в Москве всевозможные обязанности». В разрядной записи о смоленском походе 1514 г. Василия III, выехавшего из Москвы, сопровождала свита из 220 бояр и детей боярских. Остальные дворовые дети боярские находились под Тулой и должны были соединиться с великокняжеским полком только под Дорогобужем[149].

Этот процесс отражался на внутренней структуре Государева двора, внутри которого, в соответствии с поземельными связями детей боярских, в начале XVI в. выделилось несколько территориальных групп. По-видимому, уже «дворовая книга» второго десятилетия XVI в., реконструируемая на основании более поздних списков, делилась на несколько территориальных рубрик. Разряд новгородского похода «миром» 1495 г., отразивший более раннюю структуру Государева двора, в целом не демонстрировал признаков «территориальности». Отдельной группой в нем были выделены лишь «бояре» из Тверской земли, которые недавно влились в его состав[150].

Расширение границ государства отражалось на изменении территориальной структуры двора, в состав которого включались выходцы из новоприсоединенных земель (за исключением уездов, где были произведены «выводы»), а также из новых корпораций, создаваемых на окраинах. Структура рубрик в Дворовой тетради 1550-х гг., наиболее полном источнике для реконструкции истории Государева двора, часто распадалась на три основные части, копирующие его структуру: «бояре», «князья», «дети боярские». Особенно часто такие примеры имели отношение к «новым» корпорациям – Кашире, Можайску, Вязьме, Дорогобужу. В вяземской рубрике последовательно описывались «бояре» (Салтыковы, Плещеевы, Годуновы), «князья» (С.Ю. Деев, Умаровы, Гагарины) и «дети боярские». Так же обстояло дело с дорогобужской рубрикой. Здесь были свои «бояре» – З.И. Очин Плещеев, «князья» – А. и Д.М. Звенигородские, а также Н.И. Мезецкий, а затем уже и «дети боярские»[151].

Распространение тройственной структуры на территориальные группы дворовых детей боярских в конце XV – начале XVI в. по образцу организации Государева двора в пограничных уездах свидетельствовало о возможности их действий как автономных отрядов, имеющих собственный командный состав и выстроенную иерархию. Это имело смысл при отражении неприятельских набегов и организации локальных походов на соседние страны (Великое княжество Литовское). Подобные действия были невозможны без координации с массой рядовых служилых людей. Важно подчеркнуть признание

великокняжеской властью территориальной структуры Государева двора и ее последующее тиражирование.

Территориальные связи неоднократно принимались во внимание при выполнении совместных поручений. «Вяземскими боярами», в действительности же дворовыми детьми боярскими двора, участвовавшими в пограничной войне, были дмитровцы Ю.П. Шепяков и С. Повадин. В 1491 г. на Цильму «искати руды серебряные и медные» были отправлены И.К. Брюхо Коробьин и В. Болтин, соседи по владениям в Ростовском уезде[152]. В XVI в. число таких примеров еще более возросло.

Территориальный принцип действовал при пожаловании некоторых должностей-кормлений. Среди коломничей первой трети XVI в. ясельничими были Д. Лихарев, Ф.С. Хлопов и И.И. Суков. Среди ямских дьяков наблюдался высокий уровень выходцев из Владимирского уезда. По Владимиру в Дворовой тетради были записаны сыновья И. Аргамакова, Т.Т. Всеволожского, А.И. Фуника Курцева, С.А. Ярца Нармацкого[153].

К середине XVI в. Государев двор распадался по крайней мере на 44 отдельные группы, не считая родовых княжеских корпораций, служивших по отдельным спискам. В определенном смысле это была своеобразная «корпорация корпораций», орган, который в отсутствие легитимных органов представительства служил воплощением единства страны и в этом отношении являлся одним из важнейших институтов государства на пути к централизации.

Дополнительным фактором в построении служебных отношений стало формирование в нем чиновно-иерархической структуры, которая наполнила новым содержанием традиционную тройственную модель. В рамках этой модели особое значение приобрела Боярская дума, превратившаяся в высшую иерархическую ступень. С конца XV в. представительство в этой привилегированной совещательной курии стало конечной целью соперничества отдельных боярских и княжеских фамилий. Звание бояр жаловалось исходя из политической ситуации и конкретных заслуг того или иного лица. Боярами после долгих лет службы становились наиболее заметные воеводы и администраторы, выделявшиеся по своим служебным достижениям[154]. К боярам и окольничим примыкали некогда дворцовые должности, в том числе имевшие статус кормлений: дворецкие, казначеи, печатники, ясельничие, постельничие, сокольничие, ловчие, дьяки. Их положение во внутренней иерархии двора во многом определялось близостью конкретных лиц к персоне великого князя.

Уже в конце XV в. начала складываться система квотирования

мест в Боярской думе для наиболее знатных семей, что вынуждало Ивана III и его преемников увеличивать общее число окольничих, второго по значению после бояр звания. Как правило, окольничими становились представители нетитулованных фамилий, выходцы из старомосковской боярской знати, пользующиеся доверием государей всея Руси. Со временем они могли добиться повышения статуса, перейдя на положение бояр[155].

Чиновно-иерархическая система повышала значение родственных связей, которые позволяли более эффективно продвигаться по карьерной лестнице. Наиболее отчетливо эта тенденция проявлялась у родовых княжеских корпораций, служивших по отдельным спискам и обладавших развитыми традициями родового единства. Анализ разряда 1495 г. и разряда свадьбы князя В.Д. Холмского 1500 г. показывает начальную стадию этого процесса. В них фиксируются «княжеские» группы князей Оболенских, Суздальских, Стародубских, Ростовских, Ярославских и Белозерских. В.Д. Назаров отмечал, что перечисление этих имен в разряде 1495 г. было основано на принципах родового старшинства, который определял их внутреннее взаимодействие[156]. Возможности использования ресурсов родовой общности нашли признание и в среде нетитулованной аристократии, а затем и в более широких слоях Государева двора.

В том же разряде отмечается объединение некоторых нетитулованных фамилий по родовому принципу. При перечислении детей боярских за исключением родных братьев подряд были записаны трое Заболоцких, двое Морозовых и Плещеевых, четверо Слизневых, а затем еще раз двое Морозовых. Упоминание некоторых представителей отмеченных родов в других частях этого документа, видимо, было вызвано его составной структурой, к основному тексту которого были сделаны приписки. Среди детей боярских «в поезде» на свадьбе князя В.Д. Холмского также присутствовала группа Морозовых[157].

Приведенные примеры были немногочисленны. Порядок перечисления имен в этих группах часто не соответствовал принципам родословного старшинства[158]. Среди Слизневых в разряде 1495 г. И. Булгак был старшим двоюродным братом для Ташлыка и И. Копота, а среди Морозовых Я.Д. Давыдов был «больше» И.Г. Козлова. Те же несоответствия были в списке Морозовых из свадебного разряда, которые по старшинству должны были располагаться в другом порядке[159].

Другое важное наблюдение – пофамильный, а не родовой

принцип расположения имен. Г. и П.Ф. Давыдовы, сыновья влиятельного боярина Ф.Д. Хромого, были записаны отдельно от Слизневых, приходившихся им четвероюродными братьями. В.Д. Назаров считал, что это объяснялось значительным расхождением между потомками А.И. Акинфовича, препятствующим сохранению родового единства. В первых родословных росписях 1490-х гг. неоднократно подчеркивалось родство Ивана Хромого и Андрея Слизня, предков этих фамилий. Позднее в Тысячной книге 1550 г. все переславские Ратшичи были включены в одну группу, располагаясь друг за другом (Бутурлины, Слизневы, Чеботов, Замыцкие). Бутурлины и Слизневы соседствовали и в переславской рубрике Дворовой тетради. К этому времени расхождения между этими потомками Ратши стали значительно большими[160]. К слову сказать, расхождения между Заболоцкими в разряде 1495 г. было в той же степени родства. В.И. Гаврилов был троюродным племянником для В. Асанчука и А.Г. Заболоцких. Процесс осознания родовой общности у аристократических фамилий в конце века проявлялся, видимо, в разной степени. «Митей Григорьевым Русалкиным племянником» в писцовой книге был назван троюродный брат М.Я. Русалки Д.Г. Племянник Филимонов[161].

Этот процесс совпал во времени с ростом делопроизводственной документации, предоставившей необходимые аргументы для местнических споров. Постепенно были систематизированы и обобщены родословные заметки отдельных фамилий, которые первоначально имели частный характер[162].

«Родство» санкционировалось правительством, которое использовало его для упорядочивания служебных отношений. Новгородские писцовые книги показывают изменение роли родовой общности в конце правления Ивана III. Г.А. Победимова отметила, что после смерти того же М.Я. Русалки большая часть его крупного поместья в Деревской пятине перешла в руки его троюродных племянников Чеглоковых-Филимоновых. Заболоцкие обосновались в Новгородской земле несколькими группами, независимо друг от друга. Тем не менее, после того как К.Г. Заболоцкий оставил свои земли, часть из них была передана Терентию Заболоцкому, его троюродному племяннику. Он же «унаследовал» земли дяди А.Н. Горбатого[163]. Примеры передачи поместий в руки родственников были распространены и среди других новгородских помещиков, в том числе среди лиц не слишком знатного происхождения.

С 90-х гг. XV в. в Новгородской земле среди новых помещиков практиковались переселения крупными группами. Некоторые из

них были сформированы по родственному принципу. Соседство поместий и близость их размеров говорят в пользу предположения об одновременном испомещении пятерых Бутурлиных (двоюродные братья), а также М.И. Смолки Слизнева. Большой группой в Водскую пятину перебрались Соловцовы. Вместе с ними поместье получил их родственник И.К. Истленьев[164].

Масштабные поместные переселения конца века дали стимул для осознания «родства». На новых местах службы для получения больших поместных окладов необходимо было подтвердить свой высокий статус[165]. Родословные записи становились аргументом, который мог подтвердить «честной» характер новых помещиков. Сведения о переселениях на поместья фиксировались в родословных книгах 40-х гг. XVI в., а затем и в официальном Государевом родословце[166]. Увеличение числа претендентов на кормления и трудности, с которыми приходилось встречаться для его получения, усиливали необходимость предъявления дополнительных доводов в свою пользу.

Источники конца 1530–1550-х гг. фиксируют изменение отношения к родовой общности. Некоторых фамилии стремились подчеркнуть свою связь с более преуспевшими родственниками. Среди помещиков Бежецкой пятины были сыновья А.Т. Пыжова (род Хвостовых), которые именовали себя Пыжовыми-Отяевыми. К Отяевым стремились добавить себя и Шафровы. Калитеевские «вспомнили» о своем общем происхождении с Кучецкими, Вельяминовы-Глазовы с Сабуровыми, а Ананьевы-Александровы, Хорхорины и Голенищевы с Кутузовыми, добавляя соответствующие окончания к написанию своих фамилий[167].

Сыновья новгородца Т.И. Заболоцкого в Дворовой тетради были записаны по Переславлю в группе с другими Заболоцкими. Среди Аксаковых по Кашину фигурировали новгородцы С.Д. Аксаков и пятеро сыновей И.И. Аксакова. Аналогичные примеры имели место у представителей князей Ростовских, оставивших новгородскую службу, и в ряде других случаев[168]. Факты «наследования» поместий однородцами демонстрируют, что такая аргументация признавалась администрацией уже на ранних этапах формирования поместной системы.

Родственные связи были использованы в том числе и для организации службы. Дворовая тетрадь строилась по фамильному принципу. Семьи дворовых были сгруппированы вместе, образуя большие фамильные, а в ряде случаев и родовые «гнезда»[169]. Эта структура отражала, по-видимому, особенности устройства службы, имевшей наследственный характер. Организация обеспечивала круговую поруку, облегчая учет и мобилизацию

служилых людей. Чем больше в нее вовлекалось людей, тем проще было выполнять контроль над каждой отдельной группой.

Наличие горизонтальных служебно-родственных связей подтверждается на примере Колычевых. Представители этой фамилии часто были задействованы в выполнении одних и тех же служб. В 1501 г. М.А. Колычев впервые получил воеводское назначение во время похода на «немцы» под предводительством своего дяди И.А. Лобана Колычева. В 1508 г. братья М. и И.А. Черные Колычевы были воеводами на Великих Луках. В злополучной Оршанской битве 1514 г. принимало участие сразу несколько Колычевых: И.А. Черный, И. Пупок и его братья В. и А.С. Колычевы[170].

«Родство» проявлялось не только на горизонтальном, но и на вертикальном уровне. Многие должности в структуре Государева двора быстро стали передаваться по наследству. Этот процесс не был легитимизирован, но дефакто получил распространение как традиция, основанная на прецедентах. Наследственный характер приобрели места в Боярской думе. Своеобразная «очередь» на получение думных чинов в соответствии с заслугами предков и местом в системе родового старшинства видна при анализе «боярских» частей отдельных рубрик Дворовой тетради. Лидеры фамилий выступали как «локомотивы» для остальных родственников, предопределяя их карьерный рост.

Появление выдвиженцев великих князей в боярской среде вело к увеличению числа членов Боярской думы, не нарушая в целом сложившегося порядка. К середине XVI в. выделилось достаточное число фамилий, претендовавших на места в Боярской думе. По наблюдениям А.М. Клеймола, в Боярской думе первой половины XVI в. 40,7 % всех бояр и окольничих получили свои звания «по наследству» от своих отцов. Еще 25,4 % находились с ними в близком родстве. Н. Коллман обратила внимание на порядок передачи думных званий. В первую очередь звания бояр и окольничих получали младшие братья, вслед за ними старшие сыновья старших братьев и т. д.[171]

Внутри отдельных фамилий стали сосредотачиваться различные дворцовые и придворные должности. Должность конюших постепенно в руках у Челядниных. Конюшим в начале XVI в. был И.А. Челяднин. В 1539 г. конюшим был его сын Иван. Следующим конюшим стал И.П. Федоров, женатый на дочери В.А. Челяднина[172]. С.И. Воронцов во втором десятилетии XVI в. выполнял обязанности дворецкого. В 40-х гг. XVI в. И.С. Фока Воронцов был тверским дворецким, его брат Федор Демид – углицким, а племянник В.М. Воронцов – дмитровским. Подобным образом И.Н. Бутурлин был дворецким Великого Новгорода, а

А.Н. Бутурлин – Нижнего Новгорода. Наконец, И.И. Меньшой Жулебин служил новгородским дворецким, а его сын – дмитровским[173].

Наиболее отчетливо тенденция закрепления должностей в кругу отдельных фамилий проявилась среди казначеев, что было связано со специализацией этой должности. В конце XV – первой половине XVI в. казначеи назначались из представителей семьи Ховриных. Казначеем в 1470–1480-х гг. был В.Г. Ховрин. В конце XV в. его сменил на этой должности сын Дмитрий, который, в свою очередь, передал ее племяннику П.И. Головину. И.И. Третьяков-Ховрин, начавший свою деятельность на должности печатника, в 30-х гг. XVI в. также стал казначеем[174].

Должность оружничего в середине XVI в. от своего отца А.М. Салтыкова «унаследовал» Л.А. Салтыков. Среди ясельничих были Г.А. Дровнин и его сын Василий[175]. Еще в середине XV в., по родословным данным, великокняжеским постельничим был И.В. Море Сорокоумов. Позднее должность постельничего перешла к его племяннику И.Д. Боброву. Среди представителей этой фамилии постельничим был также К.А. Бурунов. Ф.В. Большой Кокошкин Сорокоумов служил постельничим у Дмитрия Углицкого. Среди Мансуровых Яков Иванов с 1513 г. был постельничим. После опалы эту должность заняли его племянники А. и Л.В. Мансуровы. А.А. Зимин отметил также определенную преемственность среди ловчих. Сыновьями ловчих 30-х гг. XVI в. были Ф.М. Нагой и Б.В. Дятлов[176].

Торжество семейного принципа происходило и у дьяков. Сыновьями дьяков были Р. Алексеев (Полуехтов), Ю.С. Башенин, Г.З. Микулин Гнильевский, а также его сыновья Яков и Василий, В.В. Третьяк Долматов, Н.В. Дылдин, И.В. Жуков, И. Бакака, И. Чудин и Т.М. Карачаровы, И.Т. Клобуков, А. и И.Ф. Курицыны, К. и Н.А. Фуниковы Курцевы, Ф. Посник Моклоков, В.С. Племянников, П.И. Путятин, Е.И. Цыплятев, племянником – И.Г. Выродков, фигурировавшие среди дьяков первой половины XVI в. В это время происходило активное формирование дьяческих кланов, в результате которого некоторые фамилии стали делегировать на эту службу большое число своих представителей (Моклоковы, Путятины, Цыплятевы, Карачаровы, Клобуковы, Фуниковы-Курцевы)[177]. В случае с дьяками эта тенденция сглаживалась возрастающими потребностями государственного аппарата в «приказных людях». Общее количество дьяков неуклонно росло на протяжении всей первой половины XVI в., что способствовало проникновению в состав дьячества новых лиц и фамилий. Преемственность среди дьяков во многом носила условный характер, чередуясь с «дворянскими» назначениями.

Быстрый расцвет «родства» показывает, что оно было эффективным регулятором для установления горизонтальных связей между группами служилых людей. Эта его роль в будущем предопределила расцвет местничества и широкое развитие связей кланового характера. Наследственный принцип занятия тех или иных должностей способствовал самовоспроизведению запущенной системы.

Отмеченные тенденции в конце XV в. находились в зародыше и не получили еще должного развития. Великокняжеская власть пыталась использовать их в своих интересах, но не была их создателем. Территориальные связи и «родство» были результатами разрастания Государева двора и попытками адаптации находящихся в его составе фамилий к новым реалиям службы. Немалое значение в их распространении имел рост делопроизводственной документации, ведение и регулярное обновление списков членов двора. Наличие таких списков позволяло определять нужных исполнителей для тех или иных поручений, вычленяя их имена из общей группы. Территориальное деление «дворовых книг» приводило к выполнению различных поручений московского правительства соседями-сослуживцами. Так же производились их перемещения на новые места службы. Пример Дворовой тетради показывает долговременное использование этого источника в делопроизводственных целях, наличие многочисленных приписок сыновей и других младших родственников к присутствовавшим там именам, что, безусловно, способствовало использованию родственных связей при занятии той или иной должности. Новые члены двора органично вписывались (в прямом и переносном смыслах) в его структуру, претендуя на положение и статус, какими обладали их предки и старшие родственники.

Системообразующие изменения были связаны с распространением поместной системы, созданием на ее основе новых служилых корпораций и систематизацией службы по единым унифицированным образцам. В этом отношении именно великокняжеская власть была инициатором масштабных изменений, которые определили облик службы на несколько последующих столетий.

Глава 3. Формирование поместной системы

Одним из наиболее значимых итогов правления Ивана III стало появление поместной системы, приобретшей общегосударственное значение. Помимо Новгородской земли, где поместные раздачи имели массовый характер, поместья появились и в других частях страны[178]. Поместная служба знаменовала собой своеобразный договор между государственной властью и массой лиц, задействованных в службе. Государство гарантировало **всем** сыновьям служилых людей, годным к несению службы, предоставление поместных наделов, в то время как они обязались нести регулярную воинскую повинность в определенных для них местах.

Слабая сохранность источников не позволяет проследить масштабы этого процесса и степень вовлеченности в него массы служилых людей. Вероятно, распространенность и значение поместного землевладения в организации службы отличались в разных регионах. С определенными оговорками можно выделить два сценария, по которым шло развитие поместного землевладения в конце XV – первые десятилетия XVI в.

В центральных уездах в разряд поместных земель были переведены условные владения дворцовых слуг, известные с удельного времени: псари, сокольники, стрелки, сытники и т. д. [179] При всей многочисленности примеров они не стали определяющими для развития поместной системы. Большее значение приобрело пожалование поместий как дополнительный способ вознаграждения за службу. Трудно определить хронологическую нижнюю грань появления подобных поместий. А.А. Зимин показал условный характер (под условием службы) некоторых вотчин. Они стали прообразами будущих поместий. В 1586 г. в одном из поземельных споров говорилось о том, что село Петрово Городище Суздальского уезда было «в поместье в поместье за Деменшиным да за Демидовым дедом Черемисиновых за Семеном да за отцом их за Иваном, а владели они тем поместьем больши ста лет». Владельцами этого села после Черемисиновых стали князья С. и Т. Вяземские, которые в 1565/66 г. заключили со Спасо-Евфимьевым монастырем мировое соглашение. Следуя этому свидетельству, хотя и явно несколько преувеличенному, Черемисиновы (Карауловы) получили права на него уже в 60-х гг. XV в. В актах Ознобишиных 80-х гг. XV в. (1486 г.) в Суздальском и Муромском уездах встречаются

упоминания прежних владельцев – Олешки Костина и Борисовых Хохловых[180].

По своему характеру поместья сближались с жалованными вотчинами и кормлениями («держаниями»). По предоставляемому в жалованных грамотах конца XV в. объему владельческих прав практически невозможно определить, о каком виде владения: вотчина или поместье – идет речь. Некоторые жалованные вотчины и даже кормления становились поместьями[181]. Среди помещиков рубежа веков было немало представителей служилых фамилий. Многие из них получали поместья неподалеку от своих вотчин. Разъезд владений Василия III с землями Юрия Дмитровского показывает ряд таких случаев[182]. Поместья жаловались индивидуально, исходя из служебных достижений помещиков, и вряд ли носили организованный характер. Неспособны они были и радикально изменить существующие принципы организации службы.

В «чистом» виде поместная система была представлена на недавно завоеванных территориях, где производились земельные конфискации и выселения местных вотчинников. Помимо Великого Новгорода с его пригородами (Великие Луки, Пустая Ржева, позднее также Торопец) и Пскова поместья стали господствующей формой служилого землевладения в Вяземском, Бельском, Дорогобужском уездах. В 1504 г. были упомянуты брянские помещики[183]. Сюда же можно отнести новоосваиваемые степные уезды, где вотчинное землевладение либо вовсе отсутствовало, либо было представлено в незначительном виде. Поместные раздачи в Каширском уезде начались в конце XV в. В 1519 г. было выдано несколько жалованных грамот на поместья в Тульском уезде с перечислением имен прежних помещиков[184].

«Поместная колонизация» носила организованный характер. Поместья раздавались на направлениях, где необходимо было постоянное присутствие воинских контингентов. Часть удаленных от военных действий территорий была обойдена стороной. До московского завоевания преобладающая часть «черных» земель была «обоярена» новгородцами в Заонежье и в Заволочье. После «выводов» эти земли были переданы в ведение крестьянских общин. После выселения «лучших людей» не была создана служилая корпорация в Вятской земле[185]. Постоянного присутствия помещиков требовало правительство в наказе к вяземскому наместнику И.В. Шадре Вельяминову: «Чтобы еси отпустил ко мне (Ивану III. – *М. Б.*) Василья Злобина, а иные бы поместчики из Вязмы бес слова не ездили никуде, жили бы по своим поместием в Вязме»[186].

При недостатке людей приходилось идти на экстренные меры. После разорительного похода шведских войск 1496 г. была создана группа ивангородцев. Несколько сотен человек получили крошечные поместья на шведском направлении – в Водской и частично Шелонской пятинах[187]. Постепенно было выработано требование обязательной службы по месту нахождения поместья и формирование на этой основе поместных корпораций.

Переходным вариантом было создание поместных субкорпораций в рамках существующих объединений. Подобные примеры видны в Дворовой тетради, ряд рубрик которой не имел смысла в реалиях середины века: «из Ярославля же помещики», «в Стародубе помещики» и, наконец, «помещики тверские». В.Б. Кобрин показал «пришлый» характер этих групп[188]. Среди «ярославских помещиков» фигурировали князья Телятевские-Микулинские. Появление этой фамилии в Ярославском уезде относится к концу XV – первому десятилетию XVI в. и, видимо, было связано с проводившимися в это время поместными раздачами[189]. «Ярославские помещики» не пересекались с «литвой дворовой», еще одной группой, созданной московским правительством во втором десятилетии XVI в. Стародубские «помещики» князья Мезецкие были переселены на новое место службы в конце XV в. По Стародубу, вероятно, служил также М.П. Апраксин. Уже в начале XVI в. его отец, выходец из рязанского боярства, был отмечен в восточных уездах. В Тверской земле поместья «москвичам» во второй половине 80-х гг. XV в. жаловал еще Иван Молодой[190]. К началу XVI в. должно было насчитывать не менее нескольких десятков подобных примеров.

Очевидны причины создания этих субкорпораций. Отмеченная ранее «автономность» Тверской земли должна была контролироваться из центра. Помещики в этой ситуации играли роль стабилизирующего фактора, удерживая представителей местного боярства от сепаратистских настроений. Упоминание запрета отъезда для ярославских вотчинников в духовной Ивана III свидетельствует, что их благонадежность также вызывала определенные вопросы.

Помимо перечисленных групп существовали и другие переселенцы. Среди них были новгородские, затем и псковские бояре, вятчане, которые получали пожалования в «московских городах». Потомки новгородцев не выделялись из числа остальных детей боярских. Менее высоко котировались псковские бояре, что было связано с неоформленностью этой социальной прослойки в самом Пскове[191]. Выходцы из присоединенных западнорусских территорий, а также соратники князя М.Л. Глинского также получали от великокняжеской власти

поместья[192].

В обособленные субкорпорации постепенно происходил приток местных вотчинников. Тверская дозорная книга начала 1550-х гг. содержит множество подобных примеров. Уже в 1520 г. поместьями были пожалованы представители Епишевых, позднее к ним присоединились Бороздины, Свибловы, Затыкины, Бибиковы и др. Большое количество жалованных грамот с их участием было датировано 1524–1527 гг. В других случаях имели место индивидуальные пожалования.

Определяющие принципы поместной системы были выработаны при массовых организованных раздачах, когда единовременно поместьями наделялись большие группы людей. Эта задача вызывала необходимость выработки объективных критериев деления на группы – «статьи» служилых людей, прообраз будущих окладов.

Потенциал создания поместной системы был понят далеко не сразу. Традиционализм, опора на «старину» и отсутствие развитого аппарата, который мог бы контролировать организацию службы, сдерживали ее развитие. Стремительность поместных раздач во многом была вызвана сочетанием случайных факторов, которые удачно сложились в общую мозаику. Вне зависимости от места проводимых раздач исходный импульс по их проведению исходил от великокняжеской власти. Эти раздачи проводились под контролем одних и тех же исполнителей из центрального аппарата, представляя собой локальные варианты общерусского процесса, реализуемого по схожим моделям и шаблонам. Характерные черты поместной системы не могли появиться одномоментно. Их развитие и совершенствование проходило на разных территориях со своими особенностями, при влиянии ряда внутри- и внешнеполитических факторов.

Наиболее полно благодаря сохранившемуся комплексу писцовых книг процесс поместных раздач удается раскрыть на примере Новгородской земли. Сопоставление «новгородского материала» с источниками из других частей страны позволяет проследить общие тенденции и направленность развития поместной системы.

Новгородский вариант. Первые поместные раздачи

Процесс складывания поместного землевладения в Новгородской земле получил подробное, хотя и однобокое освещение в историографии. Большинство историков ограничивалось признанием факта повсеместного «слома» прежнего вотчинного землевладения и формированием прослойки помещиков, выходцев из Северо-Восточной Руси. Исключением в этом ряду является работа Г.В. Абрамовича, в которой была проведена систематизация этапов поместных раздач[193].

Несмотря на стройность и внешнюю привлекательность, концепция этого историка является уязвимой для критики как в части распределения помещиков по социальным группам, так и в предложенной им периодизации процесса раздач[194]. Вопросы возникают к приводимому Г.В. Абрамовичем списку аристократических фамилий, куда затесались Порховские, Рудный-Картмазов, Протасьев и ряд княжеских семей невысокого ранга (князья Мещерские, Елецкие, Гагарины). Серьезные нарекания вызывает выделение «аристократического» этапа в поместных раздачах (1484–1489 гг.), когда поместья (и вотчины) были пожалованы «высшей чиновной знати», сподвижникам Ивана III[195].

Имена новгородских помещиков редко встречаются в актовых и делопроизводственных документах, что затрудняет определение границ создания того или иного поместья. Несколько точных дат встречается в приписках, сделанных к текстам писцовых книг в 1499–1501 гг.[196] Широко представлены в писцовых книгах ссылки на так называемое «старое» письмо. Вопрос о времени его составления является неоднозначным и вызывает давние споры в историографии[197]. В этот термин вкладывалось различное содержание: использовались материалы переписи 1480-х гг., осуществляемые комиссией из новгородцев, данные нескольких описаний «московских» писцов и, вероятно, какие-то кадастровые документы времен независимости. По мере изменения состава новгородских землевладельцев «старое» письмо обрастало различными приписками и вряд ли было передано писцам конца 1490-х гг. в первоначальном виде. Основной его массив, видимо, был закончен в конце 1480-х гг.

В ряде случаев удается обнаружить следы «старого» письма, затронувшего ранние поместья. Поместья чаще всего находились

в рамках одной и той же пятины. Деление на пятины, искусственно созданные московской администрацией части Новгородской земли, появилось далеко не сразу. Часть помещиков, очевидно, получила свои земли до проведения подобного размежевания. Общее поместье Трусовых-Воробьиных, пожалованное им в 1482 г., располагалось в Водской и Шелонской пятинах, на территории Новгородского уезда. Разорванными пятинным делением оказались и земли некоторых других помещиков[198]. Среди прежних владельцев этих поместий часто фигурировали одни и те же лица. Вероятно, «старое» письмо в этом случае составлялось не по пятинному, а по уездному («присудному») принципу.

В исторической науке предпринимались попытки определить время возникновения того или иного поместья исходя из определения даты конфискации земель у его прежних владельцев. Точные даты «выводов», однако, известны применительно к узкому кругу лиц. Массовые выселения местных землевладельцев начались в Новгородской земле после 1484 г. и шли на протяжении второй половины 80-х – 90-х гг. XV в. Более определенно можно говорить о категориях «новосведенные бояре» и «сведенные своеземцы», которые, видимо, были выселены в 1490-х гг., после окончания «старого» письма. Только после 1493 г. репрессии коснулись Г.М. Тучина (не числится среди «новосведеных»). Значительная часть владений «новосведеных бояр» и того же Г.М. Тучина в конце 1490-х гг. входила в состав оброчных земель и еще не пошла в раздачу. Процесс распределения конфискованных земель не был однородным и растянулся на десятки лет. Далеко не все изъятые вотчины сразу перешли в руки помещиков. Многие из них поступили в ведение новгородского дворца, другие – долгое время находились среди оброчных земель. Стоит учитывать и практику поместных «придач». Пример братьев Трусовых-Воробьиных показывает, что к концу XV в. состав их владений значительно расширился[199]. Некоторые поместья были целиком сформированы из земель одних и тех же «новосведенных бояр», что свидетельствует об их достаточно позднем образовании.

Среди новгородских помещиков были представлены лица, соотносимые с определенными группами, переселение которых сюда, очевидно, происходило по спискам, в одно и то же время. Уже упомянутые «ивангородцы» появились как отдельная группа после 1496 г. Другой такой группой были «луховичи», переселение которых было связано с пожалованием Луха «в отчину» князю Ф.И. Бельскому (окончательно, вероятно, в 1497 г.) [200].

Часто земли «новосведенных» переходили в руки «людей» московских бояр, в первую очередь «Тучковских» и «Шереметевских». Анализ структуры писцовой книги Водской пятины свидетельствует, что поместья «Тучковских» не могли быть сформированы ранее начала 1490-х гг. Описание поместья В.Д. Шадрина было сделано после «служилых людей» (подключника и подьячего). Поместье В.И. Ляпуна Рахманова и большая часть поместья М.Н. Кашкина были сформированы из владений «новосведенных». В соседней Деревской пятине поместье К. Власова, «холопа» С.Б. Брюхо Морозова – брата И. и В.Б. Тучко Морозовых, также было составлено из земель «новосведенного» М.Ф. Карповского[201].

Те же выводы применимы для группы «Шереметевских». Отец и младший брат А.К. Шеремета Беззубцева служили Андрею Углицкому. Вероятно, и сам он находился на службе при углицком дворе, который был ликвидирован в 1491 г. Это предположение подтверждается наблюдениями над владениями его «людей»: Л., Г., И. Федосовы и их зять И. Кононов получили земли «новосведеного» Л.И. Федотьина[202]. Испомещение нескольких групп слуг московских бояр (за исключением «людей» князей И.Ю. Патрикеева и С.И. Ряполовского) проводилось, видимо, на протяжении 90-х гг. XV в.

Более существенные результаты дает сопоставление времени возможных пожалований с проведенной в 1499 г. конфискацией церковных земель. Эта тема (на примере Деревской пятины) была рассмотрена А.А. Фроловым, который обосновал тезис о двух волнах конфискаций: 1478 и 1499 гг.[203]

Описание поместий, созданных из владычных и монастырских земель, приписывалось в конце (реже в самом начале) описания каждого погоста. Эта закономерность прослеживается в писцовой книге Водской пятины. Поместья, сформированные из церковных земель, появились после 1499 г. Кабальные грамоты И.Ф. Новокщенова позволяют уверенно датировать его появление в Новгородской земле концом 90-х гг. XV в. С.И. Циплятев в 1493 г. был мужем на суде в Белозерском уезде. Его брат Елизар, известный впоследствии дьяк, упоминается в приписках к тексту писцовой книги Д. Китаева. Оба они были пожалованы новгородскими поместьями на рубеже веков. В 1500 г. поместья в Водской пятине достались также В. и А.Г. Калитиным, родной брат которых Семен числился владельцем бывших владычных земель[204].

В Деревской пятине волость Лопастицы, бывшее владение Аркажа монастыря, перешла к сыновьям князя А.А. Шемяки Шаховского. Эта волость сохраняла свою прежнюю владельческую

принадлежность в 1483 г., то есть не была конфискована сразу после завоевания Новгорода. Упомянутый А.А. Шемяка служил в уделе Андрея Углицкого. Переселение его сыновей в Новгородскую землю произошло в 1490-х гг., о чем свидетельствует и неразделенность их поместья во время описания[205].

Присутствие в тексте писцовых книг указаний на территориальную принадлежность («Якуш Черной Пущын звенигородец» и пр.) также, скорее всего, является следами испомещений «по спискам».

В большинстве случаев для поздних раздач было характерно наличие значительного числа прежних собственников, в том числе мелких. Поместья раздавались безлико, как свободные участки земли.

Менее определенно можно говорить о более ранних поместных раздачах. Анализ землевладения «сведенных» бояр первых волн репрессий позволяет выявить круг лиц, которые могли получить поместья уже в первой половине 1480-х гг. Для ряда помещиков единственным прежним владельцем выступал, например, Б. Есипов. Некоторым из них принадлежали смежные участки.

При отсутствии точных критериев в большинстве случаев приходится ограничиваться расплывчатыми временными рамками создания поместий – середина 80-х – 90-е гг. XV в. Для значительного числа сподвижников Ивана III время получения новгородских поместий не совпадает с границами «аристократического» этапа, выделенного Г.В. Абрамовичем. Большую часть владений М.А. Колычева и М.Я. Русалки составили земли «новосведенных бояр». В самом конце XV в. началась служба для князей В.Д. Холмского и В.В. Чулка Ушатого[206]. Представители знати продолжали получать крупные пожалования и после передачи Новгородской земли в ведение наследника, будущего Василия III. Князь В.Д. Холмский был пожалован волостью Смерда в Деревской пятине после окончания писцового описания 1499 г.[207] После конфискаций церковных земель 1499 г. земли Никольского Неревского монастыря достались А. и Ф.С. Колычевым, а также Е.И. Циплятеву. Концом 1490-х гг. стоит датировать появление князей Мещерских в Бежецкой пятине. До 1502 г. земли Федорова монастыря были отданы «конюшему» И.А. Черному Колычеву[208].

Первые поместные раздачи не имели системного характера. Начавшиеся в 1478 г. выселения новгородских бояр были осуществлены в несколько приемов. Кое-кто из местных бояр, вероятно, даже смог увеличить свои владения после

конфискаций[209]. Основной массив конфискованных земель перешел в дворцовое ведомство, а также составил фонд кормленских земель. Поместья имели вспомогательный характер. Московскую администрацию интересовало расширение дворцового хозяйства, а не наращивание военной структуры через поместные раздачи.

В отличие от жалованных вотчин и поместий центра страны новгородские поместья не были освобождены от «обежной дани». Это обременение зачастую приводило к разорению помещиков. Уже в 1505 г. запустело поместье А. Мякинина: «Писец Матвей Валуев положил на те деревни оброк тяжел, и иные деревни с того оброку запустели». Позднее Некраско Образцов был «пойман да сидит в Новегороди в тюрме в цареве да в великого князя дани в обежных денгах, за прошлые лета не плачивал». Платежные книги упоминают также случаи конфискации поместий «в приметных денгах»[210]. Помещики должны были заботиться о состоянии вверенных им крестьянских хозяйств. В поместных грамотах было обозначено требование: «Чтобы великих князей дань и посошная служба не залегла; а доспеют пусто… платити самим, а от великих князей быти им в том в опале»[211].

В ряде случаев стоит отметить молодость первых помещиков. Братья Трусовы-Воробьины, например, получившие свое поместье еще в 1482 г., известны по упоминаниям в 30-х гг. XVI в. Еремей Трусов Воробьин в 1536 г. ездил с посольством в Швецию. Его имя встречается в писцовой книге конца 1530-х гг. Здесь же упоминается и его брат Ермолай. Молодостью этих помещиков объяснялись скромные размеры их владений. По «старому» письму поместье Еремы Трусова Воробьина составляло 12 обеж, его брата Мити – 19 обеж, а Ермолы – 18 обеж, что предопределило необходимость будущих «придач»[212].

Среди помещиков Новгородской земли были представлены различные социальные группы. Большинство из них принадлежало к рядовым детям боярским. Специфическую роль играли пожалования князьям Ф.И. Бельскому, И.Ю. Патрикееву, а также, вероятно, С.И. Бабичу. Ф.И. Бельский был вынужден бежать в 1481/82 г. в Москву после неудачной попытки мятежа в Великом княжестве Литовском. Этот знатный эмигрант был радушно принят Иваном III, который передал ему значительные территории в Новгородской земле: «Демон в вотчину да Мореву со многими волостьми» (в том числе Велила)[213].

Статус отдельных владений в рамках этого «княжества» был различным. Волость Велила в разъезде 1483 г. была великокняжеской. В Мореве известны были деревни «за княжими слугами». В Демоне вплоть до конфискаций второй половины

1480-х гг. сохранялись владения новгородцев, при отсутствии значимого массива оброчных земель, то есть можно говорить только о верховной власти Ф.И. Бельского над этим уездом[214].

По соседству с землями Ф.И. Бельского располагалась волость Березовец, принадлежавшая И.Ю. Патрикееву. В «чернокунском» Холмском погосте были владения у С.В. Бабича-Друцкого. Передача им этих волостей отражала, очевидно, планы по противостоянию Великому княжеству Литовскому, которое реализовывалось силами служилых князей. Активно проявил себя и Ф.И. Бельский. Жалобы литовских послов на «кривды» с его стороны свидетельствуют о роли, которая отводилась ему в ведении «странной» войны. В его распоряжении находилось значительное количество «вассалов», среди которых были бояре. Участвовал он и во взятии Твери в 1485 г.[215]

Пожалование волости Березовец князю И.Ю. Патрикееву имело символичность: прадед, дед и дядя этого влиятельного вельможи были князьями на службе у Новгорода, получавшими земли «в отцину и в дедену». Переданная ему волость Березовец входила в состав княжеского домена и была освоена Борецкими только во второй половине XV в. Часть князей Бабичей-Друцких (Бабичевых) в конце XV в. (в том числе двоюродные братья С.В. Бабича) находилась на литовской службе. Наделение С.В. Бабича пограничными землями могло способствовать их переходу на службу к Ивану III[216].

Помещики не были основными действующими лицами в Новгородской земле этого времени. При резком увеличении земельного фонда, перешедшего к великокняжеской власти после массовых «выводов» второй половины 1480-х гг., процесс поместных раздач приобрел более значительные размеры. В это время некоторые поместья могли раздаваться по челобитью служилых людей, оказавшихся на службе в Новгородской земле. За рамками владений знати исключительно крупные поместья достались И.Г. Фоме Протасьеву (80 обеж по «старому» письму) и И.В. Сухому Вельяминову. За счет пожалований, позднейших «придач» и успешной хозяйственной деятельности некоторые помещики сосредоточили внушительные массивы земли, не соответствующие их статусу. К уже перечисленным лицам можно добавить А.А. Рудного Картмазова (106,5 обжи), А.И. Сома Линева (71,5 обжи). Есть основания говорить об индивидуальных пожалованиях представителям знати. Эта тенденция прослеживается до конца 1490-х гг.[217]

Новгородские земли начали передаваться в качестве компенсации за владения в центре страны. Некоторые князья Ростовские переселялись сюда целыми группами. Как отметила

Г.А. Победимова, они «сохранили некоторые черты родового вотчинного землевладения княжат». В ряде примеров для них были характерны крупные размеры поместий. В Деревской пятине внушительное поместье принадлежало Б.С. Горбатому Щепину (85 обеж), которое перешло к нему от отца. Князьям Приимковым также достались крупные наделы[218]. Самому Дмитрию Приимкову принадлежала 151 обжа. 5 его сыновей получили собственные поместья – еще 180 обеж. Примечательна легкость, с которой Приимковы растеряли впоследствии свои новгородские владения. Значительная часть их поместий уже в 1530-х гг. перешла в руки других лиц.

А.Д. Приимков, возможно, оставил поместья старшим сыновьям Борису и Григорию, а сам вместе с младшими детьми перешел на службу в дмитровский удел. Его имя значится в реликтовом слое рузской писцовой книги (1537 г.), а сыновья Роман и Михаил в Дворовой тетради были записаны по удельному Кашину. В составе корпорации князей Ростовских числились позднее сыновья Ф.Д. Гвоздя Приимкова, который также покинул новгородскую службу. Ф. Бахтеяр Приимков в 1546 г. был отмечен в Москве как стряпчий[219].

И. Брюхо и С.И. Пужбольским в той же Деревской пятине досталось крупное компактное поместье (184 обжи). В Бежецкой пятине располагалось поместье Волоха (В.И.) Пужбольского, составлявшее не менее 70 обеж. Их отец Иван Долгой был одним из ростовских князей, уступивших в 1474 г. права на Ростов Ивану III. Переселение Пужбольских на новгородские поместья произошло, видимо, во второй половине 1480-х гг., после исчезновения удела великой княгини Марии Ярославовны. Их родовое владение – село Пужбол – перешло в руки великого князя[220]. Эта ветвь князей Ростовских недолго была представлена среди новгородских помещиков. Уже в первом десятилетии XVI в. земли И. Брюхо и С.И. Пужбольских достались новым владельцам[221], среди которых был их родственник И.Ю. Бритого-Ростовский. На рубеже столетий поместье Волоха Пужбольского перешло к Ф.М. Софроновскому[222].

По сообщениям родословных книг, новгородскими помещиками были князья Б. и В.И. Прозвитер Мещерские. Судя по землевладению их потомков, им в конце XV в. должно было принадлежать порядка 442 обеж. По этому показателю они принадлежали к числу крупнейших местных землевладельцев, хотя и не могли похвастаться служебными успехами. Передача новгородских земель могла быть компенсацией за владения в Мещере, перешедшие под контроль московского правительства.

На поместьях в Водской пятине оказалась вся семья

переславских вотчинников Сарыевских. Смежные владения сыновей и племянников Аврама Сарыевского были близки по размерам: братьям Аврамовым принадлежало 80 обеж, а младшим Сарыевским – 78 обеж, что свидетельствует об их одновременном испомещении. В середине XVI в. переславское сельцо Сарыевское было поместным и, видимо, пошло в раздачу уже в первое десятилетие века[223].

Помимо собственно служилых людей земли жаловались также московским купцам. Некоторые из них несли свою «службу», принимая участие в управлении торговлей и в городской самоорганизации (в том числе в сборе налогов), а также в дипломатической деятельности. Появление московских купцов в Новгороде относится уже к концу 1480-х гг., когда «гости» фигурировали в числе переселенцев из «Московской отчины». В договоре с Ливонским орденом 1493 г. среди купеческих старост упоминается Фома Данилов (Ф.Д. Саларев). Вероятно также раннее появление в Новгороде Н. Тараканова. В Сытинском погосте Деревской пятины описание его владений сопровождалось характеристикой: «Что ему дал князь великий Миките против его земель Московских». Здесь же числился «двор Микитин пуст». Н. Тараканов умер иноком Иосифо-Волоколамского монастыря, вернувшись к середине 1490-х гг. в Москву[224].

Большое распространение имели поместья «должностного» характера. Значительное количество местных помещиков из аристократических фамилий было задействовано в выполнении тех или иных должностных поручений. Трудно определить причинно-следственную связь: передача им поместий приводила к необходимости «отрабатывать» сделанные пожалования или, наоборот, была вызвана потребностью в исполнителях (воеводах и администраторах) высокого ранга. Не исключено, что обе эти причины имели место. Среди ранее названных князей Ростовских И. Брюхо Пужбольский в 1496 г. упоминался среди воевод в летописном тексте о взятии Ивангорода «к граду в помощь не поидоша». В 1501 г. он был наместником Корелы[225].

Крупными помещиками были новгородские наместники князья Д.А. Пенко (более 200 обеж) и С.Р. Ярославские (не менее 125 обеж), Ю. и Я.З. Кошкины (более 200 и 100 обеж соответственно), А.Ф. Челяднин (не менее 160 обеж), И.А. Лобан Колычев (83 обжи), новгородский дворецкий И.М. Волынский (не менее 105 обеж), к которым следует добавить представителей центральной администрации – казначея Д.В. Ховрина (более 100 обеж), дворецкого М.Я. Русалку (121,5 обжи). Невозможно определить, рассматривались ли изначально эти владения как

должностные, но все они были потеряны их обладателями не позднее первого десятилетия XVI в.

Воеводами, а также наместниками в городах Новгородской земли периодически выступали и другие представители знати, известные как местные помещики (князья В.И. Патрикеев, Д.В. Щеня, И.Ф. Ляпун Ушатый, И.Ф. Гундор Палецкий, А.В. Оболенский), потомки которых в дальнейшем не были связаны с местной корпорацией. Для них новгородская служба имела эпизодический характер. В отличие от более поздних воевод «новгородской рати» они не специализировались на этом направлении, получая другие назначения и находясь в среде великокняжеского окружения[226].

В некоторых случаях пребывание выходцев из аристократических фамилий в Новгородской земле и приобретение здесь поместий не оставалось бесследным. Их сыновья часто связывали с ней свою судьбу. В конце XV в. князь И.Д. Тулупов Палецкий был отмечен в переписке Ивана III с наместником Я.З. Кошкиным: «Вы бы… на Луки Тулупа с людми посылали не мотчая». Ему принадлежало крупное поместье в Шелонской пятине (порядка 120 обеж). В 1501 г. он был одним из воевод в походе на «литовскую землю», а затем участвовал в сражении с ливонцами. Его сын Василий в 1495 г. находился в свите Ивана III, а в 1500 г. присутствовал на свадьбе князя В.Д. Холмского. На новгородское поместье он перебрался, очевидно, позднее, унаследовав его от отца[227].

Обосновались в Новгородской земле Колычевы. Сын И.А. Лобана Степан Стенстур стал помещиком Деревской пятины, хотя размеры его поместья серьезно уступали отцовским и по своим размерам были типичными для дворовых невысокого ранга[228]. В 1492–1493 гг. холмский наместник А.А. Колычев участвовал в пограничной войне с Литвой. В 1501 г. он был оставлен в Новгороде во время «немецкого» похода. Новгородскими помещиками стали его сыновья Михаил и Иван Черный, которые позднее неоднократно фигурировали в разрядах в качестве местных воевод[229].

Поместья передавались и менее знатным лицам, задействованным в новгородской службе. В 1486/87 г. Т.П. Замыцкий описывал земли Вяжищского монастыря. Сам он, похоже, не задержался в Новгороде надолго. В 1495 г. он ездил с посольством к волошскому воеводе. Различные придворные поручения, в том числе доверительного характера, выполняли и его старшие сыновья Константин и Василий Шумиха. Младшие сыновья Т.П. Замыцкого обосновались в Деревской и Шелонской пятинах. В последнем случае обращает внимание равенство

размеров их поместий. Вместе А. и М.Т. Замыцким принадлежало 53 обжи. Рядом с ними располагалось поместье их дяди С.П. Замыцкого, составлявшее те же 53 обжи. Новгородские поместья, видимо, были пожалованы братьям Замыцким одновременно, где-то во второй половине 1480-х гг.[230]

Подобные примеры раздач могли быть характерны для «годовщиков», выполнявших различные службы на территории Новгородской земли. Их служба могла затягиваться на долгое время. В одном из поземельных споров свидетель князь И. Карголомский не смог явиться на отложенное судебное разбирательство, поскольку находился «на великого князя службе в Новегороде». Более четырех месяцев в 1484 г. возле Новгорода и Пустой Ржевы стояла «московская» застава[231].

Совокупность известных биографических данных показывает, что для раздач второй половины 1480-х – начала 1490-х гг. были свойственны крупные размеры поместий. Процесс замещения новгородцев имел форсированный характер. Великокняжеской власти необходимо было быстро распределить полученные в ходе больших «выводов» земли, закрепив их за новыми владельцами. Известны были примеры перехода «боярщин» некоторых новгородцев в качестве приданого в руки московских служилых людей[232]. До поры до времени эти примеры, уменьшавшие фонд земель для будущих раздач, оставлялись без внимания.

Перерастание в последние годы XV в. русско-литовского конфликта в масштабное военное противостояние и неудачи в войне со Швецией вызвали необходимость в регулярной новгородской службе. Несмотря на полтора десятилетия с начала поместных раздач, в 1496 г. во время прихода шведских отрядов к Ивангороду здесь «служивых людей не было». Нехватка людей ощущалась и в последующее десятилетие. В 1503 г. в разгар русско-ливонской войны пришлось прибегнуть к помощи отдаленных устюжского и двинского ополчений «стеретчи Иванагорода от немец»[233].

Новгородская земля представляла собой удобный плацдарм для наступления на земли Великого княжества Литовского. Отсюда уже в первые годы XVI в. выдвигались полки «воевать литовские земли». Позднее после похода новгородского наместника князя Д.В. Щени был взят соседний Торопец. Перерастание «странной войны» в крупномасштабные военные столкновения вело к необходимости увеличить здесь число служилых людей. Динамика поместных раздач показывает, что во второй половине 1490-х гг. резко возросло количество местных помещиков. В Водской пятине, например, только в 1499–1501 гг. появилось не менее 160 новых помещиков (без учета детей), или

порядка 40 % от общего числа помещиков этой пятины. Аналогичные процессы, вероятно, шли и в других новгородских пятинах.

Отдельно следует остановиться на вопросе об испомещении послужильцев московских и новгородских бояр. Широко представленная в исторической литературе так называемая Поганая книга представляет собой выписки из писцовой книги Водской пятины рубежа XV–XVI столетий письма Д.В. Китаева, а также основанный на них перечень фамилий новгородских помещиков «кто чей бывал послуживец». Два этих документа были сопровождены преамбулой о роспуске дворов московских и новгородских бояр: «Лета 6991 апреля в 8 день как Бог поручил великому князю Ивану Даниловичю Московскому под ево богохранимую державу Великий Новгород и по ево государеву изволенью разпущены из княженецких и из боярских дворов служилые люди»[234]. Этот источник сформировал пренебрежительное отношение к новгородским дворянам, вынужденным впоследствии защищать свое благородное происхождение. Вышеславцевы подчеркивали, что «переведены служити в Великий Новгород и во Псков и в Бежецкой Верх и в Мещеру многие ***честные*** роды и наш род». Значительное влияние оказал этот источник на историографию вопроса о социальном составе новгородских помещиков[235].

Несмотря на отмеченные противоречия в тексте Поганой книги, большинство историков не подвергало сомнению достоверность конфликта государя всея Руси с его ближайшим окружением, получившего отражение в этом источнике. С.Б. Веселовский считал, что роспуск дворов стал следствием столкновения «крупной боярской партии» с великим князем в связи с придворной борьбой, развернувшейся в 1480 г. во время Стояния на Угре.

Приведенная в Поганой книге дата – 1483 г. – является условной. Один из «людей» фигурантов этого источника И.И. Салтыка Травина, И. Черныш Уваров Санин, позднее ставший помещиком, упоминался в его духовной грамоте, составленной в 1483 г., после пресловутого указа о роспуске боярских дворов. Очевидно различное время предоставления поместий «людям» представителей московской аристократии в Новгородской земле. Послужильцы князей И.Ю. Патрикеева и С.И. Ряполовского получили свои земли на рубеже XV–XVI столетий, спустя почти два десятилетия после предполагаемого роспуска дворов своих господ. Их появление здесь было связано с действительной, а не мнимой опалой, постигшей этих вельмож в 1499 г.[236]

По мнению К.В. Базилевича, появление некоторых

послужильцев в Новгородской земле могло быть связано с первой писцовой переписью, проводившейся в начале 1480-х гг. после присоединения Великого Новгорода. Указ Ивана III, точнее несколько указов (что объясняло расхождения в датах списков Поганой книги), о роспуске дворов был направлен против новгородских бояр, а также против «ряда московских титулованных и нетитулованных бояр и вольных слуг, попавших под опалу великого князя». Характерна неопределенность этого круга лиц. При рассмотрении персоналий К.В. Базилевичу несколько раз приходилось делать весьма спорные предположения о причинах возможных опал. Известен факт «поимания» братьев И. и В.Б. Тучков Морозовых, который, правда, произошел в 1485, а не в 1483 г. Для других лиц свидетельством опалы выступало «прекращение сведений об их деятельности». В случае с А.К. Шереметом Беззубцевым указанием на его опалу являлось (sic!) испомещение большого числа его послужильцев[237].

Несколько раз обращался к теме послужильцев Г.В. Абрамович. В рамках коллективной монографии «Аграрная история Северо-Запада России», где им была написана глава о писцовых книгах, он, вслед за Д.Я. Самоквасовым, обосновывал тезис о двойном описании Водской пятины писцом Д.В. Китаевым. Начало первого описания должно было быть отнесено к 1478–1482 гг. В качестве доказательства приводился пример безымянного Хомутова, названного в качестве прежнего владельца поместья, пожалованного в 1482 г. братьям Трусовым Воробьиным. Хомутовы же были «людьми» В.Б. Тучко Морозова. Предложенная версия о двойном описании Водской пятины, осуществленном Д.В. Китаевым, не находит подтверждения. Сам Г.В. Абрамович отказался от этой версии в своей докторской диссертации, отметив, что большая часть земель, которые были переданы послужильцам, была конфискована во второй половине 1480-х гг. Указанного Хомутова он рассматривал уже как полноценного сына боярского, однофамильца «людей» В.Б. Тучко Морозова[238].

В специальном исследовании о Поганой книге он предположил, что в 1483 г. было издано два указа (8 апреля и 17 июля). Первый затрагивал «людей» новгородских бояр, составивших впоследствии гарнизон Ивангорода, второй – послужильцев братьев Тучков Морозовых и, возможно, А.К. Шеремета[239]. Среди «ивангородцев» в действительности были представлены «люди» новгородских бояр, подвергшихся репрессиям в разное время, как до, так и после пресловутого 1483 г. Б.В. Есипов и И.И. Лошинский были «поиманы» Иваном III

еще в 1476 г., до присоединения Новгорода, а Марфа Исакова (Борецкая) – сразу после этого события. Г.М. Тучин лишился своих новгородских владений уже после 1493 г. Причины роспуска дворов остальных лиц из числа представителей московской знати были обойдены Г.В. Абрамовичем молчанием, которое было не случайным.

За исключением примеров братьев Тучков Морозовых (опала в 1485 г.), а также князей И.Ю. Патрикеева и С.И. Ряполовского (1499 г.) источники не содержат упоминаний о конфликтах лиц, фигурировавших в писцовой книге Водской пятины и, соответственно, в Поганой книге, с великокняжеской властью. Некоторые из них занимали ведущие позиции при дворе Ивана III. Новгородским дворецким и, вероятно, боярином в 1495 г. был М.Я. Русалка. Не замечены в «шатости» были В.Ф. Образец Симский, И.В. Ощера, И.И. Салтык Травин и князь Я.В. Оболенский. Прекращение сведений об их деятельности связано было, скорее всего, с их смертями. В 1487 г. умер князь Я.В. Оболенский. До марта 1493 г. скончался И.В. Ощера. Весьма преклонным возрастом отличался в середине 1490-х гг. тот же М.Я. Русалка. Первое упоминание о нем относится к 1446 г., когда он находился в группе детей боярских, составивших заговор «как бы князя великого (Василия Темного. – *М. Б.*) выняти». Новгородские владения М.Я. Русалки в первые годы XVI в. перешли к его младшим родственникам Чеглоковым-Филимоновым[240].

В том же заговоре 1446 г. принимал участие И.Д. Руно, сведения о котором исчезают после 1478 г. Неизвестным персонажем был А.К. Шеремет Беззубцев, основатель хорошо известной впоследствии боярской фамилии. Несмотря на свое знатное происхождение и близкое родство с боярами Я. и Ю.З. Кошкиными, он не оставил сведений о своей деятельности. Судить о нем приходится на основании данных, относящихся к другим членам его семьи. Он, вероятно, служил Андрею Углицкому[241].

Трудно понять, о ком из князей Шаховских шла речь при упоминании Дмитриевых, помещиков Деревской пятины – «служили Шаховскому». Не удается точно идентифицировать И. Товаркова, если информация об испомещении его «человека» И.В. Огибалова, встречающаяся в ряде списков Поганой книги, является верной[242].

«Роспуск» дворов происходил в разное время и не во всех случаях был обусловлен конфликтами мнимых опальных с великокняжеской властью. Далеко не всегда боярские дворы прекращали свое существование после опал. В духовной В.Б.

Тучко Морозова, явленной в 1497 г. и содержащей упоминание о великокняжеской опале, перечисляются десятки «людей», оставшихся на его службе. Некоторые из них были вероятными родственниками новгородским помещикам, находившимся прежде на его службе (Сысойко Шишка и его брат Б.Ф. Сухой Овцыны и помещики М. Ягныш, И. Лыско, К. Малыш Барановы-Овцыны)[243].

Не исключен вариант отпуска на волю некоторых «людей» при жизни их господ. Среди помещиков Деревской пятины числились братья К. и С.В. Ватазины «Семеновские Брюхова». Сам С.Б. Брюхо Морозов, младший брат И. и В.Б. Тучков Морозовых, продолжал свою службу еще в первом десятилетии XVI в. В отличие от старших братьев он не пострадал в опале 1485 г. В 1486 г. «боярин» С.Б. Брюхо был отправлен с посольством в Крым. Упоминания его послужильцев имеют единичный характер. С.В. Ватазин в писцовой книге был обозначен как «холопов брат», то есть холопом уже не являлся[244].

Поганая книга была составлена в местнических целях на основании выписок из писцовой книги Д.В. Китаева. Часть сделанных в ней интерпретаций появилась из-за неправильных прочтений этого источника. Показателен пример М.Г. Бирилева. При раздаче дворцовых земель Водской пятины новые помещики перечислялись целыми группами. В волости Коложицы в составе такой группы были безфамильный Зеленя и его дети, М.Г. Бирилев с сыновьями, а также И. Бетюк и А.С. Албычевы «княжо Семеновские Ряполовского». Все эти лица в перечне Поганой книги (Зеленины, Бирюлевы, Битяговы, Албучевы) были причислены к послужильцам князя С.И. Ряполовского. Между тем М.Г. Бирилев не был связан с этим вельможей. Именно он, вероятно, в начале 1480-х гг. был тиуном князя Ивана Молодого в Галицком уезде. Позднее М. Бирилев «обояривал» земли в Вологодском уезде, которые затем покинул в связи с переселением в Новгородскую землю. В вологодских писцовых книгах была сделана помета: «А оттуды на поместье съехал в Новьгород». В соседней Устюжне поместья позднее принадлежали другим Бирилевым. Его соседа можно отожествить с Зеленей из завещания князя И.Ю. Патрикеева, который отпускался на свободу «с женою и с детми и с землею»[245].

Отмеченная особенность текста писцовой книги в дальнейшем стала причиной ошибочных заключений, повторенных вслед за авторами Поганой книги современными историками. Г.В. Абрамович считал послужильцами князя И.Ю. Патрикеева Скобельцыных. В первые годы XVI в. Ю. Скобельцын числился первым в группе помещиков, получивших земли Б.

Есипова в волости Новая Буря. После него были названы М. Угримов Вралов и А.Ф. Шуйгин «княж Ивановские Юрьевичи». На самом деле Ю.И. Скобельцын был братом детей боярских Ф. и И. Собаки И. Скобельцыных, помещиков той же Водской пятины. В 1529/30 г. все они совершили семейный раздел вотчины в Дмитровском уезде. И. Собаке поместье досталось в ходе писцового описания, то есть примерно в то же время, что и его младшему брату. В 1537 г. Ю.И. Скобельцын был отправлен в качестве посланника к императору Карлу V. Представители этой семьи числились (их дмитровские родственники) среди дворовых детей боярских[246].

Неправильная интерпретация текста писцовой книги стала причиной местнического спора С. Муравьева и С. Кашкарова в 1652–1653 гг. Последний «бранил матерны и родителей ево (С. Муравьева. – *М. Б.*) позорил, называл Пущиных и Муравьевых Олоповских князей послуживцы». Обращение к подлиннику показало, что «Пущины и Муравьевы написаны в Копорском уезде в Каргалском погосте Олоповскими, а не Олоповскими людми». Село Олупово находилось неподалеку от Москвы. Олуповские неоднократно встречаются в поземельных актах Московского уезда. В одной из кабальных грамот 70-х гг. XV в. отметился Е.В. Пуща Олуповский, приобретший себе холопа с докладом сделки наместнику трети московской. Позднее он с сыновьями и младшими родственниками Муравьевыми перебрался на поместья в Водской пятине[247].

Переславский вотчинник Аврам Андреев Сарыевский, «посадник» Поганой книги, вместе с сыном Семеном был назван в завещании А.М. Плещеева (до 1491 г.). Еще одним его сыном был Василий Аврамьев. В середине 1480-х гг. он «с докладу» тому же А.М. Плещееву приобретал себе холопа. В писцовой книге Д.В. Китаева упоминались В. и К.А. Сарыевские и их племянники Безстуж, Ф. Таруса и И. Шатюк Сенкиных. Все Сарыевские превратились в Поганой книге в их «людей»[248].

Спорным является мнение о принадлежности к послужильцам О. Скрябина Травина. При описании его поместья в писцовой книге была сделана помета: «У Шаблыки взято, а отдано Осифу Скрябину Травина и Скрябин сын постригся». Названный И. Шаблыка был «салтыковским человеком», то есть находился прежде на службе у И.И. Салтыка Травина. По созвучию фамилии и самого О. Скрябина принимали за одного из «послужильцев» Салтыка Травина. А.А. Зимин видел в нем, однако, родственника этого воеводы Ивана III, брата злосчастного Щавея Скрябина, казненного в 1497 г. после заговора В. Гусева. Однозначно ответить на этот вопрос не представляется возможным. В

родословных росписях имя Осипа отсутствует. Его появление здесь, с другой стороны, произошло не ранее конца 90-х гг. XV в. [249]

Пресловутые указы Поганой книги относились к территории Водской пятины, хотя бывшие послужильцы присутствовали и в других пятинах. В Деревской пятине встречались поместья «Тучковских» В. Головы и Ф. Неклюда И. Подушкиных. В Обонежской пятине позднее с пометой «Шереметевские» фигурировали В.И. Шипинцов, а также И. и Л.С. Головины[250].

Описание Деревской пятины было закончено в 1499 г. Значительная часть слуг князей И.Ю. Патрикеева и С.И. Ряполовского появились здесь уже после ее составления. Прямые указания на службу князю С.И. Ряполовскому содержатся в приправочной книге 1550/51 г. при описании поместья И.О. Пятого и его детей «княж Семеновских Ряполовского»[251].

Завещание князя И.Ю. Патрикеева показывает, что бывшими «людьми» этого вельможи был целый ряд помещиков Новгородской земли, известных из более поздних источников. Некоторые из них определенно обосновались здесь уже на рубеже веков. Некрас Маланьин упоминался в ободной грамоте 1511/12 г. Многие другие встречались в платежной книге Деревской пятины 1543 г., восходящей к первому десятилетию XVI в.[252] Сопоставление имен «людей» князя И.Ю. Патрикеева и будущих новгородских помещиков представляется в виде таблицы:

«Люди» князя И.Ю. Патрикеева	Новгородские помещики
Маланьин Осташ Некрас Андрейков с детьми*	**Маланьин** Некрас
Баскакины Микифорец Истома, Ивашка, Сенка Ивашковы*	**Бакакин** Истома Иванов Перфурьев
Шамшовы Ивашка Васильев Мятива с детьми, Андрей Васильев (дьяк)	**Шамшовы** Иван Васильев Мятива, *Одинец*[253]

«Люди» князя И.Ю. Патрикеева	Новгородские помещики
Телехтемировы Александр и Андрей с детьми	**Телехтемиров** Андрей ***Телехтемиров*** *Измаил*
Туровы Гридя и Алексейка Ивановы	**Туровы** Гридя и его племянники Гриша, Федка, Иванец Алексеевы
Жиборов Васюк Кузьмин Тонкий с детьми	**Жиборовы** Узкой, Михаил Васильевы Тонкого ***Жиборов*** *Митя (Никита)*
Палицыны Алексей Васильев и его дети Юшка и Федорец	**Палицыны** Васюк и Якуш Алексеевы[254]
Пятины Илья Губа и Филя Горяин, Якуш Мордвин, Булгак Тимофеевы	**Пятин** Булгак Тимофеев
Веригины Василий с детьми, Гридя с детьми, Василий Нечай*	**Веригины** Васюк, Иванец, Захарей Григорьевы, *Истома, Семен и Федор Некрасовы*
Башов Парфен Иванов	***Башевы*** *Плут, Петр и Иван Ворона Ивановы, Михаил*
Чядуев Фома Васильев Армяк с детьми*	***Чядуев*** *Василий Петров*
Панов Гридя (ключник)	***Панов*** *Андрей Григорьев*
Баранов Васюк	***Баранов*** *Григорий Васильев*
Вараксин Тимофей Микитин*	***Вараксины*** *Никита и Леонтий Ивановы*[255]
Родичевы Орефа, Гридя Молчан, Иванец, Патрикеец, Михалец, Юшка Дмитриевы*	***Родичевы*** *Тимофей, Григорий Губа, Молчан Семенов*[256]
Ачкасовы Михаль Рыжко, Васюк Преснец, Никонец Чмут и Савва Томило Анкудиновы	***Ачкасовы*** *Прокофий, Леонтий Алексеевы, Чулок*[257]

Курсивом выделены предполагаемые связи.

* Отпущены на свободу.

[253] Позднее в Бежецкой пятине поместьями владело большое количество Шамшовых. Установить их связь с упомянутыми «людьми» И.Ю. Патрикеева не удается. Они могли получить поместья в качестве обычных детей боярских.

[254] А. Палицын в 1495/96 г. производил разъезд земель князя И.Ю. Патрикеева с владениями митрополичьей кафедры (АФЗХ. Ч. 1. № 46а. С. 60, № 50. С. 64). Рядом с поместьем его сыновей располагались земли возможного родственника – М.М. Палицына.

[255] Л.И. Вараксин владел поместьем к моменту начала писцового описания Деревской пятины 1495–1496 гг. (НПК. Т. 1. С. 773–776).

[256] Сын Орефы Родичева позднее фиксируется в каширской десятне 1556 г.

[257] Получили поместья в первые годы XVI в. (НПК. Т. 3. Ст. 414).

Стоит учитывать неполноту данных по Шелонской, Бежецкой и особенно Обонежской пятинам, а также вероятное отсутствие упоминаний о прежней службе (владельческой принадлежности) в сохранившихся писцовых описаниях. В самой духовной И.Ю. Патрикеева была слелана важная оговорка: «А которые мои люди не писаны в сей душевной грамоте, и те мои люди все на слободу и с женами и с детьми», свидетельствующая, что подобных примеров могло быть значительно больше. Не сохранились сведения о «людях» его детей, которыми они могли обзавестись до составления упомянутого завещания[253].

По непонятным причинам в Поганой книге не были учтены «Ощеринские», среди которых в Водской пятине поместьем владел А.Г. Бокарь Мечнянинов. Представители этой группы были известны также в Деревской (Д. Алексеев) и в Бежецкой (И. Страх и его брат В. Медведь) пятинах[254].

За пределами Водской пятины в писцовых книгах встречаются группы послужильцев «Ивановские Петрова», «Васильевские Микитина», Дмитриевы «служили Шаховскому»[255], Ватазины «Семеновские Брюхова», а также Я. Бунков «Ивановской человек Лошинского» и Я. Певцов «Ивановской человек Рунов».

Все эти группы и отдельные лица были неизвестны Поганой книге, хотя позднее факт их испомещения также использовался в местнических целях. В составе одного из сборников XVII в., упомянутого К.В. Барановым, к Поганой книге были добавлены выписки из писцовых книг Деревской и Бежецкой пятин с именами бывших послужильцев. Составители этого сборника осознавали недостаточность данных этого документа и стремились дополнить его сведениями из других источников[256].

Находившийся в составе Поганой книги конспект писцовой книги Водской пятины Д.В. Китаева, который, видимо, представлял первоначальную основу этого документа, не был ориентирован на отбор сведений о послужильцах. В нем было отмечено большое число имен полноценных детей боярских. Позднее этот конспект был значительно сокращен путем вычленения из него имен послужильцев (действительных и мнимых).

В ряде списков Поганой книги присутствуют сведения, которые не находят подтверждения не только в сохранившемся тексте писцовой книги, но и в позднейших описаниях Водской пятины. В списке из коллекции И.А. Шляпкина, например, в Спасском Городецком погосте упоминались «Кондрашко да Кирилко Васильевы дети Терпигорева Васильевские люди Тучкова». Описание этого погоста в писцовой книге Д.В. Китаева сохранилось в полном виде. Упомянутые лица в нем отсутствовали. В полном виде описание этого погоста дошло до нашего времени и в писцовой книге конца 1530-х гг., однако и здесь не обнаруживаются следы Терпигоревых. Представители этой фамилии действительно встречаются среди новгородских помещиков. Все они были испомещены в Шелонской пятине, где владели крупными компактно расположенными поместьями. Их потомок Келарь Терпигорев в Тысячной книге был записан по дворовому списку[257]. Отмеченное наблюдение заставляет с осторожностью относиться к «уникальным» сведениям Поганой книги, которые требуют подтверждения другими источниками.

«Ценность» Поганой книги за исключением восполнения пробелов сохранившегося текста писцовой книги заключается в датированном сообщении о роспуске боярских дворов. Существование этого указа (указов), по-видимому, было следствием вольной трактовки ее составителем испомещения групп бывших послужильцев. В родословных источниках часто фигурировали точные даты, которые задним числом сопровождали события из истории той или иной фамилии. В родословной князей Мышецких, например, приводился факт ссылки их предка в Новгородскую землю: «Князь Иван Мышецкий сослан в Новгород в 6996 году, а вотчину великий князь взял на себя». Сыновья князя И. Мышецкого в действительности получили поместья в первые годы XVI в. Указанная дата была заимствована из летописного текста о выводе из Новгорода «многых бояр и житьих людей» и об испомещении московских детей боярских. Точную дату – 6995 г. – имели поддельные «верстальные списки» из родословного пасквиля на Апрелевых, Нееловых и Гурьевых, не говоря уже о комплексах фальсифицированных жалованных грамот[258].

Переход в число холопов или даже вольных слуг бояр имел личный характер и не отражался на судьбах родственников. Скудость источников в большинстве случаев не дает возможности проследить генеалогические связи послужильцев, ставших помещиками в Новгородской земле. Только в случае Г.Ф. Белосельского удается установить его происхождение. Этот «человек» И.И. Салтыка Травина принадлежал к роду князей

Белозерских и был отмечен в родословной росписи. Его близкие родственники князья И.Ф. Шарап, В. и В. Слиток И. Белосельские получили где-то на рубеже столетий поместья в Шелонской пятине[259].

В тексте писцовой книги Д.В. Китаева В., А., С. и И. Жуковы Нелединские, равно как и сам Иван Жук с сыновьями, не были отнесены к послужильцам. В этом случае, однако, сведения Поганой книги о принадлежности И. Жука, А. и С. Жуковых к группе «Шереметевских» являются, скорее всего, достоверными. В писцовой книге Водской пятины конца 30-х гг. XVI в. «Ширеметевским» был обозначен Мошка Семенов Нелединский, сын С. Жукова. Поместье С. Жукова Нелединского примыкало к землям других «Шереметевских». Владения А. Посохнова, кроме В. и А. Жуковых Нелединских, перешли в руки других представителей этой группы – С.М. Мустафе Тать янину, его сыну и зятьям Ф.М. Нестерову Досадину и И.Г. Кошкару Амиреву[260].

Нелединские были ветвью размножившегося рода бежецких вотчинников. Помимо Жуковых в Новгородской земле, в том числе в Водской пятине, эта фамилия была представлена еще несколькими семьями. Их появление здесь произошло в разное время и было обусловлено разными обстоятельствами. Некоторые из них, очевидно, находились на службе у Андрея Углицкого, которому принадлежал Бежецкий Верх. Характерно, что часть выморочного поместья В. Жукова Нелединского досталась его однофамильцу Ноздре Нелединскому и шести его сыновьям.

Расширение круга возможных послужильцев на основании созвучия фамилий или даже родства с ними является недостаточно убедительным. Неоднократно было замечено, что многие послужильцы были выходцами из фамилий детей боярских. К «служилым землевладельцам» принадлежали Татьянины Шамшовы, Ачкасовы, Хомутовы. Носители этих фамилий встречались среди послужильцев, а также были представлены среди новгородских помещиков без определения их принадлежности к бывшим «людям» московских бояр.

Среди «Тучковских» выходцами из среды мелких землевладельцев были также, скорее всего, Рахмановы и Печенеговы[261]. Для Албычевых вероятно суздальское происхождение, которое можно увязать с вотчинами князей Ряполовских в этом уезде[262]. В Бежецком уезде кроме Нелединских известны были Досадины, однофамильцы Ф.М. Досадина «Шереметевского»[263]. Выходцами из служилой фамилии были «люди» князя И.Ю. Патрикеева Палицыны. В завещании этого вельможи «с землей» фигурировали Некрас Маланьин и А. Телехтемиров[264].

Вопрос о характере службы послужильцев не может считаться окончательно решенным. Мнение о несвободном статусе «людей» выглядит излишне категоричным. Можно согласиться с М.Е. Бычковой, которая вслед за рядом дореволюционных историков относила их к лично свободным «феодалам» на частной службе. Термином «люди» иногда обозначались дети боярские на частной службе, как это видно из судебного дела 1543 г. между ярославским Спасо-Преображенским и И.Г. Толочановым с Б. Кубасовым. Эти «люди» князя И.Ф. Мстиславского оказались его детьми боярскими, имевшими на руках его жалованные грамоты с правом «боярского» суда. «Из Стародуба Глиньского люди» участвовали в 1549 г. в походе на Казань. Сам князь М.Л. Глинский, которому принадлежал когда-то Стародуб-Ряполовский, скончался еще в 1536 г., так что в этом случае речь не могла идти о его холопах[265].

«Людьми» могли именоваться слуги лиц более низкого ранга. В 1535 г. А.И. Горбатый, «человек» взятого в литовский плен князя Ф.В. Телепнева Оболенского, был послан в Москву «о своих потребах». Сам он называл себя «слугой» и в отправленном письме просил родственников своего господина позаботиться о своих «людишках». Своим братьям он давал наставления: «Велели бы есте хлеб пахати и тым сыти быти». М.М. Кром обратил внимание на наличие у него денежных счетов со слугой князя И.Ф. Овчины Телепнева Иваном Тарасовым, «княжим боярином». В посольской книге этот И. Тарасов фигурировал как «человек» князя И.Ф. Телепнева. «Люди мои вольные и кабальные» упоминались в завещании И.Ю. Шигоны Поджогина[266].

В разбойном нападении на земли Спасо-Евфимьева монастыря участвовал в 1519 г. «человек» М. Судимантова Нечай Станиславов. Из допросов монастырских крестьян выяснилось, что у него, в свою очередь, был свой «человек» Истомка, также отметившийся в разбое. В 1529 г. Нечай Станиславов был уже спасским слугой[267].

Некоторые бывшие послужильцы, ставшие помещиками в Новгородской земле, также имели собственных холопов. В фамильном архиве Редровых хранилась полная грамота на покупку холопа Останей, дьяком «Василия Борисовича», которого можно отожествить с Остафием Дементьевым Редровым, упомянутым в писцовой книге, «Васильевским человеком Борисовича Тучкова». Эта грамота могла быть составлена только в момент его нахождения на службе у этого боярина (подчеркивается выполнение им обязанностей дьяка). Ее архаичный формуляр совпадает с формуляром грамоты князю С.И. Ряполовскому, составленной в Суздале в 1470-х гг.[268]

«Холопий» статус некоторых из послужильцев прямо подтверждается упоминанием их имен в завещаниях И.И. Салтыка Травина, князя И.Ю. Патрикеева, а также определением «холопов брат» в случае с С.В. Ватазиным.

Группы послужильцев, скорее всего, имели продолжительную историю и могли быть сформированы за несколько лет до момента их испомещения. Факт их прежней службы представлял собой избыточную информацию. Принадлежность к числу послужильцев, за исключением ивангородцев, не отражалась на размерах предоставляемых им поместий, они обладали статусом полноценных детей боярских. В этом случае, по-видимому, имела место служба по специальным спискам. Списки «Глиньского людей» сохранялись в 1549 г. спустя 13 лет после смерти самого князя М.Л. Глинского. В подобных списках обоснованным был пропуск имен некоторых младших родственников. Это объясняет расхождения данных писцовых книг, когда близкие родственники могли быть отнесены или не отнесены к группам послужильцев. Родными братьями были В. Голова и Ф. Неклюд И. Подушкины, «Васильевские Борисовича Тучкова», а также их сосед К.И. Подушкин. Ф. Неклюду и К.И. Подушкиным достались земли одних и тех же прежних владельцев – Ф. и С. Мануйловых[269]. Братом И. Большого и И. Пестрого В. Хомутовых «Васильевских Борисова» был Н. Хомутов, который фигурировал в писцовой книге без этого определения. Как и в предыдущем примере, им принадлежали смежные поместья. То же наблюдение применимо к сыну Я. Певцова «Ивановского Руновского»[270].

Продолжительное существование подобных групп демонстрируется на примере «людей» новгородских бояр. Многие ивангородцы потеряли прежних господ еще в конце 1470-х – начале 1480-х гг. Как отдельная категория служилых людей они появились после разорения Ивангорода шведами в 1496 г. Писцовое описание Водской пятины, составленное несколько лет спустя после этого события, фиксирует неразвитость их поместного землевладения, обилие совместных неразделенных участков. Для всех ивангородцев были характерны небольшие размеры поместий, в среднем по 5 обеж, что свидетельствует о единовременности произведенных раздач[271].

Они, вероятно, попадали на великокняжескую службу сразу после «поимания» новгородских бояр и долгое время служили по особым спискам без земельных наделов. Люди Б.В. Есипова К. Максимов и С. Борисов упоминались как слободчики в Бежецкой пятине. Удается отожествить и других слободчиков. И. Быков Олферов принадлежал к числу «Васильевских Кузьмина», а В. Баламут – к «Лукинским Федорова». Эти слободки появились до

момента писцового описания Бежецкой пятины. Некоторые из них были описаны еще по «старому письму»[272]. В отличие от ивангородцев другие «люди» новгородских бояр были испомещены в более раннее время. В платежной книге Бежецкой пятины встречается Я. Бунков «Ивановской человек Лошинского». Ему принадлежало внушительное поместье размером в 61 обжу, которое резко контрастировало с владениями других «людей» И. Лошинского, вошедших в число ивангородцев. И. Есипову с тремя сыновьями принадлежало 8 обеж, М.И. Кузьмину – 5 обеж, а Д. Федкову – 4[273].

Неопределенна ситуация с «Васильевскими Микитина» и «Ивановскими Петрова». Их прежние владельцы априори соотносятся к представителям новгородского боярства. В первом случае ни одного из прежних землевладельцев не удается однозначно отожествить с упомянутым Василием Никитиным. Его «люди» Г. Воронцов, М.Я. Гаврилов (его потомки усвоили фамилию Яковлевы) и Нечай Савин Кривой Перепечин получили поместья на территории Бежецкой пятины. Наиболее подходящей кандидатурой на роль патрона «Ивановских Петрова» выглядит боярин И.П. Чашников, хотя не исключены и «московские» варианты, например И.П. Челяднин. И.П. Чашников, как и некоторые другие представители его семьи, находился на владычной службе[274].

Больше всего представителей этой группы было испомещено в Деревской пятине, где их поместья были размещены двумя крупными массивами: в Вельевском погосте и в волости Велила. Обращает внимание не только компактность их размещения, но и, в ряде случаев, общий характер землевладения. В придачу к поместьям в волости Велила братьям Хариным и В. Скулею Булгакову принадлежала волость В.Я. Плотцова в Налесском погосте, «вопче». Некоторые из этих поместий отличались крупными размерами. Н.П. Харину, например, досталось «по старому» 46 обеж. Более разобщенными были «люди» И. Петрова в Бежецкой пятине. Всего здесь было отмечено три таких поместья: С.И. Лутовинина, Д. Матина с сыновьями и В. Перфурова[275].

Для «людей» представителей московской аристократии служба великому князю до момента передачи им новгородских поместий могла происходить и за пределами Новгородской земли. Во второй половине 1480-х гг. в Костроме были составлены две кабальные грамоты с участием И.В. Пестрого Хомутова, А. и Русина М. Тырковых. При том же наместнике Василии Федоровиче (Образце или Сабурове) полную грамоту оформил М. Тырков[276]. И.В. Пестрый Хомутов и Русин Тырков, а

также братья последнего Василий, Иван и Григорий принадлежали к числу «Тучковских».

За исключением «людей» князей И.Ю. Патрикеева и С.И. Ряполовского для остальных послужильцев представителей московской аристократии время их испомещения приходится определять на основании косвенных данных. Уже говорилось о передаче некоторым из них поместий «новосведенных» бояр. Вполне вероятно, что основные группы послужильцев получили свои поместья примерно в одно и то же время. К.В. Базилевич обратил внимание на компактность их размещения в Водской пятине, в пограничных районах «на немецком рубеже»[277]. При существовании значительного фонда оброчных земель, резервов для будущих поместных раздач, подобная особенность вряд ли была случайной. В 1492 г. был построен Ивангород. Годом позже был подписан русско-датский договор «О дружественном и вечном союзе». В преддверии начавшейся несколько лет спустя войны со Швецией, а затем и с Ливонским орденом оба эти события имели вполне определенный смысл, обозначая амбиции Ивана III в прибалтийском вопросе. Появление в приграничных районах десятков новых помещиков находилось в этом ряду. С теми же целями позднее здесь были испомещены иван-городцы.

Проникновение в ряды детей боярских Новгородской земли выходцев из более низких прослоек служилых людей продолжалось и в последующие десятилетия. В 1550-х гг. сытнику Смирному Кудрявцеву «велели службу служити с ноугородцкими помещики». Та же участь постигла сушильных ключников Б. и А.Т. Ржаниковых, а также житничего ключника В.Б. Ежова. Выписки из десятни переславцев 1573 г. доказывают, что подобная практика имела распространение и в центральных уездах страны. Некоторые дети боярские «были у государя в сытникех, а из сытников онои отставлены. А велено им с переславцы служба служити»[278].

Испомещение послужильцев не могло решить задачу обеспечения службы необходимым количеством служилых людей. Возможно, в 1490-х гг. и позднее московским правительством начали практиковаться полупринудительные переселения служилых людей из других районов страны. Зачастую переселения производились целыми группами, как это было в случае с «луховцами» в Бежецкой пятине. Обращает внимание компактность их размещения и наличие среди них представителей разных социальных слоев. Всего было переселено не менее 30 человек, вероятно, все вотчинники из этого приволжского городка[279].

Для некоторых новых помещиков Новгородская земля стала

местом своеобразной ссылки. Уже упоминалась служба мятежному Андрею Углицкому князя А.А. Шемяки Шаховского. Шестеро его сыновей получили поместье в Деревской пятине. На всех братья получили только 113 обеж, оклад рядовых служилых людей. Эта ветвь князей Шаховских лишилась родовых земель в Ярославском уезде. В самом конце 1490-х гг. поместье было пожаловано бывшему вассалу Бориса Волоцкого Н.С. Кулибакину[280]. Доказательством серьезности поставленной задачи стал форсированный характер процесса, спешка проводимых раздач, приводившая к разорванности отдельных поместий, неудобству их хозяйственного использования, устраняемых в течение десятилетий с помощью обменов, прирезок и т. д.

В ходе массовых поместных раздач были проведены меры по упорядочению службы: создано деление на отдельные пятины (субкорпорации), выработаны нормы поместных окладов. Служба приобрела обязательный характер и была прямо увязана с землевладением. Многим служилым людям, в том числе из числа знати, пришлось сделать выбор о своей принадлежности к новгородской корпорации. Известны примеры продажи новгородскими помещиками вотчин в центре страны (Ушак Москотиньев, И.Г. Фома Протасьев, И.В. Сухой Вельяминов, М. Кучецкий, В.И. Константинов, Д.А. Малой Нащокин). Среди порозжих земель числились во втором десятилетии XVI в. владения К., И., М.И. Кобылиных Мокшеевых. В ведение крестьянских общин перешли «обояренные» М. Бирилевым починки в Вологодском уезде[281].

С другой стороны, некоторые помещики теряли свои поместья. Наиболее отчетливо этот процесс виден на примере представителей «боярской аристократии», не задействованных прямо в новгородской службе. К 1501 г. поместий лишились престарелые дворецкий И.М. Волынский и бывший наместник А.Ф. Челяднин. К концу 1490-х гг. потерял поместье П.Г. Лобан Заболоцкий. Особенно отчетливо этот процесс отразился на землевладении Бежецкой пятины, примыкавшей к освоенному «москвичами» Бежецкому Верху, где аристократическая прослойка была наиболее внушительной[282].

В ряде случаев подобные утраты имели политический характер. В опалах потеряли владения князья И.Ю. Патрикеев, его сын В. Косой и зять С.И. Молодой Ряполовский. Тесно связан с этой семьей был и дворецкий Д.В. Ховрин. В 1501 г. скончалась княжна Феодосия, дочь Ивана III и жена князя В.Д. Холмского, что, вероятно, отразилось на потере им своих обширных земель[283]. В итоге из числа аристократических семей, не

связанных с новгородской службой, земли (вотчины) сохранил только И.В. Ляцкий, у которого они были конфискованы после его побега в Литву в 1534 г.

Этот процесс затронул и менее знатных лиц. В писцовой книге возле имени С.М. Калитина содержится запись: «Се поместье Степан оставил, ведать его на великого князя». Оставили поместья также Д. Козел Милославский, Е.И. Циплятев, А.А. Мисин Кутузов, М.В. Клеопа Кутузов и, очевидно, Т.В. Безносый Монастырев с сыном Васюком[284]. Большинство указанных лиц впоследствии продолжило свою службу в Москве. Известными дьяками, например, стали Д. Козел Милославский и Е.И. Циплятев.

С.И. Белкин, сын постельничего, во втором десятилетии XVI в. попал в литовский плен, «на Луках же пойман». Его сын Петр «былъ на поместье въ Новегороде». Позднее он, вероятно, оставил поместье и, судя по частной родословной, был наместником трети московской. Другие его сыновья в середине XVI в. служили по Боровску[285].

Переход на удельную службу выводил новгородских помещиков из-под великокняжеской юрисдикции. С формальной точки зрения смерть Ивана III (1505 г.) освобождала их от присяги, так что служилые люди имели право выбрать себе нового «сюзерена», чем многие из них не преминули воспользоваться. Причины ухода с новгородской службы могли варьироваться в каждом конкретном случае. Удаленность Новгорода от придворной жизни и связанного с ней карьерного роста, а также особенности обязательной службы могли быть причинами этого решения.

Характерен пример И.А. Черного Колычева, одного из наиболее примечательных лиц в составе новгородской корпорации первых десятилетий XVI в. От новгородской боярыни Матрены Кривой он унаследовал крупные земельные владения (не менее 150 обеж). Ему же, конюшему, в 1505 г. были сделаны пожалования из земель Федоровской церкви. Эти владения были приписаны к землям Матрены Кривой, образовав единую вотчину, сохранявшуюся за его потомками еще в 1580-х гг. Сам он неоднократно упоминался в разрядах: в 1501 г. был одним из воевод в Ивангороде, в 1508 г. вместе с братом Михаилом «стоял» на Великих Луках, в 1513–1514 гг. находился в походах к Бреславлю и Полоцку, а также принимал участие в злополучной Оршанской битве, в 1515 и 1516 гг. вновь отметился на Великих Луках в качестве наместника. И. Черный был воеводой в сражении у Опочки, а затем участвовал в полоцком походе. В 1520-х гг. он дважды ездил в Крым. К этому времени он уже

оставил новгородскую службу. Его сын Никита Немятый в 1527 г. был одним из поручителей по князе М.Л. Глинском, а внуки были отмечены по Москве, где Колычевым принадлежали родовые земли[286].

С Бежецким Верхом были связаны Нелединские, которые были широко представлены в Новгородской земле на рубеже столетий. Земли Д. Нелединского в соседней Бежецкой пятине перешли в разряд оброчных уже к началу XVI в. Жалованная грамота 1508 г. С.С. Сарыхозину и М. Поздееву называет среди прежних владельцев их поместья С., М. и Третьяка А. Нелединских. В руки новых владельцев согласно писцовой книге 30-х гг. XVI в. перешли также земли двух братьев Андреев Михайловых. Некоторые из этих Нелединских встречаются в более поздних источниках. В 1527/28 г. С.А. Нелединский продал московскому Симонову монастырю свою вотчину село Перемут в Бежецком уезде. Послухами в этом акте выступали его братья Михаил и Третьяк. Их потомки были записаны в Дворовой тетради в рубрике «Бежецкий Верх». Здесь же числились Василий и Ташлык Андреевы Безсоновы Нелединские, сыновья А. Безноса[287]. Скорее всего, после перехода Бежецкого Верха в удел к Семену Калужскому они перешли на удельную службу, покинув свои поместья.

Углицким городовым приказчиком в конце 1540-х гг. был И. Тур Константинов (ясельничий). Согласно писцовой книге конца 30-х гг. XVI в. его поместье в Шелонской пятине перешло в другие руки. Скорее всего, он служил в уделе Дмитрия Углицкого. На службу к Юрию Дмитровскому перебрался Г.И. Константинов (Жеребцов). В Дворовой тетради его сын Василий был записан по удельному Кашину. Уже упоминался пример князей Приимковых-Ростовских, записанных по тому же Кашину. В старицком уделе служил И.И. Умной Колычев, брат которого был новгородским помещиком. К царевичу Петру Ибрагимовичу перешел Торх Плещеев со своими сыновьями[288].

Этот процесс не следует абсолютизировать. Определенное число новгородских помещиков сумело сохранить за собой родовые земли в центральных уездах (что впоследствии давало им возможность выбирать место службы). Процесс «очищения» новгородской корпорации от случайно оказавшихся там лиц был далеко не однозначным и растянулся на несколько десятилетий.

Для нормального функционирования новой служилой корпорации требовались свои лидеры, обладавшие необходимым генеалогическим и социальным статусом. Эти «лидеры» были набраны из числа самих новгородских помещиков. В конце XV – начале XVI в. сюда было перемещено большое число

представителей «честных» фамилий. Многие из них навсегда связали свою судьбу с новгородской корпорацией. В становлении местной элиты важную роль сыграло своеобразное «кадровое усиление». Из 153 новых помещиков Водской пятины 1499–1501 гг. (без учета сыновей) к числу условно дворовых фамилий принадлежало по крайней мере 60 человек (39,2 %). Поместья были пожалованы значительному числу представителей «дворовых» фамилий, в том числе будущим новгородским воеводам – князьям Елецким, С.Ю. Порховскому. «Воеводские» оклады достались здесь также сыновьям князя И. Мышецкого. Аналогичные процессы шли и в других новгородских пятинах. Пометы, сделанные к текстам писцовой книги Деревской пятины, свидетельствуют, что на рубеже веков состав новгородской корпорации пополнили князья Корецкие, Кропоткины, Мещерские. После «Васильева писма Наумова» получил поместья в Бежецкой пятине и князь Б. Тебет Уланович[289].

Новые помещики активно включались в новгородскую службу. Уже в 1499 г. воеводой новгородской рати был князь П.И. Елецкий. В 1501 г. в этом качестве известен князь А. Кропоткин (Кропотка), а в 1502 г. – князь Б. Тебет Уланович. В 1509 г. в разрядах упоминается С.Ю. Порховский[290]. Очевидно, появление здесь этих лиц было результатом целенаправленной политики по созданию корпуса новгородских воевод. Примечателен выбор исполнителей. Мелкие служилые князья Елецкие, Мещерские, Мышецкие потеряли к концу XV в. остатки родовых владений и представляли собой удобный материал для переселения на новоосваиваемые территории. Неизвестны были владения в центральных частях страны у князей Корецких и Кропоткиных.

Разрядные книги позволяют провести грань перехода к регулярной службе новгородских воевод. Первые три десятилетия XVI в. показывают существование определенного немногочисленного круга лиц, из числа местных помещиков, возглавлявших исключительно новгородские полки. Первые воеводы «новгородской специализации» были упомянуты в разрядах в 1499 г.: князь П.И. Елецкий и И.А. Мисинов[291]. Несколько предшествующих походов 1496–1497 гг. против «свейских немцев» обошлись без их участия.

В 1500–1501 гг. большая их часть уже фигурировала в разрядах. Наместником в Кореле в 1501 г. был князь И. Пужбольский. Воеводами в Ивангороде в том же году были И.А. Черный Колычев, И.Г. Закала Бутурлин, Ф.В. Квашнин, Ф.М. Тушин, С.П. Замыцкий[292]. Перевод некоторых из них в Новгород способствовал активизации их службы. Бутурлины, несмотря на

знатное происхождение, к концу XV в. слабо проявили себя на служебном поприще, что, возможно, было связано с наличием у них крупных вотчин в Переславском уезде. На новом месте службы представители этой фамилии постоянно получали разрядные назначения. Тот же И.Г. Закала в 1506 г. наместничал на Двине. Позднее воеводой стал Д.Г. Кривой, принявший участие в походе на «Литовского» 1519 г. и в казанском походе 1524 г.[293]

В основном служба новгородских детей боярских проходила на границах Новгородской земли. Известно несколько походов общерусского масштаба, в которых принимала участие «новгородская рать». В 1522 г. на Коломне упоминаются «сто детей боярских новгородских лутчих» (среди воевод И. Лошаков). В 1524 г. новгородские полки вместе со своими воеводами (Ф.С. Колычев, уже названный Д.Г. Бутурлин, И.В. Лошаков, князья А. Кропоткин и И.М. Чулок Засекин) участвовали в казанском походе, а в 1532 г. стояли на окских рубежах (Ф.С. Колычев, Д. Бутурлин, князь И.М. Чулок Засекин)[294].

Основным приложением сил для них было литовское направление. Новгородские полки принимали участие во всех наиболее значимых эпизодах русско-литовских войн. Анализ списка московских детей боярских, попавших в литовский плен после битвы на Орше, показывает значительное преобладание в нем имен новгородских помещиков, которые играли здесь роль основной ударной силы (не менее 35 % от общего числа пленников). Именно в этом сражении погиб виднейший из новгородских воевод – князь И.И. Темка, а в литовский плен попали И.С. Пупок Колычев с братьями Владимиром и Андреем, а также Ф.М. Тушин[295].

Невозможно определить точку отсчета, с которой поместные раздачи начали производиться «по спискам», составляемым на основании определенных заданных характеристик (происхождение и статус, служебная годность и т. д.). Скорее всего, индивидуальные пожалования сохранялись на протяжении всего процесса поместных раздач, хотя их значение со временем уменьшалось.

В конце 1490-х гг. поместные раздачи проводились по отработанному сценарию. В основу поместных окладов был положен 5-кратный порядок земельных наделов. В этом ряду находятся «ивангородцы», «пятиобежники» позднейших источников. Все они получили оклады, соответствующие 5 обжам[296]. Их пример был далеко не единственным. Та же тенденция прослеживается на примере князей Елецких, получивших свои поместья после церковных конфискаций 1499 г. По «новому письму» поместный оклад князя И.И. Селезня

составлял 50 обеж, его брата князя Петра – 51 (50 по старому), князя Дмитрия, «Селезенева брата», – 45, а князей Семена и Ивана Меньшого – 70 обеж на двоих. Обращает внимание постепенное уменьшение поместных окладов в зависимости от возраста (служебной значимости) и кратность земельных наделов, привязанных к цифре «5». В тексте писцовой книги Водской пятины встречаются другие подобные примеры. По «новому» письму поместье Угрима Караулова, «владыченское» составляло 15, князя Д.С. Ушатого – 40, а С.Г. Калитина – 20 обеж. Два последних поместья были образованы из земель, конфискованных у Юрьева монастыря. В Шелонской пятине по 15 обеж из архиепископских земель достались князю С.В. Голице Голибесовскому, Ушаку Москотиньеву, А.П. Плещееву[297].

Еще более наглядно «кратность» окладов проявилась во время раздач в волости Крупая Деревской пятины 1503/04 г. Платежная книга 1543 г., использовавшая сведения первого десятилетия XVI в., показывает размеры образованных в это время поместий. Помещики Скрыплевы получили 110 обеж, Ростопчины – 100, К.Е. Костюрин с детьми – 30, князь С. Селеховский – 10, К. Харламов – 24. Последний выпадает из общего ряда, однако, скорее всего, именно ему принадлежал еще один небольшой участок этой волости, позднее перешедший в руки А.В. Колокольцева. Вместе с этим участком поместье К. Харламова насчитывало 25 обеж[298]. Ростопчины, К.Е. Костюрин[299] и князь С. Селеховский были выходцами из бывшего Тверского княжества. Их территориальное соседство, видимо, было обусловлено испомещением по списку.

Во всех приведенных примерах видно стремление новгородской администрации упорядочить поместные оклады, приводя их к единому кратному знаменателю.

«Системные» раздачи рубежа веков не появились на пустом месте. Описания ряда поместий, созданных в предыдущие годы, отвечали отмеченным признакам. Анализ земельных владений братьев Бутурлиных показывает, например, что на троих они получили по «старому» письму 160 обеж: Копоть Г. Бутурлин – 60 обеж, а Баклан и Д.Г. Бутурлины еще 100 (51 и 49) обеж. Показателен также пример Сухого-Кобылиных. По «старому» письму семь братьев Александровых получили 290 обеж. И в том и в другом случаях поместья, скорее всего, были сформированы в 90-х гг. XV в., но еще до проведения валовой переписи[300]. «Кратные» поместья первоначально жаловались семьям (группам) служилых людей и затем делились ими на части («поделити им меж собя самим»). В конце века братья и зять Пестрика Дмитриева владели равными поместьями по 18 обеж (по «старому» письму). Всего же эта семья получила 105 обеж на всех

ее членов.

Среди бывших послужильцев подобная ситуация повторялась неоднократно, что подтверждает версию об их позднем появлении в Новгородской земле. Кратным был размер поместий Хомутовых, составлявший 105 обеж по «старому» письму. Подобные поместья принадлежали и другим «Тучковским»: В.Д. Шадрину – 15 обеж, Ф.Д. Баткову Коню Шадрину – 20, С.К. Печенегову – 25, братьям Ф. Неклюду и К.И. Подушкиным – 20 обеж. Среди «Шереметевских» С. Жукову Нелединскому принадлежало поместье размером в 20 обеж. «Человек» князя Я.В. Оболенского Ф.А. Песенка получил 25 обеж. Тот же оклад принадлежал И. Чернышу Уварову Санину «Салтыковскому». Чуть больше были размеры поместий других лиц из этой группы. И. Отрасле и его сыну Ветке досталось не менее чем 30 обеж. А.Г. Бокарь Мечнянинов «Ощеринский» распоряжался поместьем в 15 обеж, а единственный послужилец М.Я. Русалки Б. Борыков – 35 обжами. Коллективные кратные поместья жаловались и другим лицам. Кишкины, например, получили на всех пятерых членов своей фамилии 110 обеж[301].

Такие «списки» могли начать создаваться после окончания «старого» письма – в начале 1490-х гг., когда у новгородской администрации появилась ясность об имеющемся земельном фонде.

На практике раздача земли в соответствии с поместными окладами реализовывалась в «чистых» примерах, когда для испомещений отдавались крупные массивы. При существовавшей дробности и чересполосице владений номинальные оклады и фактические размеры поместий могли лишь примерно соответствовать друг другу, меняясь в большую или меньшую сторону. Не стоит забывать и об условности понятия «обжа», которое не было привязано к фиксированным размерам участков, обозначая количество крестьянских хозяйств, менявшееся на протяжении коротких промежутков времени. Продолжительность проведения переписи приводила к тому, что поместные оклады могли начисляться как по «старому», так и по «новому» письму.

Испомещения по «спискам» далеко не всегда отличались единообразием. Влияние на этот процесс могли оказывать и другие факторы. Размеры владений «луховичей», например, сильно отличались друг от друга. Поместье Ф.Н. Шаблыкина и С. Михайлова составляло 71,5 обжи, в то время как шесть братьев Дмитровых довольствовались поместьем в 25,5 обжи. Скромными были поместья М.П. Гупцова (9,5 обжи) и М. Павлова (10 обеж). Подобное разнообразие, вероятно, было вызвано необходимостью обеспечить «луховцев», вынужденных переселенцев, тем же

количеством земли, которое соответствовало бы их прежним владениям. Подобным образом московское правительство раздавало земли купцам «против земель московских»[302]. При таком подходе принцип служебной годности отходил на второй план.

Дополнительным фактором, влиявшим на работу лиц, ведавших поместными раздачами, являлось наличие малолетних детей. Некоторые сыновья помещиков достигли служебного возраста и получали собственные поместья, другие были «недорослями». Поместья зачастую приходилось давать «впрок», с учетом естественного увеличения живущих в них служилых людей. В каждом подобном случае нужно было действовать индивидуально, принимая во внимание «ближайший резерв».

В конце 90-х гг. XV в. на фоне форсированных поместных раздач предпринимались попытки придать поместной системе целостность. Эта тенденция была обусловлена наметившимся дефицитом свободных земель. Имеющиеся запасы уже не были столь внушительны, как в предыдущие десятилетия, что требовало более рационального подхода к ним. В писцовой книге отмечена потребность ограничить поместные раздачи: «в Ладозе поместей не давать, опричь Михайловского погоста на Волхове, да Никольского погоста, что за Волховым, того деля, что на оброчные обжи положен наместнику корм»[303].

Разница в подходах к земельному обеспечению на разных этапах поместных раздач отчетливо бросается в глаза при сопоставлении наделов «людей» новгородских бояр. В то время как «ивангородцы» довольствовались скромными окладами в 5 обеж, другие «послужильцы» новгородских бояр, получившие поместья в предшествующие годы, были куда лучше обеспечены: Н.П. Харин по «старому» письму распоряжался 46 обжами, В. Скулей Булгаков – 36, а И.П. Кривой Харин – 34,5. Самое крупное поместье принадлежало Я. Бункову «Ивановскому человеку Лошинского» – 60,5 обжи[304]. На рубеже веков такой оклад жаловался «воеводам» из числа знатных фамилий.

В это время был запущен процесс перераспределения земельного фонда, обеспечивший в будущем функционирование поместной системы. Помимо конфискации значительной части церковных земель в раздачу пошли владения представителей московской аристократии, не связанных напрямую с новгородской службой. В распоряжение великокняжеской власти вернулись «выморочные» поместья, а также земли помещиков, выбывших с новгородской службы[305]. Под горячую руку попали и владения некоторых помещиков, полученные ими в качестве приданого[306].

За счет этого появилась возможность создания новых поместий. Некоторые из уже имеющихся помещиков получили «придачи». Среди них был Е. Трусов-Воробьин. К моменту проведения переписи его поместье составляло 30 обеж. «Придачи» в соответствии с их окладами получили и некоторые другие лица. На рубеже веков поместье князя И. Темки Ростовского составляло 82,5 обжи (по «старому» 85) и, по-видимому, уже включало в себя некоторые «придачи». Тем не менее, с учетом возросшего статуса этого воеводы, ему были сделаны новые пожалования в Деревской пятине. Размер его поместья в итоге достиг 90 обеж[307].

Важным признаком «системных» раздач выступает их соразмерность. В целом пожалования последних лет XV и первых годов начала XVI в. соответствовали статусу получавших их лиц. Их размер обуславливался происхождением и служебным положением. Эта особенность отчетливо проявилась при новых раздачах. К одной «статье» – 40 обеж принадлежали Ф.С. Головин Глебов, С. и Е.И. Циплятевы, братья Новокщеновы, князь Д.С. Глебов Ушатый, П.Г. Годунов, Н.М. Беклемишев, С. и Ф.И. Володимеровы Овцыны, А. и И.Н. Горбатые Заболоцкие. Все они – дворовые дети боярские «честных» родов. Выше них котировались в служебном отношении князья Хохолковы-Ростовские, старшие Елецкие, Корецкие, Кропоткины (старшие сыновья), Константиновы-Оболенские, И. Гагарин, Бутурлины, Г.Б. Шушлеба Товарков.

Анализ размеров полученных владений позволяет определить статус участников новых раздач в реалиях конца XV в. Несмотря на знатное происхождение, многие представители аристократических фамилий оценивались не слишком высоко. Скромными были наделы некоторых Волынских (Ф.И. Волынский по «новому» письму распоряжался поместьем в 20 обеж). Князю С.В. Голице Голибесовскому принадлежало всего 15 обеж. В ряде случаев подобные примеры объясняются молодостью или опалами (князья Шаховские – бывшие «вассалы» Андрея Углицкого), в других – были отражением их невысокого положения при дворе Ивана III. Некоторые упомянутые лица в дальнейшем смогли поправить свое положение за счет новых раздач. Это удавалось, однако, не всем. Тот же С.В. Голица в конце 1530-х гг. довольствовался прежним поместьем[308]. Оклад в 10 обеж был, по-видимому, минимальным обеспечением для детей боярских. В целом оклады детей боярских из «дворовых» фамилий были выше, чем оклады рядовых служилых людей, хотя в этом ряду были и исключения.

Проводимая унификация была ограничена новыми пожалованиями. Существовавшие поместья можно было

увеличивать только в большую сторону. Как следствие, происходило напластование поместных наделов, сложившихся в разное время и в разных условиях. Уже были отмечены исключительно крупные поместья А.А. Рудного Картмазова, А.И. Линева и некоторых «людей» новгородских бояр. Писцовые описания «узаконили» земельные пожалования прошлых лет, многие из которых не соответствовали сформировавшимся в 1490-х гг. окладам.

Стройность формирующейся системы окладов разрушалась разделами поместий внутри отдельных семей. В конце века новгородская администрация пыталась взять этот процесс под контроль. В писцовых книгах отмечено несколько случаев конфискации выморочных поместий, выходивших из семейного владения, которые шли в новые раздачи[309]. С санкции великого князя поместье Г.М. Мусина-Пушкина было пожаловано шести его братьям («князь великий пожаловал… придал к их старому поместью»). В ряде случаев переходы поместий от отца к сыну сопровождались выдачей особых жалованных грамот[310]. Этим единичным примерам не хватало системности. Масштабный пересмотр земельных владений проводился во время проведения переписи. Трудно сказать, когда планировалось проведение следующей валовой переписи для Новгородской земли, но фактически она была осуществлена только в конце 30-х гг. XVI в. По наблюдениям А.Я. Дягтерева, в течение нескольких десятилетий между переписями помещики самостоятельно распоряжались переданными им участками. Отмеченная этим исследователем «преемственность» во владении поместьями в реальности была даже большей, учитывая наличие среди помещиков рубежа XV–XVI вв. «случайных элементов», покинувших по тем или иным причинам новгородскую службу[311].

Поместья передавали в кругу семей (получая «придачи» за счет новых пожалований). Помещики использовали в своих целях неразделенный характер владений, позволявший сохранять «вымороки». В результате происходила активная эрозия окладов: в некоторых случаях одно и то же поместье дробилось между наследниками, с другой стороны, некоторые помещики, особенно из числа знати, аккумулировали в своих руках исключительно крупные наделы. Князь И.И. Буйносов-Ростовский к писцовому описанию конца 1530-х гг. распоряжался не только землями своего отца, но и «унаследовал» поместье дяди – князя А.А. Хохолкова. В общем итоге его поместье насчитывало 100 обеж. Г.А. Победимовой показаны случаи перехода «выморочных» поместий среди разных ветвей князей Ростовских в Деревской

пятине[312].

Пока оставались резервы для новых раздач, эта схема могла работать достаточно эффективно. Уже говорилось о раздачах в волости Крупая в 1503/04 г. Раздачи были произведены в 1517/18 г. в Жабенской волости. Судя по писцовой книге, в конце 1530-х гг. для испомещений были отданы земли в Климентовском Тесовском погосте Водской пятины. Более существенными были раздачи в Обонежской пятине. После присоединения Торопца и Пскова новгородские помещики стали осваивать эти территории[313].

К концу 1530-х гг. существовал уже ощутимый дефицит земель для новых раздач. В писцовых описаниях этого времени, проведенных после общеновгородского смотра, фигурировала категория «беспоместных» детей боярских. В сравнении с раздачами рубежа веков поместья этого времени стали значительно меньше по размерам. Многие представители знатных фамилий довольствовались небольшими наделами. Тем не менее нельзя сказать, что ситуация с земельным обеспечением полностью вышла из-под контроля. В большинстве случаев размер поместья для детей боярских не опускался ниже планки в 10 обеж. Жестко ограничены были прожиточные поместья вдов – в среднем 5 обеж (с исключением для представительниц знатных фамилий). Эти нормы не были регламентированы и бытовали на уровне распространенной практики[314].

В ряде случаев прослеживается тенденция поддержания на должном уровне поместных окладов. Ф.И. Лазареву, владельцу поместья в 32,5 обжи, было придано еще 11 обеж, а Ф.И. Пушкину, имевшему до описания 19 обеж, – 10[320]. Они оба являлись дворовыми детьми боярскими «честных» фамилий. В значительном числе примеров прослеживается кратность окладов. Показателен пример И.К. Пелдюя Бровцына. Всего он с учетом придач владел поместьем в 20,5 обжи. Описание его поместья было сопровождено пометой «лишка за ним сверх явочного списка во всем поместье полобжи». По «указному» списку вместе со сделанными придачами не дошло 8 обеж в поместье Б.С. Сабурова и его детей (фактический размер – 52 обжи). Унаследовал от отца поместье Ф.Г. Сназин Микулин. Всего за ним по описанию конца 1530-х гг. числилось 41,5 обжи (в итоговом описании была допущена ошибка – 42 обжи), и «переходит за ним и з придачею в пустых обжах пол-2 обжи»[315].

Прямое упоминание о фиксированном поместном окладе содержится в челобитной торопецкого помещика Б. Чмутова Ачкасова. «Жалованье» его отца составляло 20 обеж. Это был достаточный размер для несения службы, поэтому у «смотрения»

ему было отказано в «придачах». Фактический размер поместья Чмутова Ачкасова составлял 22,5 обжи. Именно этот надел был оставлен за ним во время проведения писцовой переписи[316].

В это время уже наметился разрыв между номинальными окладами, установленными в соответствии с «явчими списками» и фактическими размерами поместий. Многие помещики, которые должны были получить прибавки, так и не дождались их[317]. Стремление получить «придачи» ограничивалось специальными мерами. Согласно писцовой книге Шелонской пятины на «придаточные» обжи устанавливалась выплата дополнительного оброка «с обжи по алтыну» сверх обежной дани. В том числе и для «беспоместных» детей боярских, получавших запущенные участки. Другим «лукавством» было выделение в качестве «придач» освоенных самими помещиками починков (Бежецкая и Шелонская пятины). Излишняя хозяйственность за счет этого закрывала им путь для новых пожалований и, более того, приводила к дополнительному налогообложению. Эта мера приводила к определенной фиктивности придач. Обратной стороной процесса стало «утаивание» новоосвоенных земель, принявшее массовый характер. В писцовых книгах конца 1530-х гг. постоянно возникали отсылки к случаям искажения данных, приводимых помещиками во время явчих списков: «да им же вочтено в придачю старово их поместья, что не досказали за собою у смотренья по явчему списку», «да Посник да Иван сказали за собою у смотренья, что мати у них взяла из отцовского 7 поместья обеж, а Иванцу же з братом велино придати 6 обеж. И мати у них 7 обеж не взимала. А придача им не дана»[318].

Описание конца 1530-х гг. в очередной раз узаконило имеющиеся владения. Писцовые книги не зафиксировали ни одного случая конфискации «лишков», даже когда они превосходили имевшиеся поместные оклады. Все они были оформлены как «придачи». Вопрос с перераспределением земельного фонда был отложен на неопределенное время, что не способствовало решению назревшей проблемы, усугубленной моровым поветрием, затронувшим Новгородскую землю в 40-х гг. XVI в.

Согласно Летописцу начала царства, во время казанского похода 1552 г. «многу же несогласию бывшу в людех, дети боярские ноугородцы… биют челом, что им невозможно столко будучи на Коломне на службе от весны, а иным за царем ходящим и на боих бывших да толику долготу пути идти, а там на много время стояти». Это заявление едва не привело к срыву похода. Сохранились имена нескольких десятков казанских «нетчиков» – помещиков, которые не смогли явиться на службу. Все они

лишились своих поместий, которые были возвращены некоторым из них спустя несколько лет. Разбирательства показали, что некоторые «нетчики» были не в состоянии нести службу. Поместье М.М. Палицына было «все пусто и лесом поросло, от голоду и от лихого поветрея и от податей»[319]. В писцовых книгах встречаются помещики, служившие с минимальных земельных наделов.

Другой серьезной проблемой была обособленность новгородской корпорации. Ее состав окончательно сформировался в первое десятилетие XVI в. и в дальнейшем практически не пополнялся новыми лицами[320]. Это была самодостаточная структура, специализирующаяся на выполнении службы возле границ Новгородской земли, обладавшая собственной элитой, производившая внутри себя перераспределение имеющихся земельных ресурсов. Будучи собранными вместе (на добровольной или полупринудительной основе) из разных частей страны, а здесь были представлены выходцы из практически всех территорий, имевших служилое землевладение, включая Устюжну (Дементьев, Негановские) и недавно присоединенные Ярославское (Трусовы Воробьины, Огалины, возможно, также Малыгины, не говоря уже о представителях самого ярославского княжеского дома) и Тверское княжества (Сназины[321], князья Селеховские, Ростопчины[322], Костюрины, возможно, Оплечуевы), помещики северо-западных уездов быстро обрели новую идентичность. В некотором смысле они, унаследовав земли новгородских бояр, стали их наследниками, чему способствовала политика московского правительства при первых испомещениях.

В Деревской пятине полными тезками были прежний владелец земли житий Алексей Васильев Квашнин, встречавший в 1476 г. великого князя в Новгороде, и «новый» помещик с тем же набором имени, отчества и фамилии, который принадлежал уже к старомосковскому боярскому роду. Его брату Михаилу Квашнину досталась «боярщина» Т. Квашнина сельцо Квашнино. Статус детей боярских, как правопреемников бояр, несколько раз использовался при заключении соглашений с Ливонским орденом и немецкими купцами, утверждавшихся новгородскими наместниками. В «докончаниях» крест целовали «новгородские бояре», набиравшиеся из местных помещиков[323]. Устранению чужеродности московских «сведенцев» во многом способствовало усвоение ими сложившихся здесь духовных традиций. В том числе принятие ими культов новгородских святых, а также налаживание связей с новгородскими монастырями и церквями[324]. Характерным показателем переориентации на

новгородские ценности служит использование «москвичами» некоторых типичных для Новгорода до московского завоевания прозвищ и имен. Писцовое описание Шелонской пятины конца 30-х гг. XVI в. зафиксировало у помещика В.И. Колосова двух сыновей Казимирца и Короба. Сочетание двух этих прозвищ в кругу одной семьи было не случайно. В последние десятилетия новгородской независимости заметными персонами здесь были братья В. Казимир и Я. Короб. Тысяцкий, а затем посадник В.А. Казимир в 1456 г. «бился много» под Старой Руссой. В 1471 г. был одним из предводителей новгородцев в Шелонской битве, где попал в плен и был отправлен в заточение. В 1481 г. он был среди воевод, посланных во Псков. Вместе с братом Я. Коробом его «поимали» в том же 1481 г. Он, очевидно, был весьма популярен в Новгороде, позднее став прототипом былинного героя Василия Казимировича, известного среди сказителей Русского Севера[325]. Использование прозвищ этих братьев-посадников свидетельствует о сохранении памяти о них в среде новгородских детей боярских.

Сближение «москвичей» и «старых» бояр прослеживается в дворянских родословных. В челобитной, поданной в 80-х гг. XVII в. дворянами Савеловыми, прямо указывалось на их происхождение от новгородского боярина Ивана Кузьмича Савелкова. Его жена с сыном Гневашом якобы после опалы остались в «новгородских пределах; и Гневыш с детьми своими служили по Новугороду, и с того времени прозванием стали слыть и писатца Савеловы». Гневаш Савелов действительно упоминается в писцовых книгах, но его связь с упомянутым И.К. Савелковым выглядит маловероятной[326]. Не понимая сути происходивших в конце XV в. перемен, Матюшкины также удревняли время своего появления в Новгороде. В их родословной упоминается легенда о пожаловании поместья Евсевию (татарину Албаушу) и его детям князем Александром Невским. О выезде предка к Василию Темному и пожалованию ему поместий в Деревской пятине писали также Лихачевы[327].

Сближаясь с местным населением, усваивая его традиции, новгородские помещики одновременно отдалялись от представителей других служилых корпораций. В исторической литературе неоднократно отмечалось, что, несмотря на высокую численность (к середине XVI в. порядка 5500–6000 человек), помещики Северо-Запада не имели своих представителей в системе Государева двора. Дворовая тетрадь составлялась для городов «Московской земли». Высказанное М.П. Лукичевым и В.Д. Назаровым предположение о существовании аналогичных документов для Великого Новгорода (а также Казани, Смоленска и Нижнего Новгорода) не находит подтверждения в источниках,

хотя для местных детей боярских и составлялись отдельные дворовые списки[328].

В течение нескольких десятилетий местная корпорация жила и развивалась в отрыве от основной массы служилых людей Московского государства[329]. Потомки дворовых за исключением нескольких фамилий постепенно сливались с городовыми детьми боярскими. Зачастую они служили с более низких окладов и невысоко котировались в служебном отношении. Величина поместного оклада помимо служебных характеристик («службой добр» или, наоборот, «худ») во многом зависела от имевшегося в распоряжении у служилых людей земельного фонда. В условиях земельного дефицита, в многодетных семьях, даже из числа наиболее знатных, нести службу зачастую приходилось с небольших наделов, довольствуясь скудными прирезками. У «родовитых» Пушкиных величина поместного оклада варьировалась в разные годы от 13 до 19,5 обжи на каждого достигшего служебной зрелости члена семьи[330].

Новгородская часть Тысячной книги содержит большое число имен городовых детей боярских, избранных для несения придворной службы. По Обонежской пятине тысячниками стали 7 дворовых и 10 городовых детей боярских, а по Пскову 37 и 25 соответственно. Всего же, по подсчетам А.П. Павлова, городовые дети боярские составили 37 % всех новгородских тысячников. Городовые дети боярские рано стали допускаться здесь к получению кормлений, в частности, наряду с дворовыми выполняли обязанности ямских дьяков[331].

Важные изменения в судьбе новгородцев произошли после прекращения военных действий на литовской границе. После окончания «стародубской войны» и вплоть до 1562 г. Торопец и Великие Луки – основные места дислокации новгородских сил перестают упоминаться в разрядах. Исчезают из них, соответственно, и имена новгородских воевод. На восточных направлениях более целесообразно было использовать других исполнителей, что имело негативные последствия для карьерного роста новгородцев, лишая их необходимых прецедентов «стратилатских» назначений.

Для представителей этой корпорации долгие годы была характерна ограниченность служб. Традиционно «новгородцы» участвовали в переговорах со Швецией, Данией, Ливонским орденом, а также обслуживали проезжающие через Северо-Запад иностранные посольства. Именно новгородские дети боярские ездили с посольскими миссиями в империю и к папе римскому. В 1525 г. к «цесарю» был отправлен князь И.И. Засекин, в 1527 г. – И.Б. Ляпун Осинин, а в 1537 г. – Ю.И. Скобельцин. В качестве

посла к римскому папе известен был Е. Трусов Воробьин[332].

Можно назвать также церемониальные функции: несколько раз новгородские помещики фигурировали в качестве «новгородских бояр» при подписании договоров с Ливонским орденом (С.П. и И.Т. Замыцкие, Г.П. Валуев, И.И. Пушкин, И.Ф. Заболоцкий, Т.И. Картмазов, В.И. Квашнин)[333]. Известны были они на судах у новгородских наместников, а также выполняли административные поручения в границах Новгородской земли: выступали в качестве судей и «мужей» на судах, писцов и разъездчиков.

Наместниками Новгорода назначались представители знатнейших боярских и княжеских родов. Из Москвы приезжали дворецкие, конюшие и писцы, а также большие и дворцовые дьяки (в противоположность ямским дьякам, комплектовавшимся из местных детей боярских). «Пришлыми» были наместники и в остальных городах Северо-Запада. В Ивангороде, например, с 1519 по 1540 г. последовательно сменилось по крайней мере семь наместников: князь А.А. Ростовский, князь В.И. Оболенский, Г.А. Колычев, И.Н. Бутурлин, князь И.И. Оболенский, И.И. Беззубцев, И.И. Умной Колычев. Ни один из них не принадлежал к числу новгородских помещиков[334].

Даже на уровне волостей новгородские дети боярские не обладали исключительными правами на участие в управлении Новгородской землей. После 1534 г. были конфискованы вотчины И.В. Ляцкого в Новгородской земле. Некоторые из них перешли в ведение волостелей. В Локоцком погосте Деревской пятины до момента полного запустения сменилось трое кормленщиков: «Запустели, сказывают, от волостелей от Микиты от Мясного да от Ивана от Володимерова сына Колычева, а досталь болшеей от князя Ивана от Прозоровского». Из перечисленных имен только И.В. Колычев принадлежал к новгородской корпорации[335].

В общерусском масштабе новгородские дети боярские были фактически устранены из существовавшей системы управления. До конца 1530-х гг. неизвестны подтвержденные примеры назначения представителей этой корпорации наместниками или волостелями за пределами северо-западных уездов страны[336].

Можно отметить высокую степень преемственности «новгородской элиты». В разрядах фигурировали представители одних и тех же фамилий, передававших воеводский статус внутри своего круга. Существовало сразу несколько воеводских «династий». Несмотря на соответствующее происхождение и родственные связи, многие фамилии местных помещиков были исключены из этого списка: князья Приимковы и Щепины-Ростовские, Тулуповы-Стародубские, Глебовы-Ярославские,

Оболенские. Непопадание представителей этих фамилий в начале века в когорту воевод в дальнейшем превратилось в традицию, тормозившую их карьерное продвижение. Полководческие способности, например, князя Ф.Ю. Глазатого Оболенского не вызывали сомнений. Будучи переведенным из Новгорода на московскую службу, в 1554 г. он был одним из воевод «в луговую сторону», а в 1559 г. участвовал в походе в Ливонию. Его брат князь М. Кривонос командовал отрядом в неудачном походе 1536 г. из Рославля на Кричев (без упоминания в разрядах)[337].

Изменения иллюстрируются наблюдениями над судьбами потомков наиболее значимых в служебном отношении лиц из числа новгородских помещиков. «Элитная» прослойка к середине века стала заметно у́же. Пресеклись князья Пужбольские и Мисиновы-Кутузовы. «Потерялись» потомки князя Б. Тебета Уланова[338]. Исчезли из разрядов новгородцы Замыцкие, заметно сдали свои позиции Порховские, сведения о службе которых отсутствуют за середину XVI в. Многие другие фамилии «воевод» в середине века служили по «московским» городам. Наибольших успехов из них добились князья Темкины-Ростовские. Князь Ю.И. Темкин достиг боярского звания. Его сыновья и младший брат Григорий служили в составе корпорации князей Ростовских. Среди князей Оболенских числились братья князья Ф. Глазатый и М.Ю. Кривонос Оболенские. По «московским» городам в это время были записаны и другие новгородские фамилии. Уже говорилось о судьбе князей Приимковых-Ростовских. По Дмитрову, кроме того, служил князь В.Б. Тюфякин Оболенский[339].

Заметно уменьшилось после старицкого мятежа 1537 г. число новгородских Колычевых. По Москве согласно Дворовой тетради служили сыновья Н.И. Немятого, а также Г.И. и Д.В. Пупковы Колычевы. В 1542 г. выкупил у родственников крупную родовую вотчину в Подмосковье Андакан Ф. Тушин.

В изменившихся условиях конца 1530–1550-х гг. при недостатке земли для несения службы служилые люди стремились рационально использовать имеющиеся у них наделы: часть сыновей отправлялась в центральные уезды, остальные получали отцовские поместья в Новгороде. Такая линия поведения была характерна для князя И.И. Сосуна Засекина, Т.И. Заболоцкого, И.И. Аксакова, А.В. и И.В. Квашниных, Овцыных-Владимировых. В конце 1530-х гг. А.А. Квашнин получил поместье в Тверском уезде. Позднее он сделал придворную карьеру, дослужившись до звания окольничего. Поярок (П.И.) Квашнин, сын новгородского помещика (вотчинника), в 1542 г. участвовал в приеме литовских послов. В начале 1540-х гг. он был

писцом в Костромском уезде, а в 1547 г. упоминался среди стряпчих. Его сын Иван в Дворовой тетради числился по Клину. Оставили новгородскую службу старшие сыновья И. Сосуна (Черного) Засекина Федор, Данила и Андрей. Позднее к ним присоединился и И.И. Черного Засекин. В середине века все братья были записаны среди князей Ярославских[340].

Из других новгородцев в Тысячной книге и в Дворовой тетради фигурировали И. Ушаков (Переславль), а также Т. и Ф.Т. Заболоцкие (Москва и Переславль)[341].

Новгородские помещики перебирались также на службу к архиепископской кафедре. Владыке Макарию служил А.В. Квашнин (после 1538/39 г.), Пимену – Ляпун Осинин. Платежная книга ладожского наместничества 1555/56 г. упоминает владычных помещиков князя М. Оболенского и К. Волынского[342].

Стоит констатировать значительные масштабы вымывания из Новгородской земли представителей первостатейных аристократических фамилий. Этот процесс, начавшись на рубеже столетий, продолжался и в середине XVI в. «Невнимание» московского правительства к судьбам новгородской корпорации не могло остаться без последствий в годы «вдовствующего царства». Особенно показательным явилось выступление новгородских помещиков во время так называемого старицкого мятежа 1537 г.

После новгородского демарша Андрея Старицкого 30 помещиков, перешедших на его сторону, были повешены. Число подобных перебежчиков могло быть и большим. В это время большая часть новгородцев находилась на службе, под контролем воевод. Передвижение небольшого отряда этого удельного князя вызвало серьезный переполох в Москве. Посланному в Новгород воеводе князю Н.В. Хромому Оболенскому предписывалось, «укрепясь с людьми, да и с намесники, да против князя Андрея, стояти, сколко бог поможет». Участие в мятеже нескольких Колычевых, видных членов местной корпорации, и князя И.С. Львовича Ярославского могло быть вызвано их недовольством своим положением. Открытое неповиновение с их стороны стоит в одном ряду со стремлением многих видных новгородцев поменять место службы[343].

По итогам событий 1537 г. казни подверглись трое Колычевых: Г.И. и В.И. Пупковы, а также А.В. Колычев. Их «измена» связана, видимо, была со службой их родственников (И.Б. Хлызнев, И.И. Умной, П.А. Лошаков) при старицком дворе. Этими лицами не исчерпывается список «мятежа». Среди них, скорее всего, был также Ф.И. Колычев (будущий митрополит

Филипп) и ряд других лиц[344]. Видно стремление новгородцев заручиться поддержкой влиятельных однородцев. Позднее по тому же сценарию поддержали князя С.В. Ростовского во время его неудавшегося побега в Литву его родственники из числа новгородских помещиков («такие же палоумы» князья Н.С., И. и Н.Б. Лобановы, В.В. Волк Приимков).

«Родство», помощь и поддержка однородцев часто имели решающее значение в карьерном продвижении. Не меньшее значение они имели при принятии решения о смене корпоративной принадлежности. С.А. Аксаков был записан в Тысячной книге по Кашину. В конце 1530-х гг. он еще был новгородским помещиком. Грамота 1556 г. говорит о потере им новгородских земель как о недавнем факте. По Кашину служили пять сыновей И.И. Аксакова. Их близкие родственники Вельяминовы, служившие ранее в дмитровском уделе, были на хорошем счету в кашинской корпорации. Связи с Вельяминовыми Аксаковы поддерживали еще в начале 1540-х гг.[345] Ф.А. Попадья Волынский в Дворовой тетради был записан по Ржеве рядом со своими родственниками Воронымы-Волынскими, которые, видимо, взяли его под свою опеку. Возможно, той же причиной объяснялась служба по Вязьме для А. Мешкова Плещеева. В состав группы Заболоцких в дмитровской рубрике Дворовой тетради органично влились сыновья Т.И. Заболоцкого[346].

Ситуация с обособленностью новгородской корпорации и недовольством части местной элиты своим положением не оставалась незамеченной. В условиях борьбы за власть боярских группировок это могло привести к печальным последствиям. В 1542 г. в совете с князем И.В. Шуйским о проведении переворота были «княжата и дворяне и дети боярские многие, а новогородцы Великого Новагорода все городом»[347].

Первые шаги в этом направлении были предприняты в конце 1530-х гг. В 1538–1540 гг. целая группа новгородских помещиков оказалась задействована в разрядных назначениях. Вряд ли это начинание было реализовано на практике в полной мере. После 1540 г. и вплоть до середины 1550-х гг. никто из упомянутых голов более не получал разрядных назначений. Ляпун Осинин перешел позднее на архиепископскую службу, а сын князя Б.Д. Корецкого Иван был переведен на службу в Дорогобуж[348]. Великокняжеская власть в это время не была заинтересована в существенном изменении сложившегося порядка. Процесс «вымывания» наиболее видных новгородцев продолжался и в 40–50-х гг. XVI в.

В 1540-х гг. отмечается некоторое возрастание числа новгородских кормленщиков. В 1543 г. Выгоозеро под Ширяем

Ододуровым получил Ф.Т. Зезевитов; в 1543 г. половина ямского досталась Г.П. Арцыбашеву; в 1545 г. половина писчего была пожалована А.Т. Окуневу; в этом же году Курск (в Деревской пятине) был отдан в кормление Н.Ф. Карамышеву под его братом Михаилом. Чуть позднее среди кормленщиков фигурировали также Ф.Л. и А.И. Соловцовы и Невежа Жеребцов[349].

Проведение реформы службы 1550-х гг. стало следующим шагом в этом направлении. В Тысячной книге 1550 г. фигурировало большое количество выходцев из Северо-Запада (по подсчетам А.П. Павлова, не менее трети от общего числа). Вряд ли, однако, большинство из них в действительности получило подмосковные поместья, как это планировалось по указу об испомещении представителей «избранной тысячи»[350]. Их служба, как и десятилетия назад, проходила в основном на границах Новгородской земли, чему способствовало начало Ливонской войны. При нерешенности целого комплекса проблем «новгородский вопрос» вновь встал на повестку дня с новым набором действующих лиц и в других внешне- и внутриполитических условиях во время опричнины и решался уже более радикальными методами.

На смоленском рубеже

В становлении поместной системы важное значение помимо Новгородской земли имели западные уезды, ориентированные на литовское направление. Хронологически первым из них примерил на себя эту роль Можайский уезд. Как показал В.Н. Темушев, в преддверии русско-литовских войн пустое пространство, разделявшее земли Вяземского княжества с можайскими волостями и станами, в 1480–1490-х гг. было оперативно освоено «москвичами» (среди них были «люди» Андрея Углицкого и самого Ивана III), что позволило развернуть «странную войну», закончившуюся присоединением к Москве ряда новых территорий[351].

В этой войне можайские дети боярские активно проявляли себя, разоряя и «заседая» пограничные земли. В конце XV в. Можайск утратил свой пограничный характер, оставаясь на положении «ближнего тыла». Эстафета постепенно перешла к новообразованным Вяземскому, Дорогобужскому, Бельскому, а затем и к Смоленскому уездам. Выстроенная вертикаль взаимодействия служебных отношений между этими территориями продолжала сохранять свое значение на протяжении всего XVI столетия. Местные служилые люди специализировались на несении пограничной службы на смоленском направлении, постоянно принимая участие в военных действиях с Великим княжеством Литовским.

Существование в западных уездах поместной системы имело важный характер, позволяя проводить успешную мобилизацию. Только в случае с Можайским уездом создание новой служилой корпорации осуществлялось с сохранением вотчинного землевладения. На остальных территориях после серии выселений местных землевладельцев этот процесс был инициирован с «чистого листа», путем переселения сюда групп детей боярских из центральных уездов. Это обстоятельство позволяет определить цели и задачи, которые ставились перед новыми объединениями служилых людей, а также проследить механизм их реализации на протяжении нескольких десятилетий.

Можайский уезд

Можайск возник как один из городов Смоленского княжества. В первой половине XIII в. этот город стал центром одного из удельных княжеств, где утвердилась собственная династия. Географическая близость к Москве рано предопределила его

дальнейшую судьбу. Уже в конце XIII в. Можайск попал в политическую зависимость от московских князей. Вскоре последовал закономерный итог: Можайск был захвачен войсками Юрия Московского, местный князь Святослав был увезен в московский плен, а Можайское княжество потеряло свою независимость. В конце XIV в. Можайск вошел в состав удела князя Андрея, сына Дмитрия Донского, и на протяжении почти всего XV в. был частью различных удельных княжеств московского дома[352].

До 1454 г. этим городом владел известный участник Феодальной войны Иван Можайский, изгнанный Василием Темным. Некоторое время после этого Можайск оставался великокняжеским владением, а затем был передан в удел Юрию Васильевичу Дмитровскому. Значительная часть можайских волостей по завещанию Василия Темного принадлежала также Андрею Углицкому[353].

После смерти Юрия Дмитровского (1472 г.) и вплоть до 1481 г. этот город оставался под контролем московского правительства. После мятежа братьев Ивана III и примирения на берегах Угры был отдан в удел Андрею Углицкому, где и находился до 1491 г., когда сам этот князь был «поиман», а его удел ликвидирован. Это событие закончило чехарду переходов. Можайск прочно закрепился в руках у великокняжеской власти и стал одним из форпостов наступления на земли Великого княжества Литовского.

Несмотря на бурные перипетии истории, Можайск был обделен вниманием историков. По большей части причина такого «забвения» кроется в скудости сохранившихся актовых материалов и современных описываемым событиям писцовых книг. Значительным подспорьем в этой связи выступает использование данных «реликтового» слоя более поздней можайской писцовой книги 1626–1627 гг., восходящей к писцовому описанию Можайского уезда начала 40-х гг. XVI в.[354]

Привлечение, наряду с данными писцовой книги, комплекса других источников позволяет определить порядка 560 имен, которые, с большей или меньшей вероятностью, относились к началу 40-х гг. XVI в.[355] История можайских «служилых землевладельцев» началась, видимо, еще во время существования самостоятельного местного княжества. В XIV в. можайская рать участвовала во всех крупных общерусских походах. В «Задонщине» и в повестях Куликовского цикла упоминаются десятки погибших можайских бояр. А.В. Кузьмин показал наличие в Можайском уезде вотчин Протасьевичей-Вельяминовых и Валуевых-Окатьевичей. По топонимическим данным вероятно

наличие здесь вотчин Кобылиных (Колычевых и Боборыкиных) [356]. Можайская рать была задействована в общерусских походах, а в некоторых случаях могла действовать как самостоятельный отряд, как это было, например, в 1388 г., когда она была послана на помощь нижегородским князьям[357].

В начале XV в. степень феодализации здесь, видимо, была не слишком глубокой. Из повести о Луке Колочском, основателе одного из можайских монастырей, видно, что подавляющая часть Можайского уезда была покрыта сетью черных и дворцовых земель. Власть местного князя Андрея, сына Дмитрия Донского, была слабой, так что в течение нескольких лет он терпел нападения разбогатевшего крестьянина на своих ловчих. Много позднее Сигизмунд Герберштейн писал о том, что владения московских князей во времена Витовта (начало XIV в.) простирались всего на 5–6 миль за Можайск. В.Н. Темушев справедливо отмечал длительное отсутствие зон соприкосновения между московскими (можайскими) и литовскими (вяземскими) землями, которые разделяли труднопроходимые леса и болота[358].

Трудно определить имена можайских вотчинников, состоявших на службе у князя Андрея Дмитриевича. Более определенно можно сказать о составе можайских землевладельцев при Иване Можайском. Во время набега в 1445 г. литовского отряда им в отсутствие этого князя и его двора противостояло объединенное ополчение местных жителей, среди которых было сто можайцев. В Суходревской битве из можайской рати погибли главный воевода князь И. Лугвица Суздальский и безымянный Карачаров, а И. Еропка и С. Ржевский были взяты в плен. Память о Карачаровых сохранилась в названии Карачаровской волости Можайского уезда. Позднее, находясь на службе у брата Михаила Верейского, Карачаровы владели вотчинами на можайском рубеже[359].

Еропкины известны как можайские вотчинники в писцовой книге начала 40-х гг. XVI в. и в более ранних можайских актах. Вотчины в Можайском уезде принадлежали представителям двух ветвей этой фамилии. Одна из них шла от известного на службе у Ивана III и Василия III М.С. Кляпика, другая от его двоюродного брата – В. Рудака, отец которого служил Борису Волоцкому. Степановы Еропкины (Михаил Кляпик и его брат Федор) в начале 1490-х гг. действовали на можайско-литовском порубежье. Общий предок этих Еропкиных жил в середине XV в. и, очевидно, служил Ивану Можайскому[360]. Ржевские, наоборот, утратили свои можайские вотчины и в середине XVI в. владели здесь только поместьями.

На службе у Ивана Можайского находились также братья Константиновы Добрынские, В. Чешиха Замыцкий и А.Д. Нетшин. Добрынские, скорее всего, не были коренными можайскими вотчинниками. Их служба этому князю носила вынужденный характер, после участия в ослеплении Василия Темного. Личными причинами могло объясняться и появление при можайском дворе и В. Чешихи Замыцкого. А.Д. Нетшин же служил здесь задолго до упомянутого ослепления великого князя. Уже после 1445 г. у него произошел какой-то конфликт с Иваном Можайским, и его жена была сожжена за колдовство. Потомки его братьев Даниловы, Белые и Старые впоследствии владели можайскими вотчинами, что свидетельствует в пользу предположения о появлении здесь их общего предка Д.А. Нетшина (возможно, даже его отца князя Александра Нетши) уже во второй половине XIV в.[361]

Можайскими вотчинами владели также Филипповы Нащокины. В Дворовой тетради все потомки жившего в середине XV в. тверского боярина Ф.Г. Нащокина были записаны по Можайску. Сам он в 1443 г. был дворецким у Михаила Верейского, а позднее, видимо, служил и его брату Ивану Можайскому[362].

Переход Можайска в руки Василия Темного привел к бегству наиболее верных Ивану Можайскому бояр. Очевидно, имели место и конфискации вотчин[363].

Очень сложно определить состав можайских землевладельцев при Юрии Васильевиче Дмитровском. Определенно только дьяк этого князя В. Долматов был можайским вотчинником[364]. Вотчинами в Можайском уезде владели несколько Радиловых, которые, по родословным данным, приходились родственниками дмитровцам Тургеневым[365].

Значительно больше известно о можайских землевладельцах на службе у Андрея Углицкого. По Можайску были записаны в середине XVI столетия потомки И.Б. Образца Синего[366]. Переход Можайска к Ивану III повлек за собой изменения в составе местных землевладельцев. Некоторые из них сумели попасть в состав Государева двора. А. Агрофенин был одним из детей боярских на свадьбе дочери Ивана III с князем В.Д. Холмским. На великокняжеской службе отметился и И.Г. Одеришин. В 1503 г. он участвовал вместе с другими можайскими детьми боярскими в посольстве в Литву[367].

Из можайских землевладельцев сохранили свои вотчины Филипповы-Нащокины, Даниловы, Белые, Старые (из рода Нетши), Еропкины, Долматовы, Протопоповы, Бортеневы, Аксентьевы. Некоторые из них служили Ивану III еще во время существования углицкого удела. О.Ф. Нащокин, например, в

1480 г. был наместником трети московской. Г.А. Мамон во время Стояния на Угре находился в числе доверенных лиц великого князя. Ф.С. Еропкин в 1489 г. был отправлен с посольской миссией в Молдавию. Его брат М. Кляпик несколько раз отправлялся с посольствами в Литву[368].

Позднее они также не затерялись в придворном окружении. О.Ф. Нащокин в 1494 г. входил в свиту великой княжны Елены, а в 1506 г. известен как один из воевод «с нарядом» в походе на Казань[369]. Еще более удачно проходила служба Нетшичей. Окольничими Ивана III были Г.А. Мамон и его двоюродный брат Данила Иванович (предок Даниловых). Д. Слепой Данилов в 1495 г. присутствовал среди детей боярских «с постелею» в новгородском походе «миром». Одним из фаворитов князя Василия Ивановича, будущего Ивана III был М.С. Кляпик Еропкин, который в конце XV в. неоднократно принимал участие в дипломатических переговорах разного уровня. Название одного из соседних вяземских станов – Кляпикова слобода – свидетельствует о его роли в освоении новозавоеванных территорий[370]. В. Долматов и его сын В. Третьяк принадлежали к виднейшим великокняжеским дьякам. Известны были также Протопоповы, Бортеневы и Аксентьевы[371].

Часть старых землевладельцев, служивших Андрею Углицкому, вероятно, была выселена из Можайского уезда. Другие получили вместо вотчин поместья. Помещиками в писцовой книге начала 40-х гг. XVI в. являлись Одеришины, Образцовы и Ушаковы. К этому времени только Озеровы сохранили за собой небольшую вотчину[372]. Некоторых бывших можайских вотчинников удается найти на поместьях в Новгородской земле. Среди них были В.И. Константинов «Кувшинов брат» и его брат Тимофей (Кувшин?)[373]. Поместья в Новгородской земле получили также Нащокины и И.Г. Протасьев.

Одновременно здесь были сделаны новые земельные пожалования. Разъезд 1504 г. между можайскими и рузскими волостями называет имена некоторых новых землевладельцев. Среди них были Г.Ф. Хромого Давыдов и князь В. Швих Одоевский. Г.Ф. Хромого был сыном Федора Давыдовича, одного из виднейших бояр конца XV в. К 1504 г. он уже был окольничим. Князь В. Швих Одоевский являлся одним из верховских князей, недавно перешедших на русскую службу. Оба они, очевидно, получили свои владения в самом конце XV в.[374] В это же время вотчины в Можайском уезде были пожалованы князю С.Р. Мезецкому. Еще в 1498 г. князья Мезецкие сохраняли свои родовые владения. В 1504 г. Мещоск (Мезецк) уже упоминался в завещании Ивана III. Все потомки князя М.Р. Мезецкого, который

в свое время насильно был привезен на русскую службу, позднее служили по Можайску. Из других литовских выходцев вотчинами в Можайском уезде владели также князья Кропоткины[375].

По Можайску в Дворовой тетради были записаны князья Мещерские. Очевидно, в свое время можайским помещиком был их общий предок, князь Г.Д. Мещерский. Его братья имели одинаковые прозвища – Боровитин, свидетельствующие об их переводе на службу в Боровск[376]. Появление здесь «князей», вероятно, было обусловлено формированием структуры местной корпорации по принятому шаблону Государева двора.

Поместные раздачи изменили лицо местной корпорации. Уже в 1505 г. упоминается поместье Р. Тилилина (Тилинина). В посольстве 1503 г. в Литву он был старшим из группы детей боярских. Вместе с ним был послан Д. Коноплев. Писцовая книга начала 40-х гг. XVI в. называет имена семерых помещиков Коноплевых, родственников или потомков упомянутого лица, казненного в 1505 г. за участие в ереси Ф.В. Курицына[377]. Имя еще одного помещика начала XVI в. выясняется с помощью топонимических данных. В начале 40-х гг. XVI в. сельцом Химином в Можайском уезде владел дорогобужанин Ветошка Химин Ржевский. Название его владения происходило от имени отца, одного из воевод второго десятилетия XVI в.[378] Среди пленников Оршанской битвы 1514 г. называется В. Резанов (Брюхатый), родственники которого позднее были можайскими помещиками[379].

Из более поздних источников известно, что поместья получали в том числе старые можайские вотчинники. В.Р. Олферьев в начале XVII в. вспоминал о наличии у его предков при «Василье Ивановиче» (Василии III) поместья в Турьевской волости[380].

Состав можайских землевладельцев на протяжении первой половины XVI в. подвергся изменениям. Наибольшее значение в этом процессе играло пограничное положение Можайска.

Близость позволяла активно использовать его территорию в роли своеобразного перевалочного пункта. В Можайском уезде получали поместья выходцы из захваченных земель Великого княжества Литовского. С другой стороны, шел обратный процесс поместного освоения новоприсоединенных уездов московскими детьми боярскими, получавшими можайские поместья для несения пограничной службы. Часть местных помещиков составили выселенные вяземские бояре. В.Б. Кобрин установил принадлежность к вяземскому боярству Волженских и Коковинских. К ним можно добавить Великопольских, фамилия которых происходит от названия вяземского стана Великое поле.

Их переводу способствовало территориальное расширение Можайского уезда, вобравшего в себя несколько вяземских волостей[381].

Число литовских переселенцев существенно возросло после выезда на русскую службу князя М.Л. Глинского и присоединения Смоленской земли. «Смольнянами» в писцовой книге начала 1540-х гг. были названы С. Евсевьев, В. Мачехин, Алексеевы, Коверзины, Б.Е. Ходнев, Петлины, И. Чечетов, Я.Ю. Коробов, И. Савин, С. Черный, К. Мачалов. Кроме того, можайским поместьем владел «литвин» А. Бородин[382]. Этими именами не исчерпывалось число местных землевладельцев, имевших «литовское» происхождение. Смоленскими переселенцами были ближайшие родственники и однофамильцы названных лиц. К «литве дворовой» принадлежали А. Александров, князь С. Коркодинов, Басины, П. Маринин, Жидовиновы, Лоевы, Михалчуковы, Жабины[383]. Из жалованной грамоты, выданной в 1515 г. П.Г. Маринину, выясняется, что его поместье «было за князем за Александром за княж Ивановым сыном Мамаевым». Вероятно «литовское» происхождение и некоторых других лиц[384].

«Литва дворовая» – особая группа в составе Государева двора, очевидно, вплоть до середины XVI в. служила по отдельному списку и не была связана с какой-либо определенной территориальной корпорацией[385]. Ее представители были разбросаны по разным уездам. Д.П. Бакин, выходец из смоленской боярской фамилии, в 1526 г. был известен как помещик в подмосковном Радонеже. Его брат Борис в Дворовой тетради был записан по Костроме[386].

Показательна духовная грамота 1535 г. медынской вотчинницы Марии, вдовы литовского выходца Д. Мирославича. Приказчиками по этому завещанию выступали В.О. Коптев и А.И. Александров, послухом М.В. Пивов. Все они принадлежали к числу «литвы дворовой». А.И. Александров и В.О. Коптев в Дворовой тетради были записаны по Можайску, а сыновья М.В. Пивова – по Ярославлю. Несмотря на расстояния, они продолжали поддерживать между собой тесные связи[387].

Значительное число можайских помещиков и их ближайших родственников в Дворовой тетради было записано в списке литвы дворовой по Медыни: Бокеевы, И.Т. Татаров, А.Ф. Первенцов, Свитины, а также Ж.А. Бородин. Скорее всего, к ним принадлежали также братья Спиридоновы[388].

«Литва дворовая» как отдельная группа появилась в составе Государева двора, скорее всего, только после перехода князя М.Л. Глинского (1508 г.). Многочисленные выходцы из Великого

княжества Литовского, оказавшиеся добровольно или по принуждению на московской службе, раньше этого времени не входили в состав этой категории, хотя, вероятно, и получали в некоторых случаях «дворовый» статус в индивидуальном порядке. Не фигурировали в этом качестве князья Кропоткины, потомки мелких смоленских князей, очутившиеся на московской службе в самом начале XVI в., а также потомки вяземских бояр.

Многие из литовских выходцев не были представлены в Дворовой тетради и, вероятно, служили с «городом». Социальный состав «литвы дворовой» был неоднороден. По оценке М.М. Крома, к числу первостатейной смоленской знати принадлежали Басины, Бакины, Жабины и Коптевы. Менее заметны по своему положению были Бородины, Маринины, Лоевы, Михалчуковы и Татаровы. Провинциальными служилыми людьми были Юсовы[389].

В этом ряду встречается также Яков Исаков Новокрещеного. В писцовой книге 1540-х гг. он вместе с сыном Мурзой упоминался под фамилией Жидовинов. Учитывая сочетание фамилии, характерного имени и отчества, стоит предположить, что по своему происхождению он был евреем, попавшим в плен во время русско-литовских войн и после крещения получившим возможность перейти на положение сына боярского[390].

При отборе выходцев из Великого княжества Литовского в состав Государева двора московское правительство, таким образом, обращало небольшое внимание на их происхождение и прежние заслуги. Значительное число первостатейных смоленских боярских фамилий, оказавшихся на московской службе, не получило статус дворовых детей боярских. Среди «литвы дворовой» в большей степени были представлены слуги и попутчики князя М.Л. Глинского вне зависимости от их происхождения, чем многочисленные переселенцы из новоприсоединенных уездов.

Возможно, московское правительство сознательно разграничивало статус смоленских переселенцев разного времени. В писцовой книге начала 1540-х гг. выделялась компактная группа «смольнян». Определение «смолянин» встречалось в одном из актов Симонова монастыря. «Смоляне» были зафиксированы в росписи сошных окладов 1542/43 г. в радонежских волостях. «Смольнянин» А.С. Беликов встречался в актах этого же времени Переяславского уезда[391]. Эти «смоляне», вероятно, принадлежали ко второй волне «выводов» (1524 г.). По своему положению они заметно отличались от переселенцев более раннего времени. Никто из них не попал в число «литвы дворовой». Смоленский выходец П.П. Маринин, отец которого

получил можайское поместье еще в 1515 г., напротив, был известен можайской рубрике Дворовой тетради. Другой представитель смоленского боярства – А. Бородин в тексте писцовой книги фигурировал как «литвин». Его сын Ждан числился в составе «литвы дворовой»[392].

Смоленские переселенцы второго десятилетия XVI в. получали подтверждающие их статус жалованные грамоты. Такие грамоты сохранились в фамильных архивах Марининых и Демьяновых. По своему характеру они не отличались от жалованных грамот, выдаваемых московским правительством спутникам князя М.Л. Глинского, поступившим на русскую службу. Жалованные грамоты оформлялись в это время и на вотчины в самой Смоленской земле[393].

В ряде случаев смоленские переселенцы первой волны получали вотчины взамен конфискованных у них земель. Подобные примеры были известны в Медынском уезде, где вотчинами владели Д. Мирославич[394], В.Я. Демьянович, Д. Полтев, И.П. Босин, вероятно, также А. Александров. Скорее всего, так же обстояло дело и в Можайском уезде. Согласно писцовой книге начала 1540-х гг., вотчинниками здесь были князья Коркодиновы и Кропоткины[395].

На протяжении первой половины XVI в. шел процесс постепенного слияния «литвы дворовой» с местными можайскими землевладельцами. В завещании медынской вотчинницы Марии, вдовы Д. Мирославича, написанном в 1535 г., кроме многочисленных литовских выходцев фигурировали можайцы К. и Г.Ф. Сулменевы и А. Радилов[396].

С другой стороны, некоторые можайские дети боярские сами переселялись в новоприсоединенные западные уезды. В начале XVI в. дорогобужскими помещиками были Русин и Лобан Бортеневы, дети последнего можайского воеводы. Бортеневы разных ветвей, сохраняя земли в Можайском уезде, в Дворовой тетради были записаны по Дорогобужу[397]. Родственниками были, видимо, можайцы и дорогобужане Резановы.

В вяземской писцовой книге конца 50-х гг. XVI в. встречалось значительное число Якушкиных, представленных и в Можайском уезде. К 1527/28 г. вяземское поместье было пожаловано Г.Я. Бельскому-Плещееву. Несколько позднее в состав вяземской корпорации вошли Сульменевы[398].

В начале 1540-х гг. можайскими помещиками были Ветошка Химин Ржевский, Г. Нармацкий и его сын Данила. В 50-х гг. XVI в. Ветошка Химин Ржевский и сыновья Г. Нармацкого служили уже по Дорогобужу. Служба отца Ветошки Химы (Семена) Ржевского проходила на западной границе. В 1514 г. он был среди воевод «с

Белые». Истома (Борис) Ржевский, брат Химы, уже в 1509 г. был приставом у литовского посланника. Его сын Воин также служил по Дорогобужу. Вероятно, уже в первое десятилетие XVI в. братья Хима и Истома владели поместьями в Дорогобужском уезде[399]. А.Ф. Скрябин Травин в Дворовой тетради был записан по Можайску с пометой «в Дорогобуже»[400].

Продвижение можайских служилых людей на запад объяснялось присутствием в недавно присоединенных уездах земель для новых поместных раздач. Не меньшее значение имела служебная специализация можайской корпорации. С конца XV в. можайские дети боярские регулярно несли службу на западной границе. В 1503 г. с послами до литовской границы ездило 20 детей боярских «можаич». В 1526 г. было отправлено уже 50 можайских детей боярских. Присутствовали они и среди пленных Оршанской битвы[401].

Территориальная близость Можайского уезда к Смоленской земле приводила к присутствию можайских детей боярских на смоленской службе. Обязанности пристава несколько раз выполнял Р. Тилинин. В 1529 г. приставом у волошского посольства был «служилый человек Ф. Голочел можаетин»[402]. Можайская корпорация поставляла также воевод и наместников для городов Смоленской земли. Из «брани» князя В. Микулинского с И. Рудным Колычевым выясняется, что среди смоленских воевод этого времени присутствовало несколько Долматовых. В 1536 г. отрядами детей боярских в Смоленске руководили князь Ю.Г. Мещерский и И. Ларев, известные писцовой книге начала 1540-х гг. В 1547 г. вторым воеводой в Смоленске был В.Д. Данилов, а в следующем 1549 г. обязанности смоленского городничего выполнял И. Монастырев. Оба они в Дворовой тетради были записаны по Можайску[403].

Смоленская служба продолжалась и в середине XVI в. Можайские годовщики были оставлены в Смоленске в 1563 г. сразу после присоединения Полоцка. Проведение значительных поместных раздач на территории Смоленской земли уменьшило необходимость в годовщиках из других корпораций. Тем не менее в 1563 г. в Смоленске находилось 278 «можаич»[404].

Со временем можайские дети боярские получали дополнительные поместья неподалеку от места своей службы, а затем и окончательно переходили в состав западных корпораций. Различные поручения в Смоленской земле выполняли также служилые люди из других, более удаленных уездов. Некоторые из них получали поместья в Можайском уезде. В тексте писцовой книги начала 1540-х гг. присутствовало имя Г. Зеленина. В 1520 г. он ездил с грамотами от смоленского наместника. По

своему происхождению Г. (С.) Зеленин был связан с Рязанью. В 1524 г. еще одним гонцом от смоленского наместника был Ф. Мансуров. Его сын Курдюк в начале 1540-х гг. владел можайским поместьем[405].

Передача можайских поместий могла производиться одновременно для групп смоленских годовщиков. Среди можайских помещиков 1540–1550-х гг. присутствовало несколько выходцев из Владимирского уезда: Г. и его сын Данила Нармацкие, А. Мещеринов Языков, С.С. и А. Кузьминские, Репеховы Дубенские[406]. Выходцами из Суздальского уезда были князь И.С. Ногтев Суздальский, Р.З. Лукерьин и М.Г. Тетерин[407].

Кроме уже отмеченного Г.С. Зеленина вотчинниками Рязанского уезда были также Ю. и Ф.М. Булгаковы Денисьевы. Их брат Иван в 1550-х гг. владел поместьем в Вяземском уезде[408]. С Боровском были связаны князь И.В. Боровитинов Мещерский, Ф.Д. Загряжский и В. (Беляницын) Безобразов. Сын Ф.Д. Загряжского Афанасий позднее владел также поместьем в Вяземском уезде[409].

Судя по упоминаниям в разрядных книгах, в 1520-х гг. поместья в Можайском уезде получили также князья П.В. Репнин, Н.Д. Щепин и И.А. Колышевский-Тростенский Оболенские[410].

Процесс поместной колонизации западных уездов хронологически совпал со временем исчезновения удельных княжеств братьев Василия III. Среди можайских помещиков начала 1540-х гг. были представлены выходцы из ликвидированных Углицкого, Дмитровского и Старицкого княжеств. На службе у Дмитрия Углицкого состоял Посник Сатин, который, однако, перешел на великокняжескую службу еще до момента окончательного исчезновения Углицкого княжества[411]. Углицкое происхождение, очевидно, имели Плишкины. Угличанином мог быть Я. Колударев. Со Ржевой были связаны Голочеловы-Морозовы[412].

Новые лица появились в Можайском уезде после исчезновения удела Юрия Дмитровского. Этому князю служили князь Г.П. и его племянник А. Рюмин Звенигородские, Д. Шестаков, возможно, Ф. Синцов[413]. Проникновению служилых людей Юрия Дмитровского способствовала территориальная близость к Можайскому уезду. Сопоставление можайской писцовой книги начала 1540-х гг. с рузской писцовой книгой 1567 г. дает значительное число совпадений, в том числе на уровне рядовых помещиков. Переселение затронуло также рузских землевладельцев на великокняжеской службе. Василию III служили Голохвастовы. Дербыш Меньшого Голохвастов и его сын Владимир в начале 1540-х гг. владели поместьями в

Можайском уезде[414].

После 1537 г. можайские поместья стали получать служилые люди Андрея Старицкого. На службе у него состояли В. и А.М. Валуевы, Ф.А. Голостенов, Д. и Жокула З. Новосильцевы. Все они в Дворовой тетради были записаны по Старице[415].

Поместные раздачи конца 1530-х гг. привели к появлению в Можайском уезде ряда новых фамилий, среди которых были представители высших эшелонов Государева двора. Поместье получил один из лидеров князей Шуйских – А.М. Честокол. Из других известных фигур можайскими помещиками стали князь Б. Трубецкой, боярин князь П. Репнин, дворецкий князь И.И. Кубенский, дмитровский дворецкий князь Д.Ф. Палецкий, большой дьяк Я.З. Гнильевский. Эта тенденция имела свое продолжение и в 1550-х гг. Согласно припискам к можайской рубрике Дворовой тетради в состав можайской корпорации в это время вошли дети больших дьяков Ф.Б. Логинов и А.В. Колзаков[416].

Очевидно, в конце 1530-х гг. шли раздачи можайских поместий представителям центральных, московской и переславской корпораций. Из числа дворовых московских детей боярских поместьями в Можайском уезде в начале 1540-х гг. владели Мансуровы, В. Гиреев, А. Кобяков, А. и Г. Семеновы, М.М. Калитин. Вероятно, попадали на можайские поместья и московские городовые дети боярские[417].

С Переславским уездом были связаны М.А. Бутурлин, А. Басманов, князь Д. Куракин, С. Замыцкий, С. и Т. Лодыгины, И.Г. Нагово, Г.Д. Ловчиков, возможно, И.Д. Скобельцыны, и Ф.И. Шубин[418].

Приобретение земель здесь уже не было связано со служебной специализацией. Нехватка земель в центре страны и подмосковное расположение Можайского уезда делали его привлекательным в глазах у служилых людей. Проведение поместных раздач в Смоленской земле и полная «комплектация» пограничных вяземской и дорогобужской корпораций сводили на нет роль Можайского уезда в организации смоленской службы.

В результате перемещений здесь соприкасались выходцы из разных корпораций. Некоторые из них со временем начинали служить по «можайскому списку». Владения (вотчины и поместья) сохраняли и другие лица. Из сопоставления писцовой книги с Дворовой тетрадью, не рассматривая примеры с «литвой дворовой», удается насчитать не менее трех десятков упоминаний выходцев из других территориальных групп. Среди них весомое место занимали персоны, входившие в придворное окружение[419].

При дефиците земли многие служилые люди прагматично оценивали свою принадлежность к той или иной корпорации. Среди Бельских-Плещеевых все четверо братьев были отмечены в Дворовой тетради по Вязьме. При этом возле имени старшего из них стояла помета «Дмитрей в Можайску», где он также числился среди детей боярских по своей старинной вотчине. Известен был пример раздела московской вотчины и можайского поместья между братьями Калитиными[420].

Обновление личного состава землевладельцев Можайского уезда в значительной степени приводило к утрате местной корпорацией «собственного лица». В отличие от многих других «городов», она не имела устоявшихся с удельного времени традиций. Принадлежность к ней в 1540–1550-х гг. была достаточно условна. Смена служебной «прописки» могла произойти в течение жизни одного-двух поколений. Пример Г.И. Нармацкого, владимирского вотчинника, получившего можайское поместье и перешедшего в состав дорогобужской корпорации, иллюстрирует эту тенденцию. Среди тверских вотчинников Суминых-Измайловых А.Ф. Курдюк имел только можайское поместье (400 четвертей). Его братья В. Лущиха и Колышка служили по Твери. Суздальские вотчинники Пуховы-Тетерины проделали тот же путь. Т.И. Пухов из Суздаля был переведен в Можайск, а его брат Иосиф – в Кострому[421].

Все решило в конечном итоге подмосковное расположение Можайска. Западная граница была отодвинута далеко на запад, и Можайский уезд был быстро освоен лицами из ближайшего окружения великокняжеской (царской) семьи. Поместная колонизация продолжилась уже на других территориях, и можайские дети боярские не были в ней сколько-нибудь значимыми участниками.

Вяземский уезд

Вязьма была присоединена к Московскому государству в 1492/93 г. и окончательно закреплена по русско-литовскому мирному договору 1494 г. Благодаря своему географическому расположению на смоленском направлении обладание этим городом имело стратегическое значение. В Вяземском уезде была создана одна из наиболее крупных поместных корпораций. Первые помещики появились здесь уже в конце XV в., и вплоть до конца XVI в. поместья являлись здесь единственной формой служилого землевладения.

Личный состав вяземских помещиков первой половины XVI в. был проанализирован В.Б. Кобриным. Недостатком проделанного

исследования было рассмотрение вяземской корпорации без учета разновременности формирования ее личного состава. Тот же недостаток присутствовал в работе А.П. Павлова о переселениях опричного времени. Отсутствие экскурсов в ранние страницы сделало выводы А.П. Павлова излишне категоричными. Процесс серьезного изменения начался задолго до опричнины и был вызван объективным ростом служилого землевладения в рамках всего государства[422].

Большое значение для воссоздания состава вяземских землевладельцев имеет писцовая книга второй половины 1550-х гг. (между 1555/56 и 1559 гг.), которая использовалась в качестве приправочной при описании 1586/87 и в 1594–1595 гг. Несмотря на имеющиеся пропуски[423], ее использование дает возможность определить имена более 430 вяземских помещиков середины 50-х гг. XVI в.[424]

Присоединение Вязьмы сопровождалось традиционной для великокняжеской власти политикой. Вяземские князья и бояре, которые ранее не выказывали особой привязанности к московским правителям, получили от Ивана III жалованную грамоту, по которой «великий князь их пожаловал их же отчиной Вязмой и повеле им собе служити». Еще в 1495 г. «князи Вяземские все» встречали великую княжну Елену, отправлявшуюся к будущему мужу Александру Казимировичу[425]. Вскоре ситуация изменилась. В нарушение жалованной грамоты местные князья и их бояре были переведены в другие районы страны. Уже в 1506 г. князь И.Л. Козловский был волостелем в Бежецком Верхе. Позднее ему вместе с братьями были пожалованы села в Романовском и Муромском уездах. Место «старых» вяземских землевладельцев было занято москвичами. Соблюдая видимость преемственности, как и в Великом Новгороде, первоначально они выступали как «вяземские бояре». Литовские послы в 1498 г. жаловались в Москве на беззаконные действия этих бояр – С. Повадина, Ю. Шепякова и В. Дикого, которые грабили пограничные смоленские волости. Двое из перечисленных лиц были хорошо известны по другим источникам. Дмитровцы С. Повадин и Ю. Шепяков в 1494 г. принимали участие в большом посольстве о мире князей С.И. Ряполовского и В.И. Патрикеева[426]. В дальнейшем Повадины и Шепяковы уже не были связаны с вяземской корпорацией.

Позднее внешние приличия были отброшены, и в Вязьме получило распространение поместное землевладение, на базе которого сложилась служилая корпорация. Поместная система формировалась в Вяземском уезде на основе полного выселения

местных князей и бояр. Часть вяземских бояр была переселена на территорию соседнего Можайского уезда. Следы их потомков обнаруживаются также в Медынском и Ржевском уездах[427]. Анализ материалов вяземской писцовой книги конца 50-х гг. XVI в. показывает практически полное отсутствие фамилий местного боярства в составе этой поместной корпорации.

В.Б. Кобрин считал, что к вяземскому боярству могли принадлежать помещики Сульменевы и Маршалковы. Основанием для подобного предположения служило упоминание К. и Г.Ф. Сульменевых в завещании медынской вотчинницы Марии, вдовы Дмитрия Мирославича, и «литовские корни» фамилии Маршалковых[428].

Медынский уезд был центром компактного испомещения выходцев из Великого княжества Литовского, оказавшихся на московской службе. К. и Г.Ф. Сульменевы, однако, подобно А. Радилову, который также известен этому завещанию, были можайскими вотчинниками. В. Радилов еще в 1482 г. фигурировал в духовной грамоте известного воеводы И.И. Салтыка Травина. Упоминание К. и Г.Ф. Сульменевых и А. Радилова в медынском акте объяснялось, скорее всего, их связями с можайской «литвой дворовой»[429]. Предположение о литовском происхождении Маршалковых также не является обоснованным. Эта фамилия могла быть усвоена ее носителями уже в Вяземском уезде. Ее носители встречались также среди землевладельцев Рязанской земли[430]. С Молоцким станом Вяземского уезда могли быть связаны Молоцкие. Имеющихся данных, однако, недостаточно для подобного отождествления.

Поместные раздачи могли начаться в Вяземском уезде уже в конце XV в. В 1499 г. Иван III в грамоте к вяземскому наместнику князю Б.М. Турене Оболенскому велел отправить до литовской границы «Гридина сына Моклокова, которого пригож». Моклоковы в дальнейшем были тесно связаны с вяземской корпорацией. Родственник Г. Моклокова (сын?) Данила неоднократно выполнял различные поручения на литовской границе. В 1504 г. он провожал до Дорогобужа литовское посольство, а в 1509 г. был одним из приставов «в дороге». Его сын И.Д. Моклоков, известный как гонец смоленского наместника, определенно был вяземским помещиком. В Дворовой тетради по Вязьме было записано сразу несколько представителей этой фамилии[431].

Вплоть до окончательного присоединения Дорогобужа и Белой (1503 г.), расположенных, как и Вязьма, на западной границе, вяземские помещики выполняли функцию сопровождения различных литовских посольств. В 1503 г.

в посольских книгах упоминаются А.Н. Иванов, В. Злобин, Ф.И. Шептяковский, ездившие с литовскими посольствами от имени вяземского наместника И.В. Шадры Вельяминова. В этом же году приставом с рубежа был Ширяй Щулепников, родственники которого С.И. и М.А. Щулепниковы в конце 1550-х гг. владели вяземскими поместьями[432].

Позднее вместе с вяземскими детьми боярскими эти поручения начинают выполнять также дорогобужские и бельские помещики. При определении их территориальной принадлежности необходимо привлекать данные более поздних источников. В 1505 г. приставами в дороге у литовского посольства были И. Челюсткин и В. Узкой. В Дворовой тетради Челюсткины числились по Дорогобужу, а С., И., Т., Истома, Г.В. Узкий по Вязьме[433].

В 1507 г. приставом в дороге был Третьяк Губин, сыновья которого Андрей и Григорий находились в 1550-х гг. и служили по Вязьме. В 1509 г. обязанности приставов в дороге выполняли уже упоминавшийся Д. Моклоков и Лубня Дедевшин. В вяземской рубрике Дворовой тетради встречаются сыновья Лубни Дедевшина Роман и Степан, а также другие представители этой фамилии. В 1511 г. в посольстве К. Замыцкого «об обидных делах» среди пограничных детей боярских находился Ю. Сакулин. Его сыновья Яков и Федор в середине XVI в. известны вяземской рубрике Дворовой тетради[434].

Связи между вяземскими, дорогобужскими и бельскими детьми боярскими не ограничивались совместной службой. Испомещение во всех этих пограничных уездах происходило одновременно, так что пофамильный состав помещиков в них был близок, а сами они постоянно контактировали друг с другом[435]. На поместную службу одновременно переводились целые семьи, представители которых получали поместья неподалеку друг от друга, нередко в соседних уездах. Скорее всего, вяземским помещиком уже в начале XVI в. был Т.П. Хирин, брат которого Иван в 1509 г. известен как дорогобужский сын боярский. К 1527/28 г. он уже точно входил в состав вяземской корпорации. По Вязьме были записаны его многочисленные сыновья и внуки.

Братьям Хириным принадлежали вотчины в Хотунской волости. «Южное» происхождение имели и некоторые другие будущие вяземские помещики[436]. В той же Хотуни известны были владения Васильчиковых (среди вяземских помещиков – Б. Кимбаров Васильчиков). В соседнем Коломенском уезде вотчинниками были Наумовы (Сувор (Иуда) И., И. Бурухин, И. и Ю.Т. Наумовы).

Как вязмитин в списке пленных Оршанской битвы 1514 г.

фигурировал Т.Д. Чубаров. Вяземскими помещиками были, вероятно, также упомянутые здесь же Будай Кучуков и С.Ф. Узкий[437].

Возможно, в самом начале XVI в. в Вяземском уезде оказались малоярославецкие вотчинники Хитрого. Малый Ярославец в это время вошел в состав владений служилого князя Василия Шемячича. Многие местные вотчинники, известные по актовым материалам XV столетия, пополнили поместные корпорации на границах страны. В Дворовой тетради представители Хитрого были записаны только в вяземской рубрике[438].

Основной поток переселенцев шел из соседних уездов: Рузского, Дмитровского, Звенигородского и Можайского, хотя существовали примеры испомещения здесь и представителей более отдаленных территорий. Кроме Вяземского уезда поток переселенцев охватывал и другие западные уезды. Скорее всего, уже в самом начале XVI в. дорогобужскими помещиками стали Челюсткины, бельскими – Скуратовы-Бельские[439]. Помещики из западных уездов продолжали регулярно навещать свои вотчины. Вяземские помещики часто упоминаются в поземельных актах как послухи и писцы грамот в уездах, где располагались их вотчины. Некоторые из них приобретали вотчины по соседству с Вяземским уездом. В.Ю. Безобразов владел куплей в Дмитровском уезде, а его родственник Ф.М. Безобразов – в Рузском. После 1536 г. вотчину в Рузском уезде приобрел также Б.В. Безсоньев[440]. В этом отношении западные уезды имели преимущество перед Новгородской землей, переселения в которую разрывали хозяйственные связи.

В начале XVI в. вяземская корпорация была немногочисленна. Вяземские наместники испытывали серьезный недостаток в людях. Отчетливо эта проблема вставала при прибытии «больших» посольств, как это было отмечено в примере с наказом Ивана III наместнику И.В. Шадре Вельяминову. Вяземские помещики были поименно известны московскому правительству.

Кардинальные изменения произошли после присоединения Смоленской земли. Территориальная близость Вяземского уезда обусловила повышенное внимание московского правительства к укомплектованию ее состава. В разрядных книгах роспись смоленских воевод появляется только с 1547 г. В конце 1540-х и на протяжении 1550-х гг. в Смоленске среди воевод и городничих обязательно находились представители вяземской корпорации. В 1547 г. городничими были С.С. и А.Д. Замыцкие. В 1551 г. смоленскими воеводами были И.И. Годунов и М.И. Салтыков, а смоленским городничим – И.В. Полуектов Бутурлин. Наконец, в 1558 г. «в приказе» в Смоленске служил князь Ю.Ю. Гагарин.

Подобным образом, скорее всего, обстояло дело и в предыдущие десятилетия[441].

Малочисленные и незнатные вяземские помещики начала XVI в. не могли выступать в качестве воевод. Проблема функционирования местной корпорации, активно участвовавшей в смоленской службе, требовала увеличения ее численности и создания в ней соответствующей структуры. Анализ реконструируемой дворовой книги 1536/37 г. показывает, что Вязьма фигурировала в тексте предшествующего ей источника второго десятилетия XVI в. Местная корпорация получила к этому времени офици альное признание и имела представительство в составе Государева двора. Очевидно, изменению подверглась и ее внутренняя структура, в которой стали присутствовать аристократические фамилии.

Сравнительно рано появились в Вяземском уезде Годуновы, князья Гундоровы, Бутурлины, Бельские-Плещеевы, Пильемовы-Сабуровы, Вельяминовы, Мятлевы, возможно, также Салтыковы и Нащокины. В.Б. Кобрин обратил внимание на то, что в 1519 г. по заказу И.Г. Годунова в одном из сел под Вязьмой работал книгописец Сидор. Его сыновья, как и большинство других Годуновых, в середине XVI в. служили по Вязьме[442].

Князь В.И. Гундоров и Г.П. Бутурлин упоминались в 1546 г. в одной из грамот, посвященных женитьбе Ивана IV на Анастасии Захарьиной. Дочь В.И. Гундорова была одной из вероятных претенденток на роль невесты. Были собраны подробные сведения о родственниках возможной правительницы. Семья В.И. Гундорова была тесно связана с вяземской корпорацией. Сам он владел вяземским поместьем. По Вязьме служили и некоторые из его родственников. В первом браке В.И. Гундоров был женат на дочери Г.П. Бутурлина. Сын Г.П. Бутурлина Федор позднее был записан в вяземской рубрике Дворовой тетради. Зятем В.И. Гундорова был А.А. Годунов, братья которого Алексей и Иван также были известны как вяземские помещики[443].

Князья Гундоровы и Бутурлины появились в Вяземском уезде по крайней мере на одно поколение ранее 1546 г., благодаря чему и состоялся первый брак В.И. Гундорова. Князья Гундоровы происходили из рода князей Стародубских. Их родственниками были Тулуповы и Гагарины. Все они в вяземской рубрике Дворовой тетради находились на положении «князей», и вполне вероятно, что переселялись сюда по единому списку.

Подобным образом выясняется время появления в Вяземском уезде для Бельских-Плещеевых и Пильемовых-Сабуровых. В завещании Д.Г. Бельского-Плещеева, составленном в 1558–1559 гг., встречаются несколько представителей Хириных, один

из которых, И. Бакакин, доводился ему племянником, сыном его сестры Анастасии. В конце 50-х гг. XVI в. И. Бакакин Хирин был вяземским помещиком и, очевидно, к этому времени достиг служебной зрелости[444]. Брак между Бакакой Хириным и Анастасией Бельской-Плещеевой, скорее всего, состоялся в Вяземском уезде где-то в 30-х гг. XVI в. Это предположение подкрепляется поземельными актами братьев С. и А.Ф. Пильемовых-Сабуровых 1527/28 г. в Ростовском уезде. В разъезжей грамоте фигурировало несколько примечательных персонажей: Г.Я. Бельский-Плещеев (тесть Бакаки Хирина), Г.А. Наумов, С.В. Узкого. Позднее в меновой грамоте на обмен участками между князем Ю.И. Темкиным-Ростовским и тем же А.Ф. Пильемовым послухом был Т.П. Хирин. По материалам Тысячной книги и Дворовой тетради определяется служебная принадлежность этих лиц. По Вязьме были отмечены сам С.В. Узкого с братом Григорием, сыновья обоих Пильемовых-Сабуровых, Г.Я. Бельского-Плещеева, Т.П. Хирина, а также племянник Г.А. Наумова Сувор (Иуда) Иванов. Очень вероятно, что все они служили вместе, а их участие в этих актах объяснялось внутрикорпоративными отношениями[445].

В родственных отношениях между собой находились также Вельяминовы и Мятлевы. Авдотья Иванова, жена Вельяминова, написавшая в 1564 г. духовную грамоту, была дочерью И.Г. Мятлева. Ее сын Г.И. Синцов Вельяминов и племянники Я., А., Г., И.И. Мятлевы известны вяземской рубрике Дворовой тетради. Этот брак также мог состояться не позднее начала 30-х гг. XVI в. на территории Вяземского уезда[446].

В 1514 г. у Белой была сосредоточена значительная группировка русских войск, готовившаяся для выступления в поход на литовские города. Среди воевод были отмечены братья Иван и Игнатий Салтыковы, Ю.Л. Нащокин и Хима Ржевский. Их потомки были связаны с западными уездами. По Вязьме служили Салтыковы. В 1547 г. Е.И. Худяк Салтыков, второй по возрасту из братьев Игнатьевых, был вяземским сыном боярским. В 1550 г. он вместе с братьями был включен в число тысячников[447].

Салтыковы обосновались и в соседнем Дорогобуже. В житие Герасима Болдинского упоминается конфликт и последующее примирение с боярином Я.А. Салтыковым, владевшим землями в волости Сверковы Луки и регулярно навещавшим свое поместье. Его отец оружничий А.М. Салтыков, брат основателей линии вяземских помещиков, в 1507 г. был воеводой в полках из Дорогобужа. Отметился он также в разряде похода 1508 г. «на литву». В материалах Литовской метрики позднее в Дорогобужском уезде были зафиксированы владения, в том числе

в пределах одного стана, нескольких представителей этой фамилии – М.Г., И.Н., П.Я., М.М. Салтыковых. Не исключено, что некоторые из этих поместий восходили к первому десятилетию XVI в.[448]

В вяземской рубрике Дворовой тетради по Вязьме было отмечено также большое число Нащокиных (в том числе Львовы Нащокины), в то время как Ветошка Химин Ржевский служил в середине XVI в. по Дорогобужу[449].

Сравнивая вяземскую рубрику с остальными рубриками Дворовой тетради, можно отметить отсутствие потомков первых вяземских помещиков из числа знатных фамилий в составе других корпораций, несмотря на сохранение ими родовых вотчин. Основные владения Годуновых располагались в Костромском уезде. Пильемовы-Сабуровы были вотчинниками Ростовского уезда[450]. Отсутствие в составе этих корпораций свидетельствует, что их служебная принадлежность была определена еще во втором десятилетии XVI в., когда их предки были испомещены в Вяземском уезде.

Состав вяземской корпорации в это время пополняли не только представители знати. В 1526 г. в большом посольстве И.В. Ляцкого и Е.И. Цыплятева присутствовала делегация пограничных детей боярских. Вяземскую корпорацию в этом посольстве представляли В.Ю. Безобразов, Суморок Г. Голохвастов и Забела Кикин. В 1530 г. жалованная грамота на поместье в Вяземском уезде была дана звенигородцам братьям Болотниковым. Они были здесь не единственными представителями своей фамилии. Рано появились, возможно, в Вяземском уезде Шатовы. Их предок М. Шат по родословной росписи «на бою изымал Островскова и привел к Москве». В 1494 г. он был одним из детей боярских на приеме у литовских послов. Его сыновья фигурировали по Вязьме в Дворовой тетради[451].

Широкая раздача поместий в Вяземском уезде затрагивала также служилых людей, которые были вынуждены подолгу оставаться в Смоленской земле. В первую очередь это касалось смоленских военачальников разного уровня и годовщиков из числа дворовых детей боярских. Одними из первых вяземские поместья получили, очевидно, князья Тростенские. В конце 1550-х гг. вяземскими помещиками были О.Т., И.Ф. Тростенские и вдова Д.П. Тростенского. Они состояли в близком родстве друг с другом. И.Ф. и Д.П. Тростенские являлись двоюродными братьями, а О.Т. Тростенский был их дядей. В 1520–1530-х гг. братья князья О. и Ф.Т. Тростенские были тесно связаны с западными уездами. О.Т. Тростенский в 1520 г. находился среди дорогобужских воевод. В 1534 г. он же был послан в Смоленск.

Князь Ф.Т. Тростенский, в свою очередь, в 1528 г. «стоял» в Дорогобуже. По Дорогобужу О.Т. Тростенский был записан и в Дворовой тетради[452].

Скорее всего, со смоленской службой было связано появление П. Услюмова Данилова. Его отец в 1547 г. был одним из московских дворовых детей боярских. Здесь же служили его сыновья Федор и Никита. В 1549 г. Услюм Данилов был одним из смоленских воевод. Этот факт его биографии связывается с упоминанием П. Услюмова Данилова в вяземской рубрике Дворовой тетради[453].

В писцовой книге конца 1550-х гг. упоминались смежные поместья двоюродных братьев князей М., Ю.П. и А.В. Репниных. Их поместья были, вероятно, «унаследованы» ими от своих отцов П. и В.И. Репниных, которые начали свои воеводские службы во втором десятилетии XVI в.[454]

В посольских книгах неоднократно фигурировали Загряжские. Разнообразные службы Загряжских на литовском пограничье сопоставляются с материалами Дворовой тетради и писцовой книги конца 1550-х гг. В это время поместьями в Вяземском уезде владели И.Т., Н.Д., А.Ф. и вдова Ивана Загряжские. Родословная удаленность этих лиц подтверждает предположение об их раннем испомещении. Сами Загряжские в Дворовой тетради были записаны по Боровску[455].

Ф. Невежин в 1520 г. вместе с Д.Д. Загряжским встречал в Смоленске прибывшее «большое» литовское посольство. Его сын Борис и племянник И.П. Невежины в конце 1550-х гг. владели вяземскими поместьями, хотя служили по Рузе[456].

В отличие от помещиков более раннего времени, представленных в 1550-х гг. несколькими ветвями своих потомков, помещики более позднего времени, как правило, не имели в вяземской рубрике Дворовой тетради, а также в тексте писцовой книги близких родственников и однофамильцев.

Определенно среди вяземских помещиков 1550-х гг. присутствовало несколько фамилий, находившихся прежде на удельной службе. Углицкими вотчинниками были Шершавины. Ширяй Шершавин вместе с сыновьями в Дворовой тетради числился по Вязьме. Уже упоминался З.А. Посник Сатин. Его сын Алексей в конце 1550-х гг. владел вяземским поместьем. Из городовых вяземских детей боярских в углицком уделе служили, возможно, А. и В.С. Парские[457].

Более многочисленной была группа выходцев из уездов, входивших в состав дмитровского удела: князь И.А. Рюмин-Звенигородский, Ф.Р. Судимантов, Ф.С. и А.А. Ульянины Давыдовы, А.Т. Тишков, Я.В. Щепа Волынский, князь И.И. Лыков-

Оболенский, И.Н. Рожнов, В.И. Фомин, М. Ширяев, Г.И. Пушкин, а также Н.И. Тургенев. Скорее всего, они получали вяземские поместья по спискам, основой для которых мог быть текст дворовой книги 1537 г.[458]

Анализ рузской рубрики Дворовой тетради показывает, что все вяземские помещики, происходившие из этой корпорации, были записаны последовательно друг за другом. Подобные совпадения обнаруживаются также и в дмитровской рубрике[459].

Двое братьев Д. Винкова Бурунова служили Андрею Старицкому. В. Винков упоминался как бельский сын боярский. Винковы Буруновы, видимо, вероятно, были переведены в западные уезды страны сразу после мятежа 1537 г. На службе у Андрея Старицкого находились также братья М.З. Новосильцева[460].

Среди вяземских помещиков конца 1550-х гг. встречались выходцы из рязанской корпорации: И.М. Денисьев-Булгаков, родной брат можайских помещиков, а также М.В. Вердеревский. Большая группа включала в себя представителей московской и переславской корпораций, в том числе из числа аристократических фамилий: Ф.И. Головин, М., И., Д.Ю. Шеины, князь И.Ю. Голицын, Д.А. Бутурлин, Д.А. Чеботов, А.Д. Басманов и А.Л. Хлуденев. Из мелких переславских вотчинников происходили Безсоньевы[461].

Выходцами из Боровска были Дикой Ф. и Молчан С. Митьковы, имена которых были вписаны в текст вяземской рубрики Дворовой тетради. Позднее среди вяземских помещиков фигурировали сыновья Чепчуга Митькова Замятня и Андрей. Очевидно, пожалование вяземских поместий членам этой фамилии происходило уже в 1550-х гг. В вяземской рубрике Дворовой тетради присутствовал также боровчанин князь Ф.А. Мещерский[462].

В конце 1530-х гг. вяземское поместье получил также нововыезжий князь М. Умар Мавкин[463].

Поместная колонизация Вяземского уезда продолжалась на протяжении 1550–1560-х гг. Отличительной особенностью раздач этого времени было участие в них служилых людей из разных частей страны. Вяземскими помещиками в 1550-х гг. стали суздалец Д.И. Черемисинов, тверичи И.Д. и Лопата В. Посевьевы, кашинец В.О. Кувшинов, переяславец А.Т. Михалков, муромец Мещерин Ф. Прокофьев, новокрещен князь И. Тевекелев, новгородец князь Ф.Ю. Оболенский. Конфискованное у князя Ю.П. Репнина поместье досталось большому дьяку Путиле Митрофанову[464]. По неизвестным причинам в Тысячной книге и в Дворовой тетради отсутствовало имя ясельничего В.Г.

Дровнина, сын которого Иван в 1563 г. получил поместье в Вяземском уезде[465].

Значительное число вяземских помещиков 1550-х гг. составляли новики, переведенные из других корпораций. Вяземские поместья жаловались также «в додачу» малоземельным детям боярским. Писцовая книга конца 1550-х гг. дает примеры образования новых поместий за счет раздачи бортных земель[466]. Сохранение свободных земель для новых поместных раздач в 1540–1550-х гг. стало определяющим фактором для новых поместных раздач. После начала поместных раздач в Смоленской земле вяземская корпорация в значительной степени утратила свою роль в организации пограничной службы.

Это обстоятельство наложило свой отпечаток и на личный состав самой вяземской корпорации. В отличие от целенаправленного комплектования состава этой корпорации, проводимого московским правительством во втором десятилетии XVI в., дальнейшие изменения отличались определенной хаотичностью. Как и в Можайском уезде в середине века, здесь присутствовало большое число представителей других корпораций, которые не были связаны с ней служебными отношениями[467].

С другой стороны, некоторые вяземские помещики сами получали поместья в других частях страны. Из русско-литовских посольских книг известны имена нескольких смоленских помещиков. Одним из них в 1556 г. был Р.С. Шонуров, имя которого встречалось в вяземской рубрике Дворовой тетради. В Каширском уезде поместье принадлежало князю Д.В. Гундорову, а в соседнем Коломенском – Д.Б. Молоцкому[468].

Не исключено, что в последнем случае оно было получено еще до опричных переселений. На Земском соборе 1566 г. Д.Б. Молоцкий представлял коломенских детей боярских, хотя незадолго до этого, в 1565 г., в поручной грамоте по И.П. Яковлеве он фигурировал как «вязмитин». Согласно сделанным в Дворовой тетради пометам, уже в 1550-х гг. мещовским сыном боярским стал В.М. Безобразов[469].

Расположение на стратегическом смоленском направлении, постоянные испомещения по спискам определяли высокий уровень унификации местной корпорации. Отрывок списка раздачи жалованья членам государева полка 1556/57 г. показывает, что все вяземцы к этому времени уже обладали кратными десятичными окладами. Из них А.Т. Тишков, посол в «Ногаи», отсутствовал на серпуховском смотре 1556 г., поскольку был взят в плен «беглыми мирзами казаками». Оклад ему был установлен, следовательно, еще в предыдущие годы.

Сопоставление писцовой книги с вяземской рубрикой Дворовой тетради показывает, что здесь проводилась ротация состава местных дворовых детей боярских (Болотниковы, Хитрого, Кикины)[470].

Масштабные изменения личного состава, начавшиеся за несколько десятилетий до введения опричнины, утрата служебной специализации и отсутствие собственных традиций службы превращали представителей вяземской корпорации в удобный материал для реализации различных начинаний центрального правительства. Стоит отметить «придворный» характер вяземских землевладельцев конца 1550-х гг. Вяземская корпорация дала 56 своих представителей в «избранную тысячу» и в дальнейшем активно пополнялась за счет тысячников из других уездов. Тысячниками, в частности, были И.Т. Загряжский, князь Ф.А. Мещерский, Ф.С. и А.А. Ульянины Давыдовы, перешедшие в ее состав в 1550-х гг.[471] На высоком уровне находилось здесь и соотношение дворовых и городовых детей боярских. В разряде полоцкого похода 1563 г. присутствовало 110 дворовых и 202 городовых «вязмич». Несмотря на отсутствие членов Боярской думы (при организации опричнины это могло сыграть положительную роль), вязьмичи были на хорошем счету, получали разрядные назначения разного уровня. Участвовали они и в службах общегосударственного характера.

Вяземскими помещиками в середине XVI в. были ближайшие сподвижники Ивана IV, многие из которых стали организаторами опричнины (А.Д. Басманов, Д.А. Чеботов). Вероятно, именно это обстоятельство определило судьбу Вяземского уезда, вошедшего в 1565 г. в состав опричнины.

Смоленский уезд

Взятие Смоленска в 1514 г. зафиксировало границы Московского государства на несколько последующих столетий. Смоленская земля разительно отличалась от всех предыдущих примеров территориальных приобретений, полученных в войнах с Великим княжеством Литовским. Статус Смоленска был подтвержден несколькими «привилеями», в которых оговаривались права «князей, бояр и панов смоленских». Из всех городов московско-литовского порубежья Смоленск имел наиболее тесные связи с господарской властью. Многочисленные смоленские бояре активно проявляли себя на служебном поприще, выполняя различные военные и административные поручения (среди них были и собственно смоленские «уряды») и получая за них щедрые пожалования от виленского двора. Всего,

по подсчетам М.М. Крома, в конце XV в. здесь насчитывалось порядка полутораста боярских родов[472]. Это – не менее 700–800 человек, к которым следует присоединить несколько тысяч слуг более низкого ранга: путных бояр, панцирных, доспешных, щитных слуг и т. д. Развитые традиции имело в Смоленске городское самоуправление. Недостаточно было просто завоевать этот город. Необходимо было решить вопрос о его закреплении, тем более что, занимая важное стратегическое положение, Смоленск был ориентиром для населения близлежащих городов и крепостей, которые внимательно следили за происходящими там событиями.

Присоединение Смоленска и общий ход военной кампании 1512–1514 гг. получили подробное освещение в историографии. Значительно меньшее внимание уделялось дальнейшей судьбе Смоленской земли. В нескольких специальных исследованиях период между взятием Смоленска и его героической обороной в начале следующего столетия (1609–1611 гг.) набрасывался широкими мазками, без достаточного углубления в тему. В значительном числе из них отсутствовал разбор источников и некритично воспринимались сведения, разборной десятни «дворян изведенцов и городов туточных уроженцов» (так называемой «смоленской десятни 1574 г.»)[473]. Тема «выводов» прежних смоленских землевладельцев была рассмотрена М.М. Кромом в контексте изучения политики московского правительства по закреплению новоприсоединенных земель. По признанию самого автора, он, однако, ограничивался рассмотрением «начальной стадии этого процесса». Ряд наблюдений по истории Смоленской земли XVI в. был высказан в работах источниковедческого характера и не получил дальнейшего развития[474].

«Невнимание» историков к смоленской проблематике имеет объективный характер и связано с дефицитом сохранившихся источников. Сведения летописных текстов, относящихся к Смоленску, крайне лаконичны и зачастую дают простор для различных толкований. Не сохранились до нашего времени тексты писцовых описаний Смоленского уезда, а поземельные акты с упоминанием «смольнян» единичны. Более широкие возможности дает использование посольских книг. Смоленские помещики часто фигурируют здесь в качестве приставов и гонцов. Всего, таким образом, удается насчитать несколько десятков имен различного времени.

Трудно оценить общее число смоленских бояр и князей, оставшихся на своих землях, после перехода Смоленска в 1514 г. в руки Василия III. Многие из них сохранили верность своим

литовским «сюзеренам». Другие – перешли на службу к московскому правительству, которое подтвердило права Смоленска выдачей особой жалованной грамоты («грамота жаловальная смоленская большая всей земле»). Некоторые смоленские бояре были сразу же задействованы в военных действиях. Реестр русских пленных 1519 г. содержит имя Ивана Ногишкина, «смолнянина», среди тех, кто «под замъки ж вкраиными пойманы». К 1525 г. он умер в плену[475].

Вряд ли благонадежность «смолнян» оценивалась как высокая. Заговор того же 1514 г. показал, что многие из них при благоприятной ситуации были склонны вернуться на литовскую службу. Репрессии против явных участников этого заговора, предпринятые наместником князем В.В. Шуйским («начат князей смоленских и панов вешати з города на ослядех»), не могли решить эту проблему. Первые «выводы» были произведены, видимо, уже в конце 1514 – начале 1515 г. Белорусско-литовские лето писи описывают это событие в весьма мрачных тонах: «Смолнян всих вывел (Василий III. – *М. Б.*) к Москве и там им именья подавал на Москве». Это выселение получило отражение в жалованных грамотах, выданных в 1515 г. П.Г. Марину (Маринину) и В.Я. Демьянову[476].

Насколько масштабным был этот «вывод»? Безусловно, говорить о переселении «всих смолнян» нет оснований. Масштабы события были заметно преувеличены. Спустя два года во время торжественного приема имперского посольства в Смоленске должны были участвовать «князи и бояре смоленские». Позднее «бояре смоленские» должны были указать приставам, «до которых мест пригоже проводити» послов[477].

В родословной Демьяновых (Демьяновичей) сохранился эпизод, свидетельствующий о сохранении местным боярством в первые годы после завоевания весомых позиций. В 1516 г. была выдана жалованная грамота П. Кузовлеву и его брату Клишке, «как было преж сего». У них не оказалось крепостей, подтверждающих права на владение своими участками. Тогда они прибегли к устной памяти соседних землевладельцев: «Ведомо Василию Демьянову и Афанасию Садикову и иным бояром, что та вотчина их изстарины». Сам В.Я. Демьянов на великокняжеской службе был пожалован кормлением[478].

Информация о «выводе» смолян в 1524 г. сохранилась также в посольских книгах («чего деля князь великий смолян на Москву привел?») и в Литовской метрике.

Не отрицая многочисленные факты переселения смоленских бояр, хочется отметить, что некоторые из них остались на службе в Смоленском уезде и позднее вошли в состав местной служилой

корпорации. Среди них были не только потомки щитных и панцирных слуг, но и представители собственно боярских родов, такие как, например, Коверзины и Садиловы. В 1534 г. из Смоленска в Мстиславль бежало несколько семей Коверзиных «и з жонами, и з детми… родом смолняне, отчичи вашей (Сигизмунда Казимировича. – *М. Б.*) милости». Много позднее, в 1580 г., шестеро Садиловых, «смоленские жильцы», были отправлены в опале в Казань[479].

В Рославском уезде, сформированном на территории бывшей Смоленской земли, вотчины также сохранили за собой местные бояре Роговцевы. Память о подтверждении владельческих прав земцев нашла отражение в более позднем источнике, «Повести о победах московского государства»: «Посему повеле (Василий III. – *М. Б.*) земцов собрати града Смоленска, сиречь которые тутошние помещики, в своих же поместьях осталися на ево государево имя. И не повеле государь у них тех поместей отниматие, повеле им по-прежнему владети, кто чем владел, и, разобрав их на три стати против их чести, и повеле им особной список учинити»[480].

Все имеющиеся сведения о службе потомков смоленских бояр на территории самого Смоленского уезда за первую половину XVI в. немногословны и отложились в документах Литовской метрики. Остаются вопросы о соответствии определений этого источника реалиям московской службы. Упомянутые Коверзины значились здесь как «дети боярскии помещики великого князя из Смоленска». Пленник И. Роговцев (Роговец) из реестра 1538 г. также был обозначен «з Рославъля сын бояръский». Не исключено, что некоторые из местных землевладельцев не только сохранили за собой свои вотчины, но и получили статус полноценных детей боярских[481]. Большинство других смоленских вотчинников, оставленных на своих землях, продолжило службу в качестве земцев.

Служба земцев достаточно хорошо известна на материалах Новгородской земли, где они после выселения подавляющей массы местных землевладельцев заняли свою социальную нишу. Земцы, отмеченные в отдельных списках, сообща снаряжали из своего числа воинов для несения «дальней службы». Они также привлекались для несения службы на местах, в гарнизонах крепостей самой Новгородской земли, поблизости от оставленных им небольших владений. Земцы котировались не слишком высоко. «Выморочные» земли часто переходили от них к окрестным детям боярским. Впоследствии некоторые из них перешли в число детей боярских. Разряд полоцкого похода 1563 г. объединял псковских детей боярских и земцев при общем подсчете.

Первые дети боярские были упомянуты в Смоленске в 1517 г. во время процедуры встречи имперского посольства. Из подробной записи церемонии приема видно, что гарнизон Смоленска был хорошо укомплектован. Только в процедуре встречи должно было присутствовать 200 детей боярских. М.М. Кром считал это свидетельством начавшихся в Смоленском уезде поместных раздач[482]. В действительности, однако, для подобного вывода нет доказательств. Как видно из посольской записи, дети боярские делились на две группы: городовые и дворовые. Упоминание «дворовых» показывает их пришлый характер. Эта категория поздно выделилась в составе смоленского служилого «города» (90-е гг. XVI в.). Анализ территориальных связей перечисленных лиц показывает, что все они были выходцами из центральных уездов страны. Никто из их потомков впоследствии не был связан со смоленской корпорацией.

Они, скорее всего, представляли собой годовщиков, группы детей боярских из разных областей, ежегодно сменявшие друг друга для несения службы. Годовая служба получила широкое распространение в середине XVI в. Ее возникновение относилось к значительно более раннему времени. Сразу после взятия Пскова в 1510 г. «детей боярских оставил князь великий во Пскове на годованье у псковских наместников… помещиков новогородцких… тысячю человек». Прямые упоминания о смоленской годовой службе содержатся в значительном числе актовых материалов. В 1520 г. «в Смоленску годовал» ярославец Иванча Андреев, в 1529 – переславец Шарап Баскаков, а в 1534 г. – клинянин Я.Ф. Ушаков. Десять смоленских годовщиков сопровождали посольский кортеж в 1536 г. В 1558 г. в посольской книге упоминается годовщик боровитин Руданка Барыбин[483]. Сменяли друг друга в Смоленске также воеводы-годовщики и городничие.

Круг годовщиков был разнообразен. Среди них были представители многих городов «Московской земли». Г.С. Зеленин в Дворовой тетради числился по Рязани, Угрим Сухого Епишев – по Твери, князья Пожарские – в составе корпорации князей Стародубских, Тверитин Низовцев – по Зубцову, В. Зайцев – по Ярославлю, Ф. Гвоздев Урусов – по Мурому, И.Д. Челищев – по Калуге, сыновья Л.Д. Проестева – по Коломне, а сыновья Б.Ф. Невежина – по Рузе[484].

Общая численность годовщиков достигала временами внушительных размеров. В 1536 г. в церемонии приема литовских послов принимали участие сразу 300 детей боярских. Некоторые из них, правда, могли являться смоленскими помещиками.

Позднее, после успешного завершения полоцкого похода 1563 г., когда в Смоленской земле уже определенно появились свои помещики, здесь были оставлены «можаичи» (278 человек), сменившие годовщиков из числа бежичан (160 человек)[485].

Помимо годовщиков посольские книги содержат упоминания о казаках: «Приходят татбами, людей грабят, и кривды и зацепки многие делают». Использование казаков – нерегулярных воинских сил имело и дальнейшее продолжение. Во время взятия Казани 1553 г. погибло три казацких атамана – Северга Баскаков, И. Тухачевский и А. Кобцев. Все они принадлежали к фамилиям, впоследствии широко представленным среди смоленских детей боярских. А. Тухачевский в 1563 г., по семейной традиции, был казацким атаманом из Смоленска[486].

В 1526 г. в посольских книгах была зафиксирована еще одна группа, которая, вероятно, также была связана с выполнением военных функций: «Побежала с Белые и с Торопца Черемиса с женами и с детми». Позднее военную службу в Великом княжестве Литовском несли барские черемисы, которые, видимо, были потомками этих беглецов.

Присутствовали московские переселенцы и среди городского населения Смоленска. Имя Лариона Щеголя Ордынца, «сведенца с Москвы в Смоленеск», сохранилось в кормовой книге Симонова монастыря[487].

Несмотря на очевидные изменения социальной структуры, можно констатировать позднее появление упоминаний о проводимых здесь поместных раздачах. Приводимые в трудах историков свидетельства о ранних фактах испомещений имеют не слишком отчетливый характер. М.Г. Кротов приводил в этом случае пассаж из «Повести о победах Московского государства» – памятника третьего десятилетия XVII в. Вспоминая историю, ее составитель возвращался ко времени взятия Смоленска Василием III: «Изобра государь изо многих градов лутчих и честных людей, дворян, и учинив к ним свое государское разсмотрение, и росписав их на три статьи, первую, и средную, и меншую, учинив дворянской список и кто которой чести достоин, и повеле их в смоленских уездах испоместить против их отечества и чести по своему государскому разбору и разсмотрению и по их дворянской природе». Описанная процедура напоминает верстания второй половины XVI столетия и вряд ли существовала в столь развитом виде в более ранние десятилетия[488].

В родословной Кузьминых сохранились известия о переводе их предков в Смоленск: «В лето 7022-го как Господь Бог покорил город Смоленск великому князю Василью Ивановичу из-за Литвы и тогда переведены из разных городов в Смоленск дворян добрых

семейных людей. И в то число переведены из Великого Новагорода в Смоленеск Иван Васильев сын Кузмин»[489]. Своим предком они считали боярина В. Кузьмина. Как и другие новгородцы, он потерял вотчины уже к концу 1490-х гг. В Смоленск он мог переселиться спустя продолжительное время после «вывода». Сама эта родословная роспись хронологически неправдоподобна, что ставит под сомнение сообщаемые ею сведения.

Первые достоверные известия о местных помещиках относятся к началу 40-х гг. XVI в. В 1543 г. во встрече литовского посольства участвовал смоленский помещик Офонка Обухов. В предыдущем, 1542 г. приставами из Смоленска были М.И. Битяговский, Р. Шушерин и Образец Дивов[490]. Все они (и их потомки) впоследствии также известны в качестве смоленских помещиков.

Не исключая отдельные примеры более ранних пожалований, видимо, именно начало 1540-х гг. стало началом широких поместных раздач[491]. Косвенно это предположение подтверждается неопределенным статусом Смоленска в Дворовой тетради. Известные по посольским книгам смоленские помещики в этом источнике были расписаны по другим городам: Р.С. Шонуров (Шокуров) по Вязьме, а Е.Р. Шушерин – по Дорогобужу. Территориальная структура Дворовой тетради сложилась в конце 1530-х гг. Отсутствие в ней рубрики «Смоленск» говорит о том, что смоленские помещики не образовывали отдельную корпорацию. Подобная тенденция была отмечена П.В. Чеченковым на примере нижегородских помещиков Приклонских, записанных в Дворовой тетради по Владимиру. В Нижнем Новгороде категория дворовых детей боярских также оформилась лишь к концу XVI в.[492]

Смоленские помещики как отдельная единица русской армии не участвовали в Казанской кампании 1553 г. Первое их упоминание в разрядах относится к 1555 г.[493]

Можно догадываться о причинах замораживания поместных раздач на территории Смоленского уезда. Могла сыграть свою роль жалованная грамота, выданная Василием III в 1514 г. Смоленской земле. В определенных моментах она сохраняла свое значение спустя десятилетия с момента ее выдачи. В.Б. Кобрин приводил примеры запрета приобретать вотчины на территории Смоленской земли московским монастырям[494]. Обещание «розводу нам князем, и бояром, и мещаном, и черным людем, и всем людем Смоленские земли никак не учинити» формально не было нарушено. «Выводы» сопровождались обменом (равноценным?) смоленских земель на владения в центре страны

с сохранением комплекса владельческих прав. Конфискации же земель у откровенных «изменников» не подпадали под это правило. Подобное вольное толкование юридических норм было характерно для московской делопроизводственной практики, о чем свидетельствует приводимый ранее пример с И. Ботвиньевым.

Не стоит забывать о том, что Смоленск долгое время оставался камнем преткновения в вопросе о заключении вечного мира, заинтересованность в котором в Москве была достаточно велика.

Во втором десятилетии XVI в. у правительства был ограниченный ресурс для поместной колонизации. Масштабные поместные раздачи в Новгородской земле и на других территориях значительно истощили кадровый потенциал служилых людей. На поместьях находилось первое поколение помещиков, а сама поместная система еще не начала процесс самовоспроизведения. На этом фоне приходилось сдерживать создание новых поместных корпораций, сохраняя на своих землях вотчинников из вновь присоединяемых к Москве территорий. В Рязани, в частности, землевладение местного боярства начало разрушаться только в годы опричнины.

Создать полноценную поместную корпорацию по образцу новгородской в Смоленске в этих условиях удалось бы далеко не сразу. Тем более что прибывавшие сюда годовщики вместе со вспомогательными отрядами из казаков и местных земцев справлялись со своей задачей. Поздний характер раздачи имели, видимо, и в соседнем Рославльском уезде, который ранее также являлся частью Смоленской земли.

Выработанная схема была рассчитана на постоянное обновление годовщиков, без задержек, в необходимом количественном и качественном составе. Далеко не всегда эти требования удавалось соблюсти на практике. Недостатки были отчетливо продемонстрированы в 1542 г. во время встречи очередного «большого» литовского посольства. Несмотря на инструкции, полученные из Москвы, смоленские наместники не смогли собрать требуемое для церемонии встречи число детей боярских. В официальном приеме было задействовано 100 детей боярских, в то время как с литовской стороны в посольстве участвовало более 300 человек. В свое оправдание наместники докладывали, что «болши… послати было некого, съехали из Смоленска по домом»[495]. Пограничный характер службы заставлял некоторых из годовщиков надолго задерживаться в Смоленске. Разряд полоцкого похода 1563 г. показывает, например, что смоленские воеводы и городничие находились без замены в Смоленске уже два года.

Это обстоятельство повышало роль соседних дорогобужских, вяземских и отчасти можайских детей боярских в организации смоленской службы. Близкие к Смоленску уезды, до начала массовых поместных раздач на территории самого Смоленского уезда, рассматривались в качестве базы для материального снабжения годовщиков из центральных уездов, оторванных на долгое время от своих собственных владений.

Первое упоминание о смоленских помещиках в посольских книгах произошло на следующий год после отмеченного «конфуза» 1542 г. Скорее всего, это событие сыграло свою роль в активизации процесса поместных раздач. Процесс испомещения не был (да и не мог быть) одномоментным и был значительно растянут во времени. Первые смоленские помещики были немногочисленны и не могли заменить годовщиков, что подтверждают сведения разрядов и посольских книг за 40–60-е гг. XVI в. Число их, однако, росло достаточно быстрыми темпами.

В 1553 г. во встрече литовского посольства участвовало 100 детей боярских «смоленских помещиков». В 1556 г. очередная инструкция предписывала привлечь для встречи уже 200 смоленских помещиков. Это число в итоге было набрано, но только с учетом привлечения годовщиков «серпьян и мощинцев». Полоцкий разряд 1563 г. говорит о том, что после взятия Полоцка войсками Ивана IV в распоряжении у смоленских воевод находилось уже 411 местных помещиков. В походе 1577 г. на «ливонские немцы» принимало участие 479 смоленских помещиков. Инструкция же смоленским воеводам о встрече в 1580 г. папского посла Антонио Поссевино предусматривала участие в торжественной встрече детей боярских «лутчих человек 600 или 700», хотя в последнем случае предусматривалось использование более широкого круга лиц[496].

В 1559 г. боярином И.П. Федоровым проводилось верстание смоленских помещиков, в котором принимал участие сам Иван IV «из статей сам смотрел». Очевидно, к этому времени смоленская корпорация уже получила свой официальный статус. В источниках встречаются имена смоленских старост (губных старост)[497].

Недостаток источников не позволяет определить в полной мере территориальные связи первых смоленских помещиков. Значительное число из них были выходцами из Переславского уезда. В 1560-х гг. в посольских книгах упоминаются С. Зубов, а также его известный впоследствии родственник И.Н. (Ширяев) Зубов. Помимо Зубовых в переславских актах встречаются также Дивовы и Обуховы, родственники названных ранее Образца Дивова и Афонки Обухова[498].

Вероятно раннее появление здесь также переславцев Баскаковых. Помимо казацкого атамана Северги Баскакова, погибшего в 1553 г. под Казанью, к этой фамилии принадлежал И.Д. Баскаков, убитый в 1571 г. во время нашествия Девлет-Гирея. О переводе в Смоленск «при царе при великом князе Иоанне Васильевиче» из Переславля свидетельствует родословная Нееловых, хотя представители этой фамилии владели поместьями также в соседнем Дорогобужском уезде[499].

Однофамильцы будущих смолян часто фигурируют в одних поземельных актах. В 1554 г. Г.Ф. Ефимьев был послухом в купчей Баскаковых в Переславском уезде. В 1603/04 г. ситуация повторилась: «смолнянин» С.Н. Ефимьев послушествовал в закладной Ф.Т. Шемяки Баскакова, который вместе со своими братьями сам служил по Смоленску. В Дворовой тетради Ефимьевы также были записаны по Переславлю[500]. Сложившиеся территориальные связи способствовали компактности переселения на новое место службы.

В 1558/59 г. было составлено завещание К.Я. Татьянина с докладом акта епископу смоленскому Семиону. В этом документе было перечислено несколько лиц, однофамильцы которых позднее служили по Смоленску. В десятне 1606 г. из них встречались Татьянины, Бакшеевы, Потемкины. Сам К.Я. Татьянин владел вотчинами в Дмитровском уезде[501].

По Боровску в Дворовой тетради были записаны Битяговские. С Серпейском связывали свое происхождение Тухачевские. Для остальных смоленских помещиков происхождение из тех или иных уездов можно установить гипотетически, тем более что некоторые из них впоследствии не связали свои судьбы со смоленской корпорацией. В документах начала XVII в. отсутствуют Чертовы, Савлуковы, Унковские и Косищевы, представители которых фигурировали в посольских книгах в качестве смоленских помещиков. Очевидно, смоленская служба для представителей этих фамилий носила временный характер[502].

Годовщики составили, видимо, основу первых помещиков. Можно обнаружить примеры связи между годовщиками и будущими смоленскими помещиками. В 1552 г. на встрече литовского посольства на рубеже были москвичи Федка и Куземка Сукмановы. Григорий Козмин Сукманов в 1606 г. был одним из смоленских детей боярских. По Смоленску в начале XVII в. были записаны сыновья Истомы Монастырева, смоленского городничего 1547 г. Впоследствии по той же схеме смоленские поместья для своих детей приобрел Б.Б. Захаров, выполнявший в 1580 г. обязанности дьяка в Смоленске[503].

Введение опричнины не оказало принципиального влияния на изменения личного состава смоленских помещиков, хотя, скорее всего, часть переселяемых из опричных уездов детей боярских перебралась на территорию Смоленского уезда. Среди помещиков соседнего Невельского уезда в это время определенно появились переселенцы из попавшей в опричнину Ржевы[504]. Вполне вероятно, что изменение политической ситуации привело к возвращению в Смоленск потомков местных бояр, «литвы дворовой» по Медыни (Полтевы, Свитины, Лосминские[505], возможно, Соколовы). Г. Полтев, смоленский помещик, в 1570 г. ездил с грамотами от московских послов. Б. Свитин в 1565 г. также был известен в этом качестве. Представители этих фамилий присутствовали в десятне 1606 г.[506]

Своеобразный срез смоленских помещиков представляет список имен в «Синодике, убиенных во брани», «которые померли в царев приход крымского царя Девлет Кирея» в 1571 г. Анализ этих имен показывает, что рост численности смоленской корпорации происходил в том числе за счет внутренних ресурсов – активного привлечения к службе представителей земецких фамилий. В общем ряду погибших по крайней мере трое были выходцами из земцев – И.М. Шестаков, И.Л. Дернов и Б.И. Копылов. Начиная с 1560-х гг. представители земецких фамилий начинают встречаться в посольских книгах в качестве гонцов. В 1562 г. двое земцев участвовали во встрече литовского посланника. Какое-то количество земцев наряду со смоленскими помещиками участвовало в полоцком походе 1563 г. В следующем году в качестве гонцов от смоленских воевод ездили К. Ортюхов и Еня Ширков. Земец М. Садилов упоминается в 1576 г.[507]

Десятня новиков 1596 г. показывает, что смоленская корпорация в это время делилась на две части: собственно дети боярские и земцы. При создании этой корпорации, таким образом, была использована отработанная в Новгородской и Псковской землях схема, предусматривавшая несение службы земцами по особым спискам. К этому времени подобное деление было уже довольно условно. Земцы участвовали в поместных раздачах, принципиально не отличались от других служилых людей смоленского «города». Явные выходцы из земецких фамилий Р.В. Чечетов, А.С. Бердяев, а также А.К. и И.К. Груздавцевы вошли в этой десятне в число детей боярских. Очевидно, что некоторые из земцев еще при существовании упомянутого размежевания могли переходить в состав детей боярских[508].

Смоленская десятня 1606 г. окончательно устранила это размежевание. Фамилии «земцев» и «детей боярских» в ней были

взаимно перемешаны друг с другом, в зависимости от служебного статуса, хотя на бытовом уровне подобное деление сохранялось спустя еще некоторое время. В 1606 г. при встрече польского посольства смоленским наместникам предписывалось отправить с грамотой «сына боярского или земца». В «Повести о победах Московского государства» упоминаются смоленские «дворяне и земцы». Местные «земцы» Козловские (дети боярские) выпросили себе в 1610 г. поместье у короля Сигизмунда[509].

Можно предположить, что проникновение земцев в круг детей боярских началось значительно ранее конца XVI в. К числу коренных смолян принадлежали, видимо, Озеренские. Озеренский стан существовал на территории Смоленского уезда. Донской Озерецкой (Озеренский) встречался в десятне 1596 г. среди земцев. С другой стороны, еще в 1566 г. сын боярский Ф. Озеренский ездил от смоленских воевод на рубеж[510].

По тому же пути шло проникновение земцев Роздеришиных в состав детей боярских в соседнем Торопецком уезде. Писцовая книга конца 1530-х гг. фиксирует целое гнездо представителей этой фамилии, оставшихся на своих землях после присоединения Торопца. В той же десятне новиков 1596 г. И.П. Роздеришин числился среди местных детей боярских[511].

Некоторые из бывших смоленских земцев согласно десятне 1606 г. приобрели статус дворовых детей боярских. Обращает внимание компактность расположения их имен в этом источнике. Первый блок, помещенный среди детей боярских с окладом в 450 четвертей, включал в себя Т.В. Алтуфьева, С. Карманова Шестакова, В.И. Петрыкина, Ю.В. и Б.И. Шестаковых. Второй, расположенный уже ниже, в окладе 400 четвертей – И.П. Коптяжина, И.Ф. Ильищева, И.В. Шестакова, Лиховата Ширяева Лыкошина, Н.М. Озеренского, Н.Т. Лыкошина, Посника Т. Шестакова и С.А. Ковердзина. В этой же рубрике чуть ниже обнаруживается и третий блок, состоящий из Г.М. Шестакова, Б.И. Лосминского и Г.М. Озеренского. Для большинства из них очевидны связи со смоленским боярством[512].

В дальнейшем при перечислении дворовых детей боярских, которые служили «со отцы», подряд упоминаются представители тех же фамилий: Зилот Зиманов Озеренский, И.Д. Петрыкин, И.Е. Лакушин (Лыкошин), М.Т. Шестаков, Б.Е. Озеренский, Г.В. Петрыкин и Г.Б. Шестаков. К ним добавились также Нелюб В. Раков и Рахманин Дернов, для которых происхождение из земцев является вероятным[513]. Наконец, в списке дворовых новиков «в сотниках» вместе были названы Б.Т. Шестаков и А.В. Петрыкин. Подобные примеры можно обнаружить и при перечислении городовых детей боярских[514]. Десятня 1606 г., вероятно,

опиралась на какие-то предшествующие ей списки земцев.

Анализ десятни новиков 1596 г. показывает, что в целом земцы не слишком высоко котировались в служебном отношении. Если новики из «московских» фамилий начинали свою службу с оклада в 300 четвертей, то для новиков из числа земцев этот уровень был в два раза ниже – всего 150 четвертей[515]. Количество дворовых детей боярских из земцев не соразмерялось с их общей численностью. В десятне 1606 г. почти все они были записаны в качестве городовых детей боярских. Исключительно из их числа комплектовались дети боярские, «которые осадную службу служат».

Часть земцев этого времени могла быть еще не поверстана в службу. Неслужилые земцы не слишком выделялись из городских «разночинцев». Смоленская крестоприводная книга 1598 г. упоминает среди пятидесятников, которые в большинстве случаев набирались из числа посадского населения, В.Х. Дернова и Л.А. Ширкова[516]. Вполне вероятно, что они принадлежали к хорошо известным в Смоленской земле земецким фамилиям. Согласно десятне 1606 г. только осадную службу несли сразу 33 представителя Дерновых и несколько Ширковых.

Земцы представляли собой богатую питательную среду, из которой вышла значительная часть смоленских детей боярских начала XVII в. С определенной долей условности в составе смоленской корпорации согласно десятне 1606 г. можно насчитать не менее 440 потомков прежних смоленских бояр (35,12 % от общей численности). Это соотношение подтверждается в десятне новиков 1596 г. Здесь было записано 75 детей боярских и 36 земцев. Без учета Полтевых, Р.В. Чечетова, А.С. Бердяева и Груздавцевых, переведенных в «дети боярские», выходцами из земцев были 32,4 % смоленских новиков.

Другой отличительной особенностью смоленской корпорации, особенно в сравнении с соседними «городами» – Вязьмой и Дорогобужем, было отсутствие в ней представителей аристократических фамилий. Если не брать в расчет детей боярских смоленских архиепископов, принятых в смоленский «город» в конце XVI в., то генеалогический состав местных служилых людей отличался высокой степенью худородности. Лишь некоторые фамилии можно было условно отнести к «добрым»: Полтевы, Дедевшины, Башмаковы, Беклемишевы, Чихачовы, Корсаковы, Шушерины, Битяговские, Монастыревы. Далеко не все из них, однако, сумели проявить себя должным образом в дальнейшем.

Первые места в смоленском «городе» занимали в начале XVII в. выходцы из «местных» фамилий, не имевшие прежде

представителей в структуре Государева двора (Зубовы, Дивовы). Многочисленные Зубовы занимали ранее скромное положение среди переславских служилых людей.

Поздние поместные раздачи в Смоленском уезде существенно отличались от «шаблона» предыдущих десятилетий. В Вяземском и Дорогобужском уездах московское правительство изначально стремилось создать нужную ему структуру поместных корпораций, переселяя туда представителей княжеских и боярских родов. В Смоленском уезде поместная колонизация шла более хаотично. Значение имело быстрое наращивание количественной массы служилых людей, а не их качественный состав.

Дворовые дети боярские, как группа в составе местного «города», поздно фиксируется в Смоленске. Эта прослойка определенно существовала здесь в начале XVII в. и вряд ли была известна несколькими десятилетиями ранее. Попавшие сюда в ходе поместных переселений дворовые дети боярские продолжали числиться по бывшим корпорациям (Р.С. Шонуров, Е.Р. Шушерин) или вовсе исключались из дворовых списков (А. и В.М. Битяговские)[517].

Многие фамилии в десятне 1606 г. имели своих представителей среди дворовых и городовых детей боярских. Разнесение нередко затрагивало родных братьев. М. Истомин Монастырев был дворовым, а его брат Петр – городовым. Подобным образом обстояло дело с Г. и М. Валуевыми Румянцевыми, а также И. и Ю.И. Дивовыми. П. Истомин Монастырев в 1550-х гг. упоминался в можайской рубрике Дворовой тетради, что говорит о пересмотре его служебного статуса[518]. Эти группы отличались неустойчивостью. А.И. Тухачевский числился в десятне 1606 г. как дворовый, а его сын Матвей проходил среди городовых детей боярских. Такая же ситуация повторилась в семье Довотчиковых[519].

Нереализованными долгое время оказались также предпосылки для появления смоленских выборных дворян. Помимо частой службы в качестве приставов смоленские дети боярские в 1570–1580-х гг. нередко выполняли службы общегосударственного характера. В 1571 г. в составе посольства князей Г. Мещерского и И. Камбарова находились дворяне Ф. Потемкин и И. Ширяев Зубов. Именно эти лица впоследствии сделали выдающуюся карьеру. Ф.И. Потемкин в 1580 г. ездил на рубеж к папским послам, а затем был отправлен в качестве посланника к датскому королю. В 1587 г. ему было поручено сопровождать в качестве пристава имперских послов. По сообщениям родословных, он был «первый голова в Смоленске».

И. и М.Н. (Ширяевы) Зубовы были в 1571 г. среди поручителей по князе И.Ф. Мстиславском. Через несколько лет И.Н. Зубов известен на дьяческой службе в Посольском приказе. Впоследствии он покинул дьячество и производил писцовые описания нескольких уездов[520].

Можно назвать и несколько других имен смоленских помещиков, выполнявших свойственные выборным дворянам поручения. По данным родословной, Воин Дивов в 1577 г. был есаулом в полках (вероятно, у смолян) в походе на Кесь. В разрядах сохранилось известие о посылке в 1582 г. «в дворянех из Смоленска» Д. Шушерина в Крым. Наконец, Г.М. Полтев в 1587 г. был воеводой на Ливнах. Безусловно, именно эти фамилии образовывали элиту смоленской корпорации. Впоследствии именно из числа их представителей комплектовались местные выборные дворяне[521].

После 1587 и до 1602 г. подобная практика прекратила свое действие. Придворная и «стратилатская» служба смоленских детей боярских носила ограниченный характер. Тот же Г.М. Полтев упоминался в качестве воеводы лишь однажды. Судьба И.Н. Зубова, продолжившего службу в качестве дьяка, а затем сложившего с себя дьячество и добившегося благодаря этому высокого служебного положения, была показательна в этом ряду. Его примеру в дальнейшем последовал Нелюб Суколенов[522].

В число дворян московских с одновременным переходом на службу в состав ржевской корпорации вошли в 1570-х гг. И.И. Бессонный Дивов и его сын Г. Ширяй. Алексинским выборным дворянином служил Воин Битяговский[523].

Поздний характер поместных раздач, отсутствие представителей «честных» фамилий и, как следствие, прецедентов значимых служб обуславливали невнимание центрального правительства к судьбам новых корпораций, среди которых находился смоленский «город». Кардинальным образом ситуация изменилась в годы Смуты, а затем и в первые десятилетия правления Романовых, когда позиция провинциального дворянства обеспечивала успех начинаний центральной власти.

Южные окраины

Новые поместные корпорации возникали также на южных окраинах страны – в Каширском и Тульском уездах. Поместья постепенно стали доминирующей формой землевладения и в других приокских уездах. Появление и последующий рост новых корпораций были связаны с активизацией татарских набегов после фактического расторжения существовавшего ранее московско-крымского союза. В отличие от литовской границы, которая на протяжении нескольких десятилетий значительно переместилась в западном направлении, южное пограничье оставалось неспокойной территорией на протяжении всего XVI в. Эта особенность определила некоторые характерные черты в развитии местных корпораций. Служба их представителей чаще всего проходила по соседству с принадлежавшими им поместьями. Много позднее представительница серпуховской служилой фамилии Патрикеевых старица Варсонуфия вспоминала, что «в старину серпухович службы далние, окроме Серпухова, не бывало»[524].

Военного потенциала служилых людей из южных уездов не хватало для самостоятельного сдерживания татарских набегов. Служба у приокских рубежей была обязанностью широких масс служилых людей. За исключением Рязанской земли, где местная знать сохранила свое влияние, воеводы и наместники в южные города назначались из широкого круга лиц, причастных к «стратилатским» назначениям.

В составе местных корпораций (кроме коломенской) было представлено незначительное количество выходцев из аристократических фамилий, для которых служба здесь не обладала весомыми преимуществами. Для многих из них характерно было позднее появление (переселение) в южных уездах, инициированное московским правительством. Как и в случае со смоленским направлением, земельные владения действовавших здесь членов воеводского корпуса часто располагались в Коломенском уезде, который стал базой для поместной колонизации Каширского уезда. Тульский уезд был связан с Рязанской землей, хотя здесь также обнаруживаются некоторые выходцы из Коломны[525]. В источниках отмечается определенная «специализация» князей Оболенских, несших службу со своих родовых земель на южном пограничье. Здесь же были отмечены в разрядах местные служилые князья Воротынские, Одоевские, Белевские и Волконские. В целом для новых южных уездов вплоть до опричных переселений была

характерна немногочисленность представленных в них служилых людей из центра страны.

Служилое землевладение на территории приокских уездов в XV–XVI вв. уже становилось предметом изучения. В основном историков, затрагивающих эту тему, интересовали его хозяйственно-экономические аспекты, хотя И.И. Соколова уделила внимание также определению пофамильного состава местных землевладельцев и влиянию на него переселений опричного времени. Историко-археологическое изучение Коломны «с волостьми» было предпринято А.Б. Мазуровым[526].

При немногочисленности сохранившихся частных актов по этому региону большое значение имеет изучение делопроизводственных документов. В первую очередь это – каширская десятня 1556 г.[527] В достаточно полном виде сохранилась также коломенская десятня 1577 г. Обе эти десятни дополняются материалами писцовых описаний Каширского и Коломенского уездов конца 1570-х гг.[528]

Коломенский уезд

Коломенский уезд рано вошел в состав Московского княжества. Коломна была присоединена еще в начале XIV в. Часть коломенских волостей позднее вошла в состав Московского уезда. Коломенская рать в XIV в. участвовала в походах московских князей. С.Б. Веселовский показал коломенское происхождение Софроновских и Проестевых, предок которых был воеводой во время похода Ольгерда к Москве 1364 г.[529]

Близость к столице и стабильность статуса приводили к появлению здесь вотчин московских бояр. По топонимическим данным, уже в XIV – начале XV в. в Коломенском уезде находились земли, принадлежавшие Ф. Колычу, И. Серкизу, И. Мячко, А. Ослебяте, вероятно, также Окатию, предку Валуевых. В XV в. по актовым материалам здесь было представлено значительное число лиц из придворного окружения: Сабуровы, Годуновы, Волынские, Липятины, «удалой воевода» Ф.В. Басенок, князь И.Ю. Патрикеев, И.А. Лобан Колычев.

Ретроспективный анализ Дворовой тетради и писцовой книги 1570-х гг. показывает, что коломенские вотчины принадлежали, кроме того, разным ветвям Захарьиных, потомков Ф.А. Кошки Кобылина: Юрьевым, Романовым, Яковлевым, Беззубцевыми и Шереметевым. Все они, несмотря на наличие вотчин в разных частях страны, в Дворовой тетради были зафиксированы по Коломне.

Длительную историю имело землевладение Козловых-

Морозовых. В Дворовой тетради по Коломне были отмечены В. и А.С. Козловы. Писцовая книга показывает, что они вместе с Юрьевыми Козловыми владели вотчинами в Деревенском стане. Здесь же располагались земли И.Л. Салтыкова, «старая их вотчина», село Солтыково. Подобное соседство не было случайным. Козловы и Салтыковы были родственниками, общий предок которых И.М. Морозов жил в середине XV в.[530]

«Старой» вотчиной владели в Коломенском уезде Ульянины-Давыдовы (село Ульянино, деревня Давыдово). Сопоставление имен наследников этой вотчины конца 1570-х гг. с родословной росписью показывает, что она принадлежала основателю этой фамилии Давыду Ивановичу (конец XV в.)[531]. По родословным данным, Давыдовы были родственниками Уваровых и Михайловых (Петровых и Злобиных Петровых). Последним принадлежало родовое село Богородицкое. Это село должно было принадлежать их общему предку Михаилу Степановичу, жившему где-то во второй половине XV в.[532] Упоминание в коломенских актах Уваровых говорит, что все эти фамилии принадлежали к числу старинных местных землевладельцев.

Родственниками Чюхно Латынина Константинова были И. и К.Л. Игнатьевы (возможно, также Истома Матвеев), коломенские дети боярские. Очевидно, что и в этом случае можно говорить о связях с Коломенским уездом для их общего предка – Игнатия Константинова, жившего в середине XV в. В.И. Константинов в начале 1480-х гг. был «мужем» на суде у наместника Я.З. Кошкина. Его сын Латыня «былъ прикащикъ (городовой?) на Ко ломне»[533].

Рано были представлены здесь Беклемишевы. В коломенской рубрике представители этой фамилии были размещены двумя небольшими группами на удалении друг от друга. В состав первой входили А., Ф. Берсеневы и Ф.Г. Беклемишев. Второй – А., Истома, Злоба Ф. Щепотевы и Б. Третьяков Змеев[534]. Родословная роспись Беклемишевых имеет не слишком достоверный характер. К ней приписалось определенное количество фамилий. В линии Щепотевых были представлены лишние поколения. Несмотря на «прямое» и сравнительно недавнее происхождение от Беклемишевых (Федор Щепоть должен был действовать в первой трети XVI в.), они никогда не использовали для своего обозначения эту фамилию. Отмеченная связь Щепотевых со Змеевыми находит косвенное подтверждение в топонимике Коломенского уезда, где в 1570-х гг. деревня Щипотевская (Щепотьево) соседствовала с сельцом Змеево[535]. Не исключено, что Щепотевы могли иметь отношение к Беклемишевым, но их место в родословной росписи выглядит

неубедительным. Сами Змеевы были коломенскими вотчинниками («старая их вотчина»).

Другая линия Беклемишевых, представленных в Коломне, вела происхождение от Н.В. Беклемишева, известного деятеля времен правления Ивана III. Он был душеприказчиком у коломенца М. Новокрещеного. Берсеневы-Беклемишевы владели вотчинами на территории Коломенского уезда[536].

По Коломне служило в середине XVI в. большое число представителей тверской фамилии Собакиных разных ветвей. Коломенскими землевладельцами были по крайней мере сыновья В.Д. Собакина, который перешел на службу к Ивану III в 1476 г.[537] Поздний переход объясняет преобладание поместий у Собакиных и их не слишком прочные связи с Коломенским уездом. Родовые земли у них сохранялись на территории Тверской земли, а также в Переславском уезде.

К концу XV – началу XVI в. относилась деятельность окольничего князя В.И. Ноздроватого Звенигородского, внуки которого принадлежали к числу коломенских вотчинников. В Дворовой тетради по Коломне были записаны князья Ю. и В.И. Токмаковы и их двоюродный брат князь В.П. Звенигородский[538].

К пришлым фамилиям более раннего времени относились Писаревы, Протасьевы – потомки печально известного мценского воеводы Г. Протасьева, Блудовы (из бояр фоминско-березуйского княжества)[539].

Некоторые из коломенских землевладельцев связывали свою службу с местной корпорацией. В конце XV в. в источниках фиксируется круг местных детей боярских. На докладе у Я.З. Кошкина присутствовали упомянутый В.И. Константинов, А.Ф. Наумов, Н.С. (Митя) Писарев, И. Умрыха Васильев, И. Мишков Хотяинцов, князь И. Мышецкий, Домашней Медведев[540]. В перечне детей боярских на свадьбе князя В.Д. Холмского 1500 г. выделяется несколько имен вероятных коломенцев. Подряд были перечислены Тишка Лихарев, Федор Коверя (позднее, возможно, Феодосий Коверя, знаменитый старец каширского Белопесоцкого монастыря), Умрыха (И. Умрыха), Тювец (В. Тювяш) Васильевы Зиновьевы, Нащока (Т.Н. Нащока) Мотякин[541], что является возможным свидетельством формирования территориальных списков Государева двора. Лихаревы[542] и Коверины позднее присутствовали в коломенской рубрике Дворовой тетради.

В материалах Коломенского уезда конца XV – начала XVI в. встречаются Наумовы, Ворыпаевы, Шерефединовы, Уваровы, Хлоповы, Клементьевы (Останковы), Воронины, Срезневы[543], Щекины[544], чьи родственники и потомки служили в составе коломенской и каширской (Уваровы) корпораций в последующее

столетие.

Не обошло стороной Коломну освоение Новгородской земли. Некоторые коломенцы перебрались сюда на поместья: Софроновские, Протасьевы, Новокрещеновы, Нащокины-Мотякины[545].

Подмосковное расположение Коломны, наличие среди местных землевладельцев влиятельных лиц из окружения великого князя способствовали карьерному росту коломенцев. Уже в конце XV в. значительных успехов удалось добиться Наумовым. В.Г. Наумов несколько раз выступал в качестве посла и писца. В 1528 г. он был среди поручителей по князьям И. и А.М. Шуйским. Его сын Федор в 1536/37 г. ездил с посольством в Крым. Т.Г. Бухара Наумов в 1495 г. находился в свите Ивана III. Позднее он производил разъезд удельных Кашинского и Углицкого уездов от великокняжеских земель. М.А. Бурухин Наумов в конце 1540-х гг. был сокольничим. На этой должности его сменил позднее И.Ф. Жокула Наумов. Из этой же фамилии происходили известный дьяк Ивана III И. Кобяк Наумов и И.И. Ишук Бухарин. Показателем успешности служб Наумовых является запись в боярской книге 1547 г., где среди стряпчих было отмечено сразу шесть их представителей[546].

Родословная Лихаревых отразила коломенско-каширских представителей этой фамилии. В ней, в частности, фигурировал ясельничий Давыд Лихарев. В 1502 г. он был отправлен с посольством к Ших-Ахмату. Его сын Григорий в 1517 г. был задействован в приеме «сестричича» С. Герберштейна в Смоленске[547].

Еще одним ясельничим из коломенцев стал Ф.С. Хлопов. В 1525 г. ясельничим был также И.И. Суков, владевший вотчиной в Коломенском уезде. Подобная последовательность вряд ли была случайной и могла объясняться существованием списков «к кормленному верстанию», имевших территориальную составляющую. Ловчим в первой трети XVI в. был коломенец Д.Г. Проесть из боярского рода Мининых[548].

Распространение поместной системы привело к проникновению в Коломенский уезд новых лиц и фамилий. В XVI в. Коломна превратилась в центр сосредоточения русской армии. Это отразилось на появлении здесь большого числа выходцев из соседних приокских уездов. Среди них в Дворовой тетради были записаны представители рязанских боярских родов: П.Ф. Гаврилов Кобяков, С.Г. Сидоров, Д. Чулков Ивашкин Тутыхин. На южной «украйне» служили Колтовские, происхождение которых было связано с Колтеском (село Колтово). По Тарусе и Калуге служили князья Борятинские. Из

соседнего Малого Ярославца происходили Немир и Р.Г. Козловы «Шемячичевские», с Боровском были связана представленная здесь ветвь князей Киясовых-Мещерских[549].

Обращает внимание упоминание в разрядах «на Коломне» лиц, потомки которых фигурировали позднее в коломенской рубрике Дворовой тетради. В 1529 г. на Тулу с Коломны были посланы князь В. Кияс Мещерский и И. Тутыхин, из соседней Каширы – О. Андреев. Головами на Коломне в 1538 г. были князья И.В. Токмак Звенигородский и И.М. Хворостинин, а также С.Г. Сидоров. Несколько раз воеводой на Коломне был Ф.Я. Замятнин. В 1541 г. с вестями в осажденный Пронск был отправлен А.В. Овцын[550]. Основная служба коломенцев, как и представителей других южных уездов, проходила на приокских рубежах. Участвовали они и в казанских походах, хотя и не «специализировались» на этом направлении.

В данной грамоте Богоявленскому монастырю 1548 г. упоминалось поместье, принадлежавшее ранее пану Игнатию. Среди коломенских помещиков конца 1570-х гг. встречалось трое литовцев и большое число служилых татар. Некоторые из них появились здесь за несколько десятилетий до писцового описания[551].

Приток новых лиц и фамилий существенно разнообразил состав местных детей боярских. Анализ коломенской рубрики Дворовой тетради демонстрирует два вектора, определявших их судьбу в середине XVI в. Здесь было отмечено большое число представителей аристократических фамилий, которые числились по Коломне: Юрьевы, Яковлевы, Шереметевы, князья Звенигородские и Хворостинины. Маловероятно, чтобы они реально выступали в походы вместе с коломенскими детьми боярскими[552]. Их служба была связана с высшими эшелонами Государева двора. Поземельные связи продолжали играть определенную роль, но явно теряли доминирующий характер.

Не удается найти следы протекции со стороны «сильных людей» в выдвижении коломенцев, достигших в середине XVI в. успехов на дьяческом поприще. Среди них были братья Михайловы Мишурины (в первую очередь Ф.М. Мишурин), В. Обрютин Мишурин, П.И. Шерефединов и, возможно, Шестак И. Воронин. Эти дьяки способствовали выдвижению своих близких родственников[553].

Судя по актовому материалу и реликтовому слою писцовой книги конца 1570-х гг., в середине века на территории Коломенского уезда земли, вотчины и поместья принадлежали большому числу лиц, не имевших отношения к местному «городу»[554]. Был представлен также ряд лиц, которые служили

по другим уездам, например тулянин Г. Сухотин и помещик Шелонской пятины Залешанин Бобров[555].

Являясь коломенскими землевладельцами, они находились за пределами круга местных связей, что наглядно проявлялось при оформлении поземельных актов. Послухами и писцами грамот в них выступали не связанные с Коломенским уездом лица[556].

Коломенский уезд в годы опричнины оставался в составе земщины. Незначительность числа коломенцев-опричников, их устоявшиеся связи с придворным окружением и не слишком высокий уровень внутрикорпоративных связей не могли стать основой для возвышения других представителей этой корпорации. При отсутствии поддержки «сильных людей» местные дети боярские не смогли извлечь выгод из двух браков Ивана IV: с Марфой Собакиной и с Анной Колтовской. Кратковременные возвышения Собакиных и Колтовских не привели к росту карьер их родственников и сослуживцев, а после царских опал и вовсе потеряли значение.

С другой стороны, масштабная поместная колонизация Каширского уезда, которая шла в 1550–1560-х гг., вела к оттоку представителей коломенского «города». Только в коломенской рубрике Дворовой тетради насчитывалось 16 помет о переходе «на Коширу». Всего же из отмеченных в каширской рубрике имен 26 встречались в рубрике «Коломна». Писцовая книга Каширского уезда конца 1570-х гг. называет еще ряд лиц, связанных прежде с коломенской корпорацией. Среди них вдова и малолетний сын Я.О. Андреева, М.П. Проестев. Этот процесс затрагивал и городовых детей боярских[557]. Переселение в Каширский уезд коснулось деятельных и активных членов коломенской корпорации, регулярно получающих разрядные назначения (князья Токмаковы, Г. Злобин Петров, Щепотевы и т. д.), что не могло не отразиться на службе других членов этого «города». К концу 1570-х гг. кроме «боярских» фамилий выбыли из состава местной корпорации Хворостинины, Токмаковы, Борятинские, Мещерские, а также Замятнины, Собакины, Тутыхины, Сидоровы, Голохвастовы[558], Овцыны, Щепотевы, Андреевы-Павловы, Коверины, Козловы, Лихаревы.

Эти потери частично возмещались за счет внутренних ресурсов. Десятня 1577 г. показывает, что число дворовых в это время пополнил ряд отсутствовавших в Дворовой тетради фамилий: Норовы, Хотунские, Пестовы, Похвиснев, а также А. Тучков Ратцов, Б.И. Кучин, Н.И. Бобынин. Наличие в этом списке родных братьев косвенно свидетельствует о том, что дворовый статус принадлежал уже их отцам, то есть стал достоянием этих семей в предыдущем поколении.

Опричные переселения сыграли свою роль в формировании нового облика коломенской корпорации. Только некоторые лица, получившие земли в качестве компенсации за отобранные у них вотчины и поместья в опричных (позднее удельных), уездах («з городом вместе»), влились в ее состав. Выходцами из Ярославля были С. и Ю.Ф. Горины и К.М. Найнаров; из Ржевы Володимеровой – П. и И.Б. Голочеловы, а также К.М. Беклемишев и четверо князей Щетининых; из Малого Ярославца – Р.В. и Бажен Я. Яцкие, Ф. и П.С. Похвисневы и, вероятно, Ф.И. Михалчуков[559]. Вотчины и поместья на территории Переславского уезда принадлежали Нороватым. И. Ширяев Нороватов получил земли в Коломенском уезде «против старые переславские вотчины»[560].

За пределами опричных переселений новыми лицами в составе коломенской корпорации стали Н.Д. Фомин (Руза)[561], З.А. Житов (Тверь), Шараповы Любучениновы и Отрепьевы (Боровск), Ф.А. Исаков (Торжок), К.И. Жеребятичев (Юрьев). По Коломне начали служить местные вотчинники Шерефединовы, Дубенские, Меншик Марков, старшие родственники которых ранее были отмечены по Москве. До опричнины обосновались в Коломенском уезде Зачесломские. Так же о переселении до опричнины писали в своей родословной Огалины[562]. Вероятно пришлое происхождение еще ряда лиц.

Часть новых переселенцев влилась в состав коломенских выборных дворян и дворовых детей боярских, частично возместив потери предшествующих десятилетий. Некоторые из них не смогли сохранить свое привилегированное положение. Среди дворовых находился Р.В. Яцкий, а его племянник Бажен Васильев был отмечен уже среди городовых.

Личный состав коломенской корпорации на протяжении XV–XVI вв. не отличался стабильностью. Более или менее сложившийся вид он приобрел по окончании опричных и послеопричных переселений. Определяющим фактором его развития за рамками поместной колонизации более южных уездов, как и в случае с Можайским уездом, являлось подмосковное расположение Коломенского уезда, приводившее к притоку сюда новых лиц и фамилий.

Каширский уезд

Более демократичным был состав каширских детей боярских, формирование которых происходило в более позднее время.

Земли за Окой, на «рязанской стороне», из которых впоследствии был сформирован Каширский уезд, начали попадать под власть московских князей в первой трети XIV в. По

соглашению 1381 г. все они были переданы Олегу Рязанскому. Докончание Ивана III с Иваном Рязанским 1483 г. зафиксировало, однако приобретения Василия Темного в Рязанской земле: «А что купля отца нашего, великого князя Василья Васильевича, за рекою за Окою, Тешилов, и Венев, и Растовец, и иная места». Завещание Ивана III позволяет установить, что в составе этих «иных мест» были также Безпутский стан и Мстиславль[563].

Сложно сказать, когда был создан собственно Каширский уезд. Поуездное разграничение территорий «за Окою» отсутствовало как в завещании Ивана III, так и в договоре с Великим княжеством Литовским 1494 г. Вероятно, связь между каширскими станами и волостями была непрочной, а сами они долгое время сохраняли обособленность. Некоторые из них долгое время могли рассматриваться как самостоятельные административные единицы. Еще в 1539 г. в летописном тексте Ростовская волость (Ростовецкий стан?) упоминалась отдельно от «Коширских мест»[564]. Подобная дробность была характерна и для других приокских городков, где поздно сформировалась уездная организация.

В 1497 г. Кашира была пожалована казанскому царю Магмет-Амину. Это пожалование стало первым, но не последним в общем ряду. Кроме него Каширой владели в разные годы также Абдул-Летиф и Шигалей (Шах-Али). Трудно определить реальный объем их прав в Каширском уезде. Скорее всего, речь шла о праве распоряжения определенными станами и волостями. При этом сохранялись поместья, данные служилым людям Иваном III и Василием III[565].

Какими-то суверенными правами могли обладать и служилые князья, получавшие в кормление Каширу. Выехавший в 1526 г. князь Ф.М. Мстиславский кроме «отчин» получил в кормление Каширу. Разрядные записи подтверждают службу князя Ф.М. Мстиславского здесь на протяжении 1527–1529 гг. А.А. Зимин считал, что пожалование кормлений вместо «отчин» является показательным на пути превращения князей-суверенов в обычных наместников[566]. Вполне вероятно, речь в данном случае шла о самом городе Кашире. Отдельные каширские волости могли быть переданы князю Ф.М. Мстиславскому на более привычных основаниях. Впоследствии, в 1560-х гг., его сын Иван был пожалован крупными вотчинами в Веневском уезде.

Определяющими для становления каширской корпорации стали поместные раздачи. За исключением нескольких монастырских вотчин здесь было распространено только поместное землевладение. Вотчины рязанских бояр, очевидно, перешли в собственность московских князей[567]. Первые

поместные раздачи начались, скорее всего, в самом конце XV в. Этот процесс шел синхронно с новгородским «испомещениями» и затронул примерно тот же круг лиц и фамилий.

Анализ имен князей Мещерских из каширской десятни 1556 г. и каширской рубрики Дворовой тетради показывает, что все они принадлежали к одной ветви. Их общим предком был князь К.Б. Мещерский. Эта ветвь князей Мещерских была неизвестна за пределами Каширского уезда. Очевидно, переселение затронуло всех трех сыновей князя К.Б. Мещерского. Их двоюродные братья получили поместья в Новгородской земле. Князья Мещерские в конце XV в. потеряли остатки владений в Мещере, что давало возможность московскому правительству свободно перемещать их на службу в новоосваиваемые территории[568].

Каширская писцовая книга конца 70-х гг. XVI в. позволяет проследить некоторые древнейшие поместья князей Мещерских в Ростовском (Ростовецком) стане. Князю И.В. Мещерскому принадлежала треть села Терново. Его двоюродный племянник П.М. Мещерский владел половиной трети того же села. Десятня 1556 г. называет троих братьев Мещерских – Василия, Григория и Владимира Григорьевых, которые, скорее всего, и владели по третям упомянутым селом. Следы третного деления видны и в случае села Воскресенского. Двумя третями этого села владел сын Г.Г. Мещерского Василий. Соответственно, братья Григорьевы Мещерские могли получить их в наследство от своего отца Григория Кота или даже деда – Я.К. Мещерского. Последнее предположение подтверждается наличием рядом с селом Терново еще одного «гнезда» Мещерских – села Баскачи, частями которого владели Ю.И. Плишкин, а также А. и И.Н. Мещерские. Рядом с Баскачами располагалось владение Г.С. Мещерского. Эти лица отсутствуют в официальной родословной. Скорее всего, они были потомками Н.К. Мещерского, у которого было четверо сыновей. Возможно, именно от этого «четвертного» деления происходила четверти села Баскач Ю.И. Плишкина, а также А. и И.Н. Мещерских. Села Терново, Баскачи и Воскресенское были пожалованы, вероятно, князьям Мещерским при их переселении в Каширский уезд[569].

Земли в Каширском уезде получили также некоторые сподвижники Ивана III. В конце XV или в начале XVI в. поместьем здесь владел боярин Г.Ф. Хромого. В 1522 г. его поместье было пожаловано новому владельцу Ф.Г. Хмырову. Писцовая книга конца 1570-х гг. говорит об одной из церквей Ростовского стана как о поставлении М.Я. Русалки, дворецкого конца XV в.[570]

Вероятно, поместьями здесь владел «наивышший»

московский воевода князь И.Ю. Патрикеев. При перечислении «серебра на руках» в его завещании встречается село «на Безпуте на Иванкове», а также владения Пилюгино и Сидоровское. Эти владения не передавались по завещанию сыновьям и жене. Село Иванково и прилегающие к нему деревни Сидоровская и Пилюгино возле речки Безпута позднее входили в состав дворцовых владений Каширского уезда[571].

Некоторые послужильцы из завещания этого вельможи стали родоначальниками каширских служилых фамилий. Определенно связь прослеживается между И. Трубником и Ф. Трубником А. Хинскими, известными среди «людей» в завещании И.Ю. Патрикеева, и каширскими помещиками Хинскими. Третьяк, Богдан и Тропа Федоровы Хинские фигурировали в десятне 1556 г. Писцовая книга конца 1570-х гг. знает сына Третьяка – Василия Третьякова *Трубникова* Хинского. Еще одному помещику – Дорше Хинскому – принадлежала деревня Трубниково. Сыном Орефы Дмитриева Родичева был Семен Орефов Родвучев, встречавшийся в десятне 1556 г. Ключниками (холопами) князя И.Ю. Патрикеева «на Безпуте» были Гридя и Андрейка Страховы. Позднее семья Страховых известна среди каширских детей боярских[572].

Скорее всего, к числу потомков «людей» И.Ю. Патрикеева принадлежали также Архаровы и Пещеревы. Большая часть поместий представителей этих фамилий была компактно расположена в Безпутском стане, где, вероятно, были размещены на рубеже столетий их предки. В этом отношении каширский опыт организации службы имеет близкую аналогию с Новгородской землей, где бывшие послужильцы также составили значительную часть помещиков. Потомки «людей» И.Ю. Патрикеева заняли скромные места в структуре каширской корпорации. Большинство довольствовалось окладами – в 100 четвертей, никто из них не вошел в число местных дворовых детей боярских.

Смутная память об испомещении в Каширском уезде бывших послужильцев сохранялась в XVII в. В местническом справочнике упоминалась служба в 1492 г. Чеглока Лихорева по кабальному холопству у некоего князя М. Реткинского, с последующим верстанием по Кашире[573].

Близость к новгородским раздачам можно обнаружить также применительно к рядовым детям боярским. Истома (Бовыкин) Оладьин (Шишмарев) в 1511/12 г. был среди детей боярских «добрых» (очевидно, новгородцев[574]), отправленных для урегулирования порубежных споров. Он, очевидно, приходился внуком тиуну Оладье Шишмареву, который был тесно связан с

упомянутым И.Ю. Патрикеевым. Поместье Истомы и его брата Якова в Шелонской пятине в конце 1530-х гг. перешло в руки других помещиков. В каширской десятне 1556 г. встречается Гриша Истомин Аладьин[575]. Других прямых пересечений между служилыми людьми Северо-Запада и Каширского уезда обнаружить не удается[576].

Как и в «новгородском» примере, представители знати, не связанные в служебном отношении с местной корпорацией, в дальнейшем утратили поместья в Каширском уезде.

Общая немногочисленность найденных фактов свидетельствует об определенном «замораживании» процесса поместных раздач, на территории Каширского уезда в конце XV (после 1497 г.). Эти изменения были обусловлены ролью Каширы в планах по привлечению на службу татарских царей и царевичей, а также служилых князей из Великого княжества Литовского.

В составе каширской корпорации можно найти «следы» пребывания князей Мстиславских в Каширском уезде. На службе у князя И.Ф. Мстиславского находился Иван Григорьев Толочанов. Каширская десятня 1556 г. упоминает Ивана Иванова Толочанова, который, вероятно, приходился ему сыном. Толочановы, как и ранее названные «люди» И.Ю. Пат рикеева, владели поместьями в Безпутском стане[577].

Такого рода чересполосица для владений (различного правового статуса) служилых князей была достаточно характерна. Известно, что в 1533 г. поместья «княж Ивановских людей Воротынского» располагались в «Мещоску и Козельску», которые не принадлежали к числу наследственных владений этой фамилии[578]. Некоторые из каширских служилых людей могли получить свои поместья из рук этих владетелей-кормленщиков.

В середине XVI в. Колтовские целой группой перебираются на поместья в Каширский уезд из соседней Коломны. Потомки Я. Шемета Колтовского, возможно, получили здесь поместья еще раньше[579]. В Кашире и в Туле обосновались Мясные, позднее приписавшиеся к тверской фамилии Суминых-Измайловых. Н.В. Мясной в 1535 г. был гонцом в Крым. Его брат Г. Судок, основатель каширской ветви, в писцовой книге 1570-х гг. упоминался как «строитель» церкви в селе Одинцово Каширского уезда[580].

В 1542 г. на докладе у боярина И.Г. Морозова в Суздальском уезде присутствовал «сын боярской кошириенин» Немир Мукин, женившийся на дочери местного вотчинника Г.В. Святикова[581]. К этому времени каширские помещики, очевидно, уже были оформлены в особую корпорацию. Скорее всего, это событие произошло еще в предшествующие десятилетия, до создания

дворовой книги 1536/37 г.

Формирование единой корпорации происходило на основе нескольких «становых» групп служилых людей. В десятне 1556 г. выделялись городовые дети боярские Ростовецкого стана. Упоминание Ростовецкого стана органично вписывается в структуру общего текста. Каширская десятня 1570 г., сохранившаяся в виде полистного алфавита, содержала упоминания о станах «Беспута» и «Мстиславль»[582]. «Географическое» деление присутствовало в текстах обеих каширских десятен.

Применительно к дворовым детям боярским отмечается постепенное уменьшение окладов от уровня 600 четвертей у А.Д. Таптыкова и до уровня 100 четвертей у И.Т. Меньшого Мясоедова[583]. Значительное число дворовых в верхней части десятни было записано без упоминания об их окладе. Сопоставление каширской десятни 1556 г. с синхронной ей по времени «боярской книгой» 1556/57 г. показывает тем не менее соответствие отмеченной закономерности. В «боярской книге» 1556/57 г. значатся А.С. Лихарев и князь И.Ф. Горчаков Перемышский с окладами 400 и 300 четвертей. Оба они в десятне были помещены после уже упомянутого А.Д. Таптыкова (оклад 600 четвертей) и перед Я.Т. Мясоедовым, имевшим оклад 250 четвертей. При этом А.С. Лихарев был записан выше князя И.Ф. Горчакова Перемышского[584].

Можно отметить однородность списка дворовых, который в этом отношении серьезно отличается от списка городовых детей боярских. Среди последних также шло постепенное уменьшение окладов[585]. В этом списке, однако, присутствовали значительные нарушения общей закономерности. В отдельных примерах речь могла идти о приписках либо изменениях текста. В остальных – отражало изменение структуры самого документа.

После целой группы детей боярских с окладом 100 четвертей (Несвитай Ширяев Срезнев, Мовка М. Антоников) и 13 лиц без упоминания оклада был назван Ю.Г. Тутолмин с нетипичным окладом 230 четвертей. Его оклад и, соответственно, разрыв в ряду предшествующих имен нельзя считать позднейшими вставками. Несмотря на то что следовавшие за ним несколько лиц были перечислены без дополнительной информации, можно понять, что их оклады были выше 100 четвертей. Третьяк И. Безпятого (через пять имен после Ю.Г. Тутолмина) в десятне был отмечен с тем же окладом в 125 четвертей. Этот оклад находит соответствие в писцовой книге Каширского уезда конца 1570-х гг. Такой оклад принадлежал Мишке Савлукову Костяеву, служившему «с отцова». Савлук Костяев упоминался как раз после

Ю.Г. Тутолмина (через два имени) и непосредственно перед Третьяком Безпятого. Очевидно, имя Ю.Г. Тутолмина открывало собой группу служилых людей, отличавшуюся от предыдущей по размерам своих окладов[586].

Обращение к писцовой книге Каширского уезда позволяет выявить причины подобного выделения. Ю.Г. Тутолмин, в отличие от предшествующих ему имен, которые, как это и было означено в начале рубрики городовых, служили из «Ростовецкого стану», владел в конце 1570-х гг. поместьем в Безпутском стане. Анализ землевладения большинства следовавших за ним лиц, их потомков и ближайших родственников подтверждают предположение, что они также были связаны с этим станом[587].

Скорее всего, в тексте десятни 1556 г. существовала рубрика «Безпуцкий стан» или «Беспута», по аналогии с позднейшей десятней 1570 г. В десятне 1570 г. рубрика «стан Беспута» начиналась с оклада 300 четвертей, в то время как предшествующие имена помещиков Ростовецкого стана имели более скромные оклады (Б.В. Пашинин всего 100 четвертей)[588].

Особенностью отмеченной группы имен является значительная вариативность их окладов. Их величина зачастую отличается от традиционного 50-кратного деления. Уже был отмечен оклад 230 четвертей Ю.Г. Тутолмина, а также оклады в 125 четвертей у Савлука Костяева и Третьяка Безпятого. Оклад в 125 четвертей имел также И.Ф. Фофанов. Кроме того, с окладами в 70 четвертей отмечены Салтанко И. Чефаров, Л. Гневышев и А.Н. Пилютин, а также Б.И. Тевяшев. Наконец, Черныш И. Глазов обладал окладом в 80 четвертей, в то время как С. Первов Болотов вообще был записан с очень странным окладом в 36 четвертей. Вероятно, в ряде случаев отражение получил фактический, а не номинальный размер поместий.

Это предположение находит подтверждение в данных писцовой книги конца 1570-х гг. Фактический оклад Ю.Г. Тутолмина (номинальный 500) складывался из владений: сельца Климовского (192 четверти), пустошей Шибасеевой (50 четвертей), починок Шюнинской (7 четвертей) и Трубниково (7 четвертей), жеребья слц. Котенева (49 четвертей). Последнее владение прежде принадлежало ему совместно с Булгачком Колединым. Очевидна вторичность приобретения Ю.Г. Тутолминым пустошей. Без их учета общий размер его земель составлял 233 четверти – число, близкое к названному в десятне 1556 г. окладу[589].

Во время составления десятни 1556 г. Ю.Г. Тутолмин, видимо, был достаточно молод, что отчасти объясняет его невысокий оклад. В десятне 1599 г. он был отмечен среди

выборных дворян «жалование емлют из чети», а годом ранее присутствовал на Земском соборе. К этому времени он уже давно находился в группе выборных дворян[590].

В целом внутри возглавляемой им группы наблюдается определенная хаотичность расположения имен, частое нарушение принципа записи в соответствии с общим для десятни 1556 г. уменьшением окладов. Нижняя часть этой группы тесно соприкасается с именами, которые судя по писцовой книге конца 1570-х гг. принадлежали уже станам «Туров» и «Тешилов».

В частности, порожжее поместье Ю. Горбатого фиксируется составителями писцовой книги в Туровом стане, а поместный оклад Ю.И. Горбатого – 350 четвертей, несмотря на отмеченную хаотичность, серьезно превосходил предшествующий ему уровень[591]. Последующие имена составляли новую группу – помещиков Тешилова стана.

Как и в предыдущем случае, вслед за рубрикой «Тешилов», скорее всего, располагалась рубрика «Мстиславль». Возможно, эта рубрика начиналась с имен братьев И.К. и Репчука (Репеюна) К. Карповых. Известно, в частности, что в конце 1570-х гг. выборный дворянин Репчук К. Карпов обладал крупным окладом в 600 четвертей[592]. Ее окончание теряется среди имен недавних новиков, принадлежавших к различным станам Каширского уезда. Как и в предыдущих случаях, внутри группы присутствовал «разнобой» при перечислении окладов. Наблюдаются и нетипичные оклады. Например, Д.А. Хотяинцов имел оклад 112 четвертей[593].

Обращает внимание неоднородность списка этих служилых людей. Стройной и упорядоченной, в соответствии с общей структурой текста, выглядит группа городовых детей боярских Ростовецкого стана. От этой группы отличаются, и существенно, группы детей боярских из других станов: Безпутского, Турова, Тешилова и Мстиславского, что позволяет предположить характер их приписки к основному тексту. Не исключено, что ранее они служили по особым спискам, которые не были упорядочены в соответствии с получившими распространение в 1550-х гг. «правильными» окладами, так что составителям десятни 1556 г. приходилось ориентироваться на «сказки» детей боярских. Подобные ситуации неоднократно встречались в той же «боярской книге» 1556/57 г.

«Становое» деление не распространялось на дворовых детей боярских. Большая часть из них владела поместьями в Ростовском (Ростовецком) стане. В Безпутском стане, где компактно располагались поместья бывших «людей» князя И.Ю. Патрикеева, примеры такого рода были единичны. Согласно писцовой книге

конца 1570-х гг., поместья здесь принадлежали «дворовым»: князю Г.Г. Мещерскому, А.М. Черноморскому, И., В.А. Палициным, Замятне и И. Неверовым, а также И.Б. Колтовским. Из них А.М. Черноморский был сыном «нововыезжего» М.И. Черноморского. Скорее всего, «пришлое» происхождение имел и В.Ф. Палицин[594]. Наследственные владения князей Мещерских, как было показано выше, располагались в Ростовецком стане.

Судя по писцовой книге, основные владения И. и Г.А. Васильчиковых находились в Тешиловом стане. Это обстоятельство не отражалось на их месте внутри общего списка. Дворовые дети боярские в середине XVI в. продолжали служить по особым спискам и не смешивались с массой городовых детей боярских. В десятне 1570 г. новые помещики, переведенные на службу в каширскую корпорацию, в том числе и из опричных территорий, были разделены на две части: «Дети боярские из разных городов. Дворовые» и «Дети боярские новопомещики, преж того служили из разных городов», каждая из которых была приписана к дворовым и городовым детям боярским соответственно. Подобным образом имена сыновей и младших братьев приписывались внутри текста Дворовой тетради. Такого рода практика была продолжена в ряде десятен. Коломенская десятня 1577 г. разделяла новиков, поступивших на службу, на дворовых и городовых. В списке галицких детей боярских, назначенных на службу с Е. Третьяковым Котениным, также встречались новики городовые[595]. В каширской десятне 1556 г. такое деление отсутствовало, что, возможно, было отражением неустоявшегося пофамильного состава местных дворовых детей боярских, основу которого составили переведенные сюда сравнительно недавно лица.

Упоминание станов, как исходного элемента при создании десятен, прослеживается и по другим источникам. Нижегородская десятня 1569 г. также говорит о делении по станам: «Десятня, а в ней написаны дети боярские, хто в котором стану живет»[596]. Очевидно, это явление отражало характерные для раннего времени особенности организации некоторых служилых «городов».

Анализ каширской рубрики Дворовой тетради показывает значительное проникновение сюда «пришлых» фамилий. Подавляющее большинство каширян имело связи с соседним Коломенским уездом. Эти связи имели значение, видимо, с момента начала поместных раздач. Некоторые бывшие «коломничи» в середине XVI в. были представлены в Каширском уезде несколькими разросшимися ветвями (Хотяинцовы, Писаревы, Уваровы, Воронины), что говорит в пользу их

достаточно раннего появления здесь. Другие – приобрели поместья уже в 1530–1550-х гг. Уже было показано, какое значение этот процесс имел для коломенской корпорации, откуда в результате вымывалась значительная часть в том числе «разрядных» детей боярских. Для самой каширской корпорации это переселение являлось, естественно, еще более значимым, формируя контуры ее будущей структуры. В 1542 г. на суде у каширских писцов присутствовал Г.Н. Писарев, позднее на детей боярских Каширского уезда «слался» в споре слуга Троицкого Белопесоцкого монастыря. Среди них были М. и И.С. Лихаревы. Обе эти фамилии происходили из Коломенского уезда[597].

Позднее коломенцы также пополняли каширскую корпорацию. В десятне 1577 г. из «новых» фамилий городовых детей боярских с Коломной были связаны Проестевы, Вячеславлевы, Ворыпаевы, Балакиревы[598]. Из одиннадцати лиц, перечисленных в писцовой книге конца 1570-х гг., «которые служат из иных городов, а поместья за ними на Кошире», трое несли свою службу по Коломне[599].

Впоследствии по той же схеме происходило испомещение в Веневском уезде, перешедшем из частного владения князя И.Ф. Мстиславского. Поместья в 1572 г. здесь получили исключительно представители каширской и тульской корпораций[600].

Определенные не слишком значительные пересечения видны также с Серпуховским уездом. И в том и в другом случаях среди местных служилых людей были представлены Таптыковы, Молчановы, Моклоковы-Тарбеевы[601].

Анализ каширской рубрики Дворовой тетради и «дворовой» части десятни 1556 г. показывает, что элита этой корпорации по большей части была перенесена сюда из соседних уездов, а не формировалась здесь путем отбора и ротации.

Родственные связи между каширскими дворовыми и городовыми детьми боярскими носили единичный характер. Однофамильцем первого среди дворовых десятни 1556 г. – А.Д. Таптыкова был городовой сын боярский Н.В. Таптыков, а родственниками И.Л. Писарева – сразу двенадцать Писаревых городовых детей боярских. Подобное разделение внутри этих фамилий возникло, видимо, еще до их перевода в Каширский уезд. Показателен пример коломенцев Писаревых. Они вели происхождение от Сенки Писаря, жившего в середине XV в., и за прошедшее столетие не успели сильно разойтись в своем родстве. В первые десятилетия XVI в. кормленщиками были сыновья С. Писаря Федор, Брюхо и Иван, так что, вероятно, все они служили в составе Государева двора. В 1538 г. письмо великого князя было

адресовано Леве Иванову Писареву, который в это время определенно служил в составе Государева двора. Именно его сын Иванча был отмечен в каширской рубрике Дворовой тетради. Остальные Писаревы, потомки Захара и Никиты Семеновых, опустились до уровня городовых детей боярских[602].

Некоторые из известных Дворовой тетради лиц в десятне 1556 г. также фигурировали в качестве городовых детей боярских. Среди них были В.Г. Есипов и Ф.П. Бахтин. В.Г. Есипов в Дворовой тетради был записан вместе с отцом и братьями по Коломне, а Ф.П. Бахтин был одним из малоярославецких детей боярских[603].

Несколько по-другому выглядит тульская рубрика Дворовой тетради. В ней было представлено всего 9 фамилий, из которых численное преобладание имели князья Волконские, сохранившие родовые вотчины[604]. Недавним выходцем из Ржевы был Г. Жолобов Пушечников, фигурировавший также в ржевской рубрике. Из Рязанской земли происходили Тутыхины (и Ивашкины-Тутыхины). Представители этой фамилии помимо Рязани служили по соседней Кашире. Здесь же были отмечены Мясные. В Коломне известны были среди дворовых Борыковы. Оставшиеся фамилии не имели аналогий в других рубриках Дворовой тетради. Для некоторых из них – Хрущовы, Т.В. Созонов, И.Е. Михнев[605] – вероятным является происхождение из городовых детей боярских. Очевидно, что в подверженный постоянным татарским набегам Тульский уезд было не слишком целесообразно переводить представителей знати из центральных уездов. Формирование местной элиты производилось за счет перевода в число дворовых наиболее видных из местных служилых людей. Процесс поместного освоения шел в этом уезде непрерывно, хотя, возможно, и не слишком высокими темпами в силу отмеченных особенностей, с начала XVI в., без остановок и пауз, которые в Каширском уезде возникали из-за передачи в ведение различным татарским правителям и служилым князьям.

Аналогичный процесс получил импульс для своего развития в Каширском уезде в 1550–1560-х гг., когда сформировался круг местной элиты. Этот процесс, однако, наложился на появление в структуре Государева двора категории выборных дворян, который привел к вычленению наиболее видных в служебном отношении каширян из рядов местной корпорации.

В состав местных дворовых детей боярских влились многие незнатные лица. Согласно алфавиту десятни 1570 г., среди дворовых детей боярских появился Янов Лодыженский, которого можно отождествить с А.Г. Яновым Лодыженским. Здесь же отмечены представители Карповых (вероятно, Репчук К. Карпов) и Биревых. Впоследствии в соответствии с чиновной структурой

служилого города потомки выборных дворян закрепились среди дворовых детей боярских. Каширская десятня 1599 г. в этом отношении дает многочисленные примеры проникновения бывших городовых детей боярских на более высокую ступень иерархии[606].

Некоторые изменения произошли и среди переведенных сюда лиц. Далеко не все из них продолжили здесь свою службу. Указанное наблюдение распространяется на Н. Казаринова Голохвастова (казнен с сыном), Нелюба и Б.Т. Зачесломских, а также Ф., А. и И.А. Писемских. Бездетным умер князь М.М. Хворостинин.

Определенные коррективы были внесены также опричными переселениями. Сохранилась жалованная грамота Думашу Ф. Сумарокову на поместье в Каширском уезде «против алексинского его поместья». На удельной службе находился также В. Угримов Заболоцкий. Вероятно, поместья были пожалованы выселенцам из Малоярославецкого уезда А.А. и Ф.А. Раевским, О.Г. Бокееву, а также можайским детям боярским Л. и Воину И. Михалчуковым[607].

С другой стороны, поместья в Каширском уезде потеряли опричники и «дворовые» князь П.И. Борятинский (поместья сохранили его братья), Васильчиковы, Кончеевы и Мясоедовы. Возможно, опричником был также князь А.В. Вяземский[608].

В десятне 1570 г. присутствовали рубрики: «Дети боярские из разных городов. Дворовые» и «Дети боярские новопомещики, преж того служили из разных городов». Судя по сохранившемуся полистному алфавиту этой десятни, их общее число было незначительно. Среди городовых детей боярских большая часть «новопомещиков» была выходцами из Коломенского уезда, традиционно выступавшего в качестве «донора» для каширской корпорации. В целом можно отметить, что потрясения опричного времени не оказали значительного влияния на структуру каширской корпорации. Новые лица и фамилии органично вписались в нее, быстро слившись с местными детьми боярскими.

Основы формирования каширской корпорации, заложенные в 30–50-х гг. XVI в., в дальнейшем были лишь видоизменены. Сопоставление писцовой книги конца 1570-х гг. с материалами каширской десятни 1599 г. показывает, что пофамильный состав этой корпорации не подвергся в последней трети XVI в. существенным изменениям. В значительной степени это обстоятельство было связано с сохранявшейся специализацией каширского «города». Писцовая книга конца 1570-х гг. показывает, что владение лиц, служивших по другим уездам, было представлено здесь в небольшом количестве, что особенно

бросается в глаза при сопоставлении с соседним Коломенским уездом.

Такая же ситуация существовала в Тульском уезде, где она имела еще более ярко выраженный вид. По писцовой книге конца 1580-х гг. из всех тульских помещиков по Белеву служил князь Н.Д. Засекин, а по списку князей Оболенских – В.В. Тюфякин. Как и в случае с Каширским уездом, здесь фиксируется появление нескольких новых фамилий: Писемские[609], Ростопчины, Новосильцевы (порозжее поместье Меньшика Семенова), возможно, также Бартеневы и Радиловы.

Запущенный маховик поместных раздач в южных уездах продолжал раскручиваться в дальнейшие десятилетия, постепенно охватывая новые территории, которые, как и описанные Коломенский, Каширский и Тульский уезды, находились под постоянной угрозой татарских набегов, что создавало единую линию преемственности заложенных здесь традиций поместной колонизации.

Глава 4. Итоги развития поместной системы. Окладные нормы

Общее развитие поместной системы было связано как с ее расширением и созданием новых поместных корпораций, так и с постепенным совершенствованием ее внутреннего устройства. Поместная система за пределами Новгородской земли развивалась более низкими темпами. Там не было такого количества свободной земли, а появляющиеся поместья лишь дополняли собой вотчины. Значительно слабее были развиты и элементы «правильной» организации службы: несоответствие земельных наделов служебному статусу, обязательная явка на «дальнюю» службу, отсутствие окладов по статьям и т. д. Все эти проблемы будут решаться уже в последующие десятилетия, когда служебная организация превратится в настоящий отлаженный механизм, нацеленный на постоянное ведение военных действий.

Анализ сохранившихся источников показывает, что размеры поместий, раздаваемых в городах «Московской земли» в первые десятилетия XVI в., уступали новгородскому образцу. Показателен пример раздач 1511 г. в Ярославском уезде. Сопоставление упомянутых в жалованных грамотах населенных пунктов со сведениями писцовой книги 1568–1569 гг. позволяет оценить количество переданной помещикам второго десятилетия XVI в. земли. Ф.С. Видову были пожалованы деревни Кузолцово, Онисимцево и Корелово. В 60-х гг. XVI в. его сын Угрим Ф. Видов владел теми же участками (деревни Кузовцево, Онисимцево и пустошь Кореково) без придач. Всего ему принадлежало 28 четвертей земли, находящихся в запущенном состоянии («худая» земля и перелог). Возможно, ранее это владение было несколько большим по размеру. Но разница не была принципиальной. Тот же вывод применим к владениям А.С. Видова. В 1568–1569 гг. двум его сыновьям – Ивану и Семену Верещаге принадлежало 54 четверти земли (С. Верещаге – 7 четвертей земли и 7 четвертей перелога). Несколько большим по размеру было поместье К.С. Чирикова, перешедшее к его потомку Третьяку Гневашеву Чирикову. Здесь насчитывалась 81 четверть[610]. Видовы и Чириковы были полноценными детьми боярскими. Переданные им владения, по «новгородским» меркам, имели весьма скромный характер (одна обжа позднее приравнивалась к 10 четвертям земли).

В соседних Суздальском и Галицком уездах в жалованных грамотах фигурировали также небольшие наделы. В 1515 г. К.

и Д.В. Репьевы получили поместье своего отца – деревню Тиманово. В том же году галичане Ф. и Неклюд Моклоковы Черевины были пожалованы отцовским поместьем – двумя деревнями и одним починком. В Устюжне по выписке из писцовой книги 1537 г. поместье Нечая Бирилева составляло 34 четверти[611].

Дозорная книга Тверского уезда 1551–1554 гг. перечисляет имевшиеся на руках у различных землевладельцев подтверждающие документы на право владения. В ряде случаев указывались и точные даты выдачи поместных грамот, на основании которых можно проследить некоторые особенности процесса поместных раздач на этой территории. Родионовы предъявили жалованную грамоту вели кого князя Ивана Ивановича 6094 (1485/86) г. Им принадлежало 67 четвертей земли. Окулина Фирсова жена Ширяева предъявила писцам жалованную грамоту своего мужа, датированную 7013 (1504/05) г. Всего в ее поместье было 80 четвертей земли. Учитывая большие запасы земель, перешедших в дворцовое ведомство после завоевания Тверского княжества, не стоит говорить об имеющемся здесь дефиците свободных земель для поместных раздач.

Вряд ли приведенные примеры свидетельствуют о желании центрального правительства уменьшить размеры служилых наделов. Судьба того или иного сына рядового боярского мало волновала московских дьяков, которые лично не соприкасались с ними. Выделение поместий находилось в ведение органов местной администрации, которые в большинстве случаев еще не сталкивались с практикой масштабных раздач. М.М. Кром на примере новгородской книги записных актов 1555–1556 гг. показал, что важное значение при вопросе перераспределения земельного фонда имела позиция представителей центральной власти на местах[612].

С небольшого поместья невозможно было полноценно нести «дальнюю» службу, особенно учитывая раздробление выделенных участков между несколькими наследниками. Для функционирования системы при развертывании поместных раздач и естественного роста самих помещиков в рамках отдельно взятого уезда требовались постоянные новые пожалования. Выходом могла быть поместная экспансия на новозавоеванных территориях, но их потенциал ввиду отдаленности и очевидных трудностей перевода туда значительных масс служилых людей был явно недостаточен для этих целей. На местах значение имел контроль со стороны центрального правительства, которое должно было вовремя

перераспределять «выморочные» участки и предотвращать случаи неисполнения помещиками своих служебных обязательств. Это, в свою очередь, требовало развития делопроизводственного аппарата и упорядочивания службы.

Первые сбои были зафиксированы уже в 20-х гг. XVI в. В деле муромца Ф. Крыжина 1523–1524 гг. (видимо, из числа «литвы») упоминались случаи его неоднократного уклонения от службы. Несмотря на эти злоупотребления, он продолжал владеть своим поместьем, сохранявшимся за ним в прежнем объеме. Разбирательство по его делу примечательно еще несколькими деталями. В нем описывалась, в частности, деятельность князя А. Прозоровского: «Князь Андрей жил тогды в Муроме, имал тех, которые збежат с службы и которые не поехали на службу»[613]. При недостаточности числа служилых людей репрессивные методы воздействия не могли быть достаточно эффективными, и правительству приходилось мириться с такими примерами.

Целостность системы нарушалась за счет пожалований индивидуального характера, что не давало возможности последовательно проводить намеченные изменения. При постоянном недостатке средств для выдачи жалованья и увеличении круга претендентов на получение кормлений раздачи поместий компенсировали возникавшие прорехи. Помимо собственно служилых людей поместья могли жаловаться и другим лицам. В.Б. Кобрин обратил внимание на то, что крупным поместьем владел духовник Василия III В.К. Протопопов, протопоп Благовещенского собора в Москве[614].

Индивидуальный характер пожалований отчетливо проявился после смерти Елены Глинской. Исследователями неоднократно привлекались данные тверской писцовой книги 1539/40 г., фиксирующей новые масштабные раздачи из фонда дворцовых земель. Исключительно крупные поместья были пожалованы представителям знати: князь С.И. Глинский получил 1117 четвертей, князь П.И. Шуйский – 1306 четвертей, князь Б.Д. Щепин – 800 четвертей. По подсчетам М.М. Крома, более трети земель, поступивших в это время в поместную раздачу, досталось представителям московской аристократии и виднейших дьяческих фамилий[615].

Анализ этой писцовой книги показывает определенную неразвитость в функционировании поместной системы на территории Тверского уезда. При перечислении владений отсутствовали ссылки на наличие земель в других частях уезда или даже страны. Обращает внимание компактность сделанных в конце 1530-х гг. пожалований. Практически все помещики получили целостные владения, в отличие от «прирезок»,

разбросанных починков и пустошей, характерных для последующих десятилетий. Раздачи не преследовали цель соответствовать определенным поместным окладам. Подавляющее большинство «старых» помещиков служило с земель, переданных им в предшествующие годы и десятилетия без дополнительных «придач», хотя зачастую их владения в это время принадлежали уже нескольким совладельцам. Привлечение данных дозорной книги 1551–1554 гг. показывает, что некоторые тверские помещики не служили «государеву службу», в других случаях (конюхи К., Ф.Г. Софроновские) их поместья были фактически отобраны соседями из числа знати. Приводимый пример с Окулиной Ширяевой свидетельствует об отсутствии механизма перераспределения «вдовьих» наделов. Кроме нее, не принимая во внимание вдову князя В.А. Микулинского, которая по своему статусу заведомо выпадала из общего круга, полноценными поместьями владели также О. Ларионова и С. Юрлова[616]. Складывается впечатление, что работа поместной системы в этом случае была пущена на самотек, что привело к не слишком удачным результатам.

Учитывая разновременность проводившихся раздач и влияние на этот процесс ряда других факторов, к концу 30-х гг. XVI в. поместная система была представлена в нескольких вариациях. В новоосваиваемых уездах, где массовые испомещения начали проводиться сравнительно недавно, существовала возможность строить служебные отношения на единых «правильных» основаниях, не считаясь со сложившимися традициями. В «старых» поместных уездах, к которым относились, к примеру, Новгородская земля и Тверской уезд, служебные отношения находились в более устоявшемся состоянии. Как это видно из упоминаний жалованных грамот в дозорной книге 1550-х гг., поместные раздачи в Тверском уезде производились несколькими волнами, присутствовали также пожалования личного характера. Состояние поместной системы напоминало здесь многослойный пирог, в котором отсутствовала целостность. И если в новгородских пятинах, несмотря на отмеченные проблемы, поместная система продолжала функционировать более или менее исправно, то в Твери ситуация требовала более радикального решения.

Еще более запутанной была ситуация в уездах, где поместные раздачи проводились в индивидуальном порядке, в качестве дополнения к имеющимся вотчинам. В этом случае вряд ли вообще приходилось говорить о каком-то единообразии и контроле со стороны центрального правительства. Распространенной практикой была передача поместий и их

раздел внутри семей служилых людей[617].

Несмотря на мнение Г.В. Абрамовича о распространении на территории всего Московского государства конца 1530-х гг. минимального поместного оклада – 10 обеж или 100 четвертей, многим помещикам продолжали осуществляться более мелкие пожалования[618]. В 1540 г. Я.С. Колотиловский получил, например, 25 четвертей пашни. Это пожалование было примечательно сделанной формулировкой: «по наказному списку и по окладу боярина князя Ивана Михайловича Шуйского», которая свидетельствует о распространении окладных норм на основной территории страны. Обращает внимание кратность этого оклада, которая в целом находила соответствие с новгородскими «образцами», хотя и заметно отличалась от них в меньшую сторону[619].

В других жалованных грамотах 1530–1540-х гг. ссылки на оклады отсутствуют, а сам их формуляр не претерпел каких-либо изменений. Тем не менее некоторые данные показывают, что в это время уже сложились правила распределения служилых людей на окладные группы. Фрагмент платежной книги 1542/43 г. волостей Шерна, Воря и Корзенев, Радонеж и Бели Московского уезда показывает, что норма размеров поместий в 25 четвертей, как это было отмечено в грамоте Я.С. Колотиловскому, была довольно типичной. У местных помещиков, большинство из которых относилось к служилой мелкоте из второстепенных фамилий (большое количество дворцовых слуг – подьячих, сокольников), преобладали владения размером в полполполчети сохи (25 четвертей). Чуть реже присутствовали наделы в полполполтрети сохи (35 четвертей). Подобное единообразие, при безусловном фактическом расхождении в имеющемся количестве пахотной земли, могло быть вызвано одновременностью произведенных в предыдущие годы поместных раздач «по спискам». Несмотря на скромные размеры поместий, все фигурировавшие в этой платежнице дети боярские не получили придач. Очевидно, эти размеры рассматривались как соответствующие их уровню[620].

Близкие размеры поместий были характерны и для раздач 1547 г. в той же волости Шерна. В этом случае помещики, некоторые из которых имели знатное происхождение, получали небольшие придаточные поместья, которые должны были снабжать их провизией (в первую очередь сеном) во время пребывания в Москве. Раздачи, видимо, шли в четвертях, по определенным статьям, как это было предусмотрено позднее в 1550 г. при составлении Тысячной книги. При описании поместья И. и Д.А. Чеботовых упоминалась, например, недодача им одной

четверти пашни[621].

Как многие другие намеченные мероприятия конца 1530-х гг., унифицированные оклады не получили широкого распространения и были отложены до лучших времен. Это начинание не было забыто в правительственных кругах. В проектах вопросов к Стоглавому собору 1550 г. поднималась тема несоответствия номинального и фактического окладов: «А у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден; а в меру дано на только по книгам, а сметить, ино вдвое, а инъде болши». Позднее, в 1556 г. при принятии «Уложения о службе» именно 100 четвертей рассматривались в качестве минимального оклада. Как видно из этого сообщения, с момента проведения последнего верстания и фиксации его итогов в книгах (писцовых или «служебных», в Новгородской земле) прошло значительное количество времени. Трудно сказать, какое распространение получило верстание в действительности. В Новгородской земле оно было составлено перед проведением писцовых описаний конца 1530-х гг. «Валовая» перепись земель затронула в конце 1530 – начале 1540-х гг. большое количество уездов страны, но, очевидно, далеко не всегда преследовала цель упорядочить имеющиеся поместные оклады[622].

Необходимость проведения реформы служебной системы наглядно проявилась при организации казанских походов, от участия в которых уклонились многие служилые люди. Подобные примеры хорошо известны на новгородском материале. Присутствовали они, безусловно, и в других частях страны. Отсутствие источников не позволяет оценить масштабы этого явления. Позднее Иван Грозный предъявлял очередные обвинения боярам-изменникам о «недоборе» служилых людей в казанском походе 1553 г.: «Егда же бог милосердие свое яви нам, и тот род варварский християнству покори, и тогда како вы не хотесте с нами воевати на варвары, яко боле пятинадесять тысящ, вашего ради нехотения, тогда с нами не быша»[623]. Эти цифры, выглядят правдоподобными, учитывая реальную возможность Ивана IV сопоставить общую численность русского войска во время взятия Казани с недавним разрядом полоцкого похода 1563 г.

О.А. Курбатов отмечал низкий уровень «оружности» детей боярских и их «людей» в каширской десятне 1556 г.[624] Низкий уровень боеготовности в значительной степени объяснялся недостаточным обеспечением «воинников». Приоритетное значение приобретал вопрос о рациональном перераспределении имеющегося земельного фонда. Не случайно «Уложение о службе» предполагало конфискации избытков земли:

«преизлишки же роздели неимущим», хотя в действительности этот посыл долгое время оставался нереализованным. Примеры изъятия «лишков» относятся уже к опричному времени, когда центральное правительство могло позволить себе решительные действия. В казанской писцовой книге 1568 г. упоминается факт конфискации избыточных земель у наместника князя Г.А. Булгакова «по нынешней розверстке князю Григорью отделили в меру, по розверстке не сошлося». В этом же описании у А.П. Гляткова были взяты пустоши «за мерою осталые». Аналогичные примеры обнаруживаются в писцовой книге Свияжского уезда. Незадолго до 1571 г. у нижегородского помещика С.В. Кречетникова было изъято 75 четвертей и отдано нововыезжему пану А. Демидову «как у нижегородцев имано по чети их окладов»[625].

Наличие избыточных владений, не подтвержденных служебными достижениями, должно было иметь серьезное деморализующее действие и являться источником постоянного раздражения со стороны рядовых детей боярских.

Вопрос о нормах поместного обеспечения был поднят в публицистическом сочинении Ермолая Еразма «Правительница», написанном в конце 1540 – начале 1550-х гг. Как и в более поздних десятнях, здесь последовательно перечисляются оклады: 1000 четвертей – боярский оклад, 750 – воеводский и оклады «воинов» – 500, 400, 300 и 125 четвертей. Деление детей боярских на статьи по окладам (200, 150 и 100 четвертей) было предусмотрено указом 1550 г. об испомещении тысячи «лутчих слуг»[626].

Слабые организационные возможности центрального правительства по комплектации армии в значительной степени объяснялись отсутствием необходимой информации об имеющихся мобилизационных ресурсах. В «боярской книге» 1556/57 г. упоминается «старый смотр в Казани в зимнем походе». Ссылки на него содержат сведения о сопровождавших детей боярских «людях» и их вооружении без учета их землевладения, которое, очевидно, не было зафиксировано.

Вероятно, что десятни, как документ, фиксирующий личный состав той или иной корпорации «служилого города», к середине XVI в. имели ограниченное распространение.

Ю.М. Эскин приводит цитату из спора коломенских помещиков Ф.П. Огалина и С.В. Норова, в которой упоминаются ярославские десятни «при великом государе Василье, как прадед их служил по Ярославлю». В дальнейшем эти десятни были отнесены уже к князю Василию Васильевичу. Дед местника, В.Д. Огалин действительно был переведен на службу из Ярославля в

Коломну. В 1550-х гг. его имя фигурировало в ярославской рубрике Дворовой тетради. Путаница с именем и отчеством великого князя и продолжительная служба В.Д. Огалина (погиб во время осады Пскова) говорят о том, что упомянутая десятня могла быть составлена в конце 40-х гг. XVI в. или даже позднее[627].

М.Г. Кротов в подтверждение тезиса о раннем бытовании десятен ссылался на свидетельство «Повести о победах Московского государства». Обращает внимание поздний характер создания этого источника, который был составлен в конце 20-х гг. XVII в. Как было показано выше, становление поместной системы в Смоленской земле имело запоздалый характер, так что описанный в нем смотр «изо многих градов лутчих и честных людей, дворян» и земцев вряд ли в действительности имел место во втором десятилетии XVI в. Кроме этих не очень внятных известий нет других данных о существовании десятен за первую половину столетия. Не слишком убедительным представляется высказанное в этой связи О.А. Курбатовым предположение о несформировавшейся местнической культуре служилых людей, для которых ссылки на указанные документы не представляли особой ценности[628].

Ссылки на дворовую книгу 1537 г. содержатся в ряде родословных росписей. Еще больше подобных примеров насчитывается применительно к Тысячной книге и Дворовой тетради, которые активно использовались для подтверждения высокого статуса живших в середине XVI столетия лиц. Обилие помет, которые были сделаны к тексту последнего источника, свидетельствует о его широком использовании в делопроизводственных целях на протяжении всего десятилетия 1550-х гг., хотя в это время существование десятен не вызывает уже никаких вопросов. Очевидно, что у детей боярских, в том числе и представителей ничем не примечательных фамилий, не возникало особых проблем с использованием этих документов в своих целях.

Сохранившиеся частные архивы ряда дворянских фамилий показывают, что сбор разнообразных документов, связанных с фиксацией служебного статуса, велся в некоторых случаях на протяжении нескольких столетий. Особое значение такие документы должны были представлять при переселении на новое место службы, где невозможно было заручиться поддержкой соседей-сослуживцев. Трудно предположить, что весь массив десятен, а он должен был быть огромным по своему объему, был потерян. Более вероятно говорить о незначительности их бытования.

Подобное утверждение не является отрицанием фиксации служилых людей во время проведения смотров. В новгородских документах содержатся упоминания о верстаниях, производимых после подобных смотров. Из пересказа челобитной торопецкого помещика Б. Чмутова Очкасова видно, правда, что промежутки между «смотрениями» могли быть весьма значительными. Вместе с отцом он принимал участие в смотре 1538/39 г. Следующий смотр состоялся уже в 1550/51 г., спустя 12 лет. 1550-е гг. демонстрировали в этом отношении более развитую динамику. Помимо упомянутого смотра 1550/51 г. встречаются упоминания о смотре торопчан 1554/55 г. Участвовали они также в серпуховском смотре 1556 г.[629]

Как и во многих других случаях, не удается полноценно сопоставить новгородский опыт (упоминания о «явленных списках», «служебных книгах», «смотрениях» и т. д.) с другими территориями страны. Скорее всего, смотры сопровождались выдачей жалованья. Упоминания о раздачах жалованья для первой половины XVI в. единичны и разрозненны, хотя создают впечатление распространенности этой процедуры. Сигизмунд Герберштейн дважды упоминает о раздаче жалованья «сыновьям бояр». По его наблюдениям, они получали каждый третий год по 6 золотых (рублей?). В деле муромцев 1523/24 г. упоминается факт раздачи им жалованья дьяками Ушаком и Переславцем. В 1535 г. перед походом в Литву было выплачено «великое жалованье». В 1543 г. в посольских книгах встречаются нижегородские дети боярские, которые «лежат на Москве за жалованием». К денежному жалованью была привязана статья Судебника 1550 г. о бесчестье: «сколко которой жалованьа имал, то ему и бесчестие»[630].

О.А. Курбатов отметил при этом интересную особенность: реконструируемый им список раздачи жалованья (десятня денежной раздачи) дворовым детям боярским и десятни 1556 г. хотя и велись параллельно с Дворовой тетрадью, но не получили в ней своего отражения. Это наблюдение является не совсем точным. В Дворовой тетради есть ряд ссылок на десятни, как было, например, в случае князя И.А. Шелешпанского. В рубрике «Тула» возле имени князя Булгака Волконского была сделана помета: «Булгак ослеп – сказал Бажен Извольской». Упомянутый Бажен отсутствовал среди тульских дворовых, хотя и служил по этому «городу». Помета свидетельствует о совместном смотре тульских дворовых и городовых детей боярских[631]. Тем не менее очевидны разные подходы к учетным документам: долговременного и кратковременного характера.

Существует вероятность того, что указанные учетные

документы могли существенно отличаться от позднейших десятен. В дошедших до нашего времени десятнях (с 1556 г.) отмечались *личные* характеристики служилого человека: поместный оклад, причитающееся его статье денежное жалованье, количество выступавших с ним «людей», качество вооружения. В Дворовой тетради в основу был положен наследственный принцип службы. Запись имен здесь производилась большими семейными, фамильными, иногда даже родовыми гнездами, с припиской малолетних и недееспособных членов семей. Вполне возможно, что эта особенность соответствовала сложившемуся характеру службы дворовых детей боярских, выступавших в походы большими родственными группами с коллективной ответственностью за явку и надлежащее снаряжение каждого из их членов.

Отдельными группами служили бывшие вассалы удельных князей (Юрия Дмитровского, Дмитрия Углицкого, Андрея Старицкого), служилого князя Василия Шемячича и «литва дворовая». Анализ дмитровской рубрики показывает, что местные дворовые дети боярские делились в начале 50-х гг. XVI в. на два списка: дети боярские «княж Юрьевские Ивановича» и собственно великокняжеские дети боярские (потомки лиц на службе у Василия III). К каждому из них отдельно приписывались новики. Разряд казанского похода 1549 г. подтверждает, что подобное разделение затрагивало и городовых детей боярских[632]. Такой подход создавал преемственность фиксации членов той или иной фамилии в служебных списках на протяжении нескольких десятков лет.

Упоминание о десятнях (десятницах) в делопроизводстве новгородской приказной избы середины 1550-х гг. свидетельствует о близких подходах. В 1554 г. место отставленных от службы князей Белосельских должны были занять их близкие родственники: «И вы б их в десятнице погладили, а в их место написали княж Володимерова сына Курбатка да княж Васильева внука Семейку княж Андреева сына Белоселского». Также были удовлетворены просьбы Гостя Харламова и Ф.Д. Рагозина. Их места в десятнях были отведены для их сыновей[633].

При обилии имен, фигурировавших в Дворовой тетради, можно представить, с какими трудностями приходилось сталкиваться дьякам и подьячим при работе с подобными документами, чтобы определить реальную фактическую годность того или иного сына боярского к несению службы. Многие служилые люди ускользали из ведения дьяков. В Дворовой тетради сохранилась красноречивые пометы, относящиеся к В.Т.

и В.С. Лапиным Заболоцким: «Не служит – помесья нет». И. Угримов Ухтомский, в свою очередь, был отмечен пометой «не служит и денег не имал»[634].

Пример с Гостем Харламовым свидетельствует, что в ранние десятни могли вписываться на место прежних служилых людей их малолетние сыновья. К моменту подачи челобитной его сыну Булгаку исполнилось всего лишь 11 лет. Подобная делопроизводственная практика имела широкое хождение и получила отражение в других учетных документах, в частности в позднейших боярских списках. Боярский список 1577 г. содержит примеры такого подхода. Среди дворян был записан, например, И.И. Безсон Дивов, возле имени котрого стояла характерная помета «в его место сын ево Григорей Ширяй»[635]. При длительных промежутках между составлениями списков личного состава подобные примеры должны были получать значительное распространение.

Не исключено в таком случае, что первые списки как членов Государева двора, так и городовых детей боярских также имели персональный характер, в зависимости от личных достижений того или иного служилого человека, а уже затем «обрастали» именами его многочисленных потомков и младших родственников. Для дворовых детей боярских это предположение подкрепляется приведенными ранее примерами их отбора из общей массы местных вотчинников из истории XV столетия. Последующие списки – дворовые книги или «десятницы», со сделанными приписками и дополнениями, создавались не с «чистого листа». Со временем они наслаивались друг на друга, создавая прецеденты службы по спискам, так что в итоге формировалась общая система иерархии внутри каждой отдельной рубрики (субкорпорации в составе Государева двора).

Регулярное проведение общегосударственных смотров и, как следствие, широкое распространение десятен были связаны с проводимой политикой по реформированию службы. 1550-е гг. стали временем серьезных изменений. В эти годы были созданы Государев разряд и Государев родословец, приняты приговор о местническом старшинстве в полках и «Уложение о службе». В этой же связи шел процесс всеобщего распространения окладных норм и формирование единообразных служилых «городов».

Можно согласиться с мнением А.В. Антонова, который считал, что десятни, как тип делопроизводственной документации, заменили собой пресловутые «вопчие», иммунитетные грамоты, выдаваемые дворянским корпорациям и известные по Судебнику 1550 г. и в этом качестве приобрели важное значение для подтверждения принадлежности того или

иного лица к служилому «городу»[636].

Анализ каширской десятни 1556 г. и «боярской книги 1556/57 г.» показывает, что в середине века велась активная работа по унификации поместных окладов, которая, однако, в эти годы еще не была доведена до конца. Первый общевойсковой смотр русской армии, нашедший отражение в комплексе десятен, был произведен в 1556 г. в Серпухове. По свидетельству официальной летописи, по своему размаху этот смотр не имел аналогов: «И свезли к государю списки изо всех мест, и государь сметил множество воинства своего, еще прежде сего не быть так, многия бо крышася, от службы избываше»[637]. Серпуховский смотр получил отражение сразу в нескольких десятнях, которые с этого времени постоянно фигурируют в делопроизводственном обороте.

К этому смотру относится составление каширской десятни. Уже было отмечено, что список каширян в ней был построен по принципу постепенного убывания поместных и денежных окладов. Большая часть поместных окладов отличалась единообразием, основанном на 50-кратном делении. В этом ряду были и свои исключения, которые могли отражать фактические размеры поместий (пример Ю.Г. Тутолмина). Все случаи «нетипичных» окладов находились за пределами Ростовецкого стана, дети боярские которого сформировали ядро каширской корпорации. Для выходцев из этих станов (Беспутский, Туров, Тешилов, Мстиславль) у проводивших верстание лиц, видимо, не было сведений о поместных окладах, поэтому данные по их землевладению записывались со слов самих служилых людей. В отрывках новгородской десятни смотра того же 1556 г. прямо говорится о подобном принципе получения нужной информации: «И поместья их писаны, что которой за собою в памяти написал»[638].

Такая же ситуация получила отражение во многих примерах из «боярской книги» 1556/57 г. У многих детей боярских государева полка отсутствовали поместные оклады, и отражение в этом источнике получило фактическое количество находящейся в их распоряжении земли. М.Т. Шетнев владел 147 четвертями земли, Я.И. Кузьмин – 1184, а И. Шапкин Рыбин – 503. Всего же удается насчитать несколько десятков подобных примеров[639]. Обращает внимание несоответствие принадлежащего Я.И. Кузьмину количества земли его статусу. Этот потомок новгородских переселенцев, не слишком примечательный по службе, распоряжался боярским окладом. Поместье, видимо, досталось ему в наследство, что подтверждает тезис об отсутствии в центре страны механизмов перераспределения

поместных земель.

В случае князя М.Ф. Бахтеярова Ростовского упоминается его поместный оклад – полсохи (400 четвертей) со ссылкой на «старое письмо». Характерно, что уже валовая писцовая перепись конца 1530-х гг. описывала поместья в четвертях, то есть в этом случае отсылка шла к платежной книге, где, как было показано на примере платежницы подмосковных волостей 1542/43 г., действительно могли фигурировать поместные оклады. В сохах было описано также поместье Н.С. Вельяминова, который, правда, сам перевел его в четверти[640].

Все перечисленные дети боярские, равно как и другие носители «нетипичных» окладов, не принимали участия в серпуховском «смотрении». Отсутствие сведений по более ранним смотрам, фиксирующим размеры поместных окладов, приводило к необходимости опираться на «сказки» служилых людей, что вело к множественным искажениям. Например, Н.С. Вердеревский сказал, что «не ведает» о размерах собственной рязанской вотчины. При описании окладов видно влияние писцовых книг, которые, видимо, были затребованы по этому случаю. Очень крупное поместье А.И. Сабурова составляло «его выть треть 1784 четверти» и, очевидно, в свое время принадлежало его отцу, от которого перешло в руки трех его сыновей. Сам А.И. Сабуров в Дворовой тетради был записан по Торжку. Здесь же служил В.Г. Яхонтов, который в 1556/57 г. распоряжался доставшейся ему частью отцовского поместья «ево выти на 567 чети с третником». Данные о землевладении этих лиц, скорее всего, восходят к материалам писцовых описаний конца 1530-х гг.[641]

В ряде случаев видно бытование практики индивидуальных верстаний или верстаний для ограниченных групп служилых людей, не затрагивавших весь «город». Существенно разнились поместные оклады у костромичей государева полка. Некоторые оклады были унифицированы еще до момента составления книги денежной раздачи: во время смотра в Свияжске 1555 г. Ю.П. Федчищев «сказал поместья 400 чети», а в Нижнем Новгороде в 1556 г. Б.Д. Карташев был отмечен с окладом в 250 четвертей. Часть помещиков была верстана уже в 1550-х гг. – велено было учинить оклады Чудину Лобанову Пелепелицыну, его родственникам Меншику и Н.Г. Пелепелицыным, а также Образцу Гневашеву Рогатого и князю И.В. Вяземскому. Последнему из них новый оклад был положен уже после смотра в Нижнем Новгороде 1556 г.[642]

Индивидуальный характер такого рода верстаний раскрывается на примере Чудина Пелепелицына. Ему полагался оклад в 250 четвертей «по окладу бояр князя Дмитрея Курлятева

с товарищи… до верстанья». Очевидно, весь костромской «город» еще не был верстан, что подтверждается нетипичными окладами других костромских детей боярских. Из них Я. Гневашев Рогатого Бесстужев (размер поместья 119 четвертей) пропустил все смотры 1550-х гг., поскольку являлся губным старостой[643].

Уже были отмечены некоторые «нетипичные» оклады в каширской десятне 1556 г. Большая часть каширян обладала к моменту проведения смотра в Серпухове «правильными» окладами. То есть верстание для них (представителей Ростовецкого стана) было произведено еще до серпуховского смотра.

Раздача поместий по унифицированным окладам получила отражение в актовых материалах. В 1554 г. А.С. Сазонов получил поместье в Тульском уезде. Ему был присвоен отцовский поместный оклад: «велено по окладу учинить 100 четвертей». В рассматриваемом акте содержится ссылка на письмо В. Фомина и Я. Старого 1551/52 г. Скорее всего, одновременно с этим «письмом» (или даже несколько ранее) проводилось верстание тульских детей боярских. В 1557 г. прибавку к тульскому же поместью получил Третьяк Сухотин: «велено учинити поместья на 300 четей». В Мценском уезде поместья новым помещикам П.П. и Б.С. Жиленковым были отданы в соответствии с их поместными окладами – 100 и 50 четвертей. В 1550/51 г. поместье в 600 четвертей в Дорогобужском уезде было пожаловано новгородцу князю И.Б. Корецкому, а «на Велиже» в 300 четвертей – торопчанину Вериге Ушакову[644].

Жалование земли по окладам (статьям) стало регулярным для 1550-х гг. Жаловалось номинальное число четвертей, а не конкретное село или деревни. Проект указа об испомещении тысячников в 1550 г. предполагал раздачу «тысячникам» земли, в соответствии с их статьями. После присоединения Казани 2000 четвертей было пожаловано архиепископу казанскому и свияжскому Гурию. Очевидно, и в том и другом случаях местной администрации самой приходилось искать нужное количество пахотной земли. Тот же процесс виден в звенигородской писцовой книге 1558–1560 гг., где бояре и дети боярские царя Симеона Касаевича получали поместья по поместным окладам[645]. Позднее эта практика была взята за основу при казанских раздачах 1560-х гг.

Из этого ряда, казалось бы, выпадают известные по сотной 1555 г. примеры раздачи поместий серпуховским детям боярским. Значительная их часть получила «правильные» оклады – по 100 и 50 четвертей. Встречались, однако, и странные пожалования – по 33, 77, 94, 44, 37 и даже 86 с осминою четвертей. Эти оклады

раздавались «по пометам», которые, очевидно, были сделаны во время очередного верстания. Для И.С. Соймонова в качестве подобного документа выступал смотренный список серпуховских новиков 1554 г., где он упоминался в рубрике «Серпуховичи ж новики, поместьем верстаны в 62 году, а поместья им не даны»[646].

Перечисленные раздачи, скорее всего, были вызваны подсчетами имевшейся в распоряжении у упомянутых лиц земли, к которым для достижения окладной суммы и требовалось добавить нужное количество четвертей. Именно так обстояло дело в 1562 г., когда серпуховские помещики Соймоновы получили земли «нетчиков» В. и Ф.В. Цвиленевых «к старым их поместьям серпуховским в их оклады, Беклемиша да Истомку к четыремстам к сороку к одной четверти в их оклад в пятьсот четвертей, а Молчанка ко сту к девяносто к осми четвертям с осминою в его оклад в полтретьяста четвертей»[647].

Невозможно определить, когда верстания были проведены для всех служилых корпораций Московского государства. Для Новгородской земли имеются свидетельства источников о том, что здесь унификация поместных окладов в соответствии с едиными служебными нормами не была осуществлена еще в середине 1550-х гг. При разборе поместных дел в 1555–1556 гг. дьяки делали характерную оговорку «до поместного верстания», которая свидетельствовала о нерешенности этого вопроса[648].

В Торопецком уезде в 1550/51 г. боярин М.Я. Морозов «смотрел и окладывал поместья детей боярских торопчен». Этот смотр отразился лишь на новых пожалованиях: четвертные оклады были присвоены для поместий, расположенных возле недавно отстроенного Велижа. Поместья собственно торопецких помещиков по-прежнему измерялись в обжах и вытях и были далеки от единых стандартов. В «боярской книге 1556/57» г. упоминается В.А. Меньшой Вельяминов-Сабуров, владевший 23,3 выти. Это поместье, очевидно, когда-то принадлежало его отцу, а затем было разделено между тремя наследниками, что подтверждает бытование прежней системы распределения поместных наделов[649]. Отсутствовали упоминания об окладах в челобитных торопецких детей боярских середины 50-х гг. XVI в.

Запоздалое распространение унифицированных окладов для Новгородской земли, видимо, было связано с бытованием здесь обежной системы описания земли. Поместья в Торопецком уезде уже в конце 1530-х гг. описывались и в четвертях и в вытях. До основной территории Новгородской земли очередь дошла в начале 1560-х гг., когда здесь началось очередное писцовое описание. Затянувшаяся перепись начала – середины 1560-х гг., в

составлении которой принимало участие сразу несколько писцовых комиссий, преследовала в том числе и цель верстания новгородского «города». В 1562 г. поместье в Шелонской пятине было отделено Ф.Д. Головину и Б.Д. Пустошкину, в 1563 г. – Злобе и С.В. Узкого и т. д. Тексты сохранившихся ввозных грамот говорят о раздаче поместий этого времени «по окладам»[650].

Процедура испомещения по окладам окончательно сложилась ко второй половине 1560-х гг. Переселенные в 1568 г. в Бежецкую и Деревскую пятины костромичи получали поместья по статьям в соответствии с их поместным окладом «по версталному списку». Количество найденных примеров свидетельствует, что ожидаемое новгородскими дьяками в середине 1550-х гг. верстание было проведено к этому времени в полной мере и все новгородцы получили единообразные поместные оклады.

Судя по «боярской книге» 1556/57 г., верстание уже к середине 1550-х гг. в полном объеме было произведено для Рязани, Калуги, Каширы, Тулы, Коломны, Вязьмы, Тарусы. Все представители этих «городов» обладали унифицированными окладами, полученными ими еще до серпуховского смотра. Обращает внимание пример С.И. Наумова, калужского губного старосты. Он, как и его костромской коллега Я. Гневашев Бесстужев, не участвовал в серпуховском смотре. Тем не менее его оклад был вполне унифицирован – 400 четвертей земли[651]. Для большинства отмеченных корпораций стоит отметить соответствие поместного и денежного окладов: чем больше был размер поместья, тем больше было их денежное жалованье.

Верстания служилых людей и писцовые переписи были взаимосвязаны: перед проведением переписей обычно производились общий смотр и верстание. В начале 1550-х гг. была проведена серия писцовых описаний, затронувшая в том числе Рязанский, Серпуховский, Каширский, Коломенский и Тульский уезды. Несколько позднее перепись охватила Калужский и Вяземский уезды. Для некоторых же других уездов перепись началась только в последующее десятилетие. Уже отмеченный Новоторжский и Костромской уезды были описаны в начале 1560-х гг. Писцовые книги валового описания конца 30-х – начала 40-х гг. XVI в. использовались даже при наличии более поздних приправочных описаний. В челобитной грамоте 1566 г. вдова С.Н. Нелединского говорит о поместье мужа – 93 четвертях земли. При розыске по этой челобитной использовались писцовые книги Рычко Плещеева описания начала 1540-х гг., по которым указанное поместье составляло те же 93 четверти[652].

Безусловно, работа по систематизации поместных окладов и проведению верстаний была упорядочена и активизирована после

выделения Поместной избы – будущего Поместного приказа.

Поместные оклады 1550-х гг. имели вполне реальное значение, и их обладатели должны были со временем получить причитающееся им земельное обеспечение. Серпуховский городовой приказчик В. Ситчин, производивший в 1555 г. отделение поместий, очень добросовестно относился к своему заданию: практически все фигурировавшие в списке лица получили земельные наделы в точном соответствии с их окладами. Столь же тщательно был организован процесс испомещения в Звенигородском уезде бояр и детей боярских Симеона Касаевича. Эта работа отражала планы правительства по приведению в порядок окладной системы: «поверстати по достоиньству безгрешно… ино недостаточного пожаловати»[653]. На унифицированные оклады было ориентировано Уложение о службе 1556 г., предписывавшее выставлять одного воина со 100 четвертей доброй земли.

Реализовать это положение на практике в рамках всей страны было практически невозможно. Свободных земель для новых поместных раздач в центральных уездах осталось немного. Это обстоятельство, видимо, парализовало проведение тысячной реформы 1550 г., которая должна была создать кадровое ядро для реформирования Государева двора. Подмосковные поместья так и не достались помещикам Северо-Запада. Отсутствие сделанных помет в списках самой Тысячной книге косвенно свидетельствует о том, что этот документ не использовался в делопроизводственных целях и, вероятно, его положения так и остались на уровне проекта.

Анализ писцовых книг Ярославского и Рузского уездов 1567–1569 гг. показывает, что размеры поместий большинства старых помещиков по-прежнему существенно не дотягивали до минимальной нормы, не говоря уже о качестве принадлежавшей им земли. Аналогичная ситуация, судя по данным полоцкой писцовой книги, существовала среди помещиков Невельского уезда, большинство из которых до пожалования полоцких поместий довольствовалось наделами в 30–40 четвертей (при окладе в 200–250 четвертей). Невысокие размеры поместий (60 и 40 четвертей) были отмечены у некоторых Любовниковых в отрывках из мещерской десятни 1561/62 г.[654]

Проведенная унификация окладов предполагала возможность фиксированного вознаграждения за успешную службу. Так, новгородский помещик князь Кудеяр Мещерский в 1568 г. должен был получить 50 четвертей земли за «невелскую послугу». В итоге же из его оклада в 350 четвертей (с учетом выслуги) ему «не дошло» две трети – 247 четвертей. Уложение о службе 1556 г.

было выстроено в соответствии с номинальными поместными окладами, что приводило к противоречию: требуемое число воинов не было подтверждено необходимым количеством земли. Именно это обстоятельство привело к быстрому нивелированию его норм. По наблюдениям О.А. Курбатова, уже к началу 1570-х гг. «Уложение» было практически отменено, а проведение верстаний отдано в руки окладчиков – представителей служилых корпораций[655].

Общий процесс верстания и переход к системе унифицированных поместных раздач растянулся на полтора десятилетия и заканчивался уже в других внутриполитических условиях, что не могло не отразиться на его характере.

Испомещение «сполна» стало, скорее, исключением. «Недодачи» получили системный характер и рассматривались уже как норма. Анализ полоцкой писцовой книги начала 1570-х гг. показывает, что в полном соответствии с окладами были обеспечены земельными наделами лишь командиры стрелецких и казачьих отрядов (головы, сотники и пятидесятники). Полный оклад получили и переселяемые новгородские дети боярские (26 человек). Хуже обстояло дело с невельскими помещиками. Несмотря на наличие в Полоцкой земле существенных запасов земель после проведенных конфискаций, практически никто из них не получил причитающегося им по окладу количества земель. Значительная часть земель была оставлена «впрок», для будущих раздач.

В 1567–1568 гг. после перехода Костромского уезда в опричнину переселения затронули большую часть местной корпорации. Грамота Улану и П.А. Немировым на поместье в Деревской пятине позволяет уточнить порядок этой процедуры: «А по государеву наказу велено за ними поместья учинити в половину их меры живущего, а в другую половины их меры пусто». Отдельные книги К.И. Морина показывают, что так же наделение поместьями костромичей производилось и на территории Бежецкой пятины[656].

Незначительные участки земли («худая» земля и перелог) достались казанским ссыльным в 1565–1566 гг. В условиях опричного террора вряд ли кому-то из невольных переселенцев пришло бы в голову «докучать» челобитными об их несогласии с принятыми решениями, как это было прежде с казанскими «нетчиками» 1550-х гг.[657]

«Де-факто», таким образом, несоответствия поместных окладов их реальному содержанию были узаконены для большинства «земских» уездов. Впоследствии эта традиция нашла продолжение в исключительно высоких, хотя и не подкрепленных

реальным содержанием, окладах, раздаваемых в популистских целях в конце XVI – первые десятилетия XVII в.

Процесс становления и окончательного оформления системы унифицированных окладов затянулся на несколько десятилетий, что было обусловлено объективной слабостью делопроизводственного аппарата для проведения масштабных ревизий и последующего контроля за функционированием служебной системы, а также существовавшими различиями в организации службы в разных частях страны. Недостаток людей и индивидуальный характер многих пожалований не давали возможности претворять в жизнь намеченные планы. Поэтому начавшееся при поместных раздачах в Новгородской земле складывание единых стандартов поместных окладов долгое время не находило прямого продолжения на других территориях. В самих новгородских пятинах унифицированные оклады также были практически сведены на нет истощением фонда земель для новых раздач, отсутствием до определенного времени механизма перераспределения имеющихся поместных земель и, самое главное, неготовностью правительства изымать «лишки» у помещиков. В общероссийском масштабе необходимость проведения унификации окладов приобрело, видимо, в конце 1530-х гг. в связи с проводимыми реформами службы, которые в условиях «безвластия» не получили должного продолжения. Реформы 1550-х гг. продолжили это начинание, которое было успешно закончено уже в годы опричного «террора», наложившего отпечаток на последующее развитие окладной системы.

Со всеми недостатками и недоработками единая унифицированная система поместных окладов начала функционировать в рамках всей страны со второй половины XVI в. Трудно переоценить значение этого факта в организации страты «служилых землевладельцев», организованных и упорядоченных в соответствии с их военным потенциалом.

Вне зависимости от места нахождения их поместий, происхождения и существовавших традиций службы все они были соотнесены друг с другом в единой чиновно-иерархической системе. Окладная система была своеобразной «табелью о рангах» и именно в этом качестве воспринималась московским правительством. Показателен случай с разменом пленных в 1566 г. Вопрос о равно ценности размена был весьма болезненным. В обмен на Д. Корсакова, находившегося в московском плену, литовской стороной предлагались дети боярские Темка Трубников и Митка Оладьин. Размен не состоялся после личного вмешательства Ивана Грозного, указавшего на их невысокое положение: «А верстаны поместьем оба по осьмидесяти

чети, и те дети боярские молотчие». В этом случае именно оклад рассматривался как критерий статуса[658].

Не менее важную роль проведение унификации имело при проводимых переселениях служилых людей. Поместный оклад имел личный характер, что позволяло сравнительно безболезненно (по мнению ведавших этим процессом дьяков) переводить служилых людей из одного уезда в другой, получая на новом месте причитающийся им надел. Во ввозной грамоте Думашу Сумарокову, перешедшему с удельной службы в 1566 г. и пожалованному поместьем в Каширском уезде, прямо оговаривалась будущая судьба предыдущего владельца – Я.А. Черного, который еще не успел покинуть свое поместье «испоместят инде»[659].

В этом отношении широкое распространение окладной системы дало основу для опричных и последующих «дворовых» переселений «городом» и обусловило активизацию поместной колонизации новых уездов. Не случайно введение окладов совпало с масштабным количественным ростом поместий на окраинах страны.

Поместная колонизация была направлена на восточные уезды, примыкавшие к завоеванному Казанскому ханству, в первую очередь на Нижегородский уезд. В.Б. Кобрин обратил внимание на свидетельства В.Б. Петлина в одном из судных дел. Этот переславский вотчинник получил в 1558 г. поместье в Нижегородском уезде. Он красочно описал процедуру получения им своего поместья: «Написался в жилцы… в Новгород в Нижней. И бояре наборзе сослали в Новгород поместий имати». Подобная процедура, видимо, была типичной для 50–60-х гг. XVI в. Быстрыми темпами рос арзамасский «город», который к началу XVII в. превышал 300 человек. Аналогичные процессы шли в Мещерском и в Курмышском уездах[660]. В количественном выражении лучше всего увеличение численности новых корпораций прослеживается на примере Смоленска, где к 1563 г. насчитывалось уже более 400 местных помещиков. Десятня 1606 г. показывает, что здесь к этому времени существовало более 1200 человек, так что, если не брать в расчет детей боярских Великого Новгорода, разбитых на 5 пятинных субкорпораций, это была крупнейшая корпорация страны, которая резко нарастила свою численность, несмотря на потери Ливонской войны.

Менее успешно развивалось поместное землевладение на территориях собственно Казанского края, где требовалось постоянное присутствие значительных воинских контингентов. Схема создания здесь местных служилых корпораций

демонстрирует некоторые общие черты в развитии поместной системы на новых территориях. Казанская служба на долгие годы стала обязанностью широких кругов детей боярских (дворовых и городовых), набираемых из разных частей страны для несения «годовой» службы (как ранее в Смоленской земле). Первая раздача земель в поместья произошла в Казанском уезде в 1557 г., сразу после окончания военных действий. Московские послы при литовском дворе в 1563 г. должны были подчеркивать успешное освоение территории Казанского ханства служилыми людьми «испомещены многие княжата и дети боярские»[661]. В писцовой книге Н.В. Борисова и Д.А. Кикина 1565–1567 гг., основном источнике по истории новоприсоединенных уездов, присутствовали категории «старые» и «новые» жильцы. Первые из них служили здесь еще до пресловутой казанской ссылки, вторые – появились здесь уже в 1565 г.

По наблюдениям Е.В. Липакова, большинство «старых» жильцов было выходцами из поволжских уездов: Владимирского, Юрьевского, Костромского, Суздальского, вероятно, также Нижегородского, территорий, традиционно задействованных на казанском направлении. Именно они составили костяк будущей казанской корпорации. Очевидна невысокая степень освоения этой территории, а также не слишком большая заинтересованность до определенного времени московского правительства в форсировании роста численности самих помещиков. Значительная часть земель оставлялась в фонде дворцовых земель. Жильцы получили сравнительно небольшие участки земли, нередко на правах коллективного владения. Часты были упоминания о недодачах «противу оклада», а также о выделении перелога взамен «доброй» пашни. У некоторых из жильцов отсутствовали упоминания о поместьях, так что они, видимо, служили с одного жалования[662]. Упорядочивание окладов производилось по «верстальному списку» князя П.А. Булгакова 1566/67 г. и показало существенную разницу в фактическом количестве принадлежавшей им земли.

Среди помещиков несколько раз встречались «отставленные» жильцы, поместья которых позднее пошли в новые раздачи[663]. Упоминаются среди «старых» помещиков также лица, которые позднее не были связаны с казанской корпорацией[664]. Очевидно, что здесь происходило постоянное обновление их состава. Служилые люди не спешили добровольно покидать родные уезды и селиться на небезопасных окраинах. Некоторые из отставленных жильцов позднее все-таки были вынуждены связать свою судьбу с Казанью. В раздачах 1565 г. среди бывших владельцев поместья фигурируют Злоба Еропкин и его сын Иван.

В 1566/67 г. ему уже было отделено поместье «новых дач». Позднее Еропкины служили по Казани[665].

Впрочем, некоторые из них задерживались здесь надолго еще до опричных переселений. В Дворовой тетради возле имени Я.В. Стромилова стояла помета: «в казанъских жильцех», свидетельствующая о его службе в Казани в 1550-х гг. Он же был казанским помещиком «старых дач» в 1565 г. Впоследствии его потомки также входили в состав казанского «города». Большим кланом были представлены Нармацкие, которым принадлежало общее по местье[666]. Наличие поместий вдов и недорослей свидетельствует о том, что некоторые местные помещики всерьез обосновывались на новом месте, перевозя сюда свои семьи.

Во второй половине 1560-х гг. существовала практика выделения в Казанской земле половины причитающегося им поместного оклада при сохранении за ними земель в центральных уездах, которая, видимо, стала следующим этапом в упорядочивании поместных раздач и создании собственно казанского «города». В 1566/67 г. по Казани без учета стрелецких сотников и толмачей числилось 146 верстанных «старых» помещиков. Еще 9 жильцов служили без поместий[667]. Еще более показательной была ситуация в Свияжском уезде, где «старых» верстанных жильцов насчитывалось всего 4 человека.

Не слишком высокая численность местных детей боярских и значительное обновление их состава, вероятно, стали причиной ссылки 1565 г. Объяснение этой кратковременной акции для некоторых переселенцев (спустя год большая часть ссыльных была отставлена от «житья») следует искать, видимо, в особенностях характера скорого на расправу Ивана Грозного. Прямые указания на опалу содержатся применительно лишь к князьям Ростовским и Ярославским. Возможно, в этом же ряду находились и князья Стародубские. Вероятна связь с А.Ф. Адашевым костромичей Ольговых, Туровых, Путиловых. Бегство в Литву Т.И. Пухова Тетерина также могло сказаться на его родственниках. Причины появления в Казанском, Свияжском и Чебоксарском уездах для остальных лиц остаются неизвестными. Не исключено, что часть мнимых опальных, в том числе представителей воеводского корпуса, как отметил В.Б. Кобрин, находилась здесь на «годовой службе». В некоторых случаях поместья получили близкие родственники «старых» жильцов, что являлось продолжением процесса естественного пополнения состава местных помещиков. На добровольных началах могли переселиться сюда рядовые дети боярские из соседних приволжских уездов, например нижегородцы Онучины[668].

В любом случае результаты казанской ссылки оказались

малопродуктивными. Е.В. Липаков считал, что после возвращения ссыльных в центральные уезды в составе казанской корпорации остались из них всего две-три семьи. Тем не менее подобный репрессивный метод пополнения численности казанской корпорации в дальнейшем использовался еще неоднократно. За счет этого здесь оказались З.П. Люткин «в государевой опале», позднее смоленцы Б.П. Дернов, Садиловы и медынец И. Татаров[669]. Некоторые казанские помещики были выходцами из опричных уездов.

Не слишком привлекательными в глазах детей боярских из центральных уездов должны были казаться и слабозаселенные новые южные уезды (Епифанский, Белгородский, Орловский, Елецкий и др.), подверженные постоянным угрозам татарских набегов. Очевидные трудности с набором помещиков на эти не слишком прочно освоенные территории, которые не могли быть полностью решены за счет вынужденных переселенцев, требовали принципиально других подходов. Массированное развитие поместной системы достигалось здесь за счет существенной демократизации личного состава этих корпораций. Ставка в этом случае была сделана на количественный подход, благодаря чему удалось в короткий срок наделить поместьями большое число новых помещиков. Подавляющее большинство служилых людей этих уездов отличалось худородным происхождением. Широкую известность в исторической литературе получило верстание в дети боярские 300 епифанских казаков в 1585 г. А.Л. Станиславский справедливо отметил, что подобные примеры носили, по всей видимости, далеко не единичный характер. Ю.М. Эскин обратил внимание на челобитную брянчан 1643 г. По их словам, в соседних Белеве и Болхове «при царе Иване Васильевиче были в тех городах устроены самопальники, а во Брянску самопальников не было». Это сообщение свидетельствует о верстании стрельцов в состав местных корпораций. С учетом потерь Ливонской войны при создании елецкой корпорации специально подчеркивалась необходимость набора местных детей боярских без ущерба для их численности в других уездах[670].

Распространение получило также наделение поместьями казацких атаманов. В этом случае, естественно, речи быть не могло о создании в новых уездах категорий дворовых детей боярских, не говоря уже о выборных дворянах. Развитие поместной системы в этом случае утратило присущий ей изначально организованный характер. Подобный подход резко очерчивал грань между «старыми» и «новыми» корпорациями, которая отчетливо проявилась во время бурных событий Смутного времени. Прямо сформулировали разницу ряжские дети

боярские: «В тех новых городах верстаны люди и крестьяне наши, и стрелецкие, и казачьи, пушкарские и всяких неслужилых отцов дети»[671].

С организационной точки зрения форсированный рост новых корпораций опирался на созданную в 1570-х гг. единую структуру служилых городов, позволявшую снизить степень участия центрального правительства в управлении дворянскими сообществами на местах.

Глава 5. Создание служилых «городов»

Организация службы, оформившаяся в конце XV в., быстро начала терять функциональную целостность, что создавало очевидные проблемы для управления ею. Системный кризис затрагивал разные прослойки категории служилых людей. Наиболее отчетливо он проявился в структуре Государева двора, принципы формирования которого к середине XVI в. перестали удовлетворять новым требованиям московского правительства. Эта привилегированная «корпорация корпораций» утратила характер личного двора московских великих князей (царей), состав которого они могли менять исходя из собственных пристрастий. Преемственность традиций службы, укреп лявшаяся распространяющейся местнической иерархией и принципами родового выдвижения, заставляла ограничиваться определенным кругом фамилий при назначениях на должности центрального и местного аппаратов власти.

Наследственный характер службы приводил к естественному росту лиц, которые в силу происхождения, служебных и родственных связей претендовали на получение статуса, принадлежавшего их ближайшим родственникам предыдущих поколений. Далеко не все из них могли нести подобную службу на должном уровне. Красноречивые пометы о состоянии некоторых служилых людей сохранились в Дворовой тетради. Возле имени Угрима Хлуденева было написано: «Угрим болен и глуп – бес поместья». Князь И.А. Шелешпанский находился в холопах, а А.Ф. Путятин «помечен в разбое». А.Л. Корзинин показал, что некоторые из отмеченных здесь лиц с детства были физически неспособны нести военную службу[672].

Существовал механизм ротации, о распространенности которого для первой половины XVI в. приходится судить на основании более поздних данных. У ряда дворовых детей боярских 1550-х гг. присутствовали близкие родственники, служившие по «городовым» спискам. Их существование объяснялось двумя причинами: выдвижением сюда новых лиц из числа городовых детей боярских и очищением имеющегося круга дворовых и отбраковкой некоторых из них (либо их отцов) по тем или иным причинам. Следы «отбраковки» встречались в самой Дворовой тетради. В рубрике «Бежецкий Верх» возле имени А.А. Плишкина сохранилась красноречивая помета: «Отставлен. Служит с городом»[673].

При отсутствии комплекса десятен для рассматриваемого периода обнаружить принадлежность служилых людей к прослойке городовых детей боярских приходится методом «от противного», исходя из наличия или отсутствия их самих и их ближайших родственников в Дворовой тетради, наличия разрядных и придворных назначений. За исключением новиков, приписываемых к основному тексту этого документа (как правило, в конце каждого списка), имена детей боярских записывались большими группами, в соответствии с семейным и фамильным старшинством. Как правило, новые члены дворовых субкорпораций не имели в них «поддержки» со стороны родственников и однофамильцев. В качестве примера можно назвать «нововыезжих» М.И. Черноморского, К.И. Есипова, В.Г. Зюзина, князя М. Свирского, М. и П.Т. Львовых. Кроме князя М. Свирского все они были записаны в самом конце отдельных рубрик[674].

Та же закономерность распространяется на недавних выходцев из городовых детей боярских. По Волоку Ламскому был записан Суторма Федоров Веревкин, единственный представитель своей фамилии в этом источнике. Его братьями были Злоба и Русин Федоровы Веревкины, которые в 1553–1554 гг., то есть к моменту начала составления Дворовой тетради, находились на службе в Казани[675]. Их отсутствие в списке дворовых свидетельствует о том, что представители этой фамилии служили с «городом».

Из тверских землевладельцев происходил И.И. Хомутов. Дозорная книга Тверского уезда 1551–1554 гг. знает его самого и нескольких его близких родственников, совладельцев общей вотчины. Среди них был в том числе и его родной брат Никита, который «службу служит великому князю». В рубрике «Тверь» присутствовал также Г.Ю. Теприцкий. Кроме него тверскими помещиками 1550-х гг. были Верига Рунов, Жиня Дмитриев и Лиховид Семенов Теприцкие[676].

По Рязани служил Мурин Медведев Мокринский. Его брат Таршир и племянники встречаются в одном из поземельных актов. Многочисленные другие Мокринские владели в это время вотчинами и поместьями на территории Рязанского уезда[677].

Характер приписки к основной рубрике имело имя Ф.С. Стрешнева (после новиков и литвы дворовой). Реликтовый слой писцовой книги Можайского уезда, восходящий к 1540-м гг., упоминает большое число Стрешневых[678].

Более отдаленное родство между «дворовыми» и известными из других источников их однофамильцами 1550-х гг. свидетельствует о проведении отборов личного состава

Государева двора, осуществленных в предшествующие десятилетия. С.И. Сметанина обратила внимание на отсутствие в Дворовой тетради П.М. Каракадымова Таптыкова, который в 1547 г. вместе со своими дядьями, дворовыми по Рязани Анисимом Булгаком и Иваном Темешем Андреевыми, получил грамоту на поместье, а в 1557 г. упоминался вместе с ними же в судном деле. Материалы этого судного дела показывают, что все Каракадымовы Таптыковы несли государеву службу, но, очевидно, по разным спискам[679].

Изучение родословной волочан Мечовых показывает, что в Дворовой тетради были отражены две ветви этой фамилии. Выпущенной оказалась линия Шемяки Андреева, хотя последний в 1550-х гг. определенно продолжал свою службу и в 1553–1554 гг. находился на службе в Казани. Недостаток данных не позволяет определить время этой «отбраковки», которая могла затронуть либо самого Шемяку, либо уже его отца[680]. Уже приводился пример Писаревых, большая часть которых находилась в середине века на положении городовых детей боярских. Дворовым был лишь один представитель этой фамилии – Иванча Леонтьев.

«Лишние» люди обнаруживаются среди владимирцев Нармацких и Кайсаровых[681], тверичей Ломаковых, Епишевых и Изъединовых[682], кашинцев Спешневых[683], дмитровцев Рыбиных и Бреховых[684], костромичей Путиловых[685], вязьмичей Хитрово, Кикиных и Болотниковых[686], переславцев Ярцевых и Курцевых[687]. Изучение состава «литвы дворовой» показывает, что в число дворовых, наоборот, могли попадать лица, которые не отличались знатностью происхождения. Среди них находились крещеный еврей Я.И. Новокрещенов-Жидовинов и его сыновья.

Часто в разных уездах в 1550-х гг. представители одних и тех же фамилий могли пользоваться разным статусом. В новосозданных корпорациях, видимо, было проще войти в состав «дворовых», учитывая отсутствие в них традиций и сложившейся системы взаимоотношений между служилыми людьми. Из переславцев Баскаковых в Дворовой тетради была отмечена только ветвь Леонтия Семенова, которой принадлежали поместья в Вяземском и Дорогобужском уездах. Дворовыми лишь по Вязьме были звенигородские вотчинники Болотниковы. В каширской корпорации Хрущовы были городовыми, в соседней же тульской – дворовыми[688].

Сравнение Дворовой тетради и каширской десятни 1556 г. свидетельствует, что привилегированный дворовый статус мог быть пересмотрен при переселении в другую корпорацию. Среди городовых детей боярских в десятне были записаны В.Г. Есипов и

Ф.П. Бахтин. Оба они фигурировали ранее среди дворовых. В.Г. Есипов служил вместе со своим отцом и братьями по Коломне, а затем был переведен в Каширу, в то время как Ф.П. Бахтин был одним из малоярославецких детей боярских[689]. Этот процесс был продолжен в последующие десятилетия. Коломенская десятня 1577 г. показывает, что близкие родственники могли иметь разный статус. Среди дворовых находился Р.В. Яцкий, а его племянник Бажен Васильев был отмечен уже среди городовых. Стоит отметить, что Яцкие были выходцами из взятого в опричнину Малого Ярославца. На новом месте службы им предстояло подтвердить свои права на привилегированное положение, что, очевидно, не удалось сделать отцу Бажена Васильева. По городовому списку служили в Мезецке в 1584 г. потомки переселенных сюда ранее лиц (И. и Г. М. Михалчуковы, Е.М. Ергольский, И.В. Беклемишев)[690].

Преамбулы ранних десятин точно отражают порядок проведения смотров, во время которых происходило распределение местных служилых людей по группам, «сыскивая их по их отечеству и по службе».

Кажущаяся многочисленность приведенных примеров на самом деле относительна. Очень вероятно, что процесс ротации, процедура «перебора людишек», происходил в связи с периодическим обновлением общедворовых списков, когда в распоряжении у дьяков, ведавших учетом служилых людей, оказывались полные данные об имеющихся человеческих ресурсах. При редкости подобных мероприятий (раз в 15–20 лет) ротация могла производиться лишь в индивидуальном порядке, что значительно снижало ее результативность. Большие вопросы возникали при объективности отбора. Насколько можно судить, потеря привилегированного статуса затрагивала лишь представителей второстепенных фамилий и не отражалась на их более знатных сослуживцах. Количество же членов «честных» фамилий с конца XV в. увеличилось в несколько раз.

1550-е гг. стали временем массового привлечения лучших представителей городовых детей боярских к выполнению служб общегосударственного характера. «Городовые» были прямо обозначены в Тысячной книге по уездам Северо-Запада. Здесь они были представлены значительными группами (15 по Водской пятине, 16 – по Деревской, 9 – по Шелонской, 24 – по Бежецкой, 10 – по Обонежской, 25 – по Пскову, 6 – по Великим Лукам), сопоставимыми в ряде случаев с численностью дворовых детей боярских тех же субкорпораций. Та же тенденция, хотя и менее отчетливо, проявилась и для центральных уездов. В Дворовой тетради отсутствовали родственники Д.Ф. Пестова, одного из

каширских тысячников. Все Пестовы в десятне 1556 г. служили «с городом». Не был представлен здесь также стрелецкий голова Н.В. Елсуфьев, хорошо известный источникам 1550–1560-х гг. Выходцами из городовых были, скорее всего, П.Д. Болкунов, В. Фуников Прончищев, Курбат Очкасов, Незамай Потребинский. В отрывке списка государева полка 1556/57 г. фигурировал целый ряд неизвестных Дворовой тетради лиц[691].

Разрядные книги середины века содержат упоминания о службах целой группы лиц, которые явно были выходцами из городовых детей боярских. В частности, среди городовых по Кашире служили И.И. Алексеев Уваров, а также родственники Д.И. Фустова, Ф.Ф. Хотяинцева, Ю.А. Кропотова и, вероятно, Р.М. Хвощинского. Прямое свидетельство о происхождении из городовых детей боярских выборного дворянина Курбата Ишутина Извольского сохранилось в боярском списке 1577 г.[692]

Привлечение новых лиц неизбежно ставило вопрос о дальнейшей судьбе уже имеющихся дворовых детей боярских. Вряд ли большинство из них согласилось бы быть переведенными на более низкую ступень социальной лестницы без веских на то оснований. Несмотря на реформы службы 1550-х гг. и появление выборных дворян, центральное правительство по-прежнему рассматривало «дворовых» как кадровый резерв для выполнения различных поручений общегосударственного характера. Не случайно Дворовая тетрадь – сводный список дворовых детей боярских – активно пополнялась делопроизводственными пометами на протяжении всего этого десятилетия, что свидетельствовало о постоянном обращении к ней. Традиционализм государственной власти не позволял безапелляционно отказываться от сложившихся и когда-то весьма полезных моделей организации службы.

Более того, с определенной паузой, но в соответствии с ранее заложенной логикой дворовые дети боярские, как отдельная категория, постепенно вводились в новых «городах», что, вероятно, должно было уравнять их в правах с давно сложившимися корпорациями. В разряд полоцкого похода 1563 г. служилые люди из Ряжска, Стародуба-Северского, Брянска, Новгорода-Северского, Почапа, Смоленска, Нижнего Новгорода, Мещеры, Болхова, Карачева, Мценска были записаны общим порядком, без подразделения на дворовых и городовых детей боярских. Примерно та же картина наблюдается в разряде 1577 г. «на ливонские немцы», в котором были перечислены «смоленцы дети боярские», а также невельские помещики, в отличие от целого ряда «старых» городов, где присутствовали дворовые и городовые дети боярские. В начале XVII в. «дворовые», однако уже

определенно были представлены в Смоленске, Нижнем Новгороде и Ме щере.

Признавая права дворовых детей боярских, продолжая использовать их потенциал, государственной власти необходимо было решить вопрос с избыточной численностью двора. Оптимальным числом для «гвардии», по оценкам московских правителей (лично Ивана Грозного?), являлось, видимо, 1000 человек. Именно эта цифра фигурировала в преамбуле проекта об испомещении под Москвой 1550 г., получившего от нее свое название в историографии. Позднее, в 1565 г., также планировалось отобрать 1000 детей боярских, которые должны были получить земли в опричных уездах. Общая же численность дворовых детей боярских «Московской земли» (категория «дворовых» существовала также в северо-западных уездах страны) насчитывала, по данным Дворовой тетради, порядка 2500 человек. Именно они в большинстве своем претендовали на получение кормлений, которые, естественно, в первую очередь начинали испытывать на себе последствия этого явления.

Кормления – должности в системе местного (а в некоторых случаях, вероятно, и центрального) управления становились более дробными. Для их получения приходилось предпринимать серьезные усилия, о чем свидетельствует хорошо известный в исторической литературе пример митрополичьего сына боярского Субботы Васильева Стромилова: «Бил есми челом царю государю о кормленье, и докуки моей было государю много, и про то меня в опальную тюрьму не одиножда посылывали – пятья и шестья. Да таки есми у государя кормленья добился». Существовали особые очереди к «кормленному верстанию», которые растягивались порой на несколько лет. Зачастую в кормление отдавались весьма отдаленные от владений того или иного сына боярского территории, что создавало дополнительные трудности для их получателей. Все это явно сопровождалось бесконечными дрязгами и челобитными, которые парализовывали работу этого и без того не слишком эффективного института[693].

Ситуация усугублялась второстепенной ролью, которую начинали играть дворовые дети боярские в организации армии. Разряд казанского похода 1549 г. показывает, что государев полк формировался по смешанному принципу: в нем присутствовали как «дворовые по списку», так и городовые дети боярские «володимерцы, суздалцы, бежичане, вязмичи, мещане». Другой особенностью этого разряда была совместная служба дворовых и городовых детей боярских из некоторых уездов (юрьевцы, переславцы, волочане, алексинцы), которые совместно собирались в поход[694].

Есть ощущение того, что к этому времени подобная практика имела уже давние традиции. Разряд полоцкого похода 1563 г. демонстрирует, что спустя 15 лет эта тенденция приобрела более широкое распространение[695]. Тем самым делался шаг к слиянию этих групп в рамках единых объединений.

В Новгородской земле и примыкающих к ней территориях формирование общих списков могло произойти на несколько десятилетий раньше, чем на остальной территории страны. Сведения о новгородцах, потомках дворовых детей боярских, отличаются лапидарностью. Их служба чаще всего проходила в пределах собственно Новгородской земли и ее границ. Упоминание в делопроизводственных источниках «новгородца» за рамками очерченного региона означало его переход на службу в центральные уезды с потерей поместья в Новгородской земле.

Казанский разряд 1549 г., как и ряд других, более ранних источников, говорит о новгородских помещиках без подразделения их на дворовых и городовых. Первое упоминание о существовании здесь собственных дворовых детей боярских встречалось в Тысячной книге. Перечисление помещиков северо-западных уездов страны (Великого Новгорода, Пскова, Торопца, Великих Лук и Пустой Ржевы) содержало в себе значительное количество реликтовых черт. Имена тысячников из этих уездов были разбиты на две статьи, соответствующие по размерам выделяемых поместий 2-й и 3-й статьям основного документа[696].

В рассматриваемом списке имена новгородцев и псковичей перечислялись по территориальному принципу. Каждая из этих групп была расписана по определенным погостам (уездам и засадам в случае с Псковом). Подобное деление охватывало как дворовых, так и городовых детей боярских, группы которых не пересекались между собой. Видно, что список помещиков Северо-Запада был создан на основе других источников по сравнению с основной частью Тысячной книги. Порядок перечисления погостов внутри каждой отдельной пятины отличался для дворовых и городовых детей боярских. Скорее всего, эта часть составлялась путем вычленения интересовавших московское правительство имен из какого-то предшествовавшего источника (нескольких источников), вероятно близкого к последующим десятням. Многие погосты, где не было значимых лиц, могли быть полностью проигнорированы. От некоторых других остались только заголовки. Сам же принцип вычленения дает возможность проследить контуры исходной структуры.

Перечисление погостов, по которым были записаны новгородские тысячники из дворовых, совпадает по Шелонской

пятине (по Водской и Деревской пятинам тысячниками 1-й статьи было представлено всего по одному погосту, а Обонежская и Бежецкая пятины вовсе не дали своих представителей в эту статью). В обеих статьях Никольский с Высокого городка погост был записан после Бурежского. Иная картина наблюдается при сопоставлении погостов в списках дворовых и городовых детей боярских. При описании тысячников 2-й статьи по Шелонской пятине из числа дворовых детей боярских последовательно (вместе с целым рядом других погостов) были перечислены Бурежский, Которский и Любинский погосты. Список городовых той же пятины знает эти погосты, но называет их в другом порядке: Которский, Бурежский, Любинский. Так же обстоит дело и с Водской пятиной. Список дворовых детей боярских последовательно называет тысячников из Никольского Ижерского, Сабельского, Каргальского и Дудоровского погостов. В списке городовых эти погосты фигурируют уже в другом порядке – Каргальский, Дудоровский, Никольский Ижерский и, наконец, Сабельский[697].

Подобные несовпадения свидетельствуют о параллельном ведении списков и, как следствие, говорят в пользу давней традиции существования категории дворовых детей боярских в Новгородской земле. Другой вопрос, какое место занимала она в системе организации службы. Параллельное ведение списков присутствовало в ранних десятнях в рамках уже объединенных служилых «городов», как, например, в коломенской десятне 1577 г.[698]

Писцовые книги валового описания конца 1530-х гг. неоднократно упоминают о придачах, сделанных помещикам по «явленным» («явчим») спискам. В нескольких случаях конкретизируется, что эти списки составлялись «у смотрения». Все подобные упоминания не сопровождались датами или именами лиц, производивших смотры. Вероятно, речь шла о хорошо известном составителям писцовых книг событии, произошедшем незадолго до начала описания. Сопоставление с Тысячной книгой и родословными росписями показывает, что среди тех, кто был отмечен в «явленных» списках, на равных присутствовали как городовые, так и дворовые дети боярские. Обе эти категории, таким образом, верстались одновременно. С Новгородской землей связано первое упоминание о десятнях. Вполне вероятно, что упомянутые в царской грамоте 1554 г. князья Белосельские в силу своего происхождения служили по «дворовому» списку. Их запись в «десятнице» была сделана задолго до отмеченной даты. В таком случае можно было бы говорить о ранней фиксации местных дворовых в документах,

которые описывали состав служилого «города».

Ситуация в других центральных уездах отличалась от новгородского примера. Дворовые дети боярские большинства «старых» уездов продолжали сохранять свою обособленность, не смешиваясь с другими служилыми людьми из своих уездов. Первые упоминания о десятнях для центральных уездов встречаются в Дворовой тетради. В белозерской рубрике при упоминании князя И.А. Шелешпанского встречается помета об его отбраковке в связи с похолоплением «по смотру и по десятне Третьяка Дубровина». В ряде списков Дворовой тетради эта помета дополнялась цифрой «63» (1554/55 г.)[699]. Очевидно, что к этому времени дворовые дети боярские уже начали учитываться в десятнях, то есть де-факто вошли в состав объединенных уездных корпораций.

Место дворовых детей боярских как рядовых членов Государева двора постепенно заняли выборные дворяне. Их появление было инициировано, видимо, еще в конце 1530-х гг. Пресловутая «тысячная реформа» замышлялась еще правительством Елены Глинской, однако не была реализована. Анализ структуры Тысячной книги показывает влияние на нее дворовой книги 1536/37 г., особенно в 1-й и 2-й статьях. Здесь содержались упоминания о тысячниках из распущенных удельных дворов «князь Юрьевские Ивановича» и «княж Андреевские». Изучение новгородской части Тысячной книги дает основания предполагать, что часть отобранных для придворной службы лиц должны были составить местные помещики. Уже говорилось об использовании этим документом какого-то оригинального источника, который начал составляться ранее 1550 г.

Одним из новгородских тысячников был князь Ю.И. Кропоткин. Писцовая приправочная книга Деревской пятины 1550/51 г. упоминает земли этого помещика в Городенском погосте с однозначной пометой: «Было за князем Юрием княж Ивановым сыном Кропоткина, и князя Юрья не стало 7057» (1549)[700].

Существенные расхождения наблюдаются также между указаниями Тысячной книги на погосты и фактическим землевладением названных в ней лиц. Д.А. Волохов к 1550/51 г. уже лишился своего поместья в Лосицком погосте Шелонской пятины и был пожалован поместьем в Пскове. С начала века поместье в Рютинском погосте Деревской пятины принадлежало князьям Кропоткиным. Платежная книга 1543 г., опиравшаяся на аналогичный источник первого десятилетия XVI в., называет здесь среди местных помещиков князя В.А. Кропоткина. В 1550/51 г., однако, его дети князья Дмитрий, Иван и Андрей

владели землями Ужинском, Пиросском и Туренском погостах Деревской пятины. Их владения в Рютинском погосте перешли к другой ветви Кропоткиных. Второстепенный характер носили земли в Солецком погосте Водской пятины для Замятни и Некара Шепяковых. Основная часть их поместья после описания конца 1530-х гг. располагалась в Бежецкой пятине[701].

Сопоставление с данными предшествующего писцового описания показывает, что в ряде случаев сведения Тысячной книги соответствовали картине, существовавшей в новгородских пятинах в 30-х гг. XVI в. Можно привести несколько наиболее показательных случаев. Н.Б. Новокрещенов в 1550/1551 г. владел участками в Бережском и Быстреевском погостах Шелонской пятины. Уже писцовая книга конца 1530-х гг. говорит, что его владения в Хрепельском погосте Водской пятины, где он был записан согласно Тысячной книге, перешли в руки других помещиков. Его родственник А.И. Новокрещенов лишился к этому времени поместья в Хрепельском погосте. Аналогичным образом отсутствовали владения в Мусецком погосте Шелонской пятины у братьев Ю. и Ф.В. Крюковых Сорокоумовых, перебравшихся в Бежецкую пятину[702].

Во всех приведенных примерах очевидной представляется связь перечисленных лиц (хотя и в прошедшем времени) с упоминаемыми в Тысячной книге погостами. В некоторых других примерах такая связь вызывает сомнения. Вероятно, ряд погостов, присутствовавших в первоначальном источнике, не отразился в конечном варианте. Этот вывод подтверждается путаницей с названиями некоторых погостов. Только здесь, например, встречается погост Богородицкий из Осечны Бежецкой пятины. Писцовые книги знают два погоста из Осечны – Воскресенский и Егорьевский, а также погост Богородицкий из Залазны. В новгородском списке Тысячной книги произошло искусственное объединение их названий[703].

Анализ землевладения тысячников из этого «симбионта» показывает, что названные по этому погосту М., И.Д. и И.М. Софроновские в полном составе владели землями в погосте Богородицком из Залазны. Запись «ис Осечны» должна была относиться к другим лицам. Подобная ситуация была характерна и для Ф.Г. Сназина с его сыном Васюком, записанных «из Рождественного погоста и из Дегожского». В Шелонской пятине существовали два различных погоста: Рождественский с Усть-Северы и Дегожский. Ф.Г. Сназин в конце 1530-х гг. владел поместьем в Дегожском погосте, а также небольшим участком в Должинском погосте. Его сын Васюк обзавелся собственным поместьем уже в 50-х гг. XVI в., когда из порожжего поместья

князя И.Б. Корецкого ему было выделено 20 обеж в Дремятском погосте. В Рождественском погосте владения Сназиных не были зафиксированы. Видимо, и в этом случае по Рождественскому погосту служили другие лица[704].

Новгородский список Тысячной книги имел ряд общих черт с ранними новгородскими десятнями. Выписки из несохранившейся десятни 1556 г. показывают наличие в ней деления на погосты. Из Боровичского погоста показан был Г.А. Неплюев, а по Дмитреевскому погосту служили Осинины[705].

Очевидно, что этот список был составлен на основании источника, созданного до валового писцового описания конца 1530-х гг. и включавшего в себя значительно большее количество погостов. Скорее всего, он должен был иметь то же предназначение, объединяя лучших представителей служилых субкорпораций Северо-Запада, отобранных для придворной службы.

Эти наблюдения дополняются сведениями разрядных книг. В 1538–1540 гг. целая группа новгородских помещиков упоминается в разрядных книгах с пометой «А из Новагорода помещики» в качестве полковых голов при воеводах на Коломне[706]. Эта служба обычно поручалась детям боярским Государева двора, а впоследствии выборным дворянам. Вполне вероятно, что московское правительство намеревалось таким образом начать привлечение новгородских детей боярских к дворовым «службам и посылкам». Почти все из названных в этих разрядах новгородцев либо сами впоследствии стали тысячниками, либо были отцами и старшими братьями тысячников из Новгородской земли. Тысячниками, в частности, были князь И.И. Буйносов, В.И. Мешок Квашнин, Ф.Г. Сназин, а также сыновья князя Б.А. Приимкова и младший брат Т.И. Заболоцкого.

Помимо Новгородской земли в Тысячной книге присутствовали и другие «мертвые души». А.Л. Корзинин отметил упоминание здесь также М.И. Зачесломского (Галич) и Ю.Н. Стромилова (Юрьев). Оба они были записаны среди погибших от татар в Муроме в 1549 г.[707] Их имена были отобраны в общий список явно значительно раньше. Сделанное наблюдение свидетельствует о широком характере сформированного списка будущих тысячников. За последующее десятилетие это начинание не получило своего логического продолжения и было вновь поставлено на повестку дня уже в 1550-х гг.

«Выбор» 1550-х гг. первоначально имел черты кратковременных и нерегулярных назначений. Трудно отличить выборных дворян, как новую категорию в составе Государева

двора, от детей боярских, отобранных для выполнения того или иного поручения, тем более что в обоих случаях могли быть задействованы одни и те же лица. Состав выборных дворян со временем подвергался значительному варьированию. Первый набор выборных дворян, видимо, должен был состоять из лиц, фигурировавших в Тысячной книге в качестве претендентов на получение подмосковных поместий. Подобная постановка вопроса изначально отличалась не слишком высокой определенностью. Очевидно, что подмосковные вотчины и поместья в это время уже были достоянием целого ряда лиц, которые, соответственно, были исключены из этого списка. Дефицит подмосковных земель и невозможность на практике реализовать испомещение здесь для более 1000 кандидатов (не были даны земли представителям северо-западных уездов) придавали составленному списку формальный характер.

Возможность ротации состава тысячников была предусмотрена уже в тексте указа 1550 г.: «А которой по грехам ис тои тысечи вымрет, а сын его не пригодитца к тои службе, ино в того место прибрать иного». А.П. Павлов считал, что она свидетельствует о наследственном характере службы тысячников. В действительности в 1550–1560-х гг. происходило достаточно активное изменение их личного состава. Анализ структуры Тысячной книги показывает наличие нескольких приписок к основному тексту[708]. Неоднократно упоминались свидетельства родословных книг о принадлежности к тысячникам ряда лиц, которые не встречались в тексте Тысячной книги. Вполне вероятно, что они были добавлены к первоначальному ядру. Н.В. Мятлев обратил внимание на несоответствие количества земли, планировавшейся в раздачу, действительному количеству членов избранной тысячи[709].

Далеко не все тысячники впоследствии сделали карьеру. В 3-й статье по Коломне был записан князь М.М. Хворостинин, который, похоже, не слишком выделялся по своим служебным достоинствам, не получив в 1550-х гг. ни одного разрядного назначения. В каширской десятне 1556 г. он присутствовал среди дворовых детей боярских, выбыв, таким образом, из списка потенциальных выборных дворян. В десятне по Тарусе в том же 1556 г. числились князья В. и Д.В. Борятинские[710].

С другой стороны, среди каширских детей боярских, упомянутых в это время в разрядных книгах, можно назвать В.Л. Степанова, А.К. Колтовского, И.В. Большого Мясоедова, П.И. Таптыкова, В.Ф. Палицына, Д.И. Фустова, Ю.А. Кропотова, Ф.Ф. Хотяинцева, Р.М. Хвощинского. Их имена, равно как и имена их отцов и старших братьев, отсутствовали в Тысячной книге. Такая

же ситуация отмечается и по другим «городам». Головами в полках в 1560 г. из тульских детей боярских были Д.Ф. Ивашкин, Т.В. Созонов и М. Рудаков Михнев[711]. Вполне вероятно, что в середине века было произведено несколько новых наборов выборных дворян, в результате которых значительно обновлялся личный состав этой группы.

Особенностью состава тысячников стало достаточно широкое присутствие в нем выходцев из «новых» корпораций. Рязанская корпорация, одна из наиболее крупных по своей численности, выдвинула всего лишь семь человек в избранную тысячу. Вяземская корпорация, напротив, была представлена сразу 55 детьми боярскими. Причиной такого расхождения была архаичная структура и обособленность рязанской корпорации.

Выборные дворяне, как прежде дворовые дети боярские, несли службу отдельно от своих территориальных корпораций. Пометы «в выборе» в тексте каширской десятни 1556 г. стояли возле имен Г. Злобина Петрова и И.И. Алексеева Уварова. Примечательно, что их оклады резко выбивались из их окружения. Г. Злобин имел оклад в 600 четвертей, в то время как записанные перед и после него А.А. Колтовский и В.Г. Злобин – 250 (пол-триста) четвертей. Такая же ситуация была в случае с И.И. Алексеевым Уваровым, оклад которого составлял 400 четвертей. Находящийся после него А.Д. Иванов Александров довольствовался более скромным окладом в те же 250 четвертей. Очевидно, после получения назначения в «выбор», уже после проведения смотра и составления десятни, их оклады были соразмерно увеличены[712].

Вне группы «торопецкие помещики» числились в списке участников Земского собора 1566 г. тысячники Невзор Злобин и М.Г. Чеглоковы. Оба они были записаны в конце списка дворян 2-й статьи – выборных дворян, среди помещиков Северо-Запада[713].

Середина века ознаменовалась постепенной ликвидацией нескольких обособленных мелких корпораций. При немногословности разрядных записей за первую половину XVI в. невозможно оценить их общее количество. Н.П. Лихачев привлекал свидетельства одной из частных разрядных книг о росписи служилых людей в северских городах 1552 г. Судя по этой записи, в Путивле находились дети боярские: стародубцы, медынцы, городенцы, кременчане, сумьяне (серпьяне), мощинцы, Товарковой слободы, Новгорода-Северского, Ярославца-Малого, путивльцы, селищане, мышегжане, хотунцы. Значительная часть из них представляла территории, которыми когда-то владели северские князья – Василий Шемячич и Василий Стародубский. И если большинство этих городов образовывали отдельные уезды,

то Мышега и Товаркова слобода рассматривались как волости. В разряде казанского похода 1549 г. фигурировали те же «мышагжане»[714]. В этом ряду находится, скорее всего, и выделение «становых» отрядов в каширских десятнях 1556 и 1570 гг.

По отдельным спискам служили также вятчане, сосланные после присоединения Вятской земли в центральные уезды страны. Представители этой группы встречались в актовых источниках, а также в платежной книге Московского уезда 1542/43 г. Их служба по отдельному списку подтверждается перечнем сводной десятни 1556 г. «десятня ружан, серпухович, торушан, вятчан, боровичь». «Вятчане из Боровска» упоминаются в разряде полоцкого похода 1562/63 г. «Вятчане» встречаются также в тексте рузской писцовой книги 1567–1569 гг., хотя в этом случае трудно говорить о сохранении ими какого-то особого статуса. Судя по размерам поместий у «вятчан» в Московском и Рузском уездах, их трудно было причислять к полноценным детям боярским. В последнем случае для них было характерно коллективное владение земельными участками, находившимися в крайне запущенном состоянии. Один из «вятчан» Рузского уезда – Родя был обозначен в писцовой книге без фамилии[715].

Существование обособленных корпораций, в том числе межтерриториального характера, а также имевшее место разделение на дворовых и городовых детей боярских приводили к тому, что многие уездные группы служилых людей до начала реформ 1550-х гг. напоминали своеобразный «слоеный пирог». В казанском разряде 1549 г. встречается разделение городовых кашинских детей боярских на две группы: «кашинцы княж Юрьевские» и «кашинцы старые послужилцы», каждая из которых должна была собираться у своего воеводы, в Суздале и Ярославле соответственно. Отдельно упоминаются здесь «литва», группа, которая, возможно, имела экстерриториальный характер, а также из «Старадуба Глиньского люди», служившие по отдельному списку[716].

Разряд полоцкого похода 1563 г. показывает, что количество подобных групп значительно сократилось. Основой организационной структуры армии выступали в этом случае служилые «города», в которых были объединены местные дворовые и городовые дети боярские, включая представителей более дробных групп служилых людей. Коломенская десятня 1577 г. показывает, что по общему списку служили «литвяки нововыезжие», хотя их включение сюда произошло, видимо, сравнительно недавно, о чем свидетельствует формулировка «а ныне служат с Коломны с городом».

Применительно к территориальным корпорациям итогом преобразований середины XVI в. стало расширение их состава за счет дворовых детей боярских. Наиболее активные и деятельные их представители, попавшие в прослойку выборных дворян, одновременно были изъяты из «городов». А.П. Павлов отметил, что при этом все они продолжали рассматриваться как их представители в новом дворе. Территориальные связи, хотя и не слишком отчетливо, прослеживаются в списке участников Земского собора 1566 г., разбитых на несколько уездных групп. Территориальная принадлежность детей боярских подчеркивалась в нескольких поручных грамотах второй половины 1560-х – начала 1570-х гг.: 1565 – по И.П. Яковлеве, 1566 – по князе М.И. Воротынском (частично), 1571 – по князе И.Ф. Мстиславском. Среди них определенно было несколько десятков тысячников – выборных дворян. Вполне вероятно, что к этому времени уже были созданы перечни выборных дворян с выделением в них рубрик по отдельным уездам, как это было отмечено уже в боярской книге 1577 г.[717]

Окончательное размежевание произошло и для представителей аристократических фамилий, связанных с «московской» службой. Все они постепенно утратили связь с корпорациями в уездах, где располагались их вотчины и поместья. В качестве иллюстрации можно сопоставить имена привлеченных лиц в двух коломенских актах, связанных с взаимоотношениями князей Звенигородских и Шереметевых. Приобретший известность в исторической литературе спор между И.В. Большим Шереметевым с князьями Ю., В.И. Токмаковыми и А.П. Ноздроватым начался в 1544 г. В счет займа И.В. Шереметеву было передано полсела Граворонoво. В двух вариантах закладной, предъявленных сторонами (вариант князей Звенигородских оказался подложным), фигурировало значительное число местных землевладельцев[718].

Весь ход разбирательства, предпринятого в 1547 г. с личным участием Ивана IV, погружает нас в мир коломенских землевладельцев, тесно связанных друг с другом, со своими привязанностями и антипатиями. Аристократы Шереметевы и князья Звенигородские были его органичной частью. И.В. Шереметев в этом споре славился на «весь Коломенский уезд». Здесь находилась родовая усыпальница Шереметевых. Князья Звенигородские породнились с местным вотчинником Г. Злобиным Петровым Михайловым. Позднее старцы Кирилло-Белозерского монастыря вспоминали о «мирской» ссоре двух постриженников – И.В. Большого Шереметева и В.С. Собакина. Оба они были коломенскими землевладельцами и соседями по

владениям в Песоченском стане[719].

Другая картина предстает в купчей грамоте И.В. Большого Шереметева 1558/59 г. по приобретению вотчины у князя В.И. Токмакова. Послухами здесь выступали М.И. Вороного Волынский, князья Ю.И. Токмаков, В.С. Мосальский, В.П. Ноздроватый, а также И.А. Ершов и И.Ф. Елизаров. За исключением родственников продавца ни один из них не принадлежал к числу собственно коломенских землевладельцев[720].

Факт существования внутрикорпоративных связей лучше всего проявлялся на «расстоянии». Известно несколько поземельных актов, в которых послухами одной из сторон выступали лица, не имевшие прямого отношения к уезду, где происходила сама сделка. В 1515/16 г. И.А. Черный Колычев приобрел себе вотчину в Коломенском уезде. Свидетелями в купчей отметились Черемисин Ф. Кренев, И.И. Сукин и Скурат Грибакин Жуков[721]. Все они, как и сам И.А. Черный Колычев, в это время являлись новгородскими помещиками. Представители этих фамилий до переселения в Новгородскую землю были замечены в нескольких уездах. Остафий (Черемисин) Федоров Кренев приобретал себе холопа в Костромском уезде, а Сукины были связаны с Суздальским уездом, где им принадлежали старинные вотчины.

Уже приводился пример разъезжей грамоты братьев Пильемовых-Сабуровых, в которой в качествке послухов присутствовали их сослуживцы – вяземские дети боярские. В 1564 г. в данной грамоте Овдотьи Вельяминовой в Костромском уезде среди послухов отметились Г.В. Дедевшин, а также князья И. и Ф.С. Деевы. Как и родственники этой вкладчицы Мятлевы и Вельяминовы, они служили по Вязьме. Очевидно, что и в этом случае их появление в заволжском уезде было обусловлено существовавшими внутрикорпоративными связями[722].

С.М. Каштанов, анализируя сделки с дворами в Казани 1552–1554 гг. в среде несущих здесь службу детей боярских, отмечал преобладание принципа «корпоративной близости», когда контрагентами и свидетелями в них выступали представители одной корпорации[723].

Чаще всего подобные связи совпадали с поземельными (соседскими), скреплялись браками и крестным родством соседей-землевладельцев в рамках того или иного уезда. Их значение применительно к реалиям службы для середины XVI в. видно на примере кратковременного взлета А.Ф. Адашева. Возвышение этого выходца из Костромского уезда благотворно сказалось на его родственниках и соседях. Разрядные назначения

в середине века получали неизвестные прежде И.Ф. Шишкин, Т.Г. Тыртов, Д.Д. Порховский, И. Пелепелицын. Некоторые из них определенно находились под покровительством этого временщика[724].

Последующая расплата также оказалась жестока. По свидетельству князя А.М. Курбского, после смерти А.Ф. Адашева Иван IV «начал сродников Алексеевых и Селивестровых писати имяна и не токмо сродных, но о ком послышал ото лжеклеветников своих, и друзей, и суседов, и знаемых, аще мало знаемых, многих же отнюдь и незнаемых». Многие костромичи были отправлены в казанскую ссылку, а затем стали жертвами опричного террора[725].

Для последующих десятилетий подобная ситуация была уже нетипичной. Анализ личного состава коломенцев по десятне 1577 г. показывает значительное «опровинциаливание» местной корпорации, которая лишилась своих, пусть даже формальных, лидеров и потеряла нужные связи для карьерного роста своих членов. Эта ситуация была характерной в рамках всего Московского государства. Подобное «очищение» уменьшало возможности протекции и помощи «сильных людей», хотя и не сводило их окончательно на нет. Обратной стороной этого процесса являлось увеличение значения внутрикорпоративных связей и создание предпосылок для создания на их основе новой системы взаимоотношений внутри служилых «городов».

Недостаточно было связать в рамках той или иной корпорации несколько десятков или сотен детей боярских. Долговременная совместная служба должна была опираться на налаженные горизонтальные связи, которые позволяли бы автоматически «перезагружать» запущенный механизм без постоянного вмешательства и контроля со стороны правительства. При создании служебной системы в конце XV в. в значительной степени была сделана ставка на использование сложившейся на отдельных территориях – бывших княжествах Северо-Восточной Руси иерархии. Распространение поместной системы и постоянное обновление состава местных землевладельцев приводили к разрывам поземельных связей и отношений. Особенно от четливо эта особенность должна была проявляться при создании новых корпораций на окраинах страны.

Уровень развития внутрикорпоративных связей в середине XVI в. получил не слишком подробное освещение в историографии. По мнению В.О. Ключевского, правда, без конкретизации для определенного десятилетия, «местные дворянские общества были уже готовы в XVI в.». Характеризуя практику «разбора», он отметил роль выборных окладчиков в

верстании и определил общие подходы к системе поручительства: «Порука складывалась в цепь поручителей, охватывавшую весь служилый уезд»[726].

Емкую картину связей, которые действовали внутри служилых городов доопричного времени, обрисовал в одном из очерков, посвященных опричнине, С.Б. Веселовский. «Поуездные организации служилого люда», сложившиеся на основе бытовых и хозяйственных связей местных землевладельцев, по его мнению, были оформлены еще во время правления Ивана III. Подчеркивая сплоченность поуездных организаций дворянской конницы, он рассматривал опричнину как инструмент, в результате действий которого были разрушены необходимые в походах «спайка и организованность»[727].

В.Н. Козляков, посвятивший специальное исследование «служилому городу» XVII в., на основании «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна считал возможным говорить о выделении «сословной группы уездного дворянства» уже в первой четверти XVI в. Близкую позицию занимал и М.Г. Кротов, опиравшийся на сведения «Повести о победах Московского государства»[728].

Важной составляющей оформления сословных и корпоративных интересов служилых людей (дворянства) признается их участие в делах местного управления. В зависимости от взглядов того или иного историка на характер власти в Московском государстве менялись представления о степени их вовлеченности в этот процесс. Для сторонников идеи сословно-представительной монархии важно было подчеркнуть раннее формирование, в том или ином виде, сословных групп[729]. В.О. Ключевский в продолжение рассуждений о «местных дворянских обществах» подчеркивал значение городовых приказчиков, уполномоченных выборных представителей местного военного и землевладельческого общества, «своего рода предводителей уездного дворянства», которые вели текущие дела местного управления, затрагивавшие интересы «дворянского общества и служилого землевладения». С.Б. Веселовский также отмечал значение городовых приказчиков, губных старост и судных голов в процессе становления «поуездных организаций»[730].

В более широком ключе рассматривал городовых приказчиков и губных старост Н.Е. Носов. Его исследование при преобладании объективного комплексного подхода содержало тем не менее оценку городовых приказчиков и губных старост как представителей интересов «поднимающегося дворянства». Институт губных старост был охарактеризован как «аппарат

насилия для удержания власти помещика над крепостным крестьянством». Позднее он отказался от столь резких оценок, подчеркивая элементы сословного представительства при проведении губной реформы[731]. Почти без изменения оценка роли городовых приказчиков и губных старост была повторена А.А. Зиминым, который видел в их появлении (расширении функций для городовых приказчиков) свидетельство укрепления политической роли дворянства на местах и постепенное складывание элементов сословного представительства в местном управлении[732].

«Классовый» характер губных учреждений был в последующие годы справедливо подвергнут критике, в то время как признание сословной составляющей в реформах местного управления продолжает регулярно встречаться в современной исторической науке[733].

Давние традиции, впрочем, имеет и более скептическое отношение к «дворянским» органам местного управления. По мнению Н.А. Рожкова, выборность не превращала их в орган местного самоуправления. Городовых приказчиков он сравнивал с земскими старостами. И в том и в другом случаях эти должностные лица после избрания переставали зависеть от своих избирателей (детей боярских и кресть ян соответственно), превращаясь в инструмент центрального правительства. Дети боярские, выбирая городового приказчика, «просто ручались за благонадежность избранного». С.А. Шумаков отмечал всесословность губных учреждений, которые, по его мнению, возникли во время, когда сословия еще не успели обособиться[734].

Для большинства историков существование территориальных служилых корпораций признается априори, без надлежащей оценки динамики их внутреннего развития и определения маркерных точек, позволяющих выявить качественные изменения в тот или иной период[735].

Комплексное исследование корпоративности как явления, включающего совокупность служебных, родственных (в том числе крестородственных), поземельных, патронклиентских и иных связей, внутри объединений провинциального дворянства, «служилых городов», в последние годы получило большое количество исследователей, специализирующихся на материалах XVII в.[736], для предыдущего столетия остается неизученным или получило слишком общие определения.

Недостатком подобных подходов является частое смещение хронологических рамок. Неоднократно цитируемый С.Б. Веселовский, создавший яркий образ организации служилых

миров доопричного времени, например, одной из важной ее составляющей рассматривал деятельность окладчиков. Анализ сохранившегося комплекса десятин показывает, что окладчики, однако, впервые упоминаются в составе служилых «городов» лишь в начале 1570-х гг., в разгар опричного террора[737]. Общая идиллическая картина взаимодействия служилых людей, созданная этим историком, не находит в итоге должного подкрепления в источниках.

Несмотря на долговременные традиции совместной службы, территориальные корпорации в целом были беззащитны перед лицом центральной власти. Вплоть до середины XVI в. неизвестны случаи их коллективного волеизъявления, направленные на защиту собственных интересов. Первым и единственным примером такого рода (исключение, подтверждающее правило) является уже приводимая «челобитная» новгородцев во время казанского похода 1552 г.[738]

Служилые «города» не имели возможности влиять на процесс перераспределения земель на территории своих уездов. Это приводило к регулярному обновлению их состава, инициируемому московским правительством (переселения из новоприсоединенных территорий, включение в круг детей боярских выходцев из новокрещенов и других социальных групп). Показательно, но вплоть до 1550-х гг. представители местных корпораций не привлекались к проведению писцовых описаний в своих уездах.

Жалованные грамоты, как на вотчины, так и на поместья, становились достоянием служилого человека в индивидуальном порядке. Как показал В.А. Аракчеев, они могли существенно отличаться по объему прав. Многие служилые люди, видимо, вообще не располагали подобными документами. Только после 1549 г. с введением «вопчих» грамот были сделаны шаги по упорядочению подсудности детей боярских[739].

Стоит остановиться более подробно на определении роли городовых приказчиков и губных старост первой половины – середины XVI в., которые, как это было показано выше, признавались многими исследователями инструментами дворянского представительства на местах.

Хронологически первыми из них свое место в системе местного управления заняли городовые приказчики. Н.Е. Носов показал, что становление этого института произошло еще в конце XV – начале XVI в. с ростом значения «городового дела» – строительством и укреплением оборонительных укреплений городов[740].

Объем полномочий городовых приказчиков, видимо, был

различен на разных территориях и менялся в течение времени. Приказчики некоторых крупных пограничных городов-крепостей в середине XVI в. фигурировали в разрядных книгах (Смоленск, Казань, Свияжск, Чебоксары). Персональный состав этих городовых приказчиков показывает, что они не принадлежали к местным служилым сообществам, а назначались центральным правительством из числа пришлых годовщиков. Все они, скорее всего, принадлежали к числу выборных дворян и рассматривались как представители воеводского корпуса.

Выходцами из местных служилых людей уже на рубеже XV – начала XVI вв. был «городчик» Яма С.М. Мустофа Татьянин «Шереметевский». Он вместе со своим сыном и зятьями владел поместьем в Водской пятине. Действовавшие в Торопецком уезде в конце 30-х – начале 40-х гг. XVI в. городовые приказчики распоряжались двумя категориями поместий. Как и остальным детям боярским, им принадлежали поместья: И.Г. Чмутову Рябинину – 22 выти, а Гостю А. Коведяеву «с братьею» – 8. Кроме того, как городовые приказчики, они имели дополнительные поместья. И.Г. Чмутову Рябинину досталось еще 6 вытей, а Гостю Коведяеву – 3,5. Запись в писцовой книге свидетельствует о том, что И.Г. Чмутов был не первым городовым приказчиком, владевшим добавочным поместьем. До него оно принадлежало Я. Кушелеву. В перечне доходов с него прямо указывалось, что «доходу емлют с того поместья городничие, кой живет на городовом приказе»[741]. В последующие десятилетия положение здесь городовых приказчиков изменилось, однако в худшую сторону.

Для большинства других территорий городовыми приказчиками обычно становились отставленные от службы лица. В платежной книге Деревской пятины 1543 г. активным плательщиком выступал Рюма Неклюдов Шалимов. В отличие от большинства новгородцев, находившихся в это время с войсками во Владимире, Рюма (Роман) был порховским городовым приказчиком и не участвовал в «дальней службе»[742].

Известны были примеры долговременного выполнения некоторыми лицами обязанностей городовых приказчиков. К.В. Нечай Тумский в 1539, 1540, 1545, 1546 и в 1550/51 гг. упоминался как суздальский городовой приказчик, что, скорее всего, свидетельствует о его пребывании на этой должности более десяти лет. Часто эта должность становилась достоянием определенных семей. В 1533 г. Ф. Гневашев и И. Губин Стогинины были белозерскими городовыми приказчиками. Ту же должность в 1541 г. занимал их родственник Третьяк Гневашев Стогинин[743]. Н.Е. Носов приводил еще несколько примеров

бытования должности городовых приказчиков в рамках одних и тех же фамилий – Жедринские в Нижнем Новгороде, Языковы – во Владимире. К ним стоит добавить также Туровых-Константиновых. В некоторых случаях должность городовых приказчиков передавалась по «наследству», как это было у Л. Оникеева и его сына Григория в Дмитрове[744].

Закрепление на этой должности могло способствовать обогащению и повышению влияния на местах. Емкая характеристика была дана во время судебного разбирательства 1541 г. белозерскому городовому приказчику Третьяку Гневашеву Стогинину: «Третьяк (человек. – *М. Б.*) силной, и людей у него накупных много»[745]. В целом для деятельности городовых приказчиков была свойственна высокая сменяемость состава, что, очевидно, объяснялось большой смертностью (болезнями) у списанных со службы детей боярских.

Высокий статус того или иного лица, занимающего эту должность, основывался скорее на личных качествах, а не был особенностью самого института.

А.П. Синелобов справедливо отмечал связь городовых приказчиков и «добрых людей», по его определению, «укоренных представителей местной военно-служилой землевладельческой общины»[746]. Изучение актового материала по той или иной территории действительно показывает устойчивое преобладание определенного набора лиц в качестве послухов, судных мужей, разъездчиков. Очевидно, что «добрые люди» должны были во многих случаях набираться из фактически присутствующих на местах лиц, освобожденных по той или иной причине от несения воинской службы.

Суздальский городовой приказчик Нечай Тумский в 30-х и 40-х гг. XVI в. постоянно фигурировал в поземельных актах Суздальского уезда. Вместе с ним здесь встречались имена других городовых приказчиков – Пятого Ю. Владыкина, А.К. Перешевникова, а также дворских Н.В. Аристова и И.И. Вялова (Юрнова)[747].

Вероятным кажется, что «добрые люди» и среди них представители местной администрации мелькали в актах не столько в силу своего авторитета, сколько ввиду ограниченности имеющегося круга кандидатур. Возникавшие «управленческие династии» появлялись лишь на периферии служилых миров. Для подавляющей массы «честных» фамилий приоритетной оставалась военная служба. Все сыновья детей боярских должны были быть задействованы в ней, если, конечно, не имели физических недостатков. Выполнение обязанностей городового приказчика в большинстве случаев ставило крест на служебной

карьере, хотя, безусловно, возможны были и исключения из общего правила. К.С. Мясоед Вислово, будучи городовым приказчиком (1536–1549 гг.), сумел впоследствии стать заметной фигурой при дворе. В Дворовой тетради он фигурировал в рубрике «Белоозеро». В начале 1550-х гг. он несколько раз привлекался к различным придворным и дипломатическим поручениям как сын боярский. С середины десятилетия стал дворцовым дьяком, а после вошел в когорту больших дьяков[748].

В Дворовой тетради по Владимиру числился Ташлык Всеволожский, который в 1542 г. был местным городовым приказчиком. В последнем случае его имя могло достаться тексту Дворовой тетради от более раннего списка дворовых детей боярских, о чем свидетельствует помета: «Стар, отставлен. Служит сын»[749].

П.Н. Чеченков справедливо отметил, что должность городовых приказчиков, не являясь кормленской по существу, не пользовалась большим «спросом» у нижегородских детей боярских. Позднее занятие этой должности рассматривалось как местническая «потерька» для представителей «честных» фамилий[750].

Невысокий статус городовых приказчиков середины 1550-х гг. иллюстрируется челобитной Невежи Нечаева Лопатина 1556 г., отразившейся в наказе центрального правительства новгородским дьякам. По словам Невежи, «выбрали деи его всею Торопецкою землею в Торопец на городовой приказ, силно». После этого его земельный оклад уменьшился с 12 до 5 вытей, а оставшиеся земли были отобраны и перераспределены между другими помещиками[751]. Упомянутые 5 вытей (обеж) были минимальной нормой поместного обеспечения. Такой же оклад выделялся решеточным приказчикам (пример И.П. Кушника Курцева), а также предоставлялся на «прожиток» бездетным вдовам детей боярских «как постриженца или ее не станет». Городчики (городовые приказчики) упоминались в одном ряду с решеточными приказчиками в царском наказе 1555 г. о заготовке корма для служилых татар («И вы б ещо послали из городчиков или из приказщиков решоточных, которые в них полутче»). Обе эти категории рассматривались в это время, очевидно, как равнозначные.

Неизвестно, действовала ли указанная норма за пределами Новгородской земли. Среди вопросов к митрополиту Макарию в преддверии Стоглавого собора была поднята в том числе тема поместного обеспечения «городничих», которая, видимо, не получила к этому времени однозначного разрешения[752].

Судя по челобитной Невежи Лопатина, необходимым

условием назначения на должность городовых приказчиков была просьба служилого человека («а он деи о том нам не бил челом»). Свои обязанности они выполняли, соответственно, на нерегулярной основе, в зависимости от наличия или отсутствия на местах нужных исполнителей. Это предположение косвенно подтверждается многообразием адресатов – агентов великокняжеских (царских) грамот по текущим вопросам управления: наместники и волостели, городовые приказчики, дворские, посельские, подьячие, сытники и т. д. Обязанности городовых приказчиков периодически, вероятно, могли исполнять другие лица, причастные к местному управлению.

Далеко не всегда городовые приказчики набирались исключительно из числа местных детей боярских. В 1533 г. наряду с Д. Волынским городовым приказчиком в Москве был А. Хозников, один из купцов-сурожан[753]. К посадскому населению принадлежали, видимо, балахнинский городовой приказчик А.Г. Якимов и буйгородский Павлин Федоров, не говоря уже о территориях, где отсутствовало служилое землевладение. Выходцем из земцев был приказчик Корелы Мурза И. Рукульский. Примечательно, но уже упомянутый Рюма Шалимов владел поместьем в Деревской пятине, хотя Порхов, где он выполнял обязанности городового приказчика, относился к Шелонской пятине. Согласно мещерской десятне 1571 г. местный сын боярский Д.В. Вышеславцев был городовым приказчиком в Касимове («в городовых прикащикахъ и у денежного збору и у емчюги»)[754].

В конце 1540-х – начале 1550-х гг. в ряд уездов в помощь к городовым приказчикам были направлены московские присыльщики. Ими, скорее всего, были «москвитины» А. Захеевский в Можайском, К. Топорков в Суздальском и Г. Никитин в Тверском уездах соответственно. В Суздальском и в Тверском уездах они принимали участие в составлении писцового описания в начале 1550-х гг. В Водской пятине присыльщик П. Дмитриев в 1550 г. отписывал земли у помещиков на «царя и великого князя»[755].

Привлечение присыльщиков к делам «городового приказу» свидетельствовало о недостаточной эффективности городовых приказчиков и обозначило необходимость изменений в системе местного управления. Эти изменения были реализованы позднее в ходе земской реформы. Из обязанностей городовых приказчиков был исключен сбор податей, переданных в ведение выборных комиссий, привлекаемых к своим обязанностям на нерегулярной основе. Пример Невежи Лопатина показателен с точки зрения изменившегося отношения центрального правительства к

городовым приказчикам, которые из «наиболее надежных ставленников», по определению Н.Е. Носова[756], были сведены на роль исполнителей низшего ранга.

Примечательно, но, видимо, именно эта особенность их положения привела к увеличению их роли в делах, непосредственно затрагивающих местных землевладельцев. В первой половине 1550-х гг. по всей стране были проведены писцовые описания, деятельное участие в которых приняли городовые приказчики (Владимирский, Рузский, Суздальский, Малоярославецкий, Вологодский, Кашинский, Серпуховский уезды)[757]. Серпуховский приказчик В. Ситчин во время этого описания проводил раздачу конфискованных у Высоцкого монастыря земель местным детям боярским.

Меньше сведений сохранилось о деятельности губных старост, получивших распространение в середине XVI в. При создании этого института был использован опыт функционирования городовых приказчиков, хотя организационные основы их деятельности были менее определенными. Еще в губном наказе селам Кирилло-Белозерского монастыря 1549 г. предусматривалась двойственность их положения. Не решенным оставался вопрос об их службе. Будучи выбранными местным населением, они не освобождались от государевой службы: «А которые старосты нашу службу служат, а от службы их отставити немочно, и те бы старосты нашу службу служили, а товарыщи их, которые не служат, с целовалники розбойные дела делали, розбойников имали»[758].

Отрывок «боярской книги» 1556/57 г. показывает, что у центрального правительства и в дальнейшем также не сложилось понимания принципов их службы. Всего в этом источнике упоминаются трое губных старост: Г.В. Щур Курчев, Я. Гневашев Рогатого Бесстужев и С.И. Наумов. Все они пропустили серпуховский смотр 1556 г., выполняя в это время свои должностные обязанности. Составители «боярской книги», однако, не торопились вычеркивать их из действующих списков. Они были учтены среди получателей жалованья и продолжали фигурировать в списках к «кормленному верстанию». Савелий Иванов Наумов (если это одно и то же лицо с Саввой Ивановым Наумовым, возле имени которого в Дворовой тетради стоит помета «умре») в 1560-х несколько раз отметился в качестве поручителя. В том числе упоминается в опричном списке поручителей по З.И. Очине Плещееве 1565/66 г. В Дворовой тетради он был отмечен по Калуге[759], которая оставалась во второй половине 1560-х гг. в земщине. Вполне вероятно, что он

был взят в состав опричнины за индивидуальные достижения и, следовательно, продолжил службу уже после своего пребывания на должности губного старосты.

Видно, что названные губные старосты, в отличие от их современника Невежи Лопатина, в полном объеме сохраняли за собой прежние владения.

Подавляющее большинство губных старост, для того чтобы избежать вероятных конфликтов с центральным правительством, набиралось, конечно, из числа отставленных от службы лиц. Н.Е. Носов отметил случай Меньшого И. Кафтырева. В Дворовой тетради возле его имени стояла помета: «У смотру отставлен 62-го». В 1566 г. он был одним из переславских губных старост. В отрывках мещерской десятни 1571 г. губной староста Рюма Угримов Протасьев был помещен после служилых детей боярских. В коломенской десятне 1577 г. также не были учтены местные губные старосты[760].

В рамках отдельных уездов существовало сразу несколько губ, где исполняли свои обязанности губные старосты. Отдельные губы охватывали крупные землевладельческие комплексы – Троице-Сергиев и Кирилло-Белозерский монастыри. Очевидно, что вопрос о разграничении полномочий губных учреждений во избежание должностных конфликтов решался из Москвы. А.К. Леонтьев, а вслед за ним и М.М. Кром обратили внимание на предусмотренную в ранних грамотах (1539–1541 гг.) возможность выбранным для сыска лицам преследовать разбойников за пределами подведомственных им территорий. Логичным кажется предположение, что к этому времени там, вероятно, еще не сложились губные учреждения. Эта особенность объясняет длительную неопределенность статуса губных старост. Постепенно размеры губ стали совпадать с уездными, но этот процесс значительно растянулся во времени[761].

Набор городовых приказчиков и губных старост из числа местных детей боярских был обусловлен, скорее всего, организационными причинами. Дети боярские находились под учетом центрального правительства, что упрощало процедуру их назначения. Свою деятельность они осуществляли с имеющихся владений, хотя вопрос о нормах их поместного обеспечения не был еще окончательно решен. Не исключено, что сохранение наделов за городовыми приказчиками и губными старостами, равно как и за другими «приказными людьми» в системе управления на местах – ямскими и решеточными приказчиками, огневщиками, высыльщиками и т. д., – рассматривалось как своеобразная пенсия для отставных детей боярских. В рамках всего государства дети боярские не обладали монополией на

занятие этих должностей. На территориях уездов, где отсутствовало служилое землевладение, должности в системе местного управления исполнялись выходцами из других слоев населения.

Трудно оценить реальную роль городовых приказчиков и губных старост в формировании внутрикорпоративных связей. В целом не слишком высокий статус (как отставленных от службы лиц) и постоянное обновление состава должны были превращать их во второстепенных персонажей, которые не способны были выступать в роли лидеров местных служилых миров середины XVI в. К этому стоит добавить сравнительно недолгое существование института губных старост, который к моменту введения опричнины не успел укорениться и стать связующим элементом между служилыми людьми того или иного уезда.

Уровень осознания внутрикорпоративных связей мог существенно варьироваться в разных частях страны. Сословная культура, осознание себя членами особой страты детей боярских к середине XVI в. находилось на низком уровне. Платежница Деревской пятины 1543 г. дает уникальный срез взаимодействия населения этой территории в объединении усилий по уплате «примета», дополнительного экстраординарного сбора. Особенно примечательными были случаи участия в этом процессе помещичьих крестьян, осуществлявших выплаты за своих господ[762].

Взаимовыручка была следствием коллективной ответственности, проявлявшейся как в приведенных выше случаях финансовой помощи, так и при поручительстве за тех или иных лиц. Известны были примеры поручительства детей боярских за крестьян, бравших на освоение запущенные оброчные участки земли. В Бежецкой пятине в 1550-х гг. местный сын боярский Гневаш Обирков Спешнев поручился за Ивашку Попова, а Семьянин Артемьев за Федку Левонова. В продолжение этого сюжета в 1569 г. крестьяне сына боярского Шелонской пятины А.А. Курицына встали «порукою» за своего помещика в освоении последним приданных ему пустошей. В случае же, если он «крестьян не назовет, или вперед запустошит, ино на тех поручниках пеня… и за льготные лета с тех обеж ямские и приметные деньги и всякие государевы подати по книгам»[763].

Широкий спектр взаимных отношений и обязательств за пределами социального круга, в основе которого лежали поземельные связи, проявлялся и в других видах поручительства. Поручителями по сыне боярском Ратмане Белом в 1555 г. были, в частности, кобылицкие ямщики Ушачко Григорьев и Иванко Панкратов. Среди поручителей в службе по сыне боярском И.

Посникове Кузьминском и сытнике А.Л. Осокине («живет в Великом Новегороде») в том же году был среди прочих «Тимофей Семенов сын ноугородец с Варецкие улицы»[764]. Отмеченные примеры свидетельствуют о невысоком уровне развития социальных перегородок в Новгородской земле. Недостаток источников не позволяет в полной мере распространить этот вывод на другие части страны, хотя, как представляется, общее положение вещей мало отличалось в них от новгородской практики.

В.Б. Кобрин обратил внимание на отказ нижегородских детей боярских в 1511 г. сражаться на «поле» с местными крестьянами: «А поставят, господине, против нас детей боярских, и мы, господине, против детей боярских на поле битися лезем». Этот аргумент был признан судьей необоснованным, и И.И. Машков, на стороне которого выступали упомянутые дети боярские, проиграл дело[765]. Примечательно, но подобный пример сословного самосознания, по выражению В.Б. Кобрина «дворянской спеси», был единственным. В других судебных разбирательствах первой половины XVI в. дети боярские легко соглашались на «поле» с представителями других социальных групп.

Рыльская уставная наместничья грамота 1549 г. показывает, что местные дети боярские получили по ней освобождение от назначения «поля» в спорах с представителями других групп населения: «А з детьми боярскими и с их людьми посадцким людем и волостным крестьяном и бортником в какове деле ни будь поль не присужати». Ранее такая практика, видимо, имела распространение. Та же грамота не предусматривала различий в вопросе о свадебных пошлинах. По букве этого документа пошлины в пользу наместника должны были взиматься со всех жителей Рыльского уезда, вне зависимости от их социаль ного положения. Позднее в доходном списке 1568 г. И.Ф. Карамышеву на г. Ряжск специально оговаривалось: «а с детей боярских и с ых крестьян, которые живут за ними, выводные куницы и убрусного наместнику не имати»[766].

Сами дети боярские не представляли собой единого целого. Их положение отличалось в зависимости от статуса и традиций службы, свойственных той или иной корпорации. Далеко не случайно, видимо, уже в середине XVI в. некоторые из объединений служилых людей не имели представителей в структуре Государева двора. По своему происхождению и статусу многие из них ощутимо не дотягивали до нужной планки, свидетельством чего были, в частности, их невысокие поместные оклады. Дифференцированный подход для детей боярских отразился в статье Судебника 1550 г. о «безчестие»: «А которые

дети боярские емлют денежное жалованье (в данном контексте – городовые дети боярские. – *М. Б.*), и сколко которой жалованья имал, то ему и безчестье»[767].

В этой связи важное значение приобретала самоидентификация местных детей боярских в качестве представителей того или иного «города» и восприятие себя частью социальной страты (дети боярские) через призму корпоративных объединений, а также признание этого статуса со стороны центрального правительства.

Первый пример такого рода относится к середине XVI в. В 1556 г. во время спора властей Чудова монастыря с помещиком Д. Истоминым Толстым последний привлек в качестве «смесного» судьи Л. Телешова. Подобная практика имела широкое хождение, однако в этот раз получила отпор со стороны Ивана IV, вмешавшегося в это дело. Л. Телешов был отставлен с красноречивым объяснением решения: «Тот судья, которого Данилко взял на землю, коломнетин же, з Данилком одного города, и он ему норовит»[768].

Акцентирование корпоративной принадлежности в этом случае было далеко не случайно. Предпринятый в 1550-х гг. комплекс мер по упорядочению службы: объединение дворовых и городовых детей боярских, широкое распространение десятен, выдача «вопчих» грамот заложили основу для полноценного функционирования служилых «городов». Следующими шагами в этом направлении стали введение обязательного поручительства и появление окладчиков, контролирующих процесс распределения детей боярских по статьям и выдачи им жалованья.

Первые случаи поручительства, известные с конца XV в., имели единичный характер и оформлялись на случай измены видных представителей Государева двора. Упоминания о «поруке» лиц низшего ранга относятся к 1550-м гг. Уже говорилось о том, что в это время поручительство часто не имело корпоративной и даже сословной привязки.

Система поручительства в 1550-х гг. постепенно набирала обороты, вовлекая в себя представителей всех социальных групп, так или иначе связанных с «государевой» службой. В 1553/54 г. порука была взята по посошным людям, отправленным в Тулу к засечному делу. Грамота к новгородским дьякам обязывала их привести к «поруке» воротников, сторожей, кузнецов, плотников: «Что им из города (Невеля. – *М. Б.*) не отъезжати никуды». В 1567 г. рассылочные дети боярские, площадный подьячий и несколько ремесленников поручились за В.А. Свербеева, ставшего недельщиком в том, что ему «недели делати в правду». Порука

постепенно приобретала универсальный характер, охватывая разные стороны жизни служилых людей (в том числе обязательство платить в полном объеме подати)[769].

В общегосударственном масштабе система поручительства при выдаче жалованья детям боярским получила распространение в 1570 г. В пересказе Ф.И. Миллера во владимирской десятне требования к поручительству сводились к тому, чтобы «каждой сын боярской поставил по себе два поручителя в том, что ему служити верно, великому государю не изменить и за границу не бежать»[770]. Видна близость этой формулировки к обязательствам поручных записей по членам Государева двора, которые получили широкое хождение в 1560–1570-х гг. на случай возможных отъездов и измен: «Служити ему за нашею порукою государю нашему царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии и его детем… до своего живота и не отъехати ему за нашею порукою, и не побежати в Литву, ни в Крым, ни в Немцы, ни в ыные ни в которые государства, ни в уделы ни х кому»[771].

Примерно в это же время в структуре «городов» было инициировано появление окладчиков, выборных лиц, которые должны были следить за распределением детей боярских по статьям и выдачей им причитающегося денежного жалованья. О.А. Курбатовым была отмечена связь между окладчиками и авторитетными представителями служилых «городов», которые ранее выступали в качестве информаторов государственной власти при проведении верстаний и выдаче жалованья[772].

Очевидной представляется также их связь с «лучшими людьми», производившими «разборы» в опричных уездах. По свидетельству И. Таубе и Э. Крузе, при учреждении опричнины Иван IV произвел смотр своих будущих слуг: «Приказал каждому отдельному отряду воинов… явиться к нему и спрашивал у каждого его род и происхождение. Четверо из каждой области должны были в присутствии самых знатных людей показать после особого допроса происхождение рода этих людей»[773].

Вряд ли стоит согласиться с оценкой О.А. Курбатова роли окладчиков. По его мнению, введение этого института было связано с «клубком проблем», возникших в конце опричнины. Несоответствие норм «конности, людности и оружности» по Уложению 1556 г. наряду со злоупотреблениями опричников и сожжением Москвы могли вылиться в социальный взрыв. В этих условиях «опричнину решительно упразднили, а проведение поместного и денежного верстания власти фактически передали в руки выборных представителей самого служилого «города» – окладчиков»[774]. Возражения вызывает как решительность отмены опричных порядков, которые вскоре были продолжены

созданием особого двора, так и активная позиция служилых масс. Судя по первым десятням, функции окладчиков были значительно более скромными и состояли в докладе лицам, производившим смотры, о служебной годности местных детей боярских «про их службу и про отечество, кто кому службою и отечеством в версту».

От конца 1570-х гг. до нашего времени в полном виде сохранилось лишь три десятни: коломенская 1577 г., московская 1578 г. и ряжская 1579 г. Восстановить систему взаимоотношений служилых людей внутри каждого «города» удается на основании лишь первой из них. Детей боярских Московского уезда в силу специфичности их столичного положения трудно назвать единой корпорацией. Возле имен многих из них стояли характерные пометы «на Москве не живет». Отсутствовал в московской десятне список окладчиков, что не дает возможности оценить их роль в системе поручительства. Ряжская десятня, с другой стороны, включала в себя только имена 100 детей боярских, выбранных для участия в «немецком походе, и не охватывала весь состав этого «города». Ценным оказывается также привлечение переяславской десятни 1584 г., хотя последние годы Ливонской войны не могли не сказаться на состоянии этой корпорации[775].

Введение окладчиков, очевидно, должно было уменьшить количество злоупотреблений при проведении смотров. Не меньшее значение имела их роль поручителей по местным детям боярским. Денежное отягощение, сопровождавшее «поруку», вряд ли делало институт поручительства популярным в широких слоях служилых людей. В сравнении с нормами владимирской десятни 1570 г. количество поручителей в десятнях конца 1570-х гг. по каждому отдельному представителю той или иной корпорации заметно выросло. Поручители делили между собой ответственность «в службе и в деньгах» и часто не считали возможным (или им не разрешали это делать) брать на себя слишком высокие финансовые риски. Показательной в этом отношении является ряжская десятня 1579 г. На 100 записанных в ней лиц (выборных) приходилось уже 289 поручительств (рост 44,5 % в сравнении с нормами владимирской десятни). 26 лучших ряжан не выступали в качестве поручителей. Многие из членов «городов», особенно невольные переселенцы из опричных уездов, должны были встречаться с трудностями в поиске поручителей по себе. Окладчики, в силу возложенных на них обязанностей, брали на себя эти функции, что позволяло получать причитающееся жалованье всем боеспособным детям боярским.

Практика поручительства не всегда учитывала реалии

конкретного смотра и, видимо, охватывала более протяженные промежутки времени. В коломенской десятне 1577 г. среди поручителей были отмечены Темир Колтовский, Б. Григоров и В.Ю. Козлов-Морозов. Первые из них к этому времени находились среди четвертчиков и были, таким образом, вычленены из состава местного «города». К моменту смотра, скорее всего, умер В.Ю. Козлов-Морозов. Все указанные лица действительно служили по Коломне, но, видимо, в более ранее время. Аналогичная ситуация прослеживается в переяславской десятне 1584 г. Среди поручителей в ней фигурировали Б. Напольский, Ф.М. Тимонов, Б.Ф. Трусов, И. Воинов Подлесов, которые не значились в наличном составе переславского «города». За исключением Б. Напольского здесь были зафиксированы их младшие родственники (у Б.Ф. Трусова сын). Б. Напольский был вотчинником Переславского уезда еще в 1556/57 г.[776]

Примеры поручительства, не связанные со смотрами, отразились в документообороте Новгородской земли. В 1588 г. группа детей боярских Водской пятины ручались за А. Истомина Рахманинова, получившего отцовское поместье, в том, что он по достижении служебного возраста будет «государева служба служити, где ему государь велит быти у которых воевод ни буди, и на срок на государеву службу ездети и до роспуску с службы не съезжати». При нарушении этих условий поручители принимали на себя обязанность уплачивать пеню «что государь укажет». На смотр некоторые дети боярские могли приезжать с готовой «порукой», составленной в предыдущие годы, в том числе, возможно, в составе других территориальных корпораций[777].

В первой половине 1570-х гг. было проведено несколько общих смотров армии с участием коломенцев: в 1571 и 1573 гг. Коломенская десятня 1577 г. показывает развитую систему поручительства, опирающуюся на несколько предшествующих ей аналогичных документов. «Старая» десятня упоминалась в тексте десятни 1577 г. и, видимо, оказала на нее влияние. Всего в ней вместе с выборными дворянами и четвертчиками было зафиксировано 302 сына боярских (в опубликованном тексте десятни произошел сбой нумерации). Судя по характеру представленных помет, она использовалась в делопроизводственном обороте вплоть до 1582 г. В 1581 и в 1582 гг. к ней были приписаны новики Г.Т. Тонкого и Д.И. Трескин[778]. Не исключено, что существовали и другие приписки, относившиеся к более раннему времени.

Трудно определить общую численность коломенской корпорации в это время. В пресловутом полоцком походе 1563 г. было учтено 488 коломенцев[779]. Последующие переселения

опричного времени и потери от участия в военных столкновениях 1570-х гг. делают эту цифру, однако, достаточно условной.

Сложившаяся система поручительства была заведомо неполной и не имела характера круговой поруки. Среди 289 отмеченных в десятне лиц (за вычетом выборных дворян и четвертчиков) среди поручителей отсутствовали 127 (44 %). Для некоторых из них подобное отсутствие объяснялось молодостью и недостаточным весом в глазах окладчиков, особенно в случае с новиками. Из отсутствовавших среди поручителей лиц сорок девять принадлежали к неслужилым новикам.

Другие, видимо, были связаны с местной корпорацией не слишком тесными узами. Не были поручителями, в частности, недавние выходцы из других корпораций – И.Б. Голочелов, А. Нелюбов Зачесломский, Ю.Ф. Горин, А. Тучков Радцов, Меншик И. Марков, И.И. и В.Д. Шерефединовы, Ф.И. Михалчуков, Разгильдяй Любоченинов, Р.В. Яцкой, К.М. Найнаров.

Некоторые дети боярские не смогли (в ряде случаев не захотели) найти по себе поручителей и не получили причитающегося им денежного жалованья. За вычетом претендентов на «дворское» и «недели», городовых приказчиков было зафиксировано шесть таких примеров (пятеро из них были новиками). Возле имени Г. Ушакова Арсеньева стояла красноречивая помета, объясняющая его исключение из числа получателей жалованья: «худ, ленив и мал»[780]. Подобные изгои, естественно, сами не были поручителями.

Всего удается насчитать 551 случай поручительства, когда можно идентифицировать фамилию поручителя (некоторые места сохранились в неудовлетворительном состоянии). Принимая во внимание многообразие факторов, неизбежными являются пересечения. Окладчики, отвечающие за «разбор», выступали как должностные лица. Их поведение, с другой стороны, могло быть обусловлено родственными и соседскими связями, не говоря уже об отношениях «свойства» и «единачества». В позднейших десятнях регулярно встречалось требование к окладчикам: «А роду своему окладчиком по родству и племени своему и другом своим по дружбам не дружити, а недругом по недружбам ни по каким не мстити и посулов и поминков ни у кого ничего не имати никоторыми делы», которое предусматривало запрет подобных злоупотреблений[781].

Наибольшее число примеров поручительства было связано с деятельностью окладчиков. Вместе они выступали в качестве поручителей не менее 167 раз (30,3 % от общего числа). В ряжской десятне 1579 г. наблюдалась сходная картина. Окладчики были поручителями 95 раз (32,9 % от общего числа

поручительств).

Роль окладчиков в функционировании служилых городов получила достаточно полное описание в исторической литературе, правда, на материалах более позднего XVII в.[782] В случае с десятней 1577 г. институт окладчиков находился на ранних этапах своего развития. Это обстоятельство не могло не наложить на него свой отпечаток. Всего в «разборе» коломенских детей боярских участвовало 22 окладчика. Имя одного из них было невозможно прочитать уже ко времени публикации источника. Оставшиеся проявили себя в качестве поручителей с различной степенью интенсивности, что видно из приведенной ниже таблицы:

Окладчик	Количество поручительств	Статус (дворовый или городовой сын боярский)
Колтовский Михаил Иванов	9	дворовый
Огалин Василий Дементьев (Третьяков)	10	дворовый
Игнатьев Семен Андреев	11 или 10	дворовый
Козлов-Морозов Василий Семенов	2	дворовый
Кусторский Роман Степанов	20	городовой
Хотунский Афанасий Леонтьев	—	дворовый
Кобяков Петр Федоров	—	дворовый
Голочелов Петр Борисов	10	дворовый
Бабин Никита Захарьин	7	городовой
Хохулин Богдан Федоров	4	городовой
Горин Семен Федоров	2 или 3	дворовый
Рудаков Ларион Тимофеев?*	—	городовой
Телешов Третьяк Леонтьев	22	городовой
Норов Усеин Ширяев	13	городовой
Евлахов Василий Павлов	2	городовой
Тютчев Иван Иванов	5	дворовый
Борыков Тимофей Тихонов	8	дворовый
Кучин Богдан Иванов	9	дворовый
Константинов Смага Янов	6	городовой
Яковцов Григорий Ратманов	23	дворовый
Змеев Григорий Иванов	4	дворовый

* Вариант идентификации предложен В.Н. Сторожевым.

Анализ последовательности записи имен (в таблице – в соответствии с текстом десятни) окладчиков показывает, что процедура их привлечения к своим обязанностям происходила в несколько этапов. Дворовые дети боярские присутствовали в разных частях списка окладчиков, что можно объяснить фактической нехваткой нужного количества лиц и проведением дополнительного (возможно, даже двух) набора. Фигурировавшие здесь А.Л. Хотунский и П.Ф. Кобяков числились по другому списку («емлют из четверти») и не принимали участия в разборе.

Первоначальный вариант списка окладчиков заканчивался, скорее всего, именем В.П. Евлахова и был сформирован до проведения «разбора» 1577 г. Позднее Огалины в местническом споре ссылались на десятню 7079 г., в которой их предок – В.Д. Огалин числился окладчиком, как и в рассматриваемой десятне 1577 г. [783]

Среди окладчиков 1577 г. были представлены недавние опричные переселенцы в Коломенский уезд: С.Ф. Горин, П.Б. Голочелов, возможно, И.И. Тютчев и В.П. Евлахов. Ярославский уезд, откуда происходил С.Ф. Горин, был взят в опричнину лишь в январе 1569 г. Из того же уезда происходили братья В. и М.Д. Огалины. Вряд ли за короткий промежуток времени они смогли стать «своими» для «старых» представителей коломенской корпорации. В.Д. Огалин несколько раз выступал в качестве писца. В 1569/1570 г. он описывал Волоколамский уезд, в 1573/74 г. отметился в Двинской земле, а затем участвовал в описании Пустозерского и Суздальского уездов. Все эти поручения проходили вдали от его основного места службы[784].

Выборы (скорее, назначение) основного состава окладчиков были проведены до «разбора» 1577 г. Подобная практика была хорошо представлена в позднейших десятнях. В торопецкой десятне 1605/06–1606/07 гг. прямо было предусмотрено участие «старых» окладчиков: «Выбрав окладчиков из торопчан и холмич старых, которые наперед сего в окладе были, а в выбылых место выбрали новых, которых излюбили всем городом»[785].

По-разному отнеслись окладчики и к выполнению своих непосредственных обязанностей. Наибольшее число примеров поручительства относилось к Г. Ратманову Яковцову – 23 раза, Третьяку Телешову – 22 раза и Р.С. Кусторскому – 20 раз. Из них по крайней мере Яковцов и Телешов принадлежали к фамилиям, уже несколько десятилетий связанным с Коломенским уездом. Напротив, В.С. Козлов-Морозов отметился лишь двумя поручительствами и оба раза выступал поручителем по своим сыновьям, что свидетельствует о низком уровне его вовлеченности в дела местной корпорации.

Вполне вероятно, что на выбор того или иного лица в качестве окладчика могла повлиять общая численность его родственников в составе местной корпорации, хотя этот фактор и не был определяющим[786]. В десятне 1577 г. было зафиксировано восемь представителей Колтовских, шесть Норовых и пятеро Телешовых. В обеих этих фамилиях был очень высок уровень внутрифамильных поручительств. Среди Колтовских отмечено девять таких случаев, среди Норовых и Телешовых – по пять. Единственными представителями своих фамилий, с другой

стороны, были Б.И. Кучин, Ратман Яковцов, И.И. Тютчев, Г.И. Змеев, В.П. Евлахов.

Окладчики и их ближайшие родственники сформировали тесный круг. Поручителями по самим окладчикам из 31 отмеченного случая 26 раз выступали другие окладчики (дважды нарядчик Д. Гомзяков). В двух парах: Г. Ратманов Яковцов – П.Б. Голочелов и И.И. Тютчев – Усеин Норов было зафиксировано взаимное поручительство. Высок был уровень поручительства окладчиков также по родственникам их коллег. Всего можно отметить 30 подобных примеров. Далеко не все из них объяснялись прямыми связями внутри круга окладчиков, особенно когда речь шла об отдаленном родстве.

Отрывочные данные о верстаниях 1580-х гг. подтверждают тезис об устойчивости круга окладчиков. В 1580/81 г. окладчиком вновь выступил В.Д. Огалин. Вместе с ним в этом качестве были задействованы братья окладчиков – Ратай Норов и Л.Т. Борыков. Окладчиком в 1583/84 г. был М.И. Колтовский[787].

Отрывок коломенской десятни 1599 г. показывает, что некоторыми окладчиками были выходцы из тех же фамилий – И. Норов, Н. Игнатьев. В целом же их состав значительно обновился. Новыми лицами среди них стали С. Бирев, М. Дубенский, Н. Фомин, Н. Желтухин, Ю. Неелов, что свидетельствует о возможности ротации этой группы на протяжении длительных промежутков времени[788].

Занимая весомые позиции внутри коломенского «города», окладчики были слабо связаны с прослойкой выборных дворян, служивших за рамками местной корпорации. Из всех окладчиков только М.И. Колтовский был родственником выборного И.Г. Колтовского. Последний, однако, был отмечен в десятне 1577 г. и, видимо, потерял в это время свой статус. Из всех упомянутых в десятне 1577 г. окладчиков и их ближайших родственников лишь единицы продолжили свою службу в качестве выборных дворян. В 1588/89 г. среди них были И.Б. Голочелов, Ратай и Савин Норовы, Л.Т. Борыков, В.С. Козлов-Морозов[789].

Учитывая службу выборных дворян по московскому списку за рамками провинциальных корпораций, окладчики и их ближайшие родственники, обладавшие серьезными рычагами влияния на остальных служилых людей – определение служебной годности, доминирующая роль в поручительстве, со временем превратились в новую элиту, связующее звено между местными корпорациями и государственной властью.

К окладчикам примыкали нарядчики Д.Я. Гомзяков и Б.И. Тишков. Обязанности нарядчиков не получили однозначного объяснения в историографии[790]. Судя по рассматриваемой

десятне, по крайней мере один из них – Д.Я. Гомзяков играл важную роль при организации смотра. Всего он выступал поручителем не менее 36 раз. Поручителями по нему самому выступали окладчики Усеин Норов и И. Тютчев. В отличие от окладчиков, выполнявших свои обязанности на «общественных» началах, нарядчики получали вознаграждение за свою службу – по рублю «для наряду», что свидетельствует о регулярном характере их деятельности. В московской десятне 1578 г. нарядчики Б.Т. Великого, Безсон Д. Головной и Бурнаш Молчанов Вязинины, также были активными поручителями, выступая в этом качестве 15 раз.

Меньшее значение имели городовые приказчики и губные старосты. В десятне 1577 г. числились бывший городовой приказчик Г.И. Бурков (возможно, два разных лица) и два действующих – З.С. Коломенин и А.И. Вячеславлев. Последние не получили денежного жалованья, но отметились как поручители по своим младшим родственникам. Ф. Протасов, еще один городовой приказчик конца 1570-х гг., не упоминался в десятне. Губные старосты были выведены из состава «города», и об их существовании известно только по упоминанию в писцовой книге. Оба они – Безсон Бахтеяров и И.Б. Лунин – не встречались в десятне[791]. И.Б. Лунин был поручителем лишь однажды, ручаясь за Ю.Ф. Протасьева – сына городового приказчика.

Помимо поручительств «служебного» характера большое значение имели родственные связи. Ориентация на «родство» при формировании территориальных групп детей боярских была зафиксирована в Дворовой тетради и, видимо, отражала существовавшие принципы комплектации служилых людей. С появлением первых десятен, центральное правительство отказалось от его использования. «Родство» тем не менее продолжало играть важную роль. При верстании учитывалось «отечество», в соответствии с которым устанавливались денежные и земельные оклады. Для новиков, впервые поступающих на службу, а также для недавних переселенцев из других уездов большое значение имела поддержка родственников, которые могли подтвердить «честное» происхождение. В коломенской десятне 1577 г. только по родственникам поручителями выступали Отрепьевы. Ранее они были записаны в Дворовой тетради по Боровску, а по своему происхождению были связаны с Галицким и Костромским уездами[792].

В большинстве случаев удается зафиксировать только очевидное родство по мужской линии, основанное на общности фамилии. В случае с Проестевыми и Н.И. Желтухиным привлечение писцовой книги позволяет определить родство по

женской линии[793]. Выпущенным оказывается пласт крестородственных связей, которые, без сомнения, имели свое значение в объединении отдельных членов местной корпорации.

Всего удается насчитать 130 случаев «родственного» поручительства (23,6 % от общего числа всех «порук»). Их анализ дает возможность выявить некоторые закономерности. Прежде всего, «родство» распространялась на носителей одной и той же фамилии и связанных с ней брачными узами лиц. Более отдаленные родственники, имевшие другую фамилию, не принимались в расчет. Среди Морозовых незаметно пересечений у представителей двух разных ветвей этого рода Козловых и Голочеловых. Не проявляли единства также Беклемишевы и Змеевы, Яковцовы и Арсеньевы, происходившие по родословным росписям от общих предков.

Уровень осознания родственной близости существенно отличался у представителей разных фамилий. Уже приводился пример сплоченности Колтовских и Норовых. Колтовских коломенской десятни, к слову, связывало довольно отдаленное родство[794]. Большое количество родственных поручительств продемонстрировали также братья Вячеславлевы – семь примеров (из 8 случаев поручительства, Губастовы и Вальцовы – по пять. Обратная ситуация сложилась у Арсеньевых. Из девяти отмеченных в десятне лиц (максимальная численность представителей одной фамилии в указанном источнике) ни один не являлся поручителем по своим однофамильцам. Та же картина наблюдается у Рославлевых (пять человек). Из шести «изгоев» старшие родственники известны были у четырех: Г. Ушакова Арсеньева, Д. Некрасова Воронина, Д.В. Протасьева (возможно, однофамильцы) и Н.Ф. Булатова. Отсутствие родственников у двух оставшихся лиц (Ф.А. Писарева и Невзора Каншина) могло быть причиной их незавидного положения.

Родственные связи подчеркивались случаями взаимного поручительства, которые были зафиксированы среди Борыковых, Захаровых, Морышкиных, Мерлеевых (во всех случаях дважды), Губастовых и Софоновых. К этому следует добавить уже отмеченный пример связи Проестевы – Н.И. Желтухин. Оба брата И. Большой и И. Меншой Проестевы находились с ним в отношениях взаимного поручительства.

Внутри родственных поручительств доминировали, хотя и с небольшим перевесом, внутрисемейные связи: отец – сыновья, родные братья. По крайней мере 66 раз (50,8 %) подобные примеры были отмечены в десятне 1577 г. Незначительность доминирования семейных связей объяснялась, видимо, ориентацией на фамильных лидеров, имевших заслуги на

государевой службе, которые далеко не всегда входили в семейный круг.

Родственное поручительство не получало должного одобрения со стороны правительства. В десятне ряжан, отобранных в государев полк, было отмечено всего 23 таких случая (7,96 %). Причина этого могла заключаться в многочисленности злоупотреблений служебными обязанностями. Пометы в коломенской десятне 1577 г. показывают, например, что родственники Яцкие «бегают в разбое»[795].

Значительно сложнее и малопродуктивнее искать следы отношений, основанных на других видах связей. Коломенская корпорация в целом осталась в стороне от опричного разлома. Из близких родственников опричников (дворовых) в ней были представлены братья С. и М.С. Мишурины, которые, однако, находились в близких отношениях с опричными переселенцами: князем А.С. Щетининым и К.М. Беклемишевым. Никак не отразилась опричная служба Угрима Безопишева на положении и связях его родственников.

Прежние территориальные связи самих опричных переселенцев практически не играли роли в системе поручительства. Единственным примером такого рода могла быть связь между бывшими ярославцами В.Д. Огалиным и брать ями С. и Ю.Ф. Гориными, хотя, вероятнее, кажется их близость на основе общности статуса (В.Д. Огалин и С.Ф. Горины – окладчики)[796]. Еще один ярославец К.М. Найнаров был обойден их вниманием. Складывается впечатление, что свои отношения со «старыми» представителями местной корпорации им приходилось начинать с «чистого листа». Отсутствовали также связи поручительства между Желтухиными и Трескиными, соседями по вотчинам в Московском уезде[797].

Внутреннее единство слабо было представлено даже у коломенских «литвяков». Из пяти связанных с ними примеров поручительства только два относились к внутренним связям, когда Г.С. Васильев и М.М. Заболоцкий вместе выступали поручителями по Ю.Е. Екшукову. Сами же они нашли поручителей из числа других коломенских детей боярских.

Большее значение имели чисто служебные связи. Тесной спаянной группой выступали, например, дети боярские, «которые жили на Коломне с осадною головою», привлеченные к несению обычной службы. Всего их было шесть человек[798]. При этом они восемь раз выступали поручителями внутри своей группы. Среди поручителей по ним значилось только одно постороннее лицо – Нагай Мерлеев. Он, однако, отсутствовал в десятне, что не дает возможности установить его связь с представителями этой

группы. В случае Меншика Еропкина – Н. Верещагина Суморокова было зафиксировано взаимное поручительство. Отмеченные связи сложились, скорее всего, в годы, предшествовавшие составлению десятни 1577 г., когда они служили по особому списку.

В нескольких случаях видны следы иных связей между коломенскими детьми боярскими, которые могли быть подкреплены браками или кресторо́дственными отношениями. Уже упоминался пример привлечения и последующего отстранения Леонтия Телешова в качестве «сместного» судьи Д. Истоминым Толстым. Пересечения Телешовы – Толстые сохранили свою значимость спустя два десятилетия после упомянутого спора. Третьяк Леонтьев Телешов был поручителем у самого Д. Истомина Толстого и у его сына Артемия. Вместе Третьяк Телешов и Д. Толстой ручались за М. Некрасова Воронина[799].

В основе большинства связей такого рода было территориальное соседство земельных владений. В качестве очевидного примера можно привести неслужилого новика Т.И. Тупицына (Ступицына), предпоследнего в списке десятни 1577 г. Поручителями по нему были Б. Кучин и Вешняк П. Андреев. Б. Кучин был окладчиком, но, скорее всего, роль в этих поручительствах сыграло близкое соседство. В небольшом Деревенском стане было зафиксировано всего девять детей боярских, «которые государеву службу служат с Коломны». Тремя из них были как раз Б. Кучин, Вешняк Андреев-Поповичев и Т.И. Тупицын. Соседями были отмеченные выше Третьяк Телешов и Д. Толстой[800].

При определении соседских (территориальных) связей большое значение имеет соотнесение десятни 1577 г. с писцовой книгой конца 1570-х гг. В этом отношении приходится констатировать высокий уровень мобилизации поместного землевладения, который не дает в полной мере определить расположение земель того или иного лица в момент составления рассматриваемой десятни. Участки некоторых детей боярских, отмеченных здесь, в писцовой книге уже числились за другими владельцами (по даче 1578–1579 гг.) или рассматривались как «порожжие». Ко времени составления писцовой книги умер, очевидно, Б.О. Волжин[801]. Часть учтенных в десятне лиц могла получить придачи в других частях Коломенского уезда и поменять за счет этого своих соседей.

Сопоставление различных частей самой писцовой книги показывает в ряде примеров «рабочий» характер этого источника. Поместье М.С. Севрюкова в волости Крутины включало в себя полпустоши Кулюпино (Колюпино). При описании смежного

поместья Д.А. Кровцова М.С. Севрюков показан уже как прежний помещик, земли которого – та же половина пустоши – отошли к А.М. Солманову. Описание поместья А.М. Солманова отсутствовало в писцовой книге, хотя он и числился в десятне 1577 г. Б.З. Есипов в одном месте числился как прежний владелец поместья, в другом – как живущий помещик. Такая же ситуация сложилась у И.М. Рославлева. Он числился как основной владелец своего поместья и как прежний владелец в поместье своего сына Ивана. При описании монастырских владений в стане Большой Микулин упоминалось смежное поместье В.В. Кусторского, которое не фигурировало в соответствующем разделе писцовой книги[802].

Несмотря на хронологическую близость десятни и писцовой книги, в тексте последней отсутствовало более 50 имен. Некоторые из них могут быть с большей или меньшей степенью условности отождествлены с известными по писцовой книге коломенскими землевладельцами, часть других могла служить вместе с отцами и братьями. Даже принимая во внимание сделанные допущения, при общей немногочисленности состава коломенского «города», несовпадения десятни и писцовой книги имеют довольно внушительный характер[803].

Отмеченные особенности писцовой книги не позволяют в полной мере оценить роль территориальных связей в системе поручительства. Достаточно условным является сам принцип соседства, при определении которого необходимо учитывать не только географическую близость владений, но, вероятно, как это было показано на примере коломенской десятни 1556 г., и их принадлежность к одному стану. Тем не менее, исключая родственников, которые зачастую также являлись соседями-землевладельцами (в том числе Проестевы – Желтухины), удается насчитать не менее 85 подобных примеров. В некоторых из них фиксируется взаимное пересечение: В.И. Туличинский – Замятня Хвостов, М.Ф. Булатов – П.А. Фомин.

Еще в ряде случаев (более десяти) территориальные связи были вероятны в связи с землевладением близких родственников: отцов и братьев[804]. Некоторые из них могли оформиться еще до составления десятни 1577 г.

Тесные соседские связи были зафиксированы между лицами, получившими поместья по «даче» 7086 (1578) г. Совместным поместьем владели, в частности, Н.Д. Левушинский и Ф.Г. Кулаков. Их общим соседом был И.А. Вальцов[805]. Ф.Г. Кулаков и И. Вальцовы были поручителями по Н.Д. Левушинском, а также по его брату Лукьяну. И. Вальцов «ручался» также за Ф.Г. Кулакова. Подобное взаимодействие возникло уже после

проведения смотра 1577 г., что, вероятно, было обусловлено припиской некоторых имен к основному тексту. Указанные Н.Д. Левушинский и Ф.Г. Кулаков были записаны внизу общего списка, среди новиков неслужилых.

Некоторое преобладание поручительств «служебного» характера над другими видами может быть обусловлено фрагментарностью имеющихся данных о родственных и соседских связях. И те и другие, несомненно, оказывали важное влияние на формирование облика коломенской корпорации и определяли поступки ее членов.

В целом изучение системы поручительства на примере коломенской десятни 1577 г. показывает не слишком высокий уровень развития горизонтальных связей. Эта система была навязана членам коломенского города извне, имела фискальный характер и преследовала цели, далекие от интересов рядовых детей боярских. Ее введение произошло на фоне существенных изменений в личном составе местного «города», что не позволяло в должной мере использовать сложившиеся между коломенскими детьми боярскими в предыдущие годы служебные и соседские (брачные, хозяйственные и т. д.) связи.

Пометы десятни 1577 г. показывают, что последние годы Ливонской войны тяжело отразились на составе коломенского «города». С 1577 по 1582 г. выбыло по разным причинам 57 детей боярских (смерть, плен, переход на службу в другие корпорации и другие социальные группы). Привлечение «Синодика по убиенным во брани» позволяет расширить этот список еще на 7 имен. Очевидные тяготы службы, запустение земель, сопровождаемые ростом налогов, значительно снижали эффективность запущенной системы поручительства. В 1580 г. 13 коломенцев было «сыскано» по их поместьям и отправлено на службу в Холм. Дезертирство носило массовый характер, что объясняет появление помет возле имен братьев А. и Шарапа Разгильдяевых Любучениновых: «88 г. апреля, за службу и за неотъезд, по боярскому приговору придано 50 чети»[806].

Слабость системы поручительства в том виде, который сложился в начале 1570-х гг., видна на материалах переславской десятни 1584 г. В ней без учета выборных дворян и четвертчиков, а также приписанных позднее новиков было записано 96 детей боярских. Только 70 были обеспечены «порукой». В качестве поручителей из членов переславского «города» отметились лишь 49 человек. На них пришлось 189 поручительств (36 – окладчики). Очевидно нежелание значительной части местной корпорации «ручаться» за своих товарищей. Подобная тенденция усиливала роль и значение окладчиков. Десятни конца 1590-х гг.,

в том числе отрывок коломенской десятни 1599 г., показывают, что поручительство в это время было полностью передано в ведение окладчиков.

Очевидны трудности взимания в этом случае пеней за «поруку» с рядовых детей боярских. Повальное бегство со службы и невозможность действенно наказать большую часть личного состава «города» без потери его боеспособности придавали поручительству с их стороны формальный характер.

Значительно большее значение искусственное объединение представителей территориальных групп детей боярских в рамках системы поручительства имело для становления их корпоративного единства. В муромской десятне 1578 г. упоминается боярский приговор об убавке жалованья за «неты» во время похода на Кесь. Этот приговор вызвал противодействие со стороны муромских детей боярских. Даже те из них, кто должен был получить жалованье в полном объеме, «и те дети боярские денег не взяли, а говорили бояром, что им так по окладу денег взяти не мочно»[807].

Подобный протест показывает возросший уровень коллективного самосознания отдельных «городов», получивший в дальнейшем множественные продолжения[808]. Вряд ли подобная линия поведения входила в планы создателей служилых «городов», которые невольно создали новых и подчас весьма самостоятельных игроков на политической арене, с собственными притязаниями и амбициями.

При всех несовершенствах система поручительства активизировала внутренние связи внутри отдельных корпораций и стала основой для осознания общности входивших в их состав детей боярских, что имело далеко идущие последствия. «Города» стали субъектами взаимоотношений с центральным правительством, ревниво оберегающим свои права. Ослабление власти во время Смуты дало им возможность усилить свои позиции, чем они и воспользовались, активно проявляя себя в поддержке того или иного претендента на престол, а затем выступив в качестве одной из движущих сил в земских ополчениях.

Оформление «городов» стало завершающим этапом в формировании служебной системы Московского государства, просуществовавшей с определенными изменениями вплоть до начала петровских реформ. Полтора столетия поиска эффективных вариантов организации службы получили зримые формы. Определяющей особенностью служилого «города» стала возможность его самовоспроизводства и автономного существования. В качестве примера можно назвать судьбу

смоленского «города» после 1611 г. В условиях потери привычных ориентиров смоляне – смоленские дети боярские после взятия Смоленска войсками Сигизмунда Вазы в течение нескольких десятилетий успешно сохраняли свою собственную корпорацию вдали от родных земель.

Высокий уровень самоорганизации проявили бельские дети боярские, которые в 1612 г. «полюбовно» распределили между собой отданные им дворцовые земли в Пошехонском уезде. Как и при проведении смотров, в этом случае были выбраны верстальщики, которые должны были заниматься процедурой раздачи новых поместий: «Верстать, делать в правду, другу не дружить, а недругу не мстить, а изверстать нам наперед тех, которые ныне под Москвой». Видно, что оформление этой процедуры использовало готовые формы, выработанные за десятилетия смотров и верстаний[809].

Созданный шаблон успешно тиражировался на новые территории, а совокупность служилых корпораций объединяла детей боярских из разных уездов в общую страту – дети боярские, прообраз будущего дворянства.

Заключение

В значительной части комплекс проблем, связанных со службой, был заложен еще в конце XV в. Служебная организация с обязательной военной службой и широкими поместными раздачами была создана в сжатые промежутки времени. Эта система была распространена практически на все категории частных землевладельцев, которые должны были «конно, людно и оружно» выступать в походы. На службе у «государей всея Руси» одномоментно оказались тысячи служилых людей со своими проблемами и заботами, решать которые приходилось теперь уже на более высоком уровне. Делопроизводственный аппарат нового государственного образования, вобравшего в себя обширные территории Северо-Восточной, а затем и Северо-Западной Руси, отличавшиеся по степени социально-экономического развития, находился в стадии своего формирования. Он не мог в должной мере осуществлять функции контроля за текущими вопросами управления, притом что уровень решаемых задач значительно повысился.

В сущности, все знаковые изменения во внутренней жизни страны были инициированы и в дальнейшем воплощались в жизнь весьма ограниченным кругом лиц, сконцентрированных в основном в столице, при дворе великих князей. Производительность московской канцелярии – критерий развитости бюрократии – была невысока, что, в частности, отражалось на общем количестве выдаваемых и подтверждаемых официальных актов[810].

В конце XV в. только начиналось формирование комплексов делопроизводственных документов. В 1497 г. был составлен Судебник, хотя единственный сохранившийся список этого законотворческого свода датируется уже первыми годами XVI в. и отражал происходившие в это время изменения. Важным представляется наблюдение Л.В. Машковой о том, что, несмотря на неоднократные упоминания писцов и даже писцовых книг в актах середины – второй половины XV в., первой из них оформленной как кодекс была только писцовая книга Деревской пятины 1499 г. В это же время были составлены первые посольские книги[811].

Развитие аппарата на местах еще более значительно отставало от заданных темпов роста служебной организации. При неразвитости экономики система местного управления долгое время продолжала базироваться на архаичных принципах кормлений. Наместники и волостели получали должности в

качестве финансового обеспечения своей службы (чаще всего, конечно же, военной) и не были плотно вовлечены в жизнь подведомственных им территорий, тем более что их пребывание здесь имело кратковременный характер. Доверенными лицами великокняжеской власти в этом случае часто выступали различные дворцовые слуги: ключники, посельские, тиуны, которые были не в состоянии курировать вопросы обеспечения службы. Появление городовых приказчиков и губных старост частично снимало эту проблему, хотя и не смогло устранить ее целиком.

Не слишком готовы были к новой роли и сами московские правители. Василий III, по уверению И.Н. Берсеня Беклемишева, все вопросы предпочитал решать с несколькими доверенными советниками: «Запершыся сам третей у постели всякие дела делает»[812]. Это начинание было продолжено его сыном Иваном Грозным. Учрежденные им опричнина, а затем и удел «Иванца Московского» во многом стремились повернуть вспять прошедшие за несколько столетий изменения в системе государственного управления. Идеалом для него были простые и понятные отношения удельного времени, где можно было эффективно осуществлять личный надзор над проводимыми мероприятиями.

Именно поэтому начатые преобразования так или иначе оказались тесно связаны с придворным окружением великих князей (царей) и ограничивались повторением на разных уровнях сравнительно небольшого числа комбинаций. Великокняжеский двор был преемником дружин московских князей. Создание на его основе Государева двора с включением в его состав лучших представителей местных служилых людей из разных частей страны обеспечивало достижение сразу нескольких целей. С одной стороны, за счет этого резко возрастала боеспособность этого военного подразделения, выступающего в качестве гвардии и являвшегося важной частью в построении русской армии. Признание за его новыми членами привилегий, свойственных для бояр и слуг вольных удельного времени, уравнивало их в правах со «старыми» «вассалами» московских князей и служило определенной гарантией безболезненного вхождения и последующего закрепления территорий, где располагались их вотчины, а позднее и поместья, в состав единого государства. Принятая схема была взята за основу и при создании новых служилых корпораций на завоеванных и колонизируемых (на слабо заселенных окраинах) землях. Их представители из числа прежних землевладельцев или из переселяемых сюда «помещиков» попадали в круг московской элиты. Достаточно быстро за счет этого Государев двор, при отсутствии классических

для европейского феодализма органов представительства, приобрел черты своеобразного представительного органа, одного из символов единства страны. Многие представители местной знати эффективно использовались для выполнения поручений различного характера неподалеку от своих уездов, что позволяло снизить затраты на их организацию.

Все отобранные в состав Государева двора лица периодически появлялись для несения службы в Москве, что давало возможность оценивать их служебную состоятельность и подтверждало существование личной связи между «государями всея Руси» и их «вассалами».

Меньше выиграли от введения обязательной службы рядовые дети боярские, хотя и для них обретение нового статуса предоставляло ряд дополнительных возможностей. Начавшиеся поместные раздачи предусматривали предоставление земельных наделов всем годным к службе сыновьям служилых людей. С определенными оговорками (поместья могли выделяться на значительном удалении от «родных» уездов, раздачи могли производиться не в полном объеме и т. д.) это положение действительно реализовывалось на практике в течение всего XVI столетия.

Эта модель не могла, однако, функционировать сама по себе на протяжении длительных промежутков времени. Значительно выросло общее число служилых корпораций. В некоторых из них, по тем или иным соображениям, не было сколько-нибудь примечательных лиц, соответствующих уровню Государева двора. Удаленность территорий также делала нецелесообразным привлечение представителей окраинных «городов» к поручениям общегосударственного характера, тем более что общее количество потенциальных исполнителей из «старых» дворовых фамилий значительно возросло за счет наследственного принципа службы. Статус передавался из поколения в поколение, что приводило к постепенному замыканию определенных должностей в кругу одних и тех же фамилий. Складывающаяся иерархия чинов (назначений) приобретала клановый характер. Наиболее отчетливо эта тенденция проявлялась у родовых княжеских корпораций, внутри которых выстраивались очереди на получение думных чинов в соответствии с достижениями и заслугами той или иной фамилии. Подобные очереди подкреплялись «родством» и выработанными за несколько десятилетий местническими прецедентами, в том числе благодаря появившимся делопроизводственным документам. Механизм ротации в сложившейся ситуации переставал действовать в полной мере.

Сам Государев двор при правильной организации армии в значительной степени утратил функции самостоятельного ударного подразделения, решавшего судьбу того или иного похода. Служба в нем в большей степени приобретала статусный характер, как возможность приобщения к кругу правящей элиты государства.

Решение возникшей задачи виделось московскому правительству в рамках уже наработанной практики. Видимо, уже в конце 1530-х гг. был поставлен вопрос о создании нового Государева двора. В его состав должны были войти лучшие представители местных служилых корпораций. Этот проект более детально получил отражение в Тысячной книге 1550 г. Чуть более тысячи человек должны были получить поместья неподалеку от столицы для несения придворной службы, «в посылки». В этом начинании показательными были несколько моментов. Упомянутые тысячники набирались из ограниченного числа «городов». То есть начатая ранее линия «представительства» на определенном этапе начала давать сбои. При оценке личного состава новых служилых корпораций, создаваемых на окраинах страны, видна худородность входивших в них лиц. Политика кадрового усиления, в рамках которой ранее представители московских боярских и княжеских фамилий усиливали там ряды служилых людей, выполняя в них функции местных воевод, постепенно сошла на нет. Соответственно менялось и отношение к ним со стороны центральной власти. В перспективе расхождения между «старыми» и «новыми» городами становились все больше, что стало одной из причин социальной напряженности в событиях Смутного времени.

Взаимосвязь попадания в новую элиту, а списки тысячников, очевидно, должны были использоваться для подбора кадров, отвечающих за выполнение наиболее важных поручений центрального правительства, с подмосковным землевладением скрывала мину замедленного действия. В идеале, даже если бы это начинание удалось осуществить в полной мере, оно исчерпало бы фонд наличных земель в непосредственной близости от столицы, не оставляя резервов для следующих поколений. Учитывая практику передачи поместий по наследству, через определенное количество лет проблема должна была встать на повестку дня, с худшими перспективами ее успешного разрешения. Тысячная реформа, похоже, так и не была реализована на практике, хотя некоторые выборные дворяне – наследники тысячников действительно обзавелись поместьями в ближнем Подмосковье. Тем не менее эта идея не пропала втуне. Из тысячи человек должен был состоять опричный корпус. В

1586/87 г. вышел указ о подмосковных поместьях для членов двора. Сами выборные дворяне, как некогда дворовые дети боярские, постепенно были вычленены из состава своих «городов», образовав низшую и наиболее массовую прослойку Государева двора. Со временем, однако, спираль сделала новый виток. Вначале потеряли свое место здесь дворяне северо-западных уездов. Вскоре очередь дошла и до представителей других территорий. В начале XVII в. выборные дворяне все реже привлекались к выполнению придворных назначений, а в 1620-х гг. их призыв на московскую службу полностью прекращается[813].

Запущенный механизм поместных раздач долгое время развивался за счет введения в оборот новых земель. Этот ресурс не был бесконечным. Полноценное выполнение своих обязанностей местными служилыми корпорациями нуждалось в надлежащей организации процесса перераспределения имеющихся наделов. Долгое время центральное правительство полноценно не вмешивалось в эту ситуацию, реагируя на поступавшие в частном порядке челобитные отдельных детей боярских. В результате многие поместья были раздроблены в семейных разделах, в руках же у некоторых служилых людей накопились «лишки», не оправданные с точки зрения их военного потенциала.

Несмотря на более чем полвека, прошедшие с момента первых поместных раздач, описанная проблема была обозначена только в 1550-х гг., когда ее уже нельзя было игнорировать. Разрешить ее должно было «Уложение о службе», принятое в 1556 г., которое уравняло службу с вотчин и поместий и определило нормы выставления воинов «со ста четвертей добрые угожей земли человек на коне и в доспесе в полном, а в дальной поход о дву конь». В качестве минимального земельного обеспечения выступал, видимо, земельный оклад в сто четвертей доброй земли. Это же уложение предусматривало проведение «землемерия» и раздел «преизлишков». На практике в течение нескольких лет удалось более или менее соблюдать только нормы «конности, людности и оружности», хотя и в этом случае последующее разорение опричнины и Ливонской войны привело к их нивеллированию для подавляющей массы служилых людей. Обозначенный минимум фактического владения имел декларативный характер уже в момент принятия Уложения и в дальнейшем не менял своего содержания[814]. У центрального правительства не хватало и политической воли для изъятия «лишков». Пример с новгородскими «нетчиками», лишившимися своих поместий за неявку на службу во время казанских походов и в основном вернувших их себе после подачи челобитных,

является очень показательным в этом ряду. Подобные прецеденты известны уже во время опричнины, которая выступала в качестве одного из инструментов силового решения возникших ранее проблем.

Долгий путь прошло становление окладов. Только во второй половине 1550-х гг. унифицированные оклады получили всеобщее распространение. В это же время регулярный характер приобрели смотры и создававшиеся на их основе десятни, как новый тип делопроизводственного документа, фиксирующего личные характеристики того или иного служилого человека.

В целом в середине XVI в. служба приобрела упорядоченность. Некоторые «болевые точки» приобрели хронический характер, и им перестали уделять должное внимание. Нерешенные (и нерешаемые) проблемы со временем еще окажут свое влияние при ослаблении роли государства в начале XVII столетия. Важное значение для дальнейшего развития приобрела система самоорганизации «городов», запущенная в начале 1570-х гг., благодаря которой служилые корпорации обрели собственное лицо и смогли играть активную роль. В XVII в. «города» нередко отстаивали свою позицию, сами инициировали и предлагали решения по актуальным для них вопросам. Вряд ли подобная самостоятельность изначально входила в планы создателей этой системы, но именно она придала служилым корпорациям цельность и стала основой для формирования сословной культуры будущего дворянства.

Список сокращений

ААЭ – Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею

АГР – Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России

АЗР – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею

АЗС – Акты, относящиеся к истории земских соборов

АЕ – Археографический ежегодник

АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею

АИСЗР – Аграрная история Северо-Запада России

АМСМ – Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря

АРГ – Акты Русского государства 1505–1526 гг.

АРГ АММС – Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в.

АРИ – Архив русской истории

АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века

АССЕМ – Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг.

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.

АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков

АЮ – Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства

АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России

БК – «Боярская книга» 1556/57 года

БС – Боярские списки 1577–1607 гг.

БС 1546–1547 – Боярские списки 1546–1547 гг.

ВИ – Вопросы истории

ВИД – Вспомогательные исторические дисциплины

ВОИДР – Временник общества истории и древностей российских

ДАИ – Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

Десятни – Десятни XVI века

Десятня 1606 – Десятня 7114 г. по Смоленску

ДРВМ – Древняя Русь. Вопросы медиевистики

Записная книга – Записная книга крепостным актам XV–XVI веков

ЗКПП – Записная книга Полоцкого похода 1562/63 г.

ЗПК – Материалы для истории Звенигородского края / Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг.

ИА – Исторический архив

ИЗ – Исторические записки

ИРГО – Известия русского генеалогического общества

ИСССР – История СССР

Каталог – Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV – начала XVII века

КД – Каширская десятня 1556 г.

КПК – Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов

ЛИРО – Летопись историко-родословного общества в Москве

НИС – Новгородский исторический сборник

НПК – Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией

ОР ГИМ – Отдел рукописей государственного исторического музея

ОФР – Очерки феодальной России

ПД – Переяславльская десятня верстальная и денежной раздачи 1584 года

ПДС – Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными

ПИРСС – Памятники истории русского служилого сословия

ПКНЗ – Писцовые книги Новгородской земли

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси

ПЛ – Псковские летописи

ПМТУ – Писцовые материалы Тверского уезда XVI века

ПОК – Переписная окладная книга по Новугороду Вотьской пятины. 7008 года

ПЗ – Поручные записи 1527–1571 годов

ПРП – Памятники русского права

ПРПРК – Памятники русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Радз. – Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки

РД – Русский дипломатарий

РИ – Российская история

РИБ – Русская историческая библиотека

РИИР – Редкие источники по истории России

РК 1475–1598 – Разрядная книга 1475–1598 гг.

РК 1475–1605 – Разрядная книга 1475–1605 гг.

РНБ – Российская национальная библиотека

Род. кн. – Родословная книга князей и дворян российских и выехавших…

Роспись – Роспись городам детей боярских по воеводским полкам накануне Второго Казанского похода Ивана Грозного (1549)

РПК – Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг.

СА – Советские архивы

Сб. РИО – Сборник русского исторического общества

СР – Свадебные разряды

ТКДТ – Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в.

ФИРИ – Филиал института российской истории

ЧОИДР – Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете

notes

Сноски

1

Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 20. Ч. 1. С. 352.

ПСРЛ. М., 1982. Т. 37. С. 45.

3

Сборник русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1882. Т. 35. С. 389.

4

Гоский А.А. Русское Средневековье. М., 2010. С. 210–222. Подобным образом и сам Василий III обращался к строптивому И.Н. Берсеню Беклемишеву: «пойди, ***смерд***, прочь, ненадобен ми еси».

5

Назаров В.Д. «Двор» и «дворяне» по данным новгородского и северо-восточного летописания (XII–XIV вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 121–123.

6

В 1186 г. упоминается «володимерская дружина». *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 102–103; *Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю.* Города-государства Древней Руси. Л., 1988. С. 239–245.

7

В 1214 г. после удачного похода новгородцев на Чудь Мстислав Удалой «взя на них дань, и да новгородьцем две чясти дани, а третью чясть дворяном» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов М.; Л., 1950. С. 52–53).

Тихомиров М.Н. Древняя Русь. М., 1975. С. 233–239; *Назаров В.Д.* «Двор» и «дворяне»… С. 116–123; *Лимонов Ю.А.* Владимиро-Суздальская Русь. С. 160–161, 169; *Свердлов М.Б.* Дворяне в Древней Руси. С. 56–59; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву: Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. М., 2014. Т. 1. С. 48; *Назаров В.Д.* «Дворянин» в актах и грамотах Северо-Восточной Руси и Новгорода XIV–XV вв. // Russian history / Histoire Russe. 34. Nos. 1–4. 2007. P. 145–147.

9

Ивина Л.И. Иерархическая структура правящей элиты в княжествах Северо-Восточной Руси и Русском государстве (конец XIV – первая половина XVI века) // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей: К 70-летию А.Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 93–95; *Корзинин А.Л.* Государев двор Русского государства в доопричный период 1550–1565 гг. М.; СПб., 2016. С. 93–94.

10

Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 39; *Кобрин В.Б., Юрганов А.Л.* Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // ИСССР. 1994. № 4. С. 58; *Назаров В.Д.* Нереализованная возможность. Существовало ли рыцарство на Руси в XIII–XV веках? // Одиссей. Человек в истории. М., 1989. С. 119; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Т. 1. С. 37–38, 202, 324.

Веселовский С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 152–157.

Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 7–10.

13

Борисов Н.С. Политика московских князей конца XIII – первой половины XIV века. М., 1999. С. 171–172; *Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984. С. 247–256.

14

Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси (далее – ПЛДР). XIV – середина XV в. М., 1981. С. 288; *Городилин С.В.* Ростовское боярство в первой половине XIV в. // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 86–93.

ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 175.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (далее – ДДГ) М.; Л., 1950. № 11. С. 32.

17

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). М., 1964. Т. 3. № 6. С. 18. От второй половины XV в. сохранилось несколько жалованных грамот с разрешением приобретать «черные» земли. Андрей Вологодский выдал разрешение сыну боярскому Злобе Васильеву «купити на Вологде земли на соху боярских и служих и черных тяглых людей, хто ему продасть; ***а с тое земли с слугами и с черными людми не тянет, а служити своею братью з детми боярскими***».

18

Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. СПб., 1998. С. 126–129; *Черепнин Л.В.* Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960. С. 182. Белозерская купчая грамота второй половины XIV в. земли «боярской» докладывалась князю Федору Романовичу (*Грязнов А.Л.* Купчая Павла Харитонова: Землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы // ДРВМ. 2012. № 2 (48). С. 35–49).

ПСРЛ. СПб., 1885. Т. 10. С. 223; ДДГ. № 11. С. 32.

20

АСЭИ. Т. 3. № 178. С. 193; *Кучкин В.А.* Автограф сподвижника Дмитрия Донского // Родина. № 2. 1995. С. 23–26. Л.В. Черепнин считал Микулу горожанином (*Черепнин Л.В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. 1. С. 118). Этому предположению противоречит упоминание «сирот» Микулы, которые выплачивали дань и другие поборы.

Чернов С.З. Три семьи радонежских бояр // Русское Средневековье: Сб. статей в честь Ю.Г. Алексеева. М., 2012. С. 684.

22

Веселовский С.Б. Феодальное землевладение. С. 76; *Чернов С.З.* Микрорегиональные исследования исторических территорий средневековой Руси: новые возможности, проблемы, перспективы // Средневековая Русь. М., 2007. Вып. 7. С. 248–251. В цитируемом тексте соглашения между Дмитрием Донским и Владимиром Храбрым бояре платили дань с кормлений и путей, а не с вотчин.

Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 467–468.

Примером подобного недовольства может служить память о боярах, которых «заехал» при выезде князь Юрий Патрикеевич.

Соловьев С.М. Сочинения. М., 1989. Кн. 3. С. 681–690.

26

Веселовский С.Б. Исследования… С. 7–8; *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М., 1988. С. 304–305.

27

И.Б. Михайлова характеризовала кадровую политику Ивана III: «Следуя законам местничества, он возвышал старшие ветви боярских фамилий, ущемляя при этом сподвижников отца» (*Михайлова И.Б.* Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. СПб., 2003. С. 379). *Kollmann N.S.* The boyar clan and court politics: The founding of the Muscovite political system // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 23. № 1. Janvier – Mars. 1982. P. 5–31.

Кобрин В.Б. Власть и собственность. С. 77–78; *Назаров В.Д.* Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV веке // РД. М., 1999. Вып. 5. С. 175–196.

29

Бычкова М.Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М., 1975; ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 230–232. Эти родословные составлялись, вероятно, в разное время, начиная с первой трети XV в. *Зимин А.А.* Источники по истории местничества в XV – первой трети XVI в. // АЕ за 1968 г. М., 1970. С. 109–118.

Целая белозерская волость Ерга, например, «вышла» из рода Монастыревых в виде приданого дочери Дмитрия Александровича.

31

Зимин А.А. Формирование… С. 241–242; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 152; ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 70. *Веселовский С.Б.* Исследования… С. 461. Еще один представитель этого рода – С.Ф. Морозов, «любовник» Юрия Звенигородского, был убит его сыновьями Василием Косым и Дмитрием Шемякой.

32

Зимин А.А. Формирование… С. 172; ПСРЛ. Т. 23. С. 152; ПСРЛ. Т. 12. С. 72; *Веселовский С.Б.* Исследования… С. 505, 513–516.

Веселовский С.Б. Исследования… С. 308–313, 346–347.

АСЭИ. М., 1952. Т. 1. 391. С. 294; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 55–56.

35

Родословная книга князей и дворян российских и выехавших… (далее – Род. кн.). М., 1787. Ч. 2. С. 14–15; *Кучкин В.А.* Вельяминовы на службе у московских князей в XIV – начале XV в. // *Кулешов А.С.* Аксаковы. История разбитых судеб. М., 2009. С. 286–287.

36

Зимин А.А. Формирование… С. 252–253, 270–271. Басенковы происходили от боярина Онуфрия, служившего Всеволоду Холмскому. Их родственники принадлежали к числу рядовых служилых людей.

Веселовский С.Б. Исследования… С. 470–472; *Rüss H.* Так называемый вольный отъезд // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 34. № 1–2. Janvier – Juin 1993. P. 59–60.

38

Сб. РИО. Т. 35. С. 833. Видимо, на случай подобных захватов в княжеских договорах середины XV в. предусматривалась формулировка: «А бояром и слугам добровольно вольным воля». *Переписка* Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 108; *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М., 1988. С. 429–441.

Веселовский С.Б. Исследования… С. 470–472; *Rüss H.* Указ. соч. P. 59–71.

ДДГ. № 5. С. 21.

41

Фрол, брат Федора Беклемиша с сыном «отъехали для невзгоды в Смоленеск» (Редкие источники по истории России (далее – РИИР). М., 1977. Вып. 2. С. 172).

ПСРЛ. Т. 12. С. 67; *Преподобные* Кирилл, Ферапонт и Мартемиан Белозерские. СПб., 1994. С. 259.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 229–230.

Зимин А.А. Формирование… С. 268; РИИР. Вып. 2. С. 182.

ПСРЛ. Т. 11. С. 148; *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм… С. 441.

Назаров В.Д. Нереализованная возможность. С. 121.

47

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – АИ). СПб., 1841. Т. 1. № 40. С. 81.

48

ДДГ. № 30. С. 76. На службе у Дмитрия Красного известен бежецкий вотчинник Д.И. Кайса, внук великокняжеского боярина Ю.В. Щеки (*Каштанов С.М.* Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 452).

Веселовский С.Б. Исследования… С. 188–189, 399.

ДДГ. № 89. С. 356.

АСЭИ. Т. 3. № 19. С. 35, № 391. С. 407.

Ю.Г. Алексеев считал, что смысл противопоставления состоял в разграничении прав слуг вольных и людей, которые «по волостям выиманы». Привлечение более поздних княжеских докончаний показывает, что эти «люди» являлись ордынцами или делюями, мелкими дворцовыми слугами, обслуживающими ордынские посольства (*Алексеев Ю.Г.* У кормила… С. 12).

53

Родословная роспись рода Кикиных, грамоты и наказы // Синбирский сборник. М., 1844. Т. 1. С. 3; *Чернов С.З.* Землевладение волости Бели Радонежского удела // ОФР. М., 2000. Вып. 4. С. 57–58.

ДДГ. № 2. С. 13; *Веселовский С.Б.* Исследования… С. 244.

55

Повесть о Луке Колочском // ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 53; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история. С. 45–46; *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение. С. 207–208; ДДГ. № 9. С. 27.

ДДГ. № 57. С. 157, № 61. С. 199.

57

ПСРЛ. Т. 23. С. 158. Жалованная грамота, в частности, была выдана братьям Л. и В.А. Ярославовым. *Назаров В.Д.* О включении Ярославского княжения в состав Российского Государства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. 4-е чтения памяти Л.В. Милова. М., 2015. С. 70–75.

АСЭИ. Т. 3. № 101. С. 139, № 109. С. 109.

АСЭИ. Т. 3. № 101. С. 139, № 239. С. 260.

ДДГ. № 17. С. 48, № 11. С. 42; *Алексеев Ю.Г.* У кормила… С. 26.

61

Бочков В.Н. «Легенды» о выезде дворянских родов // АЕ за 1969 г. М., 1971. С. 73–93; *Веселовский С.Б.* Исследования… С. 501–502; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву… Т. 1. С. 59–157.

ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 230.

ПСРЛ. Т. 11. С. 25.

ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. Ч. 1. С. 67, 84, 91; *Чернов С.З.* Волок Ламский в XIV – первой половине XVI в. Структуры землевладения и формирование военно-служилой корпорации. М., 1998. С. 165, 166, 305. В 1400/01 г. «наслал князь великий Василей боляр своих Александра Поля, Ивана Маринина и Ивана Толбузина, на Торжок войною, в 300 человек». Все они владели вотчинами в Волоке Ламском.

ПСРЛ. Т. 15. Ч. 2. С. 487; Т. 11. С. 203, 204.

Котляров А.Н. Боярский «город» в XIV в. // Феодализм в России: Сб. тезисов. М., 1985. С. 85–86. По мнению этого исследователя, под властью московских князей находилось около пятнадцати боярских корпораций.

ПСРЛ. Т. 37. С. 52.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. СПБ., 2009. С. 16, 66–68; ПСРЛ. Т. 12. С. 62.

69

АСЭИ. Т. 3. № 6. С. 19; ДДГ. № 11. С. 32. В.А. Кучкин полагал, что положение договора 1389 г. было нововведением великокняжеской власти, направленной на контроль над службой бояр и слуг Дмитрова и Галича. Странно, однако, что конкретизация не была сделана в тексте самого договора (*Кучкин В.А.* Последний договор Дмитрия Донского // Средневековая Русь. Вып. 7. С. 308–309, 315).

Кучкин В.А. Вельяминовы. С. 269–332; *Он же.* Документы кремлевской находки 1843 г. – часть архива XIV в. московских бояр Вельяминовых // Мат-лы конф. «Первые московские градоначальники и московское боярство: традиции и современность». М., 1998. С. 27–29.

71

Тысяцкий Роман Михайлович в отсутствие Александра Невского в 1252 г. во Владимире «тисящю предержащю и весь рядъ». В житии митрополита Петра упоминается тысяцкий Протасий: «его же князь (Иван Калита. – *М. Б.*) старейшину града поставил, князь бо тогда не прилучися во граде» (*Кучкин В.А.* Вельяминовы. С. 283).

Веселовский С.Б. Исследования… С. 218; *Kollmann N.S.* The boyar clan… P. 15–18; ДДГ. № 2. С. 13; РИИР. Вып. 2. С. 178.

ДДГ. № 11. С. 42.

ПСРЛ. Т. 10. С. 220.

Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 28; ДДГ. № 13. С. 38.

ДДГ. № 11. С. 32; ПСРЛ. Т. 11. С. 194.

ПСРЛ. Т. 25. С. 191, 237; *Веселовский С.Б.* Исследования… С. 141–142, 247–248.

АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 422. С. 461; *Акты* феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков (далее – АФЗХ). Ч. 2. № 25. С. 30; *Записная* книга крепостным актам XV–XVI веков, явленным дьяку Д. Алябьеву (далее – Записная книга) // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1898. Т. 17. Ст. 113–114.

Сб. РИО. Т. 35. С. 36, 68, 71, 78, 336, 548. Инициатива их наименования исходила от литовской стороны.

ДДГ. № 27. С. 70.

Зимин А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991. С. 204.

82

ПСРЛ. Т. 23. С. 149; Т. 25. С. 264; *Назаров В.Д.* Служилые князья. С. 196.

Алексеев Ю.Г. У кормила… С. 53–54.

Зимин А.А. Формирование… С. 21; *Alef G.* The origins of Moskovite Autocracy. Berlin, 1986. P. 224–226.

85

ПСРЛ. Т. 23. С. 147, 152–153; Т. 25. С. 267; *Зимин А.А.* Витязь… С. 58, 112, 115, 121–122, 134, 149.

ПСРЛ. Т. 23. С. 157; *Кузьмин А.В.* Происхождение участников заговора 1461–1462 годов с целью освобождения из заключения боровско-серпуховского князя Василия Ярославича // Русское Средневековье. С. 280–294.

87

ДДГ. № 58. С. 180, № 61. С. 199. Ф.М. Челядня и князь С.И. Оболенский получили земли, конфискованные у изменника Н.К. Добрынского.

ПСРЛ. Т. 25. С. 281; АФЗХ. М., 1951. Ч. 1. № 6. С. 26.

Алексеев Ю.Г. Походы русской армии. С. 66–67.

Kollmann N.S. The boyar clan… P. 5.

Гуковский М.А. Сообщение о России московского посла в Милане // Труды ЛОИИ. М.; Л., 1962. Вып. 5. С. 655.

Борису Волоцкому служил их младший брат Михаил. Александр Васильев Карамышев, еще один их вероятный брат, был дьяком у Андрея Углицкого.

93

Савосичев А.Ю. Дьяки и подьячие XIV – первой трети XVI в.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013. С. 230–232; *Каштанов С.М.* Борьба за Углич и древнейшие писцовые описания Углицкого уезда // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 210–211; ДДГ. № 89. С. 355.

ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 150; Т. 25. С. 311–313.

ПСРЛ. Т. 25. С. 311–312.

Сб. РИО. СПб., 1895. Т. 95. С. 93.

Зимин А.А. Формирование… С. 21; ПСРЛ. СПб., 1859. Т. 8. С. 153; ПСРЛ. М., 1994. Т. 37. С. 92; ПСРЛ. Т. 28. С. 155; Псковские летописи (далее – ПЛ). М., 1941. Вып. 1. С. 77; Разрядная книга 1475–1598 гг. (далее – РК 1475–1598) С. 17, 19, 24-26, 55; ПСРЛ. Т. 25. С. 311–313; Роспись «городам» детей боярских по воеводским полкам накануне Второго Казанского похода Ивана Грозного (1549) (далее – Роспись) // *Курбатов О.А.* Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска. Приложение // Единорогъ. Материалы по военной истории эпохи Средних веков и раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 226.

Зимин А.А. Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. и формирование состава Боярской Думы и дворцовых учреждений // ВИД. Л., 1981. Вып. 12. С. 28–41; *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний о Дворовой тетради как историческом источнике // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 43–57; *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 87–90; *Корзинин А.Л.* Государев двор… С. 121–162.

Лихачев Н.П. Разрядные дьяки XVI в.: Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 442–444; Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 147–148.

100

Уже в 1547 г. дьяк Юрия Углицкого Шестак Воронин подписывал подтвердительные грамоты. В 1548 г. разрядная книга называет на службе у него боярина князя Ф.А. Куракина, конюшего И.И. Умного Колычева, дворецкого С.И. Жулебина и нескольких дьяков.

101

Сб. РИО. Т. 35. С. 163–164; РК 1475–1598 гг. С. 25–26. Для учета членов Государева двора значение имеет также разряд свадьбы великой княжны Феодосии с князем В.Д. Холмским 1500 г. (Свадебные разряды (далее – СР) *// Сахаров И.П.* Сказания русского народа. СПб., 1849. Т. 2. Кн. 6. С. 37).

102

Бенцианов М.М. Ямские дьяки и кормления. К постановке вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. СПб., 2017. Вып. 7. С. 160–161.

103

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века (далее – АСЗ). М., 1997. Т. 1. № 7–14. С. 14–19, 325.

АСЭИ. Т. 2. № 490. С. 530; *Шумаков С.А.* Обзор грамот коллегии экономии. М., 2002. Вып. 5. С. 42, 43; *Акты* Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря 1506–1608 гг. (далее – АССЕМ). № 34. С. 87, 89, № 99. С. 226, № 110. С. 241. В родословной отсутствуют также упомянутые в Дворовой тетради по Суздалю пятеро Дмитриевых Хвостовых. *Бенционов М.М.*

Новгородские источники Тысячной книги 1550 г.: Опыт ретроспективного анализа // ДРВМ. 2013. № 4 (54). С. 38.

105

Разрядная книга 1475–1605 гг. (далее – РК 1475-1605). М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 25; Сб. РИО. Т. 35. С. 164; *Боярские* списки 1546–1547 гг. (далее БС 1546–1547) // *Назаров В.Д.* О структуре «государева двора» в середине XVI в. Приложения // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 55. А.И. Писемский, возможно, был также кормленщиком на Вологде; *Тысячная* книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. (далее – ТКДТ) М.; Л., 1950. С. 162; АСЗ. Т. 1. № 318. С. 321–322 (версия князя Ф. Хворостинина).

Зимин А.А. Формирование… С. 251, 305; *Alef G.* The origins… P. 198–202, 204–205, 211–212, 218–219.

107

Alef G. The origins… P. 194. Яков Новосилец был боярином Владимира Серпуховского. Его сын Иван служил Дмитрию Шемяке. Высокий статус Новосильцевых в первой половине XV в. вызывает сомнения. *Зимин А.А.* Формирование… С. 251–252; *Он же.* Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 56–57; *Веселовский С.Б.* Исследования… С. 285–286; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Т. 1. С. 132–133, 135.

108

Михайлова И.Б. Служилые люди… С. 376–377; *Зимин А.А.* Формирование. С. 162–167, 169–175, 183–189, 195–196, 218, 220, 224–229, 251, 255, 258; *Чернов С.З.* Волок Ламский… С. 219, 224–228. И.Б. Михайлова писала о возвышении старшей ветви Кутузовых, хотя утверждала, что потомки «малоприметного» Глеба, первого сына Ф.А. Кутуза, «как и их отец, не отличились на великокняжеской службе».

109

Зимин А.А. Формирование… С. 234, 239–241. Их брат С.Б. Брюхо, «боярин» великого князя, в 1486 г. ездил с посольством в Крым.

Зимин А.А. Указ. соч. С. 34–35.

Алексев Ю.Г. Список воевод Ивана III // Труды Истор. ф-та Санкт-Петербургского ун-та. СПб., 2011. С. 227, 230.

112

Алексеев Ю.Г. Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992. С. 46; Сб. РИО. Т. 35. С. 164; ПСРЛ. Т.12. С. 222, 233; *Alef G.* The origins… P. 229; *Зимин А.А.* Формирование… С. 270–275.

113

Зимин А.А. Витязь… С. 167. По сообщениям родословцев, он «был дворетцкой на Москве по свою смерть без перемены».

АСЭИ. Т. 2. № 90. С. 54, № 377. С. 375.

115

Зимин А.А. Формирование… С. 272; *Он же.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 246–248; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность… С. 173; Сб. РИО. Т. 35. С. 412–439; *Новгородские* писцовые книги, изданные Археографической комиссией (далее – НПК). Т. 3. СПб., 1868. Ст. 423.

116

Зимин А.А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV – первой трети XVI в. // ИЗ. 1981. Т. 87. С. 281–284; ДДГ. № 4. С. 17; *Алексеев Ю.Г.* У кормила… С. 14, 78; *Веселовский С.Б.* Владимир Гусев – составитель Судебника 1497 г. // ИЗ. М., 1939. Т. 5. С. 46.

117

Иосиф Волоцкий. Просветитель. М., 1993. С. 27; *Послания* Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 215; ПСРЛ. Т. 23. С. 150–151; ПСРЛ. Т. 25. С. 273.

118

Алексеев Ю.Г. У кормила… С. 159–160, 168–170; *Пономарева И.Г.* Великокняжеская канцелярия при Василии Темном (поименный список) // АЕ за 2006 г. М., 2011. С. 121, 125–126, 131–133; ПСРЛ. Т. 25. С. 263, 264; *Савосичев А.Ю.* Указ. соч. С. 228.

119

Грязнов А.Л. Купчая… С. 38; *Кистерев С.Н.* Полная грамота Ивана Михайловича Дубенского // РД. М., 1997. Вып. 1. С. 5–24; *Алексеев Ю.Г.* У кормила… С. 160, 174–175, 180-181; *Булычев А.А.* Потомки «мужа честна» Ратши. Генеалогия дворян Каменских, Курицыных и Волковых-Курицыных. М., 1994. С. 12; *Савосичев А.Ю.* Указ. соч. С. 129–153, 156-157.

120

Сб. РИО. Т. 35. С. 3, 74, 90–102, 108, 164; РК 1475-1598. С. 26; АСЗ. Т. 1. № 312. С. 302–303; ПСРЛ. Т. 8. С. 236; АСЭИ. Т. 2. № 230. С. 152.

121

Савосичев А.Ю. Указ. соч. С. 114–115; РК 1475–1598. С. 26; ТКДТ. С. 126–128.

122

АСЭИ. Т. 2. № 400. С. 408; Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранными (далее – ПДС). СПб., 1851. Т. 1. Ст. 82; Сб. РИО. Т. 35. С. 138.

123

СР. С. 37; АСЭИ. Т. 2. № 463. С. 501, № 483а. С. 524, № 491. С. 531, № 492. С. 534, № 493. С. 541; АССЕМ. № 92. С. 210, 213, № 119. С. 249, № 133. С. 265.

Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 9; РК 1475–1598. С. 26; ПСРЛ. Т. 25. С. 413; *Зимин А.А.* Формирование… С. 36–39, 215.

125

Ранее на великокняжескую службу из углицкого двора вернулся ростовский боярин Илья Борисович. АСЗ. Т. 1. № 69. С. 57; *Зимин А.А.* Формирование… С. 239; РК 1475–1598. С. 28, 32. Кормления получили Г.В. Грязной и А.В. Карамышев, бывший дьяк Андрея Углицкого.

ПСРЛ. Т. 12. С. 219–220.

127

Зимин А.А. Формирование… С. 55; *Alef G.* Reflections in the Boyar Duma in the reign of Ivan III // Slavonic and East European review. 1967. Vol. 45. P. 101.

128

ПСРЛ. Т. 28. С. 140; *Попов С.Н.* Тверская знать на московской государевой службе в конце XV – первой половине XVI в. Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 26–28, 105–107.

129

Флоря Б.Н. О путях политической централизации (на примере Тверской земли) // Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 282–284; *Зимин А.А.* Формирование… С. 260–266; РК 1475–1598. С. 26, 31, 44; *Антонов А.В.* Из истории великокняжеской канцелярии: кормленные грамоты XV – середины XVI века // РД. М., 1998. Вып. 3. С. 112–113.

Флоря Б.Н. О путях политической централизации… С. 288; *Попов С.Н.* Тверская знать. С. 38, 78–79. По выражению этого исследователя, даже «единый фронт тверских служилых людей».

131

РК 1475–1598. С. 23, 27, 28, 30, 31; *Памятники* истории русского служилого сословия (далее – ПИРСС) / Сост. А.В. Антонов. М., 2011. С. 173; ПЛ. Вып. 1. С. 85.

Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 97–100; *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний о «Дворовой тетради» как историческом источнике // АЕ за 1973 г. М., 1974. С. 45.

133

АСЭИ. Т. 3. № 391. С. 406–409; *Зимин А.А.* Формирование… С. 267–270; *Сметанина С.И.* Рязанские феодалы и присоединение Рязанского княжества к Русскому государству // АРИ. М., 1995. Вып. 5. С. 60, 61.

134

РК 1475–1598. С. 66, 67, 70, 74, 76, 77, 81, 84, 90, 91, 95, 98; ПИРСС. С. 177, 195.

Сметанина С.И. Рязанские феодалы… С. 53–54, 56.

ПСРЛ. Т. 37. С. 45; И.Г. Киселев позднее держал в пожизненном владении митрополичьи земли в Муромском уезде. Это владение затем перешло к его сыну Григорию. *Хожение* за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. С. 5; АФЗХ. Ч. 1. № 240. С. 207, 208; АСЭИ. Т. 3. № 88. С. 120, № 249. С. 267; *Посольская* книга по связям России с Ногайской Ордой. М., 1984. С. 41; ПСРЛ. Т. 8. С. 241, 246; АСЭИ. Т. 1. № 389. С. 290; РК 1475–1598. С. 110, 117, 121; ТКДТ. С. 157.

137

Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. С. 45; *Пашкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М., 2000. С. 137; АСЗ. М., 2002. Т. 3. № 307. С. 251–252.

АСЗ. Т. 1. № 118–126. С. 94–100.

ПЛ. М., 1955. Вып. 2. С. 195.

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 68–77.

141

ПСРЛ. Т. 25. С. 318.

142

ПСРЛ. Т. 25. С. 82.

143

Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 315–322; ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 238.

Янин В.Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М., 1990. С. 123; ПСРЛ. Т. 25. С. 311, 312, 322–323.

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 72.

146

АСЭИ. Т. 3. № 226–227. С. 247–248, № 241. С. 262; ПИРСС. С. 175; *Пашкова Т.И.* Указ. соч. С. 166, 171, 173; *Каталог* писцовых описаний Русского государства середины XV – начала XVII века (далее – Каталог) / Сост. К.В. Баранов. С. 16, 17; РК 1475–1598. С. 70; ТКДТ. С. 149, 151–152, 155.

Писцовые книги Новгородской земли (далее – ПКНЗ). М., 1999. Т. 1. С. 175, 232, 237.

РК 1475–1598. С. 43.

149

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 13; РК 1475–1598. С. 54–55.

РК 1475–1598. С. 26.

151

ТКДТ. С. 187–193.

152

Сб. РИО. Т. 35. С. 268; ПСРЛ. Т. 26. С. 278; *Акты* Русского государства 1505–1526 гг. (далее – АРГ) М., 1975. № 275. С. 278. В 1526 г. А.И. Коробьин продал А.С. Болтину земли в Ростовском уезде.

Бенцианов М.М. Ямские дьяки… С. 158–159.

154

Alef G. Reflections… P. 102. По мнению Г. Алефа, для получения боярского звания требовалось примерно 25 лет службы.

155

Зимин А.А. Указ. соч. С. 168, 185, 196, 235, 240; *Alef G.* Aristocratic politics… P. 82–88; *Kleimola A.M.* Patterns of Duma Recruitment, 1505–1550 // Essays in honor of A.A. Zimin. Ohio. 1985. P. 252–253.

Назаров В.Д. О титулованной знати в России в конце XV в. // Древнейшие государства Восточной Европы 1998 г. М., 2000. С. 195–204.

157

И. Микулин Ярого и С. Угримов Заболоцкий присутствовали в списке «постелников». РК 1475–1598. С. 25; *Назаров В.Д.* О титулованной знати… С. 190–191; *Он же.* Нетитулованная знать по походному списку двора Ивана III в 1495 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 573– 575; СР. С. 37. Вне группы в свадебном разряде находились также И. Голочел и В.Д. Давыдовы, а также И. Скрябин Морозовы.

158

В.Д. Назаров отметил родословный принцип перечисления имен применительно к Морозовым, Заболоцким (с оговорками) и Плещеевым (*Назаров В.Д.* Нетитулованная знать… С. 575–577).

В. и Я.Г. Морозовы, М.В. Тучков, И.С. Брюхов.

Назаров В.Д. Нетитулованная знать… С. 577; ПСРЛ. Т. 24. С. 231, 232; ТКДТ. С. 67–68, 138.

161

НПК. СПб., 1859. Т. 1. Ст. 179. М.Я. Русалка, похоже, признавался «главой» всех Филимоновых.

162

А.И. Маркевич писал о слабом развитии письменности, которое «не могло закрепить отношение службы к породе» (*Маркевич А.И.* История местничества в Московском государстве в XV–XVII вв. Одесса, 1888. С. 205).

163

Победимова Г.А. Писцовые материалы Деревской пятины как источник по генеалогии служилого сословия XVI в. // ВИД. Л., 1983. Вып. 14. С. 66; ПКНЗ. М., 2004. Т. 4. С. 120, 35; НПК. Т. 1. Ст. 118.

НПК. Т. 3. Ст. 173–174, 215–221, 253–260, 260, 316-317; СПб., 1886. Т. 4. Ст. 130, 178; СПб., 1905. Т. 5. Ст. 16, 63; Отрывки писцовой книги Водской пятины 1504–1505 гг. Киев, 1908. С. 52, 61.

165

Бенцианов М.М. Формирование поместной системы в Новгородской земле в конце XV в. // ДРВМ. 2015. № 1 (59). С. 46–49.

РИИР. Вып. 2. С. 54, 65, 71, 120, 124, 126, 133, 150, 153, 163, 164.

167

НПК. СПб., 1910. Т. 6. Ст. 325, 340, 344, 347–348; ТКДТ. С. 101, 152; ПКНЗ. Т. 4. С. 349, 380; ПКНЗ. М., 2004. Т. 5. С. 51, 53, 57. «Приписки» могли создаваться под влиянием родословных книг, где запись отдельных родов производилась по наиболее известной составителям фамилии (род Кутузовых, Морозовых, Плещеевых, Сабуровых и т. д.).

168

ТКДТ. С. 134, 139. Потомки новгородских помещиков С., М. и Т.А. и А.М. Безноса Нелединских продолжили службу среди родственников по Бежецкому Верху.

Павлов А.П. Государев двор… С. 88–89.

РК 1475–1598. С. 31, 39, 54; *Бенцианов М.М., Лобин А.Н.* К вопросу о структуре русской армии в битве при Орше // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2013. Вып. 2 (14). С. 167. До этого И.А. Черный и И.С. Пупок были воеводами полка левой руки.

Kleimola A.M. Patterns… P. 234; *Kollmann N.* Kinship and Politics in medieval Russia: The making of the Muscovite Political System. 1345–1547. Stanford 1987. P. 56, 59, 71–72.

Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV – первой половине XVI в. М., 1961. С. 66; *Зимин А.А.* О составе дворцовых учреждений русского государства XV и XVI вв. // ИЗ. 1958. Т. 63. С. 191.

173

Зимин А.А. Формирование… С. 158, 160, 170, 205, 242; ТКДТ. С. 114.

Зимин А.А. Формирование… С. 271–273.

175

Зимин А.А. Формирование… С. 238. Г.А. Дровнин фигурировал среди ясельничих в, так называемом, «Шереметевском» списке думных лиц. Эти сведения косвенно подтверждаются его упоминанием в качестве «конюшего» на свадьбе князя В.Д. Холмского. РК 1475-1598. С. 141, 150, 155, 163, 181.

Зимин А.А. Формирование… С. 217, 219; *Он же.* О составе… С. 189, 194–196.

177

Савосичев А.Ю. Указ. соч. С. 163, 164, 167–170, 172. Из дьяков Ивана III, по наблюдениям этого исследователя, «отцовскую карьеру» продолжили 10 человек (22,7 %). *Зимин А.А.* Дьяческий аппарат… С. 285; *Леонтьев А.К.* Образование приказной системы… С. 41.

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 90–134.

Зимин А.А. Из истории поместного землевладения на Руси // ВИ. 1959. № 11. С. 138–140; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история… С. 23–27, 49; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность… С. 115. Потомки некоторых из этих дворцовых слуг впоследствии стали полноправными детьми боярскими.

180

АССЕМ. № 224. С. 415–416; АСЭИ. Т. 3. № 106. С. 143, № 110. С. 147.

181

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 106–107. Село Нельша, которое «держал» И.К. Судимант, позднее стало принадлежать его семье на правах поместья.

В. Козлов Тоболов, Н. Катунин, Г. Мишенин и т. д.

183

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 251–253.

АСЗ. Т. 1. № 155. С. 129; Т. 4. № 453. С. 334.

185

Аграрная история Северо-Запада России (далее – АИСЗР). Вторая половина XV – начало XVI в. Т. 1. Л., 1971. С. 272, 286.

Сб. РИО. Т. 35. С. 428.

Бернадский В.Н. Указ. соч. С. 327–331.

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 97–100.

189

АСЗ. Т. 1. № 146. С. 120, № 37–38. С. 35–36, 327-328, № 274. С. 248; АСЗ. М., 2008. Т. 4. № 460. С. 339, № 480–481. С. 352–353. В это же время в Ярославском уезде, видимо, появились и князья Дашковы.

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 100. По родословной росписи Апраксины «служили по Резани и переведены при великих же князех служить по Мурому». Писцовые материалы Тверского уезда XVI века (далее – ПМТУ). М., 2005. С. 167, 251, 277.

191

Аракчеев В.А. Средневековый Псков. Власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. СПб., 2003. С. 51–56. Несмотря на внушительное число псковских «сведенцев» (более 300 семей), не удается обнаружить следы их испомещения. Вполне вероятно, что многие из них не стали детьми боярскими.

Вотчины получили, например, Д.И. Мирославич и В.Т. Алексеев.

193

Абрамович Г.В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI вв. Дисс… докт. ист. наук. Л., 1975.

Среди представителей дьяческих фамилий Г.В. Абрамович называл Борисовых и Бунковых. В указанное время они не были связаны с дьячеством. Неудачным является отнесение к «семьям дипломатов» Трусовых-Воробьиных. Возражения вызывают также некоторые сделанные историко-генеалогические обобщения (например, о происхождении Болтиных и Косицких).

195

Абрамович Г.В. Поместная система… С. 90–93. Тезис о роли «аристократического этапа» был использован и значительно усилен Р.Г. Скрынниковым, рассматривавшим Боярскую Думу в качестве инициатора поместных раздач (*Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 72–73).

Например, В. Чеков «взял впервые лета 7004-го с 20 обеж за повоз».

197

Подробный обзор см.: *Фролов А.А.* Новгородские писцовые книги. Источники и методы исследования. М.; СПб., 2017. С. 278–284.

198

АСЗ. Т. 4. № 91. С. 69. Ермолы Трусова Воробьина, И. Фомы Г. Протасьева, И.В. Вельяминова, А. Шафрова, Вашутиновых Козляниновых.

НПК. Т. 3. Ст. 295; НПК. СПб., 1886. Т. 4. Ст. 18, 20.

200

Из земель «новосведенных» были сформированы поместья «луховичей» Г. Тимошкина и И. Поповича.

201

НПК. Т. 3. Ст. 436, 937; *Писцовые* книги Водской пятины 1500–1501 гг. // ВОИДР. М., 1851. Кн. 10. С. 322; НПК. Т. 1. Ст. 124.

Зимин А.А. Формирование… С. 188–189; НПК. Т. 3. Ст. 537, 569.

203

Фролов А.А. Конфискация вотчин новгородского владыки и монастырей в последней четверти XV века // ДРВМ. 2004. № 4 (18). С. 54–62.

204

АСЭИ. Т. 3. № 445. С. 431; АСЭИ. Т. 2. № 333. С. 317; НПК. Т. 3. Ст. 451, 456, 459, 464.

205

Кучкин В.А. Межевание 1483 г. и вопрос о древней новгородско-смоленской границе // НИС. Л., 1984. Вып. 2 (12). С. 173–174; Род. кн. Ч. 1. С. 138.

НПК. Т. 1. Ст. 321–333, 457–469.

207

НПК. Т. 1. Ст. 170; *Баранов К.В.* Новгородская «ободная» грамота 1511/12 года // РД. Вып. 5. С. 12.

НПК. Т. 3. Ст. 73, 90, 701. Князьям В., Ф., А.Б. Мещерским досталась слободка на «владычньской» земле. *Каштанов С.М.* Социально-политическая история России конца XV – первой половины XVI века. М., 1967. В большинстве работ фигурантом этого акта считался его дядя И.А. Лобан, умерший за три года до этого события.

209

Г.М. Тучин владел землями, прежде принадлежавшими К. Фефилатьеву и И. Кузьмину. Некоторые «боярщины» И. Лошинского достались В. и И. Космыниным (*Бассалыго Л.А.* Перечень сведенных новгородских землевладельцев // ПКНЗ. М., 2009. Т. 6. С. 268).

НПК. СПб., 1886. Т. 5. Ст. 791; НПК. Т. 6. С. 791–792.

АСЗ. Т. 4. № 293. С. 219–220.

212

Эскин Ю.М. Местническое дело К.А. Трусов – князь Ф.Ф. Волконский как источник по истории Тихвинского восстания 1613 г. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 300–307; *Писцовая* книга Вотской пятины 1539 года. Новгород, 1917. Вып. 1. С. 7; НПК. Т. 3. Ст. 25, 43; НПК. Т. 4. Ст. 5, 27.

Зимин А.А. Формирование… С. 124; *Фролов А.А.* Изменения в численности и составе погостов и волостей Деревской пятины во второй половине XV века // Вестник Московского университета. М., 2002. № 1. С. 62.

ДДГ. № 89. С. 357; НПК. Т. 2. Ст. 736.

215

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 82, 99. «Князя Феодора бояре, на имя Глазов, а Офонас» (Сб. РИО. Т. 35. С. 46). Среди «добрых» слуг Митя Иванов Юров. Позднее один из его слуг, постригшись в монахи, стал известен как Тихон Луховский. ПСРЛ. Т. 6. С. 237.

216

АИСЗР. Т. 1. С. 85; Князь Д.И. Путятин-Друцкий был киевским воеводой. С. Соколинский-Друцкий был наместником в Торопце, по соседству с владениями С.В. Бабича. Позднее, в 1508 г., Друцкие поддержали заговор князя М.Л. Глинского.

217

НПК. Т. 1. Ст. 814–827; НПК. Т. 2. Ст. 30–37; НПК. Т. 3. Ст. 99, 118–119, 155–156, 166–170, 208–214, 224; НПК. Т. 4. Ст. 3, 123–124; Т. 5. Ст. 24, 27, 29.

Победимова Г.А. Указ. соч. С. 65.

219

Рузский уезд по писцовой книге 1567–1569 гг. (далее – РПК) // Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 4. М., 1997. С. 44; ТКДТ. С. 134; ПКНЗ. Т. 5. С. 327; БС 1546-1547. С. 52–54.

НПК. Т. 1. Ст. 107–118; *Зимин А.А.* Формирование… С. 76–78. В середине XVI в. село Пужбол было черносошным (*Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVI века. М.; СПб., 2009. С. 94–95).

Среди них был К. Офросимов, попавший в плен в 1514 г. в сражении под Оршей.

А.М. Софроновский, его брат, получил поместье до 1500 г.

НПК. Т. 3. Ст. 588–593, 800–803, 839–841, 918–922; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история… С. 178.

224

Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее – АЗР). СПб., 1846. Т. 1. № 112. С. 132; НПК. Т. 1. Ст. 703–705; *Титов А.А.* Вкладные и записные книги Иосифова Волоколамского монастыря XVI в. и упраздненные монастыри и пустыни в Ярославской епархии. М., 1906. С. 16.

225

ПСРЛ. Т. 8. С. 233; РК 1475–1598. С. 32, 39.

В.И. Патрикеев в 1495/96 г. был воеводой в походе на «Гамскую землю». Д.В. Щеня возглавлял в 1495 г. поход на Выборг, а в следующем, 1496 г. – поход на «свейские немцы». В 1501 г. и в 1508–1510 гг. он назначался новгородским наместником. И.Ф. Ушатый был упомянут в записи 1493 г. похода из Великих Лук: «А в левой руке прилучит… быть Ондрею Колычову и Ушатому». Наместником Яма в 1492 г. был И.Ф. Гундор Палецкий. Наконец, А.В. Оболенский в 1501 г. возглавлял поход на Ливонский орден и погиб в сражении у Гельмеда.

227

Сб. РИО. Т. 35. С. 70; НПК. Т. 5. Ст. 31, 62–63, 154; РК 1475–1598. С. 26, 31; СР. С. 37.

Поместье самого И.А. Лобана не было «унаследовано» его сыновьями.

229

РК 1475–1598. С. 59, 67, 71, 72, 75, 98–99, 136, 140, 148, 151, 161, 166.

230

Акты новгородского Вяжищского монастыря конца XV – начала XVII в. М., 2013. С. 161; Сб. РИО. Т. 35. С. 123, 175, 221, 463, 483, 497, 768; РК 1475–1598. С. 72. По сообщениям родословной, В. Шумиха достиг звания окольничего. НПК. Т. 1. Ст. 691–695; НПК. Т. 2. Ст. 623–628; НПК. Т. 5. Ст. 13, 18.

231

АСЭИ. Т. 1. № 467. С. 353; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952. С. 198.

В.З. Захарьин-Кошкин, И.А. Черный Колычев, И.В. Квашнин, Ф.Б. Трофимов, И.А. Наумов, Т.И. Зезевитов, Окунь Линев.

233

РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 52; ПСРЛ. Т. 37. С. 52.

Дела Тайного приказа. Т. 2 // РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Ст. 30–31.

235

Лихачев Н.П., Мятлев Н.В. Тысячная книга 7059 г. Орел, 1911. С. 86–87. Обзор дореволюционной историографии о социальном происхождении послужильцев см.: *Базилевич К.В.* Новгородские помещики из послужильцев в конце XV в. // ИЗ. М.,1945. Кн. 14. С. 66–68.

Веселовский С.Б. Исследования… С. 156–158; *Абрамович Г.В.* Поганая писцовая книга // ВИД. Л., 1978. Вып. 9. С. 192; *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение… С. 227.

Базилевич К.В. Новгородские помещики… С. 65–66, 70–71.

АИСЗР. Т. 1. С. 13; *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. Т. 1. Отд. 2. С. 104–105; *Баранов К.В.* Новые сведения… С. 90–91; *Абрамович Г.В.* Поместная система… С. 44.

239

Абрамович Г.В. Поганая писцовая книга. С. 188–190. Из контекста статьи также «людей» И.Ф. или И.И. Молодого Товарковых.

240

Зимин А.А. Формирование… С. 50, 215, 242. В росписи Филимоновых у Я.К. Жоста было показано два сына с одинаковым именем Михаил «от Русалки». Не исключено, что сведения о братьях были объединены.

Веселовский С.Б. Исследования… С. 156–158; *Зимин А.А.* Формирование… С. 188–189. Косвенно это предположение подтверждается службой ему бежецких землевладельцев Жуковых Нелединских и Ф.М. Досадина.

242

НПК. Т. 1. Ст. 869; Архив СПб. ФИРИ. Русская секция. Оп. 1. Кол. 1. Кн. 14. Л. 3; *Абрамович Г.В.* Поганая писцовая книга. С. 183–184. В 1480–1490-х гг. действовали четверо Товарковых с одним и тем же именем: И.Ф. Ус, его сын И. Товарок, брат И. Сухой и племянник И. Булыга Товарковы. И.Ф. Товарков, лучше всего подходящий на эту роль, скорее всего, умер до 1486 г., когда его «держание» – село Кудрино митрополичьего Новинского монастыря было передано И.В. Ощере.

243

АСЭИ. Т. 1. № 612. С. 523. Есип Овцын был известен как владелец холопа в Костромском уезде.

НПК. Т. 1. Ст. 124, 474–475; *Зимин А.А.* Формирование… С. 240.

245

Отрывки писцовой книги Водской пятины 1504–1505 гг. С. 11; *Маштафаров А.В.* Вновь открытые монастырские акты // РД. М., 1998. Вып. 4. С. 43; *Стрельников С.В.* Грамоты XV – начала XVI века из архива Кирилло-Белозерского монастыря // Грани русского Средневековья. С. 147; АСЗ. Т. 1. № 26. С. 28. Бирилевы известны были также как белозерские вотчинники. Костя (Кассиан) Бирилев был посельским Михаила Верейского (АСЭИ. Т. 2. № 125. С. 76). ДДГ. № 86. С. 348.

246

Абрамович Г.В. Поганая писцовая книга. С. 175; *Отрывки* писцовой книги Водской пятины 1504–1505 гг. С. 39; АСЗ. Т. 1. № 260. С. 234; НПК. Т. 3. Ст. 896; ТКДТ. С. 97, 132. О Скобельцыных см.: *Чернов С.З.* Землевладение волости Бели… С. 37–49.

247

Баранов К.В. Указ. соч. С. 93–96; *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты XV – начала XVI века // СА. № 5. 1970. С. 83; АСЭИ. Т. 3. № 398. С. 415.

АСЭИ. Т. 1. № 562. С. 439; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история… С. 62, 148; АСЭИ. Т. 3. № 408. С. 420–421. Экзотическую версию происхождения Сарыевских высказал Г.В. Абрамович, считавший их разветвлением рода Шереметевых (*Абрамович Г.В.* Поганая писцовая книга. С. 181).

НПК. Т. 3. Ст. 812; *Зимин А.А.* Формирование… С. 232.

НПК. Т. 2. Ст. 113, 156; ПКНЗ. СПб., 1999. Т. 2. С. 31, 36, 78.

251

ПКНЗ. Т. 5. С. 122–126.

252

Баранов К.В. Новгородская «ободная» грамота… С. 11–12; *Бенцианов М.М., Фролов А.А.* Платежная книга Деревской пятины 1543 г. К вопросу о функционировании системы сбора «государевых» податей в Новгородской земле в XVI столетии // ДРВМ. 2018. № 1 (71). М., С. 22–23. В завещании фигурировал «с землей».

253

ДДГ. № 86. С. 348.

НПК. Т. 3. Ст. 750; Федор Григорьев Чебот Мечнянинов принадлежал к числу «Тучковских». В некоторых списках Поганой книги Федор Григорьев Голова Мечнянинов показан как «Салтановский Травина» (*Архив* СПб. ФИРИ. Русская секция. Оп. 1. Кол. 1. Кн. 14. Л. 3); НПК. Т. 1. Ст. 291; ПКНЗ. Т. 1. С. 217.

255

В платежной книге 1543 г. сыновья М. Пестрика Дмитриева были зафиксированы с пометой «Шаховского люди».

Баранов К.В. Издания новгородских писцовых книг 1490-х гг. // ПКНЗ. Т. 1. С. 20.

257

Архив СПб. ФИРИ. Русская секция. Оп. 1. Кол. 1. Кн. 14. Л. 4; НПК. Т. 4. Ст. 146, 152–158, 168, 182, 188–190; НПК. СПб., 1905. Т. 5. Ст. 62–64, 67, 69; ТКДТ. С. 91. К.В. Базилевич на основании этого известия рассматривал Терпигоревых как послужильцев (*Базилевич К.В.* Новгородские помещики… С. 80).

Мятлев И.В. Князья Мышецкие // ИРГО. СПб., 1911. Вып. 4. С. 95; *Баранов К.В.* Легенды XVII в. о родопроисхождении новгородцев Апрелевых, Нееловых и Гурьевых // Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма (Чтения памяти В.Б. Кобрина). Тез. докладов и сообщений. С. 43–35.

259

Род. кн. Ч. 2. С. 163. «Былъ на поместье въ Нове городе». *Грязнов А.Л.* Генеалогия князей Белосельских в XV – начале XVII в. // Управление социально-экономическим развитием территорий: оперативное реагирование на текущие и стратегические вызовы. Вологда, 2017. С. 15–30. Его сыновья в писцовой книге конца 30-х гг. были записаны без княжеского титула, который фиксируется только у его внуков Г. и В.Н. Белосельских в начале 1550-х гг. *Бенцианов М.М.* «Княжеский элемент» в новгородской поместной корпорации на рубеже XV–XVI вв. // НИС. Великий Новгород, 2015. Вып. 15 (25). С. 111–112.

260

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 160 об.; НПК. Т. 3. Ст. 638, 681, 691, 892–893.

261

И. Рахманов держал в середине XV в. сельцо Поемесье в Костромском уезде, впоследствии ставшее вотчиной его «господина». З.Г. Печенегов известен здесь же как муж на суде (АСЭИ. Т. 1. № 540. С. 419, АСЭИ. Т. 3. № 48. С. 70). *Мятлев Н.В.* Печенеговы // ЛИРО. 1913. Вып. 1–2 (33–34). С. 3–18.

Лихачев Н.П. Сборник актов, собранных в архивах и в библиотеках. СПб., 1895. Вып. 1. С. 3. «Суздальцем» был также Поздей Артемьев (Губачевский) (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 110; Записная книга. Ст. 37).

Шумаков С. Углицкие акты (1400–1749 гг.). М., 1899. С. 42.

264

АСЭИ. Т. 1. № 382. С. 278, № 471. С. 357; АРГ. № 166. С. 159, № 179. С. 175. И.Л. Палицын был среди детей боярских в свите великой княжны Елены в 1495 г. (ДДГ. № 86. С. 347–348).

265

Базилевич К.В. Новгородские помещики… С. 66–69; *Бычкова М.Е.* Состав класса феодалов в России XVI в. М., 1982. С. 167; *Антонов А.В.* Ярославские монастыри и церкви в документах XVI – начала XVII века // РД. Вып. 5. С. 16–26; *Роспись*… С. 226. «Людьми» Глинского признавались дети боярские Щукины.

Сб. РИО. Т. 59. С. 14–17; *Кром М.М.* Стародубская война (1534–1537). Из истории русско-литовских отношений. М., 2008. С. 126–136; *Маштафаров А.В.* Духовная Ивана Юрьевича Поджогина 1541 г. // РД. Вып. 1. С. 37; *Кром М.М.* Частная служба в России XVI в. // Русское Средневековье. С. 429–430.

АССЕМ. № 17. С. 43, № 27. С. 57; *Колычева Е.И.* Холопство и крепостничество (конец XV–XVI в.). М., 1971. С. 68. Впрочем, «человеком» владел также Митя Лаптев, холоп великой княгини.

До 1485 г., когда началось датирование полных грамот. См.: *Кистерев С.Н.* Полная грамота… С. 11.

269

НПК. Т. 2. Ст. 113–116, 158–163, 175–178.

ПОК. С. 324–335. Н.В. Хомутов не был учтен среди послужильцев и в Поганой книге; ПКНЗ. Т. 1. С. 215–216, 224.

Бернадский В.Н. Указ. соч. С. 328.

ПКНЗ. Т. 1. С. 153, 173, 214–215; НПК. Т. 3. Ст. 567, 931, Т. 6. Ст. 173, 214, 355.

ПКНЗ. Т. 1. С. 225. Несколько Бунковых, его вероятных родственников, были помещиками Бежецкой пятины в конце 30-х гг. XVI в. (НПК. Т. 6. Ст. 505–506). В качестве «придачи» И.И. Ширш Бунков с детьми получили бывшие земли И.И. Лошинского (НПК. Т. 3. Ст. 825–826, 853).

В.Н. Белый, В.Н. Буборков, В.Н. Лугожский и В.Н. Шапкин принадлежали к числу мелких новгородских землевладельцев (ПКНЗ. Т. 1. С. 233, 234). В писцовых книгах встречается Г. Петров «владычень». Оба они, вероятно, были сыновьями Петра Клементьева, владычного чашника.

275

НПК. Т. 1. Ст. 238–245, Т. 2. Ст. 745–779. Д. Матину вместе с сыновьями по «новому» письму принадлежало кратное поместье в 100 обеж (ПКНЗ. Т. 1. С. 223, 226).

276

АСЭИ. Т. 3. № 413. С. 423 (с датировкой 1480–1495 гг.), № 416. С. 424. Оба Василия Федоровича во второй половине 1480-х гг. присутствовали на суде у князя Ивана Молодого в Костромском уезде (АСЭИ. Т. 1. № 524–525. С. 402, 404).

Базилевич К.В. Новгородские помещики… С. 73–74.

278

Дополнения к актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею (далее – ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. Ст. 87–88; НПК. Т. 6. Ст. 559–560; РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. № 843. Л. 55.

Абрамович Г.В. Поместная система… С. 128.

НПК. Т. 2. Ст. 784–798; *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты… С. 87; НПК. Т. 3. СПб., 1868. Ст. 812.

281

АФЗХ. Ч. 1. № 23. С. 44; *Голубцов И.А., Назаров В.Д.* Акты… № 8. С. 84; АРГ. № 56. С. 57; АСЭИ. Т. 1. № 615. С. 528; *Стрельников С.В.* Указ. соч. С. 147.

282

АИСЗР. Т. 1. С. 235–237; *Корзинин А.Л.* Княжеская аристократия под Новгородом в конце XV – начале XVI в.: причины утраты знатью новгородских земель // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX в. СПб., 2006. С. 396–398.

283

Зимин А.А. Формирование… С. 32–34. К 1511 г. князь В.Д. Холмский потерял свои земли в Деревской пятине (*Баранов К.В.* Новгородская «ободная» грамота. С. 10, 12).

284

НПК. Т. 3. Ст. 780; Позднее С.М. Калитин участвовал в одном из поземельных разъездов в Московском уезде. В писцовой книге конца 1530-х гг. поместье Д. Милославского числилось уже за другими владельцами. В 1506/07 г. он получил в кормление волость Поле Кривальдино во Владимирском уезде (*Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII вв. // РД. М., 2002. Вып. 8. С. 284). Е.И. Циплятев уже в 1505 г. был приставом на Москве у литовского посольства (НПК. Т. 4. Ст. 487; ПКНЗ. Т. 4. С. 152, 157). Поместье Т.В. Безносова Монастырева перешло к другому белозерцу – М.А. Ергольскому. Позднее А.В. Безносов Монастырев служил по Москве.

285

Антонов А.В., Кром М.М. Списки русских пленных в Литве первой половины XVI века // АРИ. М., 2002. Вып. 7. С. 156; Род. кн. Ч. 2. С. 262; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. М., 2015. Т. 2. С. 178; ТКДТ. С. 173.

286

РК 1475–1598. С. 75, 98–99, 136, 140, 148, 151, 161, 166; *Зимин А.А.* Колычевы и русское боярство XIV–XVI вв. // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 59. В 1515/16 г. он приобрел себе вотчину в Коломенском уезде (АРГ. № 124–125. С. 123–124). *Антонов А.В.* Поручные записи 1527–1571 годов (далее – ПЗ) // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 9; ТКДТ. С. 65, 125.

АМСМ. № 30. С. 34–35.

288

Шумаков С. Угличские акты. М., 1899. № 6. С. 6; *Антонов А.В.* Вотчинные архивы. С. 208; ПИРСС. С. 87 («Служил царевичу Петру Федоровичу»).

289

Князья Корецкие и Кропоткины получили поместья «лета 7008». ПКНЗ. Т. 1. С. 232; НПК. Т. 6. Ст. 154.

РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 55, 67, 81, 106.

291

Там же. С. 55.

Там же. С. 66, 75.

Там же. С. 91–92, 146.

Там же. С. 184; РК 1475–1605. Ч. 2. С. 190, 230–231.

295

Антонов А.В., Кром М.М. Указ. соч. С. 155–156. И.С. Пупок Колычев в списке пленных числился под рубрикой «знаменитые воеводы великое битъвы». Под Великими Луками попал в плен также П.Г. Годунов.

Бернадский В.Н. Указ. соч. С. 329–330.

297

НПК. Т. 3. Ст. 48, 341–353, 833–834, 837–838; НПК. Т. 5. Ст. 65, 68.

ПКНЗ. Т. 4. С. 90, 387–389.

299

АСЭИ. Т. 3. № 149. С. 169. В одном из кашинских актов фигурировал брат будущего новгородского помещика – Андрей Есипов Костюрин.

300

НПК. Т. 3. Ст. 173–174, 215–222, 253–265, 497–506, 559–560, 756–776. Копоть Бутурлин владел землями «новосведеного» Я. Федотова, а его брат Баклан – Д. Нерадова.

301

НПК. Т. 1. С. 187–204, 869–874; НПК. Т. 2. Ст. 7–19, 21–25.

ПКНЗ. М., 1999. Т. 1. С. 222, 227, 234, 235; НПК. Т. 1. Ст. 486, 703.

303

ПОК. С. 1.

НПК. Т. 2. Ст. 758–763, 771–779; ПКНЗ. Т. 1. С. 225.

Среди них земли князей С.Д. Холмского, А.В. Оболенского, С.Р. Ярославского, И.М. Волынского, М.Я. Русалки, А.Ф. Челяднина, П.Г. Лобана Заболоцкого, а также князей И.Ю. и В.И. Косого Патрикеевых, С.И. Ряполовского, Д.В. Ховрина.

Были существенно урезаны поместья Ф.Б. Трофимова, И.А. Наумова, Т.И. Зезевитова и Окуня Линева. Конфискации не затронули земли более знатных И.В. Квашнина и И.А. Черного Колычева.

307

«Придачами», скорее всего, были владения Д. и К.И. Пантелеевых, принадлежавшие ему в отрыве от других владений князей Ростовских (НПК. Т. 3. Ст. 91). ПКНЗ. Т. 4. С. 205–207.

НПК. Т. 5. Ст. 65, 264.

309

Поместья И. Меньшого А. Сухого-Кобылина, М. Шматова, И. Федосова.

310

НПК. Т. 2. Ст. 53. Ф. Чернцов Паюсов, братья Челяднины Коротневы.

Дегтярев А.Я. О мобилизации поместных земель в XVI в. // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 85–88.

312

РГАДА. Ф. 137. № 5. 726–740 об.; *Победимова Г.А.* Указ. соч. С. 62, 63, 65.

313

ПКНЗ. Т. 4. С. 405; АИСЗР. Т. 2. Л., 1974. С. 82, 117, 146–148, 196–197. Позднее поместья стали раздаваться возле новопостроенных крепостей Себеж и Велиж.

Абрамович Г.В. Поместная политика в период боярского правления в России (1538–1543) // ИСССР. 1979. № 4. С. 195–196. После придач 1538/39 г. за помещиками Сусловыми числилось «по шти обеж с четвертью обжи за человеком» (ДАИ. Т. 1. № 52. С. 99–100).

315

НПК. Т. 4. Ст. 292–296; ПКНЗ. Т. 4. С. 171–173.

316

РГАДА. Ф. 137. № 5. Л. 101–102 об., 806–807 об.; НПК. Т. 5. Ст. 270.

317

ДАИ. Т. 1. № 52. С. 91.

Кром М.М. «Вдовствующее царство»: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. СПб., 2010. С. 544–546.

319

АИСЗР. Т. 2. С. 23–24; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 186; ПКНЗ. Т. 4. С. 100.

320

ПСРЛ. Т. 29. С. 85; ДАИ. Т. 1. № 52. С. 92–93.

321

В конце 1530-х гг. поместьем в Шелонской пятине владели большой дьяк А.И. Фуник Курцев и его сыновья.

322

Ф.Г. Сназин еще в 50-х гг. XVI в. сохранял за собой вотчины в Тверском уезде: «Федор служит царю и великому князю из Новагорода из Великого».

Ростопчины получили также поместья в Великолуцком уезде и Пусторжевском уездах.

Среди «новгородских бояр» в договоре 1554 г. фигурировал В.И. Квашнин. Представители Квашниных (Самарины и Разладины) в источниках новгородского происхождения еще несколько раз упоминались как «бояре».

325

Бенцианов М.М. Новгородские бояре – новгородские дети боярские. К вопросу о преемственности // Исследования по истории Восточной Европы / Studia Historica Europae Orientalis. Минск, 2015. Вып. 8. С. 133–146.

326

Савелов Л.М. Материалы для истории рода дворян Савеловых (Потомство новгородских бояр Савелковых). М., 1894. Т. 1. Вып. 1. С. 1.

327

РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 2441. Л. 8 об.; *Лихачев Н.П.* Вкладная запись выдающегося генеалогического содержания // ИРГО. СПб., 1903. Вып. 2. С. 152–154.

328

Лукичев М.П., Назаров В.Д. Из родословной Дивовых. Известия «статейного списка» по истории земских соборов и Смуты конца XVI – начала XVII вв. // ИА. № 6. 1994. С. 170.

Павлов А.П. Государев двор… С. 93–94.

330

ДАИ. Т. 1. № 52. С. 94–95.

331

ТКДТ. С. 96–101; *Павлов А.П.* Государев двор… С. 93; *Бенцианов М.М.* Ямские дьяки… С. 156. Казанский разряд 1549 г. говорит о новгородских помещиках без подразделения их на дворовых и городовых.

ПСРЛ. СПб., 1901. Т. 13. 1-я половина. С. 45; Сб. РИО. Т. 59. С. 132, 140.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1894. Ч. 5. № 85. С. 60, № 95. С. 94; Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским. СПб., 1868. С. 439.

Русские акты Ревельского городского архива // РИБ. СПб., 1894. Т. 15. С. 21, 29, 33, 35, 39, 45, 63, 71, 89.

335

ПКНЗ. Т. 5. С. 130.

336

В родословной росписи Корсаковых сохранилось упоминание о пожаловании в 1537 г. Устюга (*Антонов А.В.* Частные архивы. С. 183).

РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 462, 464, 477; *Кром М.М.* Стародубская война… С. 101–102.

338

Писцовая книга конца 1530-х – начала 1540-х гг. показывает, что его внушительное по размерам поместье находилось в руках невестки Марии и внука Семена.

339

ТКДТ. С. 111, 119, 120.

340

В 1547 г. князь Д.И. Черного-Засекин был одним из воевод в Нижнем Новгороде. Его брат князь А.И. Черного-Засекин в 1549 г. был воеводой на Костроме (РК 1475–1598. С. 112, 117). В более ранней Тысячной книге среди князей Ярославских были записаны только Ф., Д. и А. Черного Засекины.

341

ТКДТ. С. 66, 139. Согласно писцовой книге 1550/51 И. Ушаков Заболоцкий «живет у царя и великого князя на Москве» (ПКНЗ. Т. 5. С. 63). В Деревской пятине поместье осталось за другими сыновьями Т. Заболоцкого – Степаном и Михаилом.

Род. кн. Ч. 2. С. 36, 232; ПКНЗ. Т. 2. С. 37, 49.

343

ПСРЛ. Т. 8. С. 294; *Кром М.М.* Стародубская война… С. 206–207. В писцовой книге Деревской пятины упоминается поместье братьев Полуехтовых, отнятое у их владельцев, поскольку они «отъехали ко князю Ондрею Ивановичю лета 7045».

Веселовский С.Б. Исследования… С. 144–145; *Зимин А.А.* Колычевы… С. 60–61, 67; *Он же.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 224–225.

345

«Семена Аксакова пожаловали есмя поместьем в московских городех; а Семеновым бы естя людем дали срок, как им мочно вывезтись из того поместья». РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17145. Л. 151 об., 161 об.; ДАИ. Т. 1. С. 111; ТКДТ. С. 134; Архив СПб. ФИРИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 8. № 857. Л. 767.

ТКДТ. С. 139, 179, 188.

347

ПСРЛ. Т. 13. 2-я половина. С. 439.

Род. кн. Ч. 2. С. 232; ДАИ. Т. 1. № 52. С. 97.

349

Антонов А.В. Из истории… С. 140, 145, 146. В начале 1540-х гг. волость Сухновичи в Деревской пятине держал Г. Неплюев (ПКНЗ. Т. 4. С. 470).

Павлов А.П. Государев двор… С. 93–94; *Корзинин А.Л.* Государев двор… С. 222–227.

Темушев В.Н. Первая московско-литовская пограничная война 1486–1494. М., 2013. С. 171.

Горский А.А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отечественная история. 1996. № 3. С. 80–81; *Аверьянов К.А.* Московское княжество Ивана Калиты. Присоединение Коломны. Присоединение Можайска. М., 1994. С. 44–37. По мнению А.К. Аверьянова, присоединение Можайска было обусловлено заключением брака между князем Иваном Калитой и дочерью князя Александра Смоленского (ДДГ. № 12. С. 44).

353

ДДГ. № 61. С. 194, 195; *Готье Ю.В.* Замосковный край в XVII в. М., 1937. С. 488.

Павлов А.П. Земельные переселения в годы опричнины: (к вопросу о практической реализации указа о опричнине 1565 г.) // ИСССР. 1990. № 5. С. 90; *Он же.* Государев двор… С. 13.

По подсчетам А.П. Павлова, порядка 750 имен (*Павлов А.П.* Земельные переселения… С. 13).

356

Кузьмин А.В. Из истории можайских землевладельцев в XIV – начале XV в. (Вельяминовы, Валуевы, Новосильцовы) // Исследования по истории средневековой Руси. К 80-летию Ю.Г. Алексеева: Сб. ст. СПб., 2007. С. 230–253. Более спорным выглядит отожествление упомянутого в описании несохранившихся актов Вельяминовых Юрия Борисовича с предками Новосильцевых (*Юшко А.А.* Феодальное землевладение Московской земли XIV века. М., 2002. С. 132–133).

ПСРЛ. Т. 15. М., 1965. Ч. 1. С. 154.

Повесть о Луке Колочском // ПЛДР. Вторая половина XV – первая половина XVI в. М., 1984. С. 53, 55; *Герберштейн С.* Записки о Московии. С. 144; *Темушев В.Н.* Указ. соч. С. 170–171.

359

ПСРЛ. Т. 25. С. 495; ДДГ. № 89. С. 304, 305.

360

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 1142 об., 1182; АФЗХ. Ч. 2. № 127. С. 119–120; АРГ АММС. № 48. С. 136; *Зимин А.А.* Формирование… С. 232–234.

361

Веселовский С.Б. Исследования… С. 408, 310, 452; *Зимин А.А.* Витязь… С. 119; *Кистерев С.Н.* Полная грамота… С. 23; ДДГ. № 61. С. 195; РГАДА. Ф. 10816. Л. 187 об., 208 об., 228 об., 242, 291 об.; АФЗХ. Ч. 2. № 299. С. 410. Князь Г.П. Звенигородский был женат на дочери А.Г. Белого и, очевидно, в приданое от нее получил вотчину в Можайском уезде.

362

ТКДТ. С. 184; ПСРЛ. Т. 25. С. 495; АСЭИ. Т. 3. № 417. С. 425.

363

Карачаровская волость считалась дворцовой (*Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 488).

Алексеев Ю.Г. У кормила… С. 196; Сб. РИО. Т. 35. С. 60; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 1334 об.

365

Род. кн. Ч. 2. С. 459.

Сб. РИО. Т. 35. С. 2; ТКДТ. С. 76, 184.

367

СР. С. 47; Сб. РИО. Т. 35. С. 413.

Ветвь Г.А. Мамона могла утратить связи с Можайским уездом. *Зимин А.А.* Формирование… С. 233.

369

АСЭИ. Т. 3. № 417. С. 425; Сб. РИО. Т. 35. С. 164; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 1. С. 88. Возможно, именно он, «боярин Олферий», был волостелем в Турье Можайского уезда (ранее вотчина князей Глинских) и «осваивал» пограничные литовские земли в конце 1490-х гг. (Сб. РИО. Т. 35. С. 268).

Зимин А.А. Формирование… С. 233, 255, 257.

371

Алексеев Ю.Г. У кормила… С. 198–200. В 1493 г. управляющим (ключником?) Ивана III в Можайске был А. Протопопов. Его сын Иван считался «паробком» великого князя (Сб. РИО. Т. 35. С. 64, 82). В 1500 г. можайским воеводой был И. Бортенев, также отметившийся ранее на великокняжеской службе. В 1504 г. судьей в Можайском уезде был И. Аксентьев. В 1497 г. он «навещал» королеву Елену, а в 1503 г. провожал до Вязьмы угорского посла (Сб. РИО. Т. 35. С. 239, 361).

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. 17 об.; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 35 об., 279.

373

ПКНЗ. Т. 1. С. 234; НПК. Т. 6. Ст. 110–111, 126; АСЭИ. Т. 2. № 398–399. С. 403–404. Возможно, одним лицом был помещик Водской пятины Григорий Хомяк Ковезин и послух у Константиновых в Можайском уезде Григорий Матвеев Ковезин.

ДДГ. № 96. С. 496–397; *Зимин А.А.* Формирование… С. 134, 165, 168.

375

Зимин А.А. Формирование… С. 135; ТКДТ. С. 184; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 1054; ТКДТ. С. 184.

ТКДТ. С. 173, 184; Род. кн. Ч. 2. С. 240, 241.

377

Сб. РИО. Т. 35. С. 413, 473; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 1033 об., 1046 об.; Кн. 10816. Л. 85.

378

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 1189; РК 1475–1598. С. 58, 64.

379

ПСРЛ. Т. 17. С. 187; РГАДА. Кн. 10815. Ф. 1209. Л. 191 об.

АЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 405.

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 124; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 72, 794 об.; Кн. 10816. Л. 95 об., 120 об., 135 об., 316 об., 661 об., 772 об., 774, 818 об.; *Готье Ю.В.* Указ. соч. С. 487. *Темушев В.Н.* Указ. соч. С. 65.

382

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 104, 186, 175 об., 203, 206 об., 210, 211, 214 об., 222, 1237, 1351, 1362; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 136 об.

383

ТКДТ. С. 187; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 104 об., 106 об., 111, 208 об., 217, Л. 455 об. 459 об., 505 об.; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 388 об., 398, 914 об., 1009 об.

АСЗ. Т. 1. № 152. С. 125; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 95 об., 107 об., 115 об., 213, 1183, 1260; *Кром М.М.* Меж Русью и Литвой. С. 239; АСЗ. Т. 1. № 84. С. 66.

385

В разряде казанского похода 1547 г. упоминается литва можайская.

386

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 237; АРГ. № 274. С. 277; ТКДТ. С. 151.

387

Лихачев Н.П. Сборник актов. № 3. С. 10–12; ТКДТ. С. 144, 187.

388

ТКДТ. С. 207; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 54, 74 об., 105 об., 222 об., 470 об., 920; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. 183 об., 331 об., Л. 933 об.

389

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 206, 211, 212, 226, 238, 242, 243, 247, 249, 253.

390

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 66 об., 111; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. С. 488 об.; ТКДТ. С. 187.

АМСМ. № 71. С. 82; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история… С. 153; *Чернов С.З.* Землевладение волости Бели… С. 26.

392

ТКДТ. С. 187, 207; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 186.

393

АСЗ. Т. 1. № 84. С. 66.

После его смерти его вдова передала часть его имущества в смоленские монастыри.

395

Лихачев Н.П. Сборник актов. № 3. С. 10–12; *Он же.* Разрядные дьяки… С. 155; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 851. В 1580-х гг. вотчинами в Медынском уезде владел сын А. Александрова Алексей; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 106 об.; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 364.

Лихачев Н.П. Сборник актов. № 3. С. 10–12.

397

АСЭИ. Т. 2. № 422. С. 461; ТКДТ. С. 192, РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 994 об.; Сб. РИО. Т. 35. С. 732.

398

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 1072 об.; *Кобрин В.Б.* Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М., 1995. С. 150; *Акты* юридические или собрание форм старинного делопризводства (далее – АЮ). СПб., 1838. № 393. С. 418–419.

399

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 1189; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 757, 976 об.; ТКДТ. С. 192; РК 1475–1598. С. 58; Сб. РИО. Т. 35. С. 488.

400

В Дворовой тетради по Владимиру было записано сразу несколько представителей Нармацких. *Чернов С.З.* Волок-Ламский. С. 148; ТКДТ. С. 192. А.Ф. Скрябин владел также поместьем в Вяземском уезде.

401

Сб. РИО. Т. 35. С. 361, 712; *Бенцианов М.М., Лобин А.Н.* Указ. соч. С. 171.

Сб. РИО. Т. 35. С. 486, 501, 783; ПДС. Т. 1. Ст. 184.

403

Сб. РИО. Т. 59. С. 63; ЧОИДР. М., 1910. Кн. 4. Смесь. С. 18–20; РК. С. 112, 115; ТКДТ. С. 184. Монастыревы позднее стали смоленскими помещиками. И. Монастыреву в 1550 г. принадлежали также земли в Рославльском уезде.

Баранов К.В. Записная книга Полоцкого похода 1562/63 г. (далее – ЗКПП) // РД. Вып. 10. С. 154.

405

Сб. РИО. Т. 35. С. 561, 573; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 309; Кн. 10816. Л. 1007.

406

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 852 об.; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 338, 656 об., 757, 976 об. Возможно, также А. Кулпин Кузьминский.

407

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 1357; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 548; Сб. РИО. Т. 59. С. 148; ТКДТ. С. 154.

Сметанина С.И. Рязанские феодалы… С. 54–56; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 210 об.; 364, 369 об.

409

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 157 об., 199 об., 1175 об.; РГАДА. Кн. 10816. Л. 395; ТКДТ. С. 173. В Вяземском уезде поместьями владела группа Загряжских.

410

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 763, 951 об.; *Кобрин В.Б.* Материалы… С. 98, 103. Князья Репнины были также помещиками Вяземского уезда.

411

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 48, 49; ТКДТ. С. 205; РК 1475–1598. С. 72; *Каталог*. С. 18.

ТКДТ. С. 205, 206; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 1244, 1346; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 146, 1014; *Ивина Л.И.* Эволюция состава уездного дворянства во второй половине XV – первой трети XVI в. // Средневековая и новая Россия. Л., 1996. С. 456.

413

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 128, 867, 1311; Кн. 10816. Л. 616, 989; *Зимин А.А.* Формирование… С. 56; ТКДТ. С. 60, 67, 68, 129, 132, 137; РК 1475–1605. Т. 1. Ч. 2. С. 480; АРГ. № 161. С. 156.

414

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 163; РПК. С. 128; ТКДТ. С. 176. Дербыш Голохвастов в Дворовой тетради был записан по Рузе. Другие Голохвастовы уже в 1530-х гг. были помещиками Вяземского уезда.

415

ТКДТ. С. 183.

416

РГАДА Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 978 об., 1005 об., 1198 об.; РГАДА Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 569, 917 об., 982; ТКДТ. С. 115, 116.

417

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 312 об., 902, 1162 об.; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 400 об., 953 об., 1002 об.; ТКДТ. С. 125–127; Архив СПб. ФИРИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 8. № 986. Л. 1023–1024.

418

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 38, 184 об., 505, 836 об., 883 об., 1140, 1204, 1325 об., 1342; Кн. 10816. Л. 78 об., 130, 310 об., 330, 334, 622 об., 864 об., 1053; ТКДТ. С. 138–140; АРГ. № 45. С. 51, № 288. С. 288; *Антонов А.В., Баранов К.В.* Акты XV–XVI веков из архивов русских монастырей и церквей // РД. Вып. 3. № 4. С. 12; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история… С. 93, 112, 131, 135, 152, 153, 158, 208, 219.

Князья С. (Богдан) А. Трубецкой, А.М. Шуйский, Д.А. Куракин-Булгаков, Д.Ф. Палецкий и его сын Борис, П.И. и Ю.П. Репнины, И.И. Кубенский, Н.Д. Щепин-Оболенский, И.А. Колышевский-Тростенский, Д. Хованский (существовало два Дмитрия Хованских), А. Рюмин Звенигородский, Г.Г. Елецкий, И.В. Боровитинов-Мещерский, М.А. Бутурлин, А.Д. Басманов, З.А. Посник Сатин, В.С. Квашнин, И.Г. Нагой, С. Замыцкий, Я.Г. Захаров, А.И. Кобяков, П.А. Белого, Р. и Г.Г. Плещеевы, Ф.Д. Загряжский, М., Ю.М. Лопатины, Г.И. и Ф.Д. Синцовы, Д.И. Шестаков, Истома и Молчан Ростопчины, А. и Г. Семеновы, С. и Третьяк Лодыгины, И.Ю. Голочелов, Дербыш Голохвастов, Ю. и Ф.М. Булгаковы-Денисьевы, Г.С. Зеленин, М. Гундоров Тетерин.

ТКДТ. С. 184, 187; Архив СПб. ФИРИ. Ф. 29. Оп. 1. Д. 8. № 986. Л. 1023–1024; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность… С. 93.

421

Антонов А.В. «Боярская книга» 1556/57 года (далее – БК) // РД. Вып. 10. С. 84; ПМТУ. С. 189; ТКДТ. С. 64, 154, 186.

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 123–126, 240-242; *Павлов А.П.* Земельные переселения… С. 91. Выводы А.П. Павлова были восприняты без должной критики и усилены Р.Г. Скрынниковым (*Скрынников Р.Г.* Царство террора. С. 222).

423

До нашего времени дошло описание 46 вяземских станов. Описание еще 7 станов (Липицкого, Болховского, Кляпиковой слободы, Молоцкого, Загробовского, Дубровского, Чохлы) известно по отдельным упоминаниям. Описание Козельского стана также страдает значительными пропусками (*Павлов-Сильванский В.Б.* Писцовые книги России XVI в. М., 1991. С. 103).

Павлов А.П. Земельные переселения… С. 89, 90.

425

Темушев В.Н. Указ. соч. С. 156, 173; Сб. РИО. Т. 35. С. 182.

ПСРЛ. Т. 28. С. 128; *Зимин А.А.* Формирование… С. 136–137; АСЗ. Т. 4. № 215–217. С. 159–161; Сб. РИО. Т. 35. С. 138, 268.

427

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 124. В Ржевском уезде поместьями владело несколько Крутоврасских, фамилия которых, вероятно, происходит от названия вяземского стана – Крутой враг (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 70. Л. 33).

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 123, 126, 269.

429

АСЭИ. Т. 1. № 501. С. 479; Род. кн. Ч. 2. С. 459. И. Сульменев был в 1540-х гг. помещиком Ржевского уезда.

АСЭИ. Т. 3. № 339. С. 363.

431

Сб. РИО. Т. 35. С. 278, 410, 463, 486, 699, 704; АСЗ. Т. 4. № 50. С. 38–39.

Сб. РИО. Т. 35. С. 428, 439; *Памятники* истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. М.; Варшава, 1997. Т. 2. С. 81; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 616, 624, 787.

433

Сб. РИО. Т. 35. С. 480; ТКДТ. С. 190–192.

Сб. РИО. Т. 35. С. 482, 483, 497; ТКДТ. С. 190.

435

Бельский сын боярский Ф.И. Лыков был послухом в рядной записи вязьмича Тишины Сульменева 1549 г.

436

АРГ. № 169. С. 164. Сб. РИО. Т. 35. С. 489; ТКДТ. С. 189, 191. Тихоновы и Тихоновы-Хирины.

Бенцианов М.М., Лобин А.Н. Указ. соч. С. 171. Будай ранее был приставом у литовских послов в Москве. Потомки Будая Кучукова служили по Вязьме. Помещиками Вяземского уезда были и некоторые однофамильцы пленников Оршанской битвы (например, Кикин).

438

АСЭИ. Т. 1. № 603. С. 500, № 608. С. 516–517; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 896 об., 992 об.

439

Пристав И. Челюсткин в 1506 г. сопровождал в дороге литовское посольство (*Башнин Н.В., Корзинин А.Л.* Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // РИ. 2017. № 2. С. 174).

АФЗХ. Ч. 2. № 196. С. 196; РПК. С. 196.

441

РК 1475–1598. С. 112, 130, 160. Городничим в 1555 г. был дорогобужец Ф. Черного Кайсаров.

Кобрин В.Б. Указ. соч. С. 126; ТКДТ. С. 188.

443

Назаров В.Д. Свадебные дела XVI в. // ВИ. 1976. № 10. С. 119; ТКДТ. С. 60, 188.

АФЗХ. Ч. 2. № 274. С. 278. В 1550-х гг. Бакака Хирин владел вяземским поместьем (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 1044).

445

ОР ГБЛ (АТСЛ). Ф. 303. №. 272–275; ТКДТ. С. 77, 78, 187–191; ОР ГИМ. Музейское собрание. Л. 80.

446

РГАДА. Ф. 281. Кострома. № 87/5054; *Антонов А.В.* Костромские монастыри в документах XVI – начала XVII века // РД. Вып. 7. М., 2001 С. 84–85; ТКДТ. С. 188.

447

РК 1475–1598. С. 58; БС 1546–1547. С. 53; ТКДТ. С. 56, 60, 78.

Житие преподобного Герасима Болдинскаго чудотворца. М., 1893. С. 39–40; *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 238–239; *Флоря Б.Н.* Сведения о землевладении русских дворян конца XVII – начала XVII века в документах Литовской метрики // РД. Вып. 7. С. 411.

449

ТКДТ. С. 190–192.

Веселовский С.Б. Исследования… С. 174–175.

451

Сб. РИО. Т. 35. С. 732. Среди вяземских помещиков конца 1550-х гг. присутствовали также Бурец Иванов и Андрей Кауров, представлявшие другие ветви этой фамилии (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 617, 632, 638, 751, 783, 785; *Материалы* для истории Звенигородского края / Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда 1558–1560 гг. (далее – ЗПК). М., 1992. Вып. 1. С. 93–95; *Акты* Троицкого Калязина монастыря XVI в. М.; СПб., 2007. № 68. С. 70–71); РИИР. Вып. 2. С. 72; Сб. РИО. Т. 35. С. 123; ТКДТ. С. 190.

452

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 300 об., 304, 438–440 об., 524 об., 732 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 570, 572; *Кобрин В.Б.* Материалы… С. 106, 117; РК 1475–1598. С. 67, 72, 85; Сб. РИО. Т. 59. С. 147.

453

БС 1546–1547. С. 53; ТКДТ. С. 58, 125; РК 1475–1598. С. 120.

454

Кобрин В.Б. Материалы… С. 102; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 749, 767.

455

ПДС. Т. 1. Ст. 193; Сб. РИО. Т. 35. С. 501, 564, 573; РК 1475–1598. С. 84; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 256 об., 277 об., 342, 344 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 756; ТКДТ. С. 173.

456

Сб. РИО. Т. 35. С. 564; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 657, 660; ТКДТ. С. 175.

457

ТКДТ. С. 205; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 218–218 об., 1150, 1152 об., 1153; АСЗ. Т. 4. № 339. С. 258. И.Т. Парский в 1511 г. был кормленщиком в волости Озерцы.

458

ТКДТ. С. 66, 67, 68, 129–131. Князь И.А. Рюмин-Звенигородский, Ф.Р. Судимантов, Ф.С. и А.А. Ульянин Давыдовы были записаны в Тысячной книге с пометой «князь Юрьевские Ивановича». И.К. Третьяк Тишков был дьяком Юрия Дмитровского.

459

ТКДТ. С. 129, 175.

ТКДТ. С. 77, 81, 180, 183, 188, 194; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 656.

461

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 210 об., 238 об., 251 об., 256 об., 629 об., 773, 836 об., 970 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 643. Вяземскими поместьями владели сыновья А.Л. Хлуденева – Замятня, Роман и Иван. ТКДТ. С. 124–125, 138–139; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины (далее – Опричнина). М., 1963. С. 359.

462

ТКДТ. С. 173, 175; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 328, 455 об.; *Боярские* списки 1577–1607 гг. (далее – БС) // *Станиславский А.Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 226.

463

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. Л. 1008 об., 1076; РК 1475–1598. С. 91.

464

РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 54, 54 об., 106, 631, 697, 715, 1126 об.; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 577, 592, 764, 767; ТКДТ. С. 71, 82, 115, 135, 140, 153, 197, 198.

465

РК 1475–1598. С. 123, 128, 141, 150, 157; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 823 об.

Например, поместье князя И.И. Тростенского прежде относилось к бортным землям (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 570, 573).

Князья М., Ю.П. и А.В. Репнины, И.Ю. Голицын, И.А. Рюмин-Звенигородский, О.Т., И.Ф. и И.И. Тростенские, И., Н.И. Лыковы, Ф.Ю. Оболенский, П.И. Катырев, И.М. Тевекелев, А.Д. Басманов, Д.А. Чеботов, Д.А. Бутурлин, Ф.И. Третьяков Головин, М., И.Ю. Шеины, С.М. Путило Митрофанов, А.Т. Михалков, Д.И. Черемисинов, В., В.И. Фомины, А.Т. Тишков и его сын Немятый, И.М. Булгаков Денисьев, М.В. Вердеревский, В.О. Кувшинов, Б.Ф. и И.П. Невежины, И.Д. и Лопата В. Посевьевы, Мещерин Прокофьев, И., С.Н. Рожновы, А.Ф. Скрябин, А. Сатин.

468

Сб. РИО. Т. 59. С. 531, 535; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1531–1532; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 619. Л. 29, 122, 632.

469

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 444; *Акты*, относящиеся к истории Земских соборов (далее – АЗС). М., 1909. С. 6; ПЗ. С. 18.

БК. С. 89; *Посольские* книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань, 2006. С. 184–193, 214; *Бенцианов М.М.* Лишние люди: Ротация состава Государева двора в Русском государстве в конце XV – середине XVI в. // ДРВМ. 2017. № 1 (67). С. 43.

471

ТКДТ. С. 56, 60, 77–78, 188, 189.

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 235.

См., например: *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). Смоленск, 1940; *Александров С.В.* Социально-экономическое и политическое развитие Смоленской земли в конце XV – начале XVII вв. Брянск, 2008. АКД; *Ширяев С.Д.* Смоленск и его социальный ландшафт в XVI–XVII веке. Смоленск, 1931; *Маковский Д.П.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963.

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 256; *Лукичев М.П., Назаров В.Д.* Из родословной Дивовых. С. 167–177; *Сухотин Л.М.* Замечания о десятне 1574 г. // Журнал министерства народного просвещения. 1914. Новая серия. Ч. 54. Декабрь. С. 240–259.

Антонов А.В., Кром М.М. Указ. соч. С. 161, 165. «Смолнянином», возможно, был также Никита Ильяшов (Илищев). В 1525 г. здесь упоминается также «смолнянин» Лосвин (Лосминский?).

476

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 255; ПСРЛ. М., 1980. Т. 35. С. 169; АСЗ. Т. 1. № 83. С. 65–66, 152. С. 125–126. Прежним владельцем поместья П.Г. Марина был князь А.И. Мамаев.

477

ПДС. Т. 1. Ст. 180, 182.

АСЗ. Т. 1. № 83–84. С. 65–66.

479

Радзивилловские акты из собрания Российской национальной библиотеки: первая половина XVI в. (далее – Радз.) // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. 6. М., 2002. С. 86–87; *Документы* по истории Казанского края из архивохранилищ Татарской АССР (вторая половина XVI – середина XVII в.). Казань, 1990. С. № 5. С. 37.

Повесть о победах Московского государства. М., 1982. С. 28.

Антонов А.В., Кром М.М. Указ. соч. С. 172. В том же реестре был записан Грыдя Савелов «земец».

Кром М.М. Меж Русью и Литвой. С. 257.

483

Масленникова Н.Н. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955. С. 193–194; Сб. РИО. Т. 59. С. 562; АСЗ. Т. 1. № 146. С. 116; *Лихачев Н.П.* Сборник актов. С. 190–192; АГР. Т. 1. С. 59.

484

ТКДТ. С. 63, 72, 123, 143, 158, 159, 167, 169, 175, 182, 196.

485

Сб. РИО. Т. 59. С. 63; ЗКПП. С. 153.

Сб. РИО. Т. 35. С. 681; ПИРСС. С. 185; ЗКПП. С. 150.

Алексеев А.И. Вкладная и кормовая книга Московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 54.

Повесть о победах Московского государства. С. 28.

489

РГАДА. Ф. 394. Оп. 1. Кн. 267. Л. 501.

Сб. РИО. Т. 59. С. 145, 206.

491

Летопись Рачинского, рассказывая о переселении смоленских бояр в 1514 г., говорит о передаче их владений «москвичам»: «А москвичом подавал именья у Смоленску» (ПСРЛ. Т. 35. С. 169). В этом случае речь могла идти о передаче конфискованных земель в дворцовое ведомство или создании на их основе «кормленских» земель, доходы с которых шли в пользу наместников и волостелей.

492

ТКДТ. С. 190, 192; *Чеченков П.В.* Формирование нижегородской служилой элиты в XV – начале XVII века // Русское средневековье. С. 410.

493

РК 1475–1598. С. 149 («смоленских помещиков выбором лутчих людей»).

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 74–75.

495

Сб. РИО. Т. 59. С. 145.

Сб. РИО. Т. 59. С. 382, 486; ЗКПП. С. 153; РК 1475–1605. М., 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 458; ПДС. СПб., 1871. Т. 10. Ст. 40.

Лукичев М.П., Назаров В.Д. Указ. соч. С. 170; *Шумаков С.А.* Обзор грамот коллегии экономии (далее – Обзор ГКЭ). М., 1912. Вып. 3. С. 35.

498

В 1567 г. одним из вотчинников Переславского уезда был Антон Иванов Обухов, которого можно отожествить с отцом смоленского сына боярского из десятни 1606 г. Алексея Антонова Обухова. Послухами у А.И. Обухова были Иван и Посник Любимовы Головачевы, братья которых Федор, Севрик и Григорий также были известны позднее на смоленской службе (*Шумаков С.А.* Обзор ГКЭ. М., 1917. Вып. 4. С. 255–256).

499

ПИРСС. С. 212; РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 430. Л. 455.

АСЗ. Т. 2. № 20. С. 36; *Шумаков С.А.* Обзор ГКЭ. Вып. 4. С. 348.

501

Шумаков С.А. Обзор ГКЭ. Т. 3. С. 35–36.

502

ТКДТ. С. 175. Битяговские упоминаются в поземельных актах Московского уезда. Сб. РИО. Т. 59. С. 214, 551; Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 176. Ширяй Охматов Савлуков погиб в 1571 г.

503

Сб. РИО. Т. 59. С. 363; *Десятня* 7114 г. по Смоленску (далее – Десятня 1605/06) // *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск (XVI–XVII вв.). С. 368, 371, 373; ПДС. Т. 1. Ст. 960.

504

Князь Б.А. Селеховский, Утеш и Домоткан Коромолины, И. Ушаков Мормылев.

505

Свое происхождение эта фамилия получила от речки Лосминки, протекающей неподалеку от Смоленска. Здесь же был известен и Лосминский овраг.

506

Сб. РИО. Т. 71. С. 302, 791; *Десятня* 1605/06. С. 364, 366–368, 370, 371, 373, 376, 385, 387, 391. Не исключено, что некоторые Полтевы оставались в Смоленске.

507

ПИРСС. С. 212; Сб. РИО. Т. 71. С. 47, 174, 177; ЗКПП. С. 121. Земцами были, вероятно, также Иванко Брюшков и Семенка Гридкин (*Посольская* книга по связям России с Польшей (1575–1576 гг.) // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава, 2004. Т. 7. С. 71). Позднее Садиловы были выселены в Казань.

Десятни новиков, поверстанных в 1596 году // ИРГО. СПб., 1909. Вып. 3. С. 184.

509

Сб. РИО. М., 1912. Т. 137. С. 239; *Повесть* о победах Московского государства. С. 6; АЗР. Т. 4. С. 388.

Десятни новиков. С. 185; Сб. РИО. Т. 59. С. 338.

511

ПКНЗ. Т. 4. С. 569–561; *Десятни* новиков. С. 144.

512

Десятня 1605/06. С. 468, 369. Среди можайской литвы дворовой в Дворовой тетради были записаны Петрыкины. К старым смоленским боярским родам принадлежали Алтуфьевы. В десятне новиков А.В., И.Д. Петрыкины, Н.Т. Алтуфьев числились среди земцев. Здесь же встречаются А.Т. Коптяжин, И. и К.Ф. Шестаковы.

513

Д. Третьяков Раков встречался среди земцев в десятне новиков.

Десятня 1605/06. С. 470; *Десятни* новиков. С. 185.

Десятни новиков. С. 185–186.

Мордовина С.П, Станиславский А.Л. Смоленская крестоприводная книга 1598 г. // Источники по истории русского языка. М., 1976. С. 149, 160.

517

ТКДТ. С. 190, 192.

Десятня 1605/06. С. 367, 368, 371; ТКДТ. С. 184.

Десятня 1606/06. С. 466, 372, 373, 375, 376.

520

ПДС. Т. 10. Ст. 52; ПДС. Т. 1. С. 782, 965; ПЗ. С. 67, 68; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 199.

521

Лукичев М.П., Назаров В.Д. Указ. соч. С. 171; *Разрядная* книга 1550–1636 гг. М., 1975. Т. 1. С. 342; РК 1475–1605. Т. 3. Ч. 3. С. 96; *Десятня* 1605/06. С. 364–365.

Новые документы о России. М., 1967. С. 24; ПДС. СПб., 1885. Т. 2. Ст. 444; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие… С. 501; Сб. РИО. Т. 137. С. 393, 732.

523

БС. С. 194, 282.

Антонов А.В. Серпуховские документы из дела Патрикеева // РД. Вып. 7. С. 306.

525

В купчей В.И. Волынского в Коломенском уезде 1521/22 г. упоминается Елка Михнев Тайдаков. Михневы, в том числе Иван Елкин Михнев, были известны среди тульских помещиков. Дербыш Михнев был прежним владельцем поместья И.А. Маслова, пожалованного ему еще в 1519 г. Здесь же встречаются Тайдаковы. Тульские помещики Сухотины могли быть выходцами из Малого Ярославца.

Кузнецов В.И. Из истории феодального землевладения в России (по материалам Коломенского уезда XVI–XVII вв.). М., 1993; *Соколова И.И.* Служилое землевладение и хозяйственное состояние приокских уездов Русского государства в конце XVI – первой трети XVII в. Дис. … канд. ист. наук. М., 1975; *Мазуров А.Б.* Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в. М., 2001. Небольшой очерк истории формирования тульской корпорации был сделан также Н.К. Фоминым (*Фомин Н.К.* К вопросу о заселении Тульского края в XVI в. // Историко-археологические чтения памяти Л. Троицкого. Тула, 1997).

527

Сохранился также алфавитный перечень и выписки из десятни по Серпухову и Тарусе 1556 г.

«Реликтовый» слой этих писцовых книг относился к 50-м гг. XVI в.

529

Дедук А.В. Московско-рязанское порубежье XIV – начала XVI в.: Методика локализации. Дис. … канд. ист. наук. М., 2018. Т. 1. С. 140–142; ДДГ. № 1. С. 7; *Веселовский С.Б.* Исследования… С. 237–243.

530

ТКДТ. С. 159; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 458, 460–461; Род. кн. Ч. 2. С. 260–261.

531

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 479. В 1580-х гг. Давыдовы стали служить по Коломне.

532

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 379; *Зенбицкий П.* Новый материал для родословных Уваровых, Злобиных, Аринкиных, Петровых, Звериных и Давыдовых // ЛИРО. М., 1909. Вып. 3. С. 14–19. Рядом с селом Богородитским находился Уваров починок.

533

Кобрин В.Б. Материалы… С. 152–153, 164; АСЭИ. Т. 1. № 489. С. 368; Род. кн. Ч. 2. С. 278.

534

ТКДТ. С. 159, 161.

535

АЮБ. Т. 1. № 52. С. 202, 203; ТКДТ. С. 72, 130; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 342.

536

Веселовский С.Б. Исследования… С. 456–457; АСЭИ. Т. 3. № 414. С. 418; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 376, 393.

537

ТКДТ. С. 158–159; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. 456, 462; *Кузьмин А.В.* На пути в Москву. Т. 1. С. 307–311. Г.В. Собакин в 1541/42 г. был послухом в купчей Николо-Угрешского монастыря в Коломенском и Московском уездах.

Зимин А.А. Формирование… С. 56–57; ТКДТ. С. 158.

539

АСЭИ. Т. 1. № 428. С. 406; АСЭИ. Т. 3. № 70. С. 105; *Акты* Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начала XVII в. (далее – АРГ АММС). М., 1998. № 31. С. 115. В 1440 г. «Федко Блудов Сука Василья убил да Ивана Григорьевича Протасьева утопил».

Сметанина С.И. Докладная полная XV века // АРИ. М., 2007. Вып. 8. С. 336.

541

CP. C. 37.

542

В Коломенском уезде в конце 1570-х гг. фиксируется пустошь Старое Тютково (за В. Лихаревым). Рядом находилось село Новиково Тютково (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 439). Мамон Тютков Лихарев был записан в Дворовой тетради по Коломне и Кашире (ТКДТ. С. 160, 163). Его брат Г. Тютков погиб в 1524 г. на Свияге.

Антонов А.В., Кром М.М. Указ. соч. С. 154.

ПСРЛ. Т. 17. Ст. 188. «Из Коломля». Щекины позднее известны среди коломенских помещиков.

545

Село Софроновское по писцовой книге 1570-х гг. числилось как поместное. АСЭИ. Т. 3. № 404. С. 418; *Антонов А.В.* Духовная Семена Ивановича Хлопова 1490 года // РД. Вып. 5. С. 6. Т.Н. Нащока был послухом в духовной Ф. Новокрещеного.

546

Савосичев А.Ю. Указ. соч. С. 139–147; БС 1546–1547. С. 54. Рядом с Наумовыми были записаны коломенцы князья (без титула) И. и В. Киясовы Мещерские.

547

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 104. Л. 40–41; РК 1475–1598. С. 25; ПСРЛ. Т. 28. С. 135, 136; ПДС. Т. 1. Ст. 182. Оба сына Давыда Григорий и Федор погибли в 1521 г. во время набега Магмет-Гирея.

РК 1475–1598. С. 44, 144; АРГ. № 199. С. 203, № 253. С. 256–257; *Веселовский С.Б.* Исследования… С. 240.

549

Сметанина С.И. Рязанские феодалы. С. 59–60; *Бычкова М.Е.* Состав… С. 134–137; ТКДТ. С. 159, 164, 169, 173.

550

РК 1475–1598. С. 73, 94, 104, 124; ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 113. Овцыны ранее находились среди новгородских помещиков.

551

АРГ АММС. № 53. С. 41; *Моисеев М.В.* Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в XVI в.: (предварительные замечания) // Вестник Университета Дм. Пожарского. М., 2017. № 2(6). 237–245.

Исключением является, видимо, князь М.М. Хворостинин. Он числился среди дворовых детей боярских в каширской десятне 1556 г.

553

Мазуров А. Род дьяков Мишуриных в XVI веке // РИ. 2013. № 5. С. 106–116; *Он же.* Государев дьяк Андрей Шерефединов и его род // РИ. 2011. № 2. С. 79.

Среди них цвет московской знати: князья М.И. Воротынский, М.И. Кубенский, Ю.М. и В.Ю. Голицыны, Ф и. Д.И. Куракины, И.А. Шуйский, И.В. Темкин-Ростовский, К.И. Курлятев (позднее его племянники М. и Г.И. Колычевы), Д.И. Овчинин, И.А. Лапин Оболенские, бояре И.П. Федоров (точнее, его жена Мария), М.Я. Морозов, окольничии Л.А. Салтыков, И.Ф. Головин, дьяки С.М. Путило Нечаев, И.Г. Выродков, Н.Г. Дятел Мошков, дворяне В.И. Умного и Г.И. Колычевы, В.Г. Спасителев, П. и Б. Козловы Милославские, И. и Г.Ф. Дедевшины, Я.Д. Мансуров, А.Г., Ф. и Н.С. Давыдовы, Ф.С. Черемисинов, В. Фуников Курцев, Меньшик А. Лыков.

555

АСЗ. Т. 4. № 455. С. 335; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 407, 451.

556

Грамоты М.В. Федоровой-Челядниной, М. и Г.И. Колычевых (*Памятники* русской письменности XV–XVI вв. Рязанский край (далее – ПРПРК). № 25. С. 34, № 32. С. 44, № 71–72. С. 108), Н. и А.И. Дедевшиных (*Кистерев С.Н.* Акты… С. 184–185).

557

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1318, 1342, 1348.

558

Г.С. Сидоров и Н. Казаринов Голохвастов с сыном были казнены в опричнину.

559

ТКДТ. С. 143–144, 179, 181, 208. Писцовые материалы Ярославского уезда XVI века. Поместные земли. СПб., 2000. С. 13. Ф. Горин позднее служил также по Владимиру. Большое число ржевских выходцев, возможно, было связано с созданием удела «Иванца Московского» в 1575 г. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 539. Л. 318. Вотчиной в Малоярославецком и в Московском уездах владел Арап Зиновьев Отяков, брат коломенского помещика Меньшика Зиновьева.

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 439. Ширяй Нороватов в 1562 г. был переславским губным старостой. К другой фамилии, видимо, принадлежали Норовы, потомки новгородца Р. Норова, «поиманного» Иваном III в 1476 г. и отправленного в Коломну.

561

ТКДТ. С. 176. Остальные Фомины из десятни 1577 г., похоже, были его однофамильцами, а не родственниками.

562

ТКДТ. С. 126–128, 152, 163, 174, 195, 199. В Коломенском уезде И.Т. Зачесломскому были пожалованы также земли «против его зубцовской вотчины» (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 425). *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 86.

ДДГ. № 10. С. 29, № 76. С. 285, № 89. С. 354.

ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 130.

565

АГР. Т. 1. № 57. С. 97–99.

Зимин А.А. Формирование… С. 128.

567

По родословной легенде, Ростовецкий и Беспутский станы были пожалованы за выезд предку Вердеревских, Апраксиных и Кончеевых царевичу Салахмиру (Ивану Мирославичу). Его потомок М.Т. Крюков отъехал на службу к Ивану III «покиня свою Веневу, да Веркошу и Ростовец».

Род. кн. Ч. 2. С. 243–247. Последний раз князья Мещерские упоминались в договорной грамоте 1483 г.: «А что наши князи мещерские, которые живут в Мещере» (*Черменский П.Н.* Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 3–4).

569

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1308–1311, 1313–1315, 1320, 1321. *Смирнов М.И.* Род Мещерских князей // ЛИРО. М., 1906. Вып. 4. С. 11–12.

АСЗ. М., 1997. Т. 1. № 287. С. 274–275; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1390; *Зимин А.А.* Указ. соч. С. 242. Послужильцем М.Я. Русалки был Б. Борыков. Борыковы были известны позднее в Коломенском, Каширском и Тульском уездах.

571

ДДГ. № 86. С. 448; Писцовые материалы дворцовых владений второй половины XVI века. М., 1997. С. 119–120.

ДДГ. № 89. С. 346–349; *Каширская* десятня 1556 г. (далее – КД) // «Heraldica»: Ист. Сб. СПб., 1900. Т. 1. Отд. 4. С. 41; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1452. Хомяк Страхов в 1542 г. известен как приказчик «Васильев» (каширского наместника князя В. Чулка Ушатого?) в Каширском уезде. Большое количество Страховых владело поместьями в Тульском уезде.

Местнический справочник XVII века. Вильно, 1903. С. 17. Реткинские (фамилия, скорее всего, испорчена) известны как вотчинники Волоцкого уезда.

Другим таким сыном боярским был Глеб (Андреев Немого) Заболоцкий, близкие родственники которого известны среди новгородских помещиков.

575

Сб. РИО. Т. 35. С. 138, 413, 496; НПК. Т. 4. С. 69, 179; КД. С. 33.

576

По родословной легенде, Сумароковы служили по «Великих Луках и по Пусторжеву». Думаш Федоров Сумароков затем перешел на службу к Владимиру Старицкому, получил от него поместье в Алексинском уезде. В 1566 г. он уже стал каширским помещиком (РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 20. Л. 81; АСЗ. Т. 1. № 272–273. С. 246–247). Припиской к Софроновским объяснялась легенда о службе Хвощинских, отметившихся в южных уездах, по Великому Новгороду (РГАДА. Ф. 286. Оп. 2. Кн. 109. Л. 296–296 об.).

577

Лихачев Н.П. Сборник актов. С. 206; КД. С. 43; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1453.

578

АСЗ. Т. 4. № 427. С. 317. Как и князь Ф.М. Мстиславский в Кашире, князь И.М. Воротынский в 1531 г. был воеводой у Козельска.

Бычкова М.Е. Состав… С. 134–137; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1447. В конце 1570-х гг. слободка Шеметово принадлежала Замятне и И. Неверовым Колтовским. Представители этой ветви Колтовских в 40-х гг. XVI в. владели также поместьями в Малоярославецком уезде.

580

Реестр делам Крымского двора с 1474 по 1779 года, учиненный Н.Н. Бантыш-Каменским в 1808 году. Симферополь, 1893. С. 12; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1390.

ACCEM. № 49. C. 109.

Сухотин Л.М. Замечания о десятне 1574 г. С. 248; РГАДА. Ф. 388. Ед. хр. 853. Л. 160.

583

В одном случае эта закономерность была нарушена. Г. Злобин-Петров с окладом 600 четвертей был записан между А.А. Колтовским и В.Г. Злобиным, каждый из которых обладал окладом 250 (пол триста) четвертей. В данном случае подобный разрыв объясняется пометой «в выборе», стоящей возле его имени. КД. С. 29.

БК. С. 86–87; КД. С. 28.

585

КД. С. 40. Как и в случае с дворовыми детьми боярскими в этом списке также был отмечен один выборный дворянин – И.И. Большой Алексеев Уваров, чей поместный оклад – 400 четвертей превышал оклады соседствующих с ним И.И. Мишенина Хотяинцова и А.Д. Иванова Александрова (оба по 300 четвертей).

КД. С. 38; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1457, 1458.

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1436–1467.

588

РГАДА. Ф. 388. Ед. хр. 853. Л. 116; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1392.

589

КД. С. 38–40; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1438.

590

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою Экспедициею (далее – ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 7. С. 45; БС. С. 196, 235, 276.

591

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1533.

592

КД. С. 42; БС. С. 196; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1475.

593

КД. С. 42.

594

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1440, 1442, 1447, 1452, 1457; ТКДТ. С. 163, 164.

595

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1529; РГАДА. Ф. 388. Ед. хр. 853. Л. 26, 72; *Сторожев В.Н.* Материалы для истории русского дворянства: Десятни и Тысячная книга XVI века. Десятни XVI века (далее – Десятни) // Описание документов и бумаг, хранящихся в московском архиве министерства юстиции. Кн. 8. М., 1891. С. 26; АСЗ. Т. 1. № 128. С. 101.

Кротов М.Г. Опыт реконструкции десятен по Серпухову и Тарусе 1556 г., по Нижнему Новгороду 1569 г., по Мещере 1580 г., по Арзамасу 1589 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С. 85.

597

АГР. Т. 1. № 57. С. 94–95, 106.

598

ТКДТ. С. 72; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1318, 1342, 1348; РК. С. 73; *Десятни*. С. 14, 17, 20, 21, 23, 25. Из десятни 1570 г. находят соответствие в Коломенском уезде также Есковы, Ратцовы, Бабины и Поповичев.

599

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1423–1426. И.С. Нащокин, И.Т. Вячеславлев, Ю.В. Телешов.

600

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1537, 1550. Заголовок описания поместных земель упоминает о раздаче земель дворовым и городовым детям боярским.

601

Т.Н. Тарбеев в 1519/20 г. был на разъезде в Хотунском уезде (АРГ. № 182. С. 180). Здесь же отметился И.А. Тутолмин – однофамилец каширских помещиков.

602

КД. С. 30–33, 38, 42; ТКДТ. С. 161; АСЭИ. Т. 3. № 70-72. С. 105–107; АСЗ. Т. 1. № 212–213. С. 180–181; РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 870. Л. 443–444 об.

603

КД. С. 32, 41; ТКДТ. С. 161, 163, 208; *Павлов А.П.* Государев двор… С. 87.

604

По наблюдению С. Шекова, линия князя И. Черного Волконского владела здесь только поместьями (*Шеков А.В.* Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М., 2012. С. 264).

И.Е. Михнев еще до ссылки 1565 г. стал казанским помещиком. Погиб в 1570 г. под Казанью во время восстания черемисы.

606

РГАДА. Ф. 388. Ед. хр. 853. Л. 12; *Десятни.* С. 144–165.

607

АСЗ. Т. 1. № 273. С. 247; Род. кн. Ч. 2. С. 51–52; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 1493–1496, 1533.

608

Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года // ИА. Т. 4. М.; Л., 1949. С. 21–23, 28.

609

В отдельной книге Веневского уезда 1571–1572 гг. упоминается «старое» тульское поместье И.А. Писемского (ПКМГ. Т. 1. Отд. 2. С. 1558).

610

АСЗ. Т. 1. № 37. С. 35–36; АСЗ. Т. 4. № 481. С. 353–354; Писцовые материалы Ярославского уезда. С. 268–269, 275, 281–283.

АСЗ. Т. 4. № 398. С. 294, № 479. С. 352; АСЗ. Т. 1. № 26. С. 28.

Кром М.М. «Вдовствующее царство». С. 546.

613

АСЗ. Т. 4. № 502. С. 386–388.

Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М., 2008. С. 205–206.

615

Кром М.М. «Вдовствующее царство»… С. 551.

ПМТУ. С. 99, 104.

617

В.Б. Кобрин приводил пример раздела поместий по завещаниям (*Кобрин В.Б.* Власть и собственность… С. 94).

618

Еще Е.И. Колычева обратила внимание на то, что размеры поместий в Тверском уезде согласно писцовой книге конца 1530-х гг. часто составляли 50 четвертей (*Колычева Е.И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 17).

619

АСЗ. Т. 4. С. 7. Позднее Колотиловские утверждали, что упомянутый Я.С. Колотиловский и его племянники служили «по Вологде по дворовому».

620

Ивина Л.И. Троицкий сборник материалов по истории землевладения Русского государства XVI–XVII вв. // Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып. 27. М., 1965. С. 150–152; *Абрамович Г.В.* Поместная политика… С. 192–199; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность… С. 116–122.

621

Ивина Л.И. Указ. соч. С. 151. Братья князья Потуловы Волконские в 1556/57 г. обладали поместными окладами по 600 четвертей каждый. При раздаче поместий в волости Шерна каждому из них досталось по 125 четвертей (полчетверти и полполполчетверти сохи). Очевидно, что значительно более крупными владениями распоряжались также И. и Д.А. Чеботовы. НИОР РГБ. Ф. 303. Л. 295.

Памятники русского права (далее – ПРП). М., 1956. Вып. 4. С. 577; *Кром М.М.* «Вдовствующее царство». С. 552.

623

Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 87.

Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг. // Русская армия в эпоху Ивана Грозного. СПб., 2015. С. 261.

625

Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565-1568 годов (далее – КПК). Казань, 2006. С. 326; АСЗ. Т. 1. № 130–131. С. 103–105.

626

Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2000. Т. 9. С. 560; ТКДТ. С. 53–54.

Эскин Ю.М. Очерки… С. 68–69.

Кротов М.Г. К истории составления десятен (вторая половина XVI в.) // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С. 56–57; *Курбатов О.А.* Ответ рецензентам: М.М. Бенцианов «Отзыв на статью О.А. Курбатова «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг.», В.В. Пенской «Заметки на полях статьи «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг.» // Русская армия в эпоху Ивана Грозного. С. 145–147.

629

ДАИ. Т. 1. № 52. С. 91; Архив СПб. ФИРИ. Кол. 2. Кн. 23. Л. 136–136 об. В серпуховском смотре участвовали Русин и М.Д. Игнатьевы, Невзор и А. Злобины Чеглоковы.

630

Герберштейн С. Записки о Московии. С. 73, 113; АСЗ. Т. 4. № 502. С. 387–388; Радз. № 55. С. 136; Сб. РИО. Т. 59. С. 239; ПРП. Вып. 4. С. 238.

631

Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность»… С. 144; ТКДТ. С. 165.

Роспись… С. 226–227.

633

ДАИ. Т. 1. № 47. С. 65–66; Архив СПб. ФИРИ. Кол. 2. Кн. 23. Л. 375 об. – 376.

ТКДТ. С. 129, 139, 146.

635

БС. С. 194.

Антонов А.В. К вопросу о судебном иммунитете светских землевладельцев в середине XVI века // РД. Вып. 5. С. 201–202.

637

В «боярской книге 1556/57» г. упоминается «старый смотр в Казани в зимнем походе» (ПСРЛ. Т. 13. 1-я половина. С. 270).

638

РГАДА. Ф. 388. К. 846. Л. 544. Ошибочным является мнение Н.П. Лихачева, который на основании местнических справочников XVII в. считал возможным говорить о верстании брянчан 1545 г. Деятельность фигурировавших в этом известии воевод – князя А. Тростенского и В. Белеутова – относится к концу 70-х гг. (*Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки. С. 451).

639

БК. С. 82, 109.

Колычева Е.И. Аграрный строй… С. 18; БК. С. 86, 110.

641

БК. С. 91, С. 112, 117; ТКДТ. С. 198.

642

БК. С. 92, 95, 97, 98, 105, 106.

643

БК. С. 98, 99–100.

АСЗ. Т. 4. № 133. С. 98, № 412. С. 406, № 458. С. 337; ДАИ. Т. 1. № 52. С. 93, 110.

645

ТКДТ. С. 53–54; АИ. Т. 1. № 162. С. 298; ЗПК. С. 57–58, 109–111.

646

Воронцова Л.Д. Рукописи Серпуховского Высоцкого монастыря // Труды археографической комиссии императорского московского археологического общества. Древности. СПб., 1902. Т. 2. Вып. 2. С. 339–343; *Кротов М.Г.* Опыт… С. 84.

647

АСЗ. Т. 4. № 432. С. 321. Сведения о земельных наделах серпуховских детей боярских, скорее всего, были взяты из писцовой книги князя В.С. Фуникова и И.Т. Бухарина 1551/52 г.

ДАИ. Т. 1. № 52. С. 87, 88 и далее.

649

ДАИ. Т. 1. № 52. С. 91; БК. С. 92.

650

АСЗ. Т. 4. № 108. С. 80, № 373. С. 278, № 469. С. 344–345. В 1561 г. во ввозной грамоте князю Л.И. Белосельскому упоминается его оклад: «Мера его доделити по окладу» (АСЗ. Т. 4. № 39. С. 32). Впоследствии эта фраза стала более определенной. В 1562 г. поместье получил Б.Д. Пустошкин: «А по окладу за Богдашкою велено учинити на полтораста чети, и не дошло его меры 66 чети с осминою доброй земли».

651

БК. С. 114.

652

А.П. Павлов датировал проведение писцового описания в Вяземском уезде промежутком между 1556 и 1558 гг. (*Павлов А.П.* Государев двор… С. 24). АСЗ. Т. 1. № 189. С. 155.

653

ПРП. Вып. 4. С. 577.

Лихачев Н. Любовниковы // ИРГО. Вып. 3. СПб., 1909. С. 211.

655

АСЗ. Т. 4. № 172 С. 142; *Курбатов О.А.* «Конность, людность и оружность»… С. 284–286.

АСЗ. Т. 1. № 194. С. 163; *Козляков В.Н.* Новый документ… С. 211.

657

ДАИ. Т. 1. № 52. С. 97. С. 102.

Сб. РИО. Т. 71. С. 423.

659

АСЗ. Т. 1. № 273. С. 247.

660

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 131–132. В 1552 г. поместье в Нижегородском уезде было пожаловано Я.А. и его сыну Гавриле Бобоедовым (АСЗ. Т. 1. № 31. С. 31). *Станиславский А.Л.* Труды по истории… С. 391. В росписи похода против Г. Отрепьева 1604 г. насчитывалось 296 мещерян (часть с «пищальми») и 70 курмышан.

661

СБ. РИО. Т. 71. С. 154.

662

Липаков Е.В. Дворянство Казанского края в конце XVI – первой половине XVII в. Формирование. Состав. Служба. Дис. … канд. ист. наук. Казань, 1989. С. 55–56; КПК. С. 277. 9 человек верстанных детей боярских старых жильцов служили без поместий.

663

Ф.Т. Барсуков, Шестак Торхов, Злоба С. Еропкин с сыном Иваном, З. Истомин Белков.

С. и И.С. Баклановы, С. Елманов, В. Караваев, С. Беликов, И. Шишкин Дубровин, С. Козловский.

665

КПК. С. 328, 420, 424, 432.

ТКДТ. С. 152; КПК. С. 249, 241–242.

667

КПК. С. 277.

Корзинин А.Л. Государев двор… С. 311; *Кобрин В.Б.* Власть и собственность… С. 154–156; *Липаков Е.В.* Указ. соч. С. 65.

669

Липаков Е.В. Указ. соч. С. 66–67, 68; Документы по истории Казанского края. № 5. С. 37.

Эскин Ю.М. Очерки… С. 356; *Ляпин Д.А.* Дети боярские Елецкого уезда в конце XVI–XVII вв. АКД. Воронеж, 2006. С. 17.

Новосельский А.А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // *Новосельский А.А.* Исследования по истории эпохи феодализма (Научное наследие). М., 1994. С. 192; *Эскин Ю.М.* Очерки… С. 357.

ТКДТ. С. 139, 147, 153, 204. *Корзинин А.Л.* Государев двор… С. 160.

673

ТКДТ. С. 204.

ТКДТ. С. 164, 195, 198, 208. В тексте рязанской рубрики не был выделен «литвин» Онуфрий Лашинский.

675

ТКДТ. С. 179; *Каштанов С.М.* Возникновение русского землевладения в Казанском крае // Из истории Татарии. Уч. зап. КГПИ. Казань, 1973. Вып. 116. С. 22, 26. Злоба Федоров ранее известен как послух в Волоцком уезде (АФЗХ. Ч. 2. № 142. С. 140).

ТКДТ. С. 196, 197; ПМТУ. С. 216, 236, 277, 301, 302.

677

ТКДТ. С. 167; *Антонов А.В.* Вновь открытые рязанские акты XVI – начала XVII века // РД. М., 2003. Вып. 9. С. 242.

ТКДТ. С. 187; РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10815. Л. 1060-1069.

679

Сметанина С.И. Рязанские феодалы… С. 68; АСЗ. Т. 1. № 276–277. С. 249–263.

ТКДТ. С. 178; *Чернов С.З.* Волок Ламский… С. 188–190; *Каштанов С.М.* Возникновение… С. 28.

681

А.К. Нармацкий. В начале 1560-х гг. группа Нармацких (Шарап, Яныш, Дружина Федоровы, Семейка Дмитреев) получила поместья в Казанском уезде. Здесь же фигурировали С.М. Кайсаров и его дети Иван и Сусло.

682

В тверской писцовой книге 1551–1554 гг. упоминались К.А., В.А., П., М., К., Нечай, О., Истома Н. Ломаковы. Все они находились на государевой службе. Истома Григорьев и П.С. Епишевы. Оба – «служат царю и великому князю». Г.И. Усов, Г. и И.А. Кусковы Изъединовы. Их братья были упомянуты в Дворовой тетради. Они были совладельцами поместий еще в конце 1530-х гг., так что их отсутствие нельзя объяснить молодостью.

683

Русин Курапов и его сын Петр, Ф.Р. Спешневы.

И. Истомин и И.С. Рыбины, С.И. Брехов.

685

И., В., Ф.С. Путиловы.

686

Каштанов С.М. Возникновение… 116. С. 24, 28, 30. А.Ф. Хитрово купил у Г.В. Хитрово двор в Казани. В родословной росписи Кикиных отсутствуют Китай и Матвей Кикины и сын Китая Фурс, владевшие поместьем в Вяземском уезде. Часть вязьмичей Болотниковых, родственников «дворовых», живших в 1550-х гг., отсутствовала в Дворовой тетради – Бурец Иванов и А. Кауров.

687

А.В. Салтан Ярцев. Брат переславского вотчинника И.И. Калиты Курцева И. Ушак был записан в Дворовой тетради по Москве.

688

ТКДТ. С. 165–166, 190–192. Его вероятным братом был переславский вотчинник Шарап Семенов Баскаков. ЗПК. С. 93–96; КД. С. 42.

689

КД. С. 42, 41; ТКДТ. С. 161, 163, 208. В опубликованном издании – Бартин. *Павлов А.П.* Государев двор… С. 87. А.П. Павлов считал, что В.Г. Есипов мог быть приписан к каширской рубрике.

Десятни. С. 10, 16; ТКДТ. С. 208; *Станиславский А.Л.* Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. // АЕ за 1972 г. М., 1974 С. 296, 299.

691

ТКДТ. С. 68, 72, 74; КД. С. 42. *Корзинин А.Л.* Государев двор… С. 158. Б. и Отай Шастинские, И.Н. Пущин, С.Г. Шепенков, М. Шаблыкин Кормилицын, С.С. Извольский, Тучко Радцов, Лобан Гостев Голчин, Тулуп Лаптев, Русин Доронин Кочуров, Мамай Хлыстов, Сеит Истомин Сухотин, С. Булгаков Киреев. Их не было также в Тысячной книге, что свидетельствует об обновлении круга составлявших царское окружение лиц.

692

КД. С. 30, 42; БС. С. 196.

693

Лихачев Н.П. Из лекций по дипломатике, читанных в императорском Археологическом институте. СПб., 1905–1906. С. 27. Не очень понятно, почему кормление было дано митрополичьему сыну боярскому. Возможно, ранее он находился на государевой службе (*Антонов А.В.* Из истории… С. 91, 97–100).

Роспись… С. 227.

ЗКПП. С. 120–122, 125–128, 133–134; *Павлов А.П.* Государев двор… С. 98. Значительная часть служилых людей этого разряда не была распределена на группы.

Роспись… С. 226–227; *Флоря Б.Н.* Несколько замечаний… С. 52; *Павлов А.П.* Государев двор… С. 92.

ТКДТ. С. 83–86, 90–91, 93.

Десятни. С. 28–29.

699

ТКДТ. С. 63–64. Эта дата часто встречается при датировке других помет.

ТКДТ. С. 88; ПКНЗ. Т. 5. С. 320.

701

ПКНЗ. Т. 6. С. 69; ПКНЗ. Т. 4. С. 379; ПКНЗ. Т. 5. С. 155–156, 185–186, 188–189; НПК. Т. 6. Ст. 658. *Самоквасов Д.Я.* Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных архивов Московского государства XV–XVII столетий. М., 1905. Т. 1. С. 143–145.

702

ПКНЗ. Т. 6. С. 16; РГАДА. Ф. 1209. Л. 201 об., 203-203 об.; Л. 20 об. – 23; НПК. Т. 4. Ст. 502–507; НПК. Т. 6. Ст. 304–308, 567–570.

В Бежецкой пятине можно назвать еще несколько подобных примеров. «Объединенный» характер носили погосты «Покровский из Залазны», «Никольский Рыбенский», «Михайловский Заозерецкий из Ореховны», «Богородицкий из Кирвы».

704

ТКДТ. С. 91; НПК. Т. 6. Ст. 184; НПК. Т. 4. Ст. 268-270; ДАИ. Т. 1. № 52. С. 97.

Кротов Я. Десятни 1556–1622 гг. Десятня по Новгороду 7064 (1556) года, материалы к реконструкции: http://krotov.info/library/11_k/rotov_ya/desyatni/1556ngrd.html.

Среди них были князья Б.Д. Корецкий, Б.А. Приимков, И.И. Буйносов, А. и Я.И. Квашнины, И.Б. Ляпун Осинин, Ф.С. Колычев, В.И. Мешок Квашнин, Т.И. Закалин Бутурлин, Т.И. Заболоцкий, Д.И. Лошаков, Ф.Г. Сназин.

Корзинин А.Л. Государев двор… С. 120.

Павлов А.П. Государев двор… С. 99–100; *Корзинин А.Л.* Государев двор… С. 121.

Бычкова М.Е. Состав… С. 154–156; *Мятлев Н.В.* Тысячники и московское дворянство в XVI столетии. Орел, 1912.

С. 7–8; *Корзинин А.Л.* Государев двор… С. 116–117. В родословной росписи Коробовых встречается число 1090 вместо 1078 человек, обозначенных в итогах Тысячной книги.

ТКДТ. С. 54; КД. С. 28; *Кротов М.Г.* Опыт… С. 84.

РК 1475–1598. С. 166, 187, 188.

Павлов А.П. Государев двор… С. 98; КД. С. 29, 30.

713

АЗС. С. 8.

Русский исторический сборник. М., 1842. Т. 5. С. 27; *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки. С. 316; *Роспись*… С. 227.

715

АМСМ. № 34–35. С. 38–39; НИОР РГБ. Ф. 303. Кн. 637. Л. 287; *Кротов М.Г.* Исследования по источниковедению… С. 70; ЗКПП. С. 128; РПК. С. 172–173.

716

В разряде полоцкого похода 1563 г. упоминается «литва медынская». Остальные представители «литвы», широко представленные в Дворовой тетради, к этому времени, скорее всего, вошли в состав местных объединений служилых людей (*Роспись*… С. 226–227).

Павлов А.П. Государев двор… С. 98; *Зимин А.А.* Земский собор 1566 г. // ИЗ. М., 1962. Т. 71. С. 196–236; ПЗ. С. 48–50, 59, 66. А.Л. Корзинин считал, что составителям поручных записей было важно «успеть зафиксировать место службы дворового» в период массовых переселений. Подобное объяснение лишено внутренней логики (*Корзинин А.Л.* Земский двор в 1565–1572 гг. // Сб. ст. в честь В.К. Зиборова (Опыты по источниковедению. Вып. 5). СПб., 2017. С. 158).

718

Князь В.П. Ноздроватый, И. Мишков Михайлов, Г. Злобин Петров Михайлов, А.Ф. Щепотев, П.С. Яковцов. В очищальной грамоте был задействован Е.И. Кошкин, а в разделе вотчин между князьями Ноздроватым участвовали кроме городовых приказчиков также И.П. Михайлов, И.Г. Константинов, Б.Г. Лунин (АЮБ. Т. 1. № 52. Ст. 192–214).

719

В 1553 г. у села Покровского был похоронен малолетний сын С.В. Шереметева Василий (*Барсуков А.П.* Род Шереметевых. СПб., 1892. Кн. 6. С. 90–91); ПРПРК. № 78. С. 112–113. Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 173; ПКМГ. Ч. 1. Отд. 2. С. 477, 481. И.В. Большой Шереметев постригся в монахи в 1570 г., до свадьбы Ивана IV и Марфы Собакиной, приведшей к кратковременному возвышению этой фамилии.

ПРПРК. С. № 74. С. 110.

721

АРГ. № 125. С. 124.

Антонов А.В. Костромские монастыри… 7. С. 84–85; ТКДТ. С. 188, 190.

Каштанов С.М. Указ. соч. С. 5–8.

РК 1475–1598. С. 157, 172, 182, 188; *Зимин А.А.* Опричнина… С. 102, 146.

725

Андрей Курбский. История о делах великого князя московского. М., 2015. С. 136, 660–662; *Корзинин А.Л.* Государев двор… С. 311, 325–328.

Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций: В 2 кн. М., 2002. Кн. 1. С. 483–484.

Веселовский С.Б. Опричнина. С. 187–189.

Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века: От Смуты до Соборного уложения. Дис. … докт. ист. наук. СПб., 1999. С. 25–28; *Кротов М.Г.* К истории… С. 56–57.

729

Аракчеев В.А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М., 2014. С. 56–59.

Ключевский В.О. Указ. соч. С. 484; *Веселовский С.Б.* Опричнина. С. 188.

731

Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957. С. 9, 196; *Он же.* Становление сословно-представительных учреждений в России. М., 1969. С. 15.

Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. С. 194.

733

См., например: *Синелобов А.П.* Персональный состав городовых приказчиков и губных старост Московского государства XV–XVI вв. М., 2014. С. 11. «Идея подпустить к делам управления служилым городом представителей этого города родилась не в кремлевских хоромах, а на практике взаимодействия внутри самих уездных миров».

Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России. М., 1906. С. 73; *Шумаков С.* Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. С. 41.

На этом фоне выделяется точка зрения А.Н. Котлярова, считавшего возможным говорить о возникновении «боярского города» уже в конце XIV в. (*Котляров А.Н.* Боярский город в XIV в. С. 84–86).

См., например: *Kivelson V.A.* Autocracy in the Provinces: The Muscovite Gentryand Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford, 1996; *Козляков В.Н.* Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000; *Лаптева Т.А.* Провинциальное дворянство в России в XVII веке. М., 2010; *Молочников А.М.* Смоленский служилый город в Смутное время (1605–1612 гг.). Дис. … канд. ист. наук. СПб., 2014; *Селин А.А.* Смута на Северо-Западе в начале XVII века: Из истории новгородского общества. СПб., 2017.

Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность»… С. 275.

ПСРЛ. Т. 29. С. 85.

Аракчеев В.А. Власть и «земля». С. 197–201; *Антонов А.В.* К вопросу… С. 200.

Носов Н.Е. Очерки… С. 66–68.

741

Носов Н.Е. Очерки… С. 38–40; ПКНЗ. Т. 4. С. 602, 611–614.

Носов Н.Е. Очерки… С. 362.

743

Синелобов А.П. Указ. соч. С. 117; РИБ. Т. 2. Ст. 20; *Акты*, относящиеся до гражданской расправы древней России (далее – АГР). Киев, 1860. Т. 1. № 55. С. 85. Еще один представитель этой фамилии – Я.М. Гневашев Стогинин в 1549/50 г. был дворским белозерским. Позднее он был выбран губным старостой. М. Гневаш Стогинин ранее был посельским у Михаила Верейского. См. также: *Гневашев Д.Е.* Белозерский род Гневашевых-Стогининых в XV–XVI веках // Кириллов. Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 4. С. 53–56.

Носов Н.Е. Очерки… С. 185; *Синелобов А.П.* Указ. соч. С. 71–72, 124. По наблюдениям П.В. Чеченкова, на протяжении XVI в. шестеро Жедринских побывали городовыми приказчиками (*Чеченков П.В.* Формирование… С. 411).

745

АГР. Т. 1. № 55. С. 81.

Синелобов А.П. Указ. соч. С. 11.

ACCEM. № 33. С. 86, № 34. С. 89, № 38. С. 99, № 41. С. 102, № 50. С. 111, № 57. С. 127, № 59. С. 128, № 67. С. 139.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие. С. 93; ТКДТ. С. 147. Был также городничим в Смоленске.

749

ТКДТ. С. 156.

750

Чеченков П.В. Персональный состав нижегородского дворянства и управление Нижегородским краем в середине XV – середине XVI в. // Cahiers du monde russe. Vol. 46. 2005. № 1–2. P. 144; Местнический справочник XVII века. С. 6, 10, 35 и далее.

751

ДАИ. Т. 1. № 52. С. 108–109.

ПРП. Вып. 4. С. 577.

Зимин А.А. Опричнина… С. 182.

754

Чеченков П.В. Административно-территориальное устройство и управление на землях Городецкого удела в XV – середине XVI в. // 5-е Городецкие чтения: Мат-лы науч. конф. Городец, 2004. С. 85; АМСМ. № 82. С. 96. В Архангельске в 1542/43 г. городовыми приказчиками были М.Г. Косицын и В.С. Высокого. М. Косицын в 1556 г. был среди «лучших двинских людей», отправленных в Англию в составе делегации русских купцов (ПКНЗ. Т. 4. С. 362–365, 367); *Носов Н.Е.* Очерки… С. 362 (в тексте испорчено – Роман Шалимов); *Лихачев Н.П.* Любовниковы. С. 213.

755

АМСМ. № 89. С. 101; АСЗ. Т. 1. № 176. С. 145, Т. 4. № 506. С. 404; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17141. Л. 20.

Носов Н.Е. Очерки… С. 194.

В Тверском уезде для этой цели был привлечен хлебный ключник И.М. Пестов.

Синелобов А.П. Указ. соч. С. 9–10; ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 224. С. 216.

759

БК. С. 98, 99, 113. С.И. Наумов в Тысячной книге числился по Бежецкому Верху.

Носов Н.Е. Очерки… С. 332. *Лихачев Н.П.* Указ. соч. С. 213.

Леонтьев А.К. Устюжская губная грамота // ИА. № 4. М., 1960. С. 222; *Кром М.М.* «Вдовствующее царство»… С. 590–591; *Шумаков С.А.* Губные и земские грамоты… С. 41.

Бенцианов М.М., Фролов А.А. Указ. соч. С. 30.

ПКНЗ. Т. 3. С. 45; АСЗ. Т. 4. № 253. С. 189.

764

ДАИ. Т. 1. № 58. С. 78–79; Архив СПб. ФИРИ. Кол. 2. Кн. 23. Л. 162 об. – 163 об.

Кобрин В.Б. Власть и собственность… С. 188.

АСЗ. Т. 4. № 504. С. 397–399; № 168. С. 130.

Лестную характеристику муромцам давал князь А.М. Курбский: «Межи рускими та шляхта зело храбры и мужественны мужие сущи стародавные в родех руских» (*Андрей Курбский.* История… С. 42). ПРП. Вып. 4. С. 238.

Кистерев С.Н. Акты… С. 111.

769

АСЗ. Т. 1. № 230. С. 207; ДАИ. Т. 1. № 52. С. 109, № 90. С. 141–143; ААЭ. Т. 1. № 275. Ст. 311–313; КПК. С. 445.

Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность»… С. 272–273; *Миллер Ф.И.* Известия о дворянах российских… СПб., 1790. С. 34. В родословной Гориных упоминается выписка из этой же десятни, где у Ф.М. Коптева Горина было отмечено 2 поручителя (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Ед. хр. 26. Л. 1).

771

ПЗ. С. 50.

Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность»… С. 273–275. В деле муромской «литвы» 1523/24 г. упоминается пример подобного поведения местных детей боярских: «Мы, государь, сказывали все на того Федка (Крыжина. – *М. Б.*) то, что он емлет жалованье, а на службу не ездит и с службы бегает» (АСЗ. Т. 4. № 502. С. 387–388).

Рогинский М.Г. Послание Иоганна Таубе и Элерта Крузе // Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8. С. 35.

Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность»… С. 285–286.

Сташевский Е. Десятни Московского уезда 7086 и 7094 гг. // ЧОИДР. М., 1911. Кн. 1. С. 3–28; *Десятни.* С. 219–249; *Переяславльская* десятня верстальная и денежной раздачи 1584-го года (далее – ПД) // Сторожев В.Н. Мате риалы по истории русского дворянства. М., 1909. Вып. 2. С. 3–25.

Алексеев Ю.Г. Аграрная и социальная история… С. 210, 211, 213.

777

Баранов К.В. Новые документы новгородской и псковской служилых корпораций // РД. Вып. 5. С. 153; ПД. С. 121.

Десятни. С. 41.

ЗКПП. С. 120–122, 125, 133, 134.

780

Десятни. С. 20.

781

Рождественский С.В. Служилое землевладение в Московском государстве XVI в. СПб., 1887. С. 292.

782

Новосельский А.А. Правящие группы в служилом «городе» XVII в. // Уч. зап. Ин-та истории РАНИОН. М., 1929. Т. 5. С. 322–330.

783

Эскин Ю.М. Очерки… С. 69. В памяти Огалиных ошибочно назван Власом.

784

Евлаховы известны как землевладельцы Малоярославецкого уезда (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 539. Л. 74, 79, 212, 226, 227 об., 796). *Анхимюк Ю.В.* Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания – новый источник по истории опричнины // АРИ. М., 1992. Вып. 2. С. 121–129; *Эскин Ю.М.* Очерки… С. 69. У Ю.М. Эскина приведена неверная датировка десятни. На самом деле речь шла о десятне 1571 г. Каталог. С. 74, 81, 83, 88.

785

Малов А.В. Торопецкая верстальная десятня 114-го (1606/06) – 15-го (1606–97) гг. // Единорогъ. Вып. 1. С. 12.

Новосельский А.А. Правящие группы… С. 324.

Эскин Ю.М. Очерки… С. 70.

788

РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. № 4. Л. 1–6; *Станиславский А.Л.* Роспись детей боярских… С. 294.

Павлов А.П. Государев двор… С. 98–100; БС. С. 195, 234.

Лаптева Т.А. Указ. соч. С. 267–268.

Десятни. С. 18, 23; *Города* России XVI века. Материалы писцовых описаний. М., 2002. С. 25, 26, 29, 30. З.С. Коломенин был также поручителем по А.М. Солманову. Отец И.Б. Лунина был городовым приказчиком в 1546 г.

792

ТКДТ. С. 174.

793

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 480.

Бычкова М.Е. Состав… С. 135. Подобным образом высокое осознание «родства» проявили Шелепины в московской десятне 1578 г. и Айгустовы – в переславской 1584.

Десятни. С. 10, 16.

796

Горины были записаны в ярославской рубрике ДТ рядом с Огалиными.

797

Коломенские дети боярские Н.И. и Внук Г. Желтухины упоминались в завещании К.И. Трескина в 1577 г. (АСЗ. Т. 1. № 279. С. 266–267).

Десятни. С. 32–33. Петровы, видимо, числились также под фамилией Сертякины.

Десятни. С. 22, 24–25, 36.

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 454–457.

801

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 353, 522; *Десятни.* С. 18–19.

802

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 340, 391, 475, 476, 554–556. Возле имени Б.З. Есипова в десятне стояла помета «умре».

803

Отсутствуют в писцовой книге Товарищ В. Грибанов, Булгак Пятого Шерстов, В.В. Кусторский, И.Д. Якушкин, А.И., Смирной и Б. Замятнины Отрепьевы, С. и Внук Г. Желтухины, Позняк Ф. Гомзяков, Д.В. Протасов, Б.С. Лопатин, Невзор Ф. Каншин, Б.Д. Фомин.

Например, М.И. Дубенский был поручителем по Г. Урусове Ильине, который отсутствовал в писцовой книге. По своим владениям он был соседом С. Урусова Ильина с братьями (отцовское поместье).

805

ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 357. И.А. Вальцов отсутствует в десятне.

806

ПИРСС. С. 206. Выбыли А. Шарапов Любученинов, М.И. Колтовский, Г.И. Змеев, И.Л. Большой Наумов, И. Ширяев Нороватов, С.М. Овдулов, Ратай И. Норов (*Десятни.* С. 9).

807

Кротов Я. Десятни 1556–1622 гг. *Десятня* 1578 г. по Мурому. http://krotov.info/library/11_krotov_ya/desyatni/15780702.html; *Курбатов О.А.* «Конность, людность и оружность»… С. 265–266.

Козляков В.Н. Служилый «город»… С. 142–154; *Лаптева Т.А.* Указ. соч. С. 422–457.

809

АСЗ. Т. 1. № 315. С. 312–314.

Кром М.М. «Вдовствующее царство»… С. 364–375.

811

Бенцианов М.М. Судебник 1497 г. и складывание территории Русского государства // Проблемы истории России. Вып. 2. Опыт государственного строительства XV–XX вв. Екатеринбург, 1998, С. 17–18; *Машкова Л.В.* Русские посольские книги. Начало формирования // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты. Мат-лы науч. конф. Калуга, 2017. С. 232–242.

ААЭ. Т. 1. № 172. С. 143.

813

Павлов А.П. Государев двор… С. 125–126.

Курбатов О.А. «Конность, людность и оружность»… С. 259–282.